1332

ЦЕНТРАРХИВ

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ ЦАРСКИХ САНОВНИКОВ

801-84
13099-1

ДНЕВНИК В. Н. ЛАМЗДОРФА

(1886 — 1890)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ф. А. РОТШТЕЙНА

ЛХУ 24227

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

2007087566

Гиз. № 10612.
Ленинградский Гублит № 21515.
25⁹/₁ п. Отпеч. 3,000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Граф Владимир Николаевич Ламздорф, автор настоящего дневника, принадлежал к высшей сановной иерархии царского времени [1] и в момент нашего знакомства с ним занимал пост советника министерства иностранных дел при Н. К. Гирсе. Впоследствии, с 1900 по 1906 год, он сам был министром, а до этого, начиная с 1866 года, прошел длинную иерархическую лестницу в министерстве. Как это видно и из дневника, он был правой рукой и интимнейшим другом своего начальника, которому он ежедневно докладывал, знакомясь заранее со всей входящей перепиской и заготовляя ответы, которые Гирс потом утверждал. Ежедневно же у него собирались за чаем товарищи министра и прочие советники министерства и совместно обсуждали текущие вопросы. Он нередко сам занимался зашифровыванием и расшифровыванием секретных телеграмм, порой засиживаясь над этой неинтересной работой до глубокой ночи. Вообще, из дневника его мы ознакомляемся с тогдашними методами дипломатической работы, которые, вероятно, и сейчас еще характерны для многих буржуазных правительств — методами кабинетного творчества, чуждого контакта с живой жизнью и исчерпывающего себя в придумывании и проведении в жизнь политических комбинаций без всякого отношения к воле и нуждам народов. Ламздорф в этом отношении был типичнейший дипломат: с тонким и очень изящным умом он соединял настоящую светобоязнь, вздрагивавшую от малейшего соприкосновения с внешним миром и необыкновенно чувствительную к переменам погоды и настрое-

[1] В одном месте своего дневника он вспоминает своего деда, который в качестве воспитателя в. кн., впоследствии царя, Николая Павловича ездил с ним в Париж. То был Матвей Иванович Ламздорф, начавший свою карьеру еще во времена Екатерины II, участвовавший в ее турецких кампаниях в чине генерала, бывший первым губернатором вновь присоединенной Курляндии и получивший при Александре I графский титул с присоединением фамилии Ламбсдорф. Повидимому, его род происходил из Вестфалии и назывался фон дер Вегеч.

ний в «сферах». Его записи — и лица, близко знавшие его, подтверждают это — изображают его человеком нелюдимым, мнительным и чуть ли не мизантропом, и это, в связи с его большим закулисным влиянием, дало в свое время повод сравнивать его с знаменитым вершителем внешне-политических судеб Германии Гольштейном, этой «гиеной с огненными глазами», как прозвал его Бисмарк. Но это сравнение совершенно неправильно: Ламздорфа никоим образом нельзя назвать сильным человеком, а коварство и склонность к интригам в нем совершенно отсутствуют. Это была скорее тепличная аристократическая натура, непригодная для борьбы и весьма сосредоточенная в самой себе. Как образчик его проницательности и вместе с тем его наивного, почти обывательского эгоизма, любопытен один его разговор с Гирсом в 1887 году. Это был очень тревожный в дипломатической истории год, когда в воздухе сильно запахло порохом. «Мы говорили с министром, — записывает Ламздорф, — об ужасной катастрофе, которая разразилась бы в России в случае войны. Где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи!». Нельзя не удивляться прозорливости обоих друзей, предвидевших за тридцать лет до грозных событий, что будущая большая война будет для царской России не просто войной, а «ужасной катастрофой», т.-е. революцией, в которой погибнет не только политический режим, но и драгоценная собственность помещичье-буржуазного общества. Как передает Ламздорфу Гирс, и он также на последнем докладе царю говорил, что «для России страшна не столько война, сколько ее последствия». Удивительно, что эти двое полунемцев, кабинетных деятелей, видели яснее и дальше, чем вся та орда царедворцев, министров, генералов и публицистов, которая толпилась вокруг и около престола. Но вместе с тем какое убожество духа, какое отсутствие чувства классовой солидарности, какой чисто животный, индивидуалистический и малодушный эгоизм! Эта дряблость характера была типичной для всего русского дворянства, как доказали перипетии нашей революции, от которой оно спасалось повальным бегством, не сумев оказать ей никакого серьезного сопротивления до тех пор, пока его не погнали в бой иностранцы.

Впрочем, стоит только взглянуть, как относился Ламздорф к своему державному повелителю, чтобы понять, что иного отношения к престолу и всему царскому режиму от него нельзя

было и ожидать. «Августейший дурень», «коронованный дурак», «слабоумный монарх», «августейший Юпитер» — в таком непочтительном тоне отзывается Ламздорф о царе. Не лучшего мнения он был о царице, о наследнике (впоследствии Николае II), о дворе (который он сравнивал с кабаком) и о всей аристократии (аттестует «славной компанией» воров и разбойников!). Из дневника не видно, чтобы он делал из своего презрительного отношения к царскому режиму какие-либо политические выводы. Он — не республиканец: он даже идеализирует монархию в прошлом всякий раз, как он сравнивает (а делал он это довольно часто) «век нынешний и век минувший». С другой стороны, он, как и его начальник, гневно осуждает оголтелую реакцию, предводимую Толстым и Победоносцевым, и по мере сил оказывает ей противодействие. В общем, однако, у него преобладает политическая «резиньяция», находящая себе выражение в негероическом восклицании: «где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи!»

Пессимизм Ламздорфа находил себе, однако, оправдание и в той области, которая наиболее была ему близка и за которую он нес большую часть формальной ответственности — в области дипломатии. Несомненно, и как дипломат Ламздорф родился под несчастливой звездой. В течение двух поколений основной аксиомой русской иностранной политики была интимная дружба с Пруссо-Германией, базировавшаяся на монархической и династической солидарности царствующих домов и на родстве аграрных душ правящего дворянства в обеих странах. Ради этой дружбы царская Россия, скрепя сердце, поддерживала и политическую дружбу с Австрией, своей соперницей на Балканах, и в 1871 году заключила с обеими державами тайный союз, возобновленный двумя годами позже, а после некоторого перерыва еще раз восстановленный в 1881 и вновь возобновленный в 1884 году. Как и всякая любовь, этот тройственный союз «трех императоров» не обходился без недомолвок и даже «сцен». В особенности берлинский конгресс был для него тяжелым испытанием вследствие явно пристрастного отношения германской дипломатии к Австрии. Ссора, как известно, дошла до того, что царская дипломатия объявила дальнейшее тройственное сожительство невозможным и предложила Германии сделать выбор между Россией и Австрией. Германия не задумалась выбрать Австрию, заключив с ней отдельный «оборонительный» союз.

Несмотря на это, в 1881 году, как упоминалось, союз был восстановлен на основе нового договора и с натяжкой был продолжен в 1884 году еще на одно трехлетие. Но ему так и не удалось дожить до своего естественного конца: в 1885 году произошла знаменитая «революция» в Филиппополе, и обе старые соперницы, Россия и Австрия, дружившие для того, чтобы не подраться, очутились открыто в противоположных лагерях. Россия проиграла свою историческую балканскую игру (навеки, как показали последующие события) в пользу Австрии, которая не замедлила воспользоваться оплошностью русской дипломатии (направление которой попало в руки «славянских» кругов), чтобы посадить на болгарский престол своего кандидата и тем отнять у своей соперницы последнюю ее опору на Балканах (Румыния, кстати сказать, была закреплена за Австрией еще раньше, в 1883 году, союзным договором). Дипломатия Гирса - Ламздорфа оказалась тут совершенно бессильной что-либо сделать. Как раз первые годы дневника, — годы, к которым относятся эти перипетии австро-русской дипломатической борьбы в Болгарии, — содержат большие пробелы, а 1888 год совершенно отсутствует. Но и в тех записях, которые до нас дошли, отражается достаточно ясно та беличья беготня, которую царское правительство, послушное голосу Каткова и Игнатьева, проделывало со своими совершенно нереальными кандидатурами на вакантный болгарский престол и своими фантастическими проектами восстаний в «освобожденной» Болгарии. Ламздорф и Гирс тут были не при чем: били посуду другие, а они лишь покупали новую, чтобы как-нибудь держать хозяйство в порядке. Нельзя сказать, чтобы роль эта была из приятных, и мизантропический тон записей Ламздорфа за этот период становится понятным.

В числе закупленной им и Гирсом новой посуды был новый сепаратный и секретный договор с Германией, известный в истории под именем «перестраховочного». Бесподобный жонглер, умевший играть одновременно пятью шарами, Бисмарк не постеснялся, не взирая на союз с Австрией, тайком от нее заключить в 1887 г. договор также и с Россией, против которой этот союз был направлен, считая, что понятие: «оборонительный» очевидно дает ему возможность комбинировать свои партнерства вдоль и поперек и наизнанку и этим оригинальным способом избавиться, наконец, от своего хронического кошмара, кошмара коалиций.

Для царской России, споткнувшейся на Балканах, этот договор также был приятным благоприобретением, так как он давал ей возможность заняться своими средне-азиатскими делами, сильно подрывавшимися «пакостями англичанки». Переговоры о заключении этого договора велись в Берлине Шуваловым и в дневнике Ламздорфа не отражаются совсем, благодаря отсутствию записей, начиная со второй недели апреля 1887 г. Зато мы находим в нем полное и, можно сказать, драматическое отражение исходных и заключительных моментов этого договора в 1890 году.

За этот короткий промежуток времени произошли в обеих странах большие перемены, как внутренние, так и внешние. В России промышленный капитал впервые стал делать заявку на внимание правительства и оспаривать монопольную позицию, до сих пор занимавшуюся аграрно-торговыми интересами. Внешним выражением этого нового явления была замена старого Бунге на посту министра финансов деятелем нового, капиталистического типа — Вышнеградским и введение в 1887 году первого протекционного тарифа. Уже одно это изменение в направлении общественно-хозяйственного развития России намечало разрыв в старом блоке русско-германской дружбы. Действительно, непосредственным ответом на введение Россией покровительственных пошлин было провозглашение со стороны Бисмарка финансового бойкота в виде закрытия германского денежного рынка для русских займов. Тогда царское правительство, в свою очередь, вступило на путь репрессий, запретив немецким купцам и ремесленникам проживание в прибалтийских губерниях и приобретение там ими недвижимости и принявшись за энергичную русификацию немецких областей. Для традиционной дружбы обоих монархов это было довольно тяжелое испытание. Но к этому времени и Германия проделала значительную внутреннюю эволюцию: ее промышленность уже конкурировала со старыми по всему миру, и ее банковский капитал делал свои первые шаги, пробираясь на Ближний и Дальний Восток и прицеливаясь к некоторым интересным местам в Африке и других частях света, лежавшим «без хозяина» и как бы напрашивавшимся под власть просвещенных гамбургских мореплавателей и негоциантов. Интерес к старому другу, отсталому русскому аграрию, как-будто отпадал, зато повышался интерес к Англии, которая могла помочь колониями и финансовым сотрудничеством. Пока жил старый

Вильгельм I, больше прусский король, чем германский император, и правил Бисмарк, «провод» с Россией продолжал действовать, хотя и не без перебоев. Но в 1888 году он умирает, через три месяца умирает и его преемник, и на престол восходит молодой Вильгельм II. Как всегда в таких случаях бывает, консервировавшиеся авторитетом долголетнего и удачного царствования старые политические традиции сразу теряют почву и «лицо», и новые устремления начинают искать себе выражения. Новый кайзер делает первый визит русскому царю и горячо заверяет его в своей преданности и решимости итти по стопам своего незабвенного деда. Но уже в марте 1890 года он бесцеремонно дает отставку старому канцлеру, творцу его империи и всемогущему вершителю судеб Европы, и в записях Ламздорфа ярко отражена созданная этим дерзким актом паника. Хотя сам царь раньше характеризовал Бисмарка элегантным словом: «обер-скот», однако и на него уход этот оказал сильное впечатление: как раз в этот момент возобновлены были в Берлине переговоры о продлении секретного договора по инициативе русской дипломатии после того, как Гирсу удалось преодолеть в царе анти-германские поползновения, навеянные на него Победоносцевым и «Московскими Ведомостями». Вильгельм II однако специально призвал к себе Шувалова и поручил ему передать царю, что персональная перемена, происшедшая в составе германского правительства, нисколько не изменит направления его внешней политики, что он попрежнему дорожит интимной связью с Россией, и что он готов возобновить и продлить договор 1887 года.

Казалось бы, все шло благополучно. Наши двое друзей, Ламздорф и Гирс, добивавшиеся во что бы то ни стало этого возобновления и даже готовые ради этого пойти на уступки, выбросив дополнительный протокол — собственное сочинение Шувалова, — в котором Германия обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет и даже оказывать моральную и дипломатическую поддержку России во всех мерах, которые она захочет принять для защиты входа в Черное море, т.-е. на случай захвата проливов и даже эвентуальной войны с Англией— эти двое друзей были несказанно рады. Но означенный разговор Вильгельма с Шуваловым состоялся 21 марта, а уже через шесть дней приехавшему из Петербурга германскому послу

Швейницу поручается по возвращении на свой пост сообщить кому следует, что договор не будет возобновлен, так как-де после происшедших персональных перемен германскому правительству нужна передышка, а переговоры о возобновлении договора осложнят положение. Эту германскую сторону истории с договором мы узнаем в подробности из германских архивных документов, а у Ламздорфа мы читаем о том ошеломляющем впечатлении, которое произвел на нашу дипломатию отказ от договора с его наивно-дипломатической мотивировкой. Царь принял отказ, по крайней мере, с внешней стороны с большим чувством удовлетворения, но Ламздорф и его начальник впали в сильнейшее отчаяние. Чтобы спасти хоть обломки потерпевшего крушение дипломатического корабля, они готовы были выбросить за борт весь лишний груз, включая и дополнительный протокол, и удовлетвориться попыткой путем обмена нот или личных писем получить в письменном виде хотя бы то уверение в неизменности пламенных чувств, которым Швейниц по поручению своего господина сопроводил свое роковое извещение. Но тут они натолкнулись на сопротивление самого царя, который в данном случае, надо признать, оказался более трезвым и проницательным политиком, чем они.

Изучение германских документов показывает, что истинным мотивом, побудившим новое германское правительство Каприви настоять перед Вильгельмом на ломке старой политической линии, было желание сблизиться с Англией, для чего надо было избавиться от всех старых обязательств перед Россией. Сольсбери тогда откровенно говорил германскому послу в Лондоне, графу Гатцфельду: «К направленным против нас укреплениям в Дарданеллах султан в свое время был побужден советами из Берлина. Но здесь как раз лежит самый важный пункт для дальнейшего развития вещей. Если вы хотите серьезно служить нашим совместным интересам на случай русского выступления, то вы должны взять обратно упомянутые советы и по мере сил заботиться о том, чтобы мы в случае чего не нашли ворота запертыми». А так как об эту самую пору между Англией и Германией уже шли переговоры, приведшие спустя пару месяцев к знаменитому обмену Занзибара на Гельголанд, и так как в самый разгар кризиса в русско-германских переговорах, в марте 1890 г., в Берлине гостил принц уэльский (будущий король Эдуард VII

со своим сыном Георгом (нынешним королем) по случаю празднеств ордена Черного Орла, а в Дармштадте гостила сама королева Виктория, которую кайзер собирался через несколько дней навестить, то английская точка зрения, конечно, получила перевес. Как, в самом деле, можно было заключить договор с Россией о захвате проливов, когда все ближайшие интересы и родственные связи толкали германское правительство на сближение с Англией? Из записей Ламздорфа ясно видно, что русская дипломатия очень хорошо поняла эту подоплеку дела: на нее указывал сам царь, указывал и Гирс, и даже Шувалов. Эти места дневников было бы долго цитировать, — достаточно обратить на них внимание читателя. Они чрезвычайно интересны не только с исторической точки зрения, но и по замечательной аналогии, в них содержащейся, с обстановкой наших собственных дней — дней Локарно и их значения для существовавших со времени Рапалло отношений между Германией и нашим Союзом. Опять чары Англии влекут Германию с неведомой силой, и опять ради них забывается — мягко выражаясь — восточный сосед. Absit omen!

Эти два крупнейших эпизода в дипломатических отношениях того времени, — они же являются и крупнейшими неудачами нашей тогдашней дипломатии, — составляют главное внешнеполитическое содержание издаваемого ныне первого тома дневников Ламздорфа. Они же представляют значительный интерес и как бытовой документ, отражающий жизнь высшего чиновничества и придворной челяди того времени, когда, по крайней мере, с наружной стороны, фасад царского самодержавия еще не был так загрязнен, как впоследствии, и мог еще импонировать своими размерами и солидностью. Через пятнадцать лет, когда наш автор уже сам стоял во главе министерства, в котором он прослужил столько десятилетий, этот фасад дал первую и притом весьма изрядную трещину, и тогда даже с улицы можно было увидеть внутреннюю гниль: это была японская война и наша первая революция. И нужно же было, чтобы это случилось как раз при министре, который так ясно предвидел и так ужасно боялся последствий будущей войны!

Ф. Ротштейн.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатающийся нами «Дневник» извлечен из хранящегося в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции дипломатического и семейного архива бывшего министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. Весь дневник в целом охватывает период времени от января 1886 до декабря 1896 г.; велся он В. Н. Ламздорфом на французском языке; написан на бумаге небольшого формата мелким убористым почерком, с большим количеством вклеенных в него газетных вырезок. С внешней стороны он представляет собой ряд довольно толстых тетрадей в плотных темно-синих переплетах; общее число их 29. Дневника за 1888 г. не имеется.

Из указанного материала нами издаются в настоящее время дневники за 1886, 1887, 1889 и 1890 годы — первые девять тетрадей; из текста выпускаются отрывки, имеющие чисто личный характер и лишенные общественного интереса. Все фразы и слова, написанные в оригинале по-русски, в печатном издании набраны разрядкой. Все вписанное между строк без указания, к какому месту оно относится, включено в квадратные скобки.

ДНЕВНИК
В. Н. ЛАМЗДОРФА
1886—1890 г.г.

1886 г.

Декабрь.

Понедельник. 1-го декабря.

Рано подымаюсь к министру, которого нахожу уже готовым ехать в греческую церковь, где должна быть отслужена торжественная обедня по случаю совершеннолетия наследника престола герцога Спартанского.—Г. Гирс говорит мне, что он энергично протестовал против нападок на министерство, заключавшихся в отчете адмирала Шестакова, который рассматривался вчера в комитете у вел. кн. Алексея.—Адмирал извинился перед Ник. Карл. и все были, повидимому, с ним согласны, так что вопрос о выделении всех восточных дел из общей политики и учреждение чего-то вроде автономного управления в ведении начальника азиатского департамента даже и не обсуждается. Я говорю, что этот страшный проект напоминает мне разделение Римской империи, перед ее падением, на Восточную и Западную.

Перед отъездом в церковь г. Гирс дает мне прочесть записку Шестакова, и я выписываю из нее то, что относится к нашему министерству.

Когда я по возвращении вскрываю почту и прибывшие вечером экспедиции, от министра получается пакет с возвращенными сударем бумагами. На вчерашней телеграмме князя Лобанова, сообщающей, что принц Эммануил Вогоридес отправляется Петербург для того, чтобы находиться в распоряжении императорского правительства в качестве кандидата на болгарский престол, его величество пишет на полях: «Может быть, и понадобится». Затем, на иллюстрированной депеше

гр. Грешн к гр. Робилану, против места, гласящего, что «еще до кандидатуры кн. Мингрельского была речь о кандидатуре гр. Павла Шувалова, которого в настоящий момент имеют в виду в случае надобности, как возможного заместителя г. Гирса», государь делает следующую пометку: «Это для меня новость, никогда не слыхал об этом и очень рад узнать!!!». Наконец, на перлюстрированной телеграмме лорда Идлеслей сэру Морперу от 22 ноября/11 декабря 1886 г., сообщающей о предписанном германскому агенту в Софии корректном образе действий, его величество начертал: «Теперь действительно видно, что Германия заодно с нами в болгарском вопросе». Пометка эта, находящаяся в таком противоречии с теми, которые мы видели недавно, доставила мне большое удовольствие.

Вторник, 2-го декабря.

Утром в пакете возвращенных государем бумаг, на телеграмме г. Сомова из Софии от 30 ноября, сообщающей, что Гадбон-паша телеграфировал Порте о том, что он находит несовместимым с достоинством Оттоманского правительства продолжать переговоры с болгарскими регентами, давшими дерзкий ответ на предложенную Турцией кандидатуру кн. Мингрельского, мы находим следующую пометку его величества: «Пока только мы и Турция пришли к этому убеждению, надеюсь, что и Германия скоро убедится, что с настоящими регентами ничего поделать иначе, как силою, нельзя». Итак, опять поднимается вопрос о том, чтобы прибегнуть к силе.

Вчера Зиновьев прочел мне проект сообщения в «Правительственном Вестнике», имеющего целью оживить наши добрые отношения с Германией и обуздать нашу сбившуюся с пути прессу. Министр представит этот проект во время своего доклада на усмотрение его величества.

Придя в 3 часа к чаю, Зиновьев рассказывает мне о своих частых свиданиях с Вышнеградским, который, как говорят, должен скоро сменить г. Бунге в министерстве финансов. Сообщения его мало успокоительны. Решение Государственного Совета обложить железнодорожные акции, вопреки условиям займа, по которым они освобождаются от всякого налога, может дать самое бо́ль-

шее 600.000 руб., но этим наносится чрезвычайно серьезный вред нашему кредиту и подрывается доверие иностранных капиталистов. Г. Вышнеградский винит не только Бунге; повидимому, резкие и ни с чем не сообразные пометки нашего августейшего монарха препятствуют принятию каких бы то ни было серьезных мер, проведению какой-либо системы и последовательности в делах.

Среда, 5-го декабря.

Немного запаздываю с бритьем и еще не готов, когда меня, раньше обыкновенного, зовут к министру. [Официальное сообщение появилось в «Правительственном Вестнике»]. [1] Приезжает Швейниц и остается довольно долго. При встрече испытываю чувство неловкости, что я с ним не знаком. Подымаюсь опять после его отъезда, но, торопясь ехать к Адлербергу, министр успевает мне сказать только несколько слов. Сообщения Швейница, повидимому, в высшей степени интересны.

Мой министр обедает у вел. кн. Михаила.

Четверг, 4-го декабря.

Подымаюсь, по обыкновению, к своему министру около 11 час. утра. Он говорит мне, что вчера так торопился к Адлербергу, чтобы видеться с кн. Мингрельским и посоветовать ему принять находящихся здесь болгарских офицеров, Бендерева и Груева, и сговориться с ними относительно положения вещей, а также дать им возможность сообщить о нем в Болгарию.

Г. Гирсу показалось вчера, что государь более чем когда-либо стоит за кандидатуру кн. Мингрельского и что его величество так же, как и императрица, имевшие недавно случай беседовать с князем в Гатчине, составили о нем наилучшее мнение. Является кн. Мингрельский, и я, чтобы с ним не встретиться, исчезаю через маленькую дверь спальни г. Гирса. [Если бы он знал, что я первый указал на него в Бресте]. [2] После его ухода я вновь подымаюсь к министру; он в восторге от князя

---

[1] Вписано между строк.

[2] Заключенное в тексте в квадратные скобки вписано в подлиннике между строк.

и от того, как хорошо и умно тот, повидимому, говорил с болгарами. Он стоит за объединение всех партий и, конечно, при его ловкости, он мог бы облегчить себе эту задачу своевременной амнистией и проявлением большой гибкости, необходимой в столь запутанном деле, как болгарский хаос.

Мы делаем сопоставление с резким и нелепым образом действий Каульбарса. А, между тем, вел. кн. Владимир сказал недавно министру, что этого бедного барона предназначают для дипломатической карьеры, и на замечание г. Гирса, что Каульбарс не кажется ему достаточно умным, вел. князь, якобы, ответил, что это весьма возможно, но что он, тем не менее, очень порядочный человек.

В пакете, возвращенном сегодня утром государем, находилось собственноручное письмо его величества к министру, в котором говорится, что обстоятельства, при которых кн. Лобановым был сделан визит болгарским делегатам, требуют выяснения, но что вообще «он плохо отстаивает наши интересы в Вене; не такого я бы там желал иметь представителя, — он обленился, и не пора ли подумать о другом назначении».

Министр очень озабочен этой резолюцией и хочет писать государю с тем, чтобы просить его оставить ее без последствий. Мы решаем телеграфировать всем послам, что, в виду того, что на приезд в Россию болгарских депутатов не было высочайшего соизволения, они должны воздержаться от приема депутатов и отдачи им визита при их проезде через столицы, в которых находятся наши послы.

В момент, когда я собираюсь покинуть министра, приходит барон Сакен, только-что получивший, как директор департамента внутренних сношений, письмо от нашего консула в Данциге, бар. Врангеля, с запросом о том, кому он должен сдать архивы и прочее, в случае вероятно близкого разрыва с Германией.

Министр, уходя, заходит на минуту ко мне и выражает удовольствие по поводу нашего официального сообщения, которым, надо надеяться, будет положен конец начатой в прессе антигерманской агитации.

Вернувшись домой около 7 часов, узнаю, что меня просит г. Гирс; тотчас поднимаюсь к нему. Министр едет с женой на обед к бразильскому посланнику; он дает мне прочесть свое

письмо к государю по поводу Лобанова, ошибку которого он до некоторой степени признает, но ходатайствует о прощении; он просит меня отправить письмо вечером в отдельном конверте.

Пятница, 5-го декабря.

Когда около 11 часов я прихожу к министру, он сообщает мне об обеде, который он даст в понедельник в честь Лабулэ, и приглашает меня принять в нем участие; я прошу его пригласить лучше Оболенского. Он смеется над моей нелюдимостью и просит притти пообедать у него за-просто сегодня. Мы говорим о грустном положении дел в Болгарии. Сомов, забрав наши вклады и архивы, уедет, и мы больше не будем иметь прямых известий. Мне казалось бы, однако, полезным, чтобы какой-нибудь агент мог частным образом войти в сношения с болгарами, расхваливать им кн. Мингрельского и доставлять нам точные сведения о том, что там происходит. Министр совершенно того же мнения и просит меня в моих беседах с Зиновьевым говорить в этом смысле. Он уверяет, что последний придает значение моим мнениям и, говоря с ним, ссылается иногда на меня, но в данный момент Зиновьев возлагает все свои надежды на проблематическое движение, которым, как он надеется, в скором времени может быть опрокинуто регентство; во всяком случае, он никоим образом не желал бы входить в сношения с нынешними представителями Болгарии. Министр мне долго говорит о любопытном сообщении, сделанном ему вчера секретно Швейницем. Германский посол приезжал прочесть ему очень конфиденциально три донесения Мюнстера, содержащие отчет о сделанных последнему г. Фрейсинэ и Клемансо предложениях по поводу шагов, якобы предпринятых в конце августа или начале сентября сего года русским высокопоставленным лицом в целях достижения франко-русского соглашения (entente). Эти шаги, якобы, сделаны с одобрения свыше, но без ведома министра и помимо министерских путей. Повидимому, Фрейсинэ и особенно Клемансо, говоря о нашем августейшем монархе, не скупились на нелестные эпитеты и просили германского посла верить, что никогда Франция и не подумает вступить в союз со страной, в которой, как в России, царит деспотизм.

Если бы нашей прессе, с г. Катковым во главе, могло быть известно это новое доказательство французских симпатий, на которые все они любят ссылаться!

Поднявшись около $6^1/_2$ час. к Гирсам, застаю министра за письмом к генералу Ванновскому, в котором он спрашивает его, правда ли, что вчера, в заседании экономического департамента Государственного Совета, он, в подтверждение необходимости испрашиваемых им вооружений, представил письмо Кантакузена из Вены, в котором тот говорит, что Австрия намеревается начать войну с нами незамедлительно, пока мы еще не подготовились. Об этом факте Н. К. [Гирсу] сообщил Влангали, который знает это, вероятно, от Абазы.

За обедом разговор идет довольно оживленно, а затем г-жа Гирс, касаясь своих планов о большом рауте, рассказывает мне о многочисленных случаях, когда различные великие князья и великие княгини бывали по отношению к ней невежливы и относились к ней не должным образом; пока мы беседуем на тему о малой воспитанности, которой отличаются наши августейшие особы, приносят ответную записку военного министра, где сообщается: «что его вчера потрошили, и что ген. Обручев, зная это, послал ему во время заседания полученное им от князя Кантакузена письмо. Настаивая на необходимости вооружения, он, действительно, сослался на сведения, полученные о военных подготовлениях Австрии, и назвал советника нашего посольства, как источник означенных известий».

Министр возмущен этим поступком Кантакузена и хочет вывести это дело на чистую воду для того, чтобы иметь возможность сделать ему выговор.

Суббота, 6-го декабря.

По возвращении домой, пользуясь тем, что, наконец, наступила ясная и сухая погода, я иду пройтись вдоль новой набережной, в то время как мой министр отправился записаться в Аничков дворец, где сегодня выход в честь наследника. Он возвращается около $11^1/_2$ час. и зовет меня. Мы говорим об упадке двора. Он вспоминает о том, как торжественно обставлялся этот день в царствование императора Николая. Сегодня

в Аничковом он видел весьма немногих, но в числе их, бог знает зачем, Каульбарса, Сафьязова, видевшего наследника в первый раз только в Бресте. Г. Гирс сказал мне, что за последнее время он замечает даже некоторую перемену в отношениях между государем и государыней, — нет ни прежней непринужденности, ни прежней доверчивости. Во время одного из последних приемов министра государыня вынула из своего стола несколько анонимных писем, в которых сильно нападали на государя, и показала их Н. К., говоря: «но, боже мой, откуда они все это берут, когда тут нет ни слова правды». Между тем, г. Гирс склонен думать, что ее величеством начинают овладевать сомнения и что она всем этим озабочена.

Приехавши из Москвы, Катков сильно интригует против министра и стремится добиться его удаления. Г. Гирс мне говорит, что если бы государь обеспечил ему хорошие материальные условия, он с удовольствием вышел бы в отставку. Я заметил ему, что служить в наше время, при условиях анархии, непоследовательности и отсутствии системы, поощряемых нашим августейшим монархом, — истинное самоотверженпе.

Вернувшись около 10 час., нахожу телеграмму из Вены: кн. Лобанов сообщает, что герцог Кобургский неприятно поражен статьей «Journarl de S.-Petersbourg» относительно его кандидатуры. Министр просит меня подняться к нему. Я приготовляю проект ответа и наклеиваю газетную вырезку, которые должны быть завтра посланы государю. Меня мучает то, что я не составил проекта письма Шувалову по поводу его плана об отдельном соглашении с Германией.

Воскресенье, 7-го декабря.

Посылаю министру мои проекты. Он тотчас одобряет тот, который предназначен для Вены, и, позвав меня около 11 час., благодарит за составление письма Шувалову.

По моем возвращении Гирс просит меня подняться,—повидимому, он желает внести некоторые поправки в мой проект письма Шувалову, в общем им одобренный.

Понедельник, 8-го декабря.

Когда я поднимаюсь к министру, он очень откровенно говорит со мной о серьезных затруднениях настоящего момента;

он думает воспользоваться отъездом в отпуск Швейница и поручить ему прямо обратить внимание кн. Бисмарка на необходимость покончить возможно скорее с болгарским кризисом. Г. Гирса интересует вопрос о том, насколько завтра, во время своей поездки в Гатчину, он найдет государя под влиянием интриг Каткова. Он повторяет, что его ни мало не пугает мысль — пасть жертвой в борьбе за принцип. Наша беседа прерывается приездом Швейница.

Я не еду на панихиду по баронессе Жомини и провожу почти весь день, переписывая в форме доклада с некоторыми изменениями мой проект письма графу Шувалову. В виду того, что Ола[1] вечером запаздывает, я посылаю около 10 часов министру свой проект без проверки. У него генерал Богданович.

Вторник, 9-го декабря.

Министр вызывает меня рано; нахожу у него Зиновьева. Министр нам рассказывает, что вчера, вечером, во время своего продолжительного посещения, генерал Богданович, друг Каткова, долго не решался изложить ему причину своего визита, но, в конце концов, признался, что Катков ужасно сердит на министра за то, что тот ничего не сделал для бежавших болгарских офицеров, — не дал им ни продвижения, ни денег, ничем не облегчил им их попыток вызвать восстание в Болгарии. Московский редактор с пеной у рта говорит о министерстве; он уверяет, что даже Зиновьев оскорбил болгар, и не хочет больше вступать с ним в какие-либо отношения. Он не удовольствовался тем, что не напечатал сообщения «Правительственного Вестника» о наших добрых отношениях с Германией, а даже поместил статью, написанную в диаметрально противоположном духе. Генерал Богданович рассказывает также министру, что где-то на обеде, думаю, что у него, недавно встретились: Катков, Каульбарс, болгарские офицеры и митрополит Исидор, назвавший пресловутого барона болгарским мучеником, а Катков находил его подвиги достойными всевозможных наград. Министр сказал нам, что представит все это на усмотрение государя. Прибавив к этому аргументы моей работы по поводу возобновления секретного договора, откровенные сообщения Швейница о сделанных Фрейсинэ

[1]) Кн. Оболенский, Валериан, близкий друг Ламздорфа.

и Клемансо предложениях Мюнстеру, мой дорогой министр будет обладать данными для очень интересного доклада и хорошим оружием против мелких интриг Каткова. [Министр задается вопросом, следует ли испрашивать разрешение на представление болгарских офицеров императору; я высказываюсь против, потому что при их революционных происках они потом будут компрометировать его величество].

Когда Вламгали приходит в 3 часа пить чай, Оболенский и я горячо высказываемся против назначения Петерсона в Брюссель, и я захожу слишком далеко, говоря о системе протекций. К нашему удивлению, около 5 час. приходит барон Жомини, и, когда министр возвращается с доклада, он встречает его на лестнице шуткой: «а что говорит наш «gros сударь?»

В 8 час. отправляюсь на панихиду по бедной г-же Жомини.

Барон дает мне проект небольшой статьи по поводу напечатанного в «Pall-Mall». Вернувшись, принимаю Греча с телеграммами из цензуры и, чтобы разъяснить одно сомнение, подымаюсь на минуту к Гирсу. По его сокрушенному виду усматриваю, что Вламгали передал ему наш разговор.

Государь возвратил мой проект письма Шувалову одобренным.

Среда, 10-го декабря.

Министр присылает мне для прочтения письмо Нелидова, очень разумное и интересное, но не могущее быть представленным государю в виду некоторых подробностей.

У военного министра совет, в котором днем принимал участие и мой министр. Вечером Гирсы в русском театре.

Четверг, 11-го декабря.

Около 11 часов поднимаюсь к г. Гирсу, который говорит мне о бывшем вчера у военного министра совете. Его запрашивали по поводу намерений Германии и возможных опасностей, связанных с ее вооружением. Министр ответил, что с этой стороны нам не грозит никакой опасности, но что, благодаря тону нашей прессы и нашему отношению вообще, мы достигли того, что поколебали доверие Германии, и мы не можем быть на нее в претензии за то, что она проявляет больше доверия по отношению к Австрии, бережно относится к союзу с ней и при-

нимает на всякий случай некоторые меры предосторожности по отношению к нам.

Затем министр показывает мне конфиденциальное письмо кн. Бисмарка, которое было ему сначала сообщено устно, а затем вручено в копии поверенным в делах Бюловым, видевшим его вчера на похоронах баронессы Жомини и просившим у него свидания, вследствие чего министр плохо спал ночь. Князь Бисмарк был, повидимому, неприятно поражен письмом от 27 ноября. Редакция барона Жомини заключала в себе нечто неприятное по отношению к австро-германскому союзу и требовала давления берлинского кабинета на Софию и в особенности на Вену.

Измененный как-то вечером в моем присутствии проект этого письма кончался предписанием оставить с него копию германскому канцлеру. Министр особенно досадует на себя за то, что оставил в силе это распоряжение, думая, что главным образом оно-то и не понравилось в Берлине. Министр считает, что, если бы государь видел это письмо, последнее вызвало бы серьезное неудовольствие его величества, так что он хочет просить Бюлова взять обратно копию и ограничиться только устным сообщением или внести некоторые изменения.

Пятница, 12-го декабря.

Поднимаюсь к Гирсу с чувством стыда за то, что не мог воспользоваться приглашением на вечер, и решаю, если он мне что-нибудь скажет по этому поводу, не прибегать к увертками, а откровенно признаться ему в том, что у меня были большие неприятности, и что я до такой степени замкнулся в своей нелюдимости, что уже не могу ее побороть. Со свойственной ему добротой и деликатностью г. Гирс мне не говорит ничего по этому поводу, отчего я еще более сконфужен. Прерванная приездом Бюлова беседа наша была непродолжительна.

Суббота, 13-го декабря.

Придя к своему дорогому министру, узнаю от него, что Бюлову действительно предписано вручить ему копию письма кн. Бисмарка, но что он возьмет ее обратно и испросит разрешения канцлера изменить ее редакцию.

Воскресенье, 14-го декабря.

Министр просит меня зайти к нему около 11 часов. Он думает, что наш курьер выедет в Берлин завтра и возвращает мне подписанным письмо графу Шувалову, которое я ему составил по вопросу о его проектах отдельного соглашения с Германией и трудности порвать тройственное соглашение.

Понедельник, 15-го декабря.

Прихожу к министру, и он перечисляет со мной и записывает на бумажке все вопросы, о которых желал бы говорить с государем завтра, во время доклада. Прежде всего, о проектируемом совершенно частном и конфиденциальном разговоре, который он намеревается иметь с графом Волькенштейном, чтобы предложить графу посоветовать его правительству более сообразоваться с нашими планами умиротворения Болгарии. Он желал бы, чтобы посол постарался внушить Кальноки, что следует положить конец кризису, поддержав избрание нашего кандидата и дав понять правителям, что они выиграют, если удалятся и облегчат вояжирование кн. Мингрельского. Затем министр полагает, что следовало бы, чтобы князь предпринял путешествие через Берлин в Вену и Константинополь. Г. Гирс намеревается говорить с его величеством о своей беседе с болгарскими офицерами Груевым и Бендеревым. Последние высказываются против всякой новой попытки восстания: частичные взрывы только укрепляют положение регентов.

Они не считают настоящий момент благоприятным, но думают, что таковой наступит, и тогда они будут готовы действовать. Но когда мы будем в состоянии восстановить наше влияние в Болгарии, они не желали бы, чтобы туда возвратился Каульбарс. Вполне признавая его добрые намерения и его усердие, они полагают, что более ловкий и менее прямолинейный человек действовал бы успешнее. Одним словом, болгары оказываются столь корректными, столь благодарными и столь благоразумными, что министр почти сожалеет о том, что отпустил их, не представив государю, которому он мог бы сказать правду.

Я спрашиваю министра, не предложит ли он государю телеграфировать барону Моренгейму, чтобы тот предупредил княгиню

Юрьевскую, что она не должна принимать болгарскую депутацию, если бы последняя, как уверяют, из желания сделать что-нибудь неприятное государю, попыталась предложить трон молодому князю. Министр заносит на свой листок и этот пункт, но говорит, что ему трудно представить на благоусмотрение его величества все, что он должен ему изложить, так как доклад длится недолго и часто приходится его прерывать из-за завтрака. Министр иногда опасается, что его приглашают к столу только по привычке и что это стеснительно для их величеств. На-днях императрица появилась с опухшей щекой; часто ему кажется также, что между августейшими супругами происходят какие-то разногласия, и тогда ему бывает очень неловко. Министр находит, что очень часто было бы желательно иметь второй доклад, но он стесняется испрашивать таковой именно из-за завтрака, который неминуемо следовал бы за ним.

Министр отправляется в Государственный Совет. Около 7 часов у него собираются на дипломатический обед, который он дает Лабулэ.

Среда, 17-го декабря.

Министр вызывает меня довольно рано. Он говорит, что, боясь нескромности нашего неисправимого барона, он не мог вчера ничего мне сообщить касательно доклада, но остался вполне доволен настроением государя. Его величество одобряет его план конфиденциального разговора с Волькенштейном. Он с интересом выслушал то, что говорили г. Гирсу болгарские офицеры, и несколько хмурится только при рассказе министра о том, что они боятся возвращения Каульбарса в Болгарию. Что касается обращения к княгине Юрьевской, государь находит это излишним в виду того, что последняя — в Ницце, куда болгарские делегаты, конечно, к ней не поедут.

После чая в 4 часа я иду кое-что купить на вечер. На Морской встречаю возвращающегося от Островского Зиновьева, который мне рассказывает, что перед обедом он был очень удивлен приходом к нему Груева, который, вопреки нашим предположениям и тому, что министр сказал вчера государю, не уехал и уверяет, что был удержан по распоряжению Каткова и Каульбарса, чтобы быть представленным императору; он просит пока у Зиновьева

разрешения напечатать в Одессе прокламации, которые должны быть распространены в Болгарии с целью ниспровержения правителей.

Как вести дела при подобной анархии! Я возмущен.

Вечером концерт Гамбургера. Непосредственно перед ним мы получаем длинное донесение от Персиани, отмечающее сильное волнение в Сербии, направленное против короля Милана, более или менее замаскированным вдохновителем которого является князь Николай Черногорский, и в которое Персиани как будто бы собирается вмешаться.

Великая княгиня Александра Иосифовна приехала с двумя сыновьями на концерт и ужасно надоедает министру, который находится под сильным впечатлением безрассудства нашего представителя в Белграде.

Четверг, 18-го декабря.

Министр рано присылает за мной. Он говорит мне о том, какое сильное впечатление произвело на него вчера донесение Персиани, и как ему наскучила великая княгиня, не дававшая ему ни минуты работать. Он решает послать государю проекты телеграмм с предписанием Персиани держаться в стороне от какой бы то ни было агитации, а Аргиропуло — удерживать от таковой князя Николая.

Министр дает мне конфиденциальное письмо Бисмарка с просьбой отметить то, что должно быть выпущено или изменено. Бюлов будет у него в 3 часа; он имеет разрешение изменить редакцию письма. Я замечаю министру, что это серьезный успех и лучшее доказательство расположения князя Бисмарка. Думаю, что немного найдется людей, для которых он согласился бы взять обратно и переделывать письмо, посланное германскому послу с предписанием оставить с него копию министру иностранных дел.

Поразмыслив, нахожу, что, выпустив первые 4 или 5 страниц письма Бисмарка и заменив их фразой, устанавливающей наличие добрых чувств по отношению к нам, можно было бы сохранить все остальное. Высказываю эти соображения министру.

В 4 часа, отправляя пакет в Гатчину, мы вкладываем в него письмо г. Гирса к государю с донесением о том, что, по неизвестным ему соображениям, Груев еще в Петербурге и просит

разрешения напечатать в Одессе прокламации. Зиновьев, кажется, боится, что государь нисколько не будет удивлен присутствием здесь Груева, что рискованные предприятия последнего под эгидой Каткова известны его величеству и им допускаются.

Пятница, 19-го декабря.

Получив утром пакет с возвращенными государем бумагами, я с удовольствием констатирую, что подозрения Зиновьева не оправдались. Государь начертал на письме г. Гирса, что он тоже не считает возможным допустить печатание в Одессе прокламаций для возбуждения восстания в Болгарии. Его величество утвердил также проект телеграммы Персиани, имеющей целью положить конец симпатиям последнего к революционному движению в Сербии, но в то же время на одном из докладов, излагающем profession de foi одного из главных заговорщиков, государь сделал несколько одобрительных пометок в роде: «это верно, справедливо» и т. п.

Суббота, 20-го декабря.

Утром, по обыкновению, иду к своему министру и завтракаю с Ола. После завтрака, в то время как я занимаюсь делами, он получает приглашение на спектакль в Гатчине 22-го и спрашивает меня, почему я не получил. Я отвечаю, что это объясняется нелепостью нашего Двора и т. д., и в этот самый момент приносят мне приглашение; я совсем сконфужен и не решаюсь даже сказать Ола о получении.

Вечером министр просит меня зайти к нему. Он очень озабочен новой агитацией со стороны англичан и болгар в целях восстановления Баттенберга. Г. Гирс нездоров, и приглашение в понедельник ко двору на спектакль ему очень некстати; он спрашивает себя, как он устроится на другой день со своим докладом. Я говорю, что, по-моему, лучше всего было бы ему ночевать в Гатчине, а я во вторник, утром, пошлю ему все, что у нас будет, потому что, несмотря на приглашение, я ехать не предполагаю. На это министр мне возражает, что этого делать не следует, и очень ласково просит меня не манкировать; на мое замечание, что никто не заметит моего отсутствия, он мне рассказывает, что, напротив, недавно, когда я при таких же обстоя-

тельствах не поехал, на следующий день во время завтрака, после доклада, их величества все время ему об этом говорили, и ему стоило большого труда меня защищать.

Понедельник, 22-го декабря.

Встаю немного позднее и еще не готов, когда мне ранее обыкновенного передают просьбу министра подняться к нему. Застаю г. Гирса очень грустным и озабоченным. Он сообщает мне, что его жена представлялась вчера только-что приехавшей из Берлина великой княгине Екатерине Михайловне, при чем последняя держала ее у себя более часа, прося ее совершенно конфиденциально передать министру вынесенные ею оттуда и внушающие беспокойство впечатления. Императрица королева Августа описала ее высочеству положение вещей в самых мрачных красках. Она сказала, что тон наших газет и оскорбительные вызовы по адресу Германии, несомненно, приведут к ссоре с Россией, и что, в виду двусмысленного поведения нашего правительства, Германия, конечно, вынуждена вооружаться и готовиться к борьбе. Его величество взял с великой княгини обещание не принимать императора-короля Вильгельма в том случае, если бы он пожелал посетить ее днем, как он это всегда делает при проезде через Берлин членов нашей августейшей семьи. Верная своему обещанию, великая княгиня отклонила визит императора, но, когда она рассказала все это являвшемуся к ней Вердеру, последний этого не одобрил, и, повидимому, император был этим взбешен. Под этим впечатлением великая княгиня в тот же вечер уехала в Петербург. Г-жа Гирс спросила ее императорское высочество, почему бы ей не рассказать всего этого нашему государю, но великая княгиня ответила, что ни за что на свете этого не сделает, а что она хотела только довести все это до сведения министра.

Затем министр рассказывает мне также со слов Влангали, что несколько времени тому назад великий князь Михаил, пользуясь своими правами председателя Государственного Совета, хотел представить его государю к награде, и что его другу Половцеву будет, вероятно, поручено составить рескрипт. Министр ему тогда ответил, что, относясь довольно равнодушно к получению той или иной награды, он придал бы значение очевидному

для всех одобрению его политики, потому что, увеличивая доверие к нему и служа подтверждением его солидарности с государем, оно могло бы очень благоприятно отразиться на ходе дел.

Вчера Влангали под секретом объявил г. Гирсу, что государь вычеркнул его имя из представленного великим князем списка. Сделано это было под тем предлогом, что лица, уже получившие орден по случаю коронации, не подлежат награждению. Государь забывает, что большинство министров получили со времени коронации уже по две и по три награды. Или, вернее, его величество этого не забыл, но не имеет мужества сделать что-нибудь для министра, которого считает непопулярным; однако, он не стесняется эксплоатировать его, делая вид, что временно его лишь терпит.

Влангали уверял также г. Гирса, что в городе все его упрекают в том, что он не поддержал князя Лобанова и не хотел защитить его от неудовольствия государя. Последнее обвинение, кажется, особенно больно поразило министра. Во-первых, слух о немилости Лобанова мог распустить только сам Влангали, а г. Гирс, напротив, проявил много терпения по отношению к мало корректному поведению нашего посла и сделал все возможное, чтобы остановить и смягчить высочайшую немилость. Я заметил министру, что «все» на языке Александра Егоровича в этом случае, вероятно, представляют из себя Половцева, и что это нелепое обвинение, по-моему, лишено какого-либо значения Министр признает, что наш бедный Влангали болтун и предпочитает делам сплетни.

Ген. Ванновский официально, в письменной форме, запрашивает г. Гирса о том, какого он мнения касательно своевременности представления, согласно просьбе барона Каульбарса, болгарского офицера Груева императору. Это, вероятно, Катков побудил барона поднять вновь этот вопрос таким путем. Военный министр желает остаться в стороне и сделать нашего министра ответственным в глазах катковской компании за позор отказа, но последний ему ответит, что не считает для себя возможным письменно и официально высказываться по подобному вопросу, и что лучше всего, чтобы государь сам решил, желательно ли ему видеть Груева. Мы вспоминаем ход событий этого ужасного болгарского кризиса, и министр замечает, что, несмотря на то, что начало его связано с Влангали и Зиновьевым, последний,

повидимому, нисколько не сознает своей ответственности и всегда находит возможным возлагать ее всецело на г. Гирса.

Является Бюлов, и я удаляюсь. Германский поверенный в делах приносит переделанное и смягченное письмо Бисмарка.

День проходит, как обыкновенно. Ола обедает у меня, и к $7^1/_2$ час. мы приезжаем на Варшавский вокзал, чтобы ехать в Гатчину. Переезд долгий; к счастью, не холодно. Мы в купэ с Философовым и Хисом. Г-жа Извольская, супруги Стенбок, Барятинский и еще несколько лиц садятся в Царском. — Поезд немного опаздывает. В Гатчине мы выходили вместе со Сталями. Немедленно в наше распоряжение предоставляется карета и ездовой, но лошади так горячи, что почти нас несут. Парк чрезвычайно красив, особенно осыпанные снегом большие ели и сосны. Освещенный электричеством дворец представляет также грандиозное, хотя несколько мрачное и суровое зрелище. Так как поезд немного запоздал, нас тотчас по приезде приглашают пройти в театр. Проходя через лабиринт, отделяющий комнаты от кухольного карре, через всю среднюю часть здания в театральный зал, находящийся, насколько я мог ориентироваться, в арсенальном карре, мы с Ола, Философовым, Сумароковым-Эльстон-Юсуповым встречаем Гирса, который меня окликает; мы входим все вместе. Г-жа Гирс больна и не приехала. Меня вообще встречают любезно, особенно Владимир Оболенский, Трубецкой и т. д. Подходит граф Петр Шувалов и спрашивает, вернется ли Оболенский сегодня вечером в Петербург? Он просит внести изменение в его паспорт и собирается выехать завтра в Берлин. Только-что нас ввели в театр, где я сажусь на этот раз в партере, как входит царская семья. Очень близко от меня стоит полковник Вилльом, о котором английские газеты писали, что он убит императором. Его величество направляется к нему и шутит по этому поводу, замечая, что он очень счастлив видеть полковника здравым и невредимым так же, как и полковника Рейтерна, убитого им еще раньше.

Первая французская пьеса довольно скучна. Я замечаю ужасные гримасы сидящего в глубине с довольно огорченным видом Всеволожского. Во время антракта государь и великие князья выходят курить в соседнюю комнату. Дамы остаются в зале. Императрица и великая княгиня Мария Павловна очень

элегантны в светло-голубых платьях. Великая княгиня Елизавета Федоровна в пунцовом гораздо менее красива, чем обыкновенно. Она самая молодая, но в крайне темном туалете, который ей не идет. Вторая пьеса, тоже одноактная, русская, поставленная для этого вечера, очень смешна. Так как генерал Стюрлер занял кресло Ола, я предоставляю ему свое находящееся рядом, и удаляюсь в глубь зала на возвышенные места.

Во втором антракте мы замечаем, что великий князь Владимир уводит г. Гирса, который, поговорив с ним, подходит ко мне и сообщает, что, хотя государь едет завтра утром в город, почему его доклад не может состояться, он останется ночевать в Гатчине и вернется только завтра к 10 часам в императорском поезде. Он заедет в министерство, возьмет все, что будет получено и приготовлено, и затем отправится с докладом, который состоится в Аничковом дворце после погребения генерала Бистрома.

Императрица подходит к некоторым дамам, которые не покидают своих кресел. Возвращается государь, и начинается третья французская пьеса, тоже одноактная, в которой Гитманс превосходит себя, как комик. Я вижу, что г. Гирс садится рядом с графом Петром Шуваловым в ложе с правой стороны. Ола тоже идет в глубину зала, и я опять занимаю свое кресло в партере, рядом с обер-гофмаршалом кн. Трубецким. Спектакль оканчивается около 12-ти часов, и мы спускаемся ужинать в большой зал внизу. Их величества, занимавшие передние кресла в партере, в то время как цесаревич и великий князь Георгий сидели в более отдаленных рядах [около датского посланника, — Мартынов, Черевин. Я говорю первому, что в Болгарии мы ездим уже не на резиновых шинах, но на полозьях в распутицу], остальные же великие князья, в ложе слева, выходят из театрального зала, любезно раскланиваются на все стороны. Я замечаю, что государь пропускает вперед государыню и непосредственно за ней Марию Павловну и идет рядом с Елизаветой Федоровной, которая проходит третьей. Он, повидимому, относится с большой симпатией к этой belle soeur. Затем следует добрая, старая, толстая Екатерина Михайловна, а за ней ее дочь, начинающая тоже утрачивать свою свежесть, но наружность которой мне нравится тем, что в ней есть какое-то врожденное величие. [За их величествами и их

высочествами следуют занимавшие первые ряды кресел дамы, а затем мы, мужчины. Я вижу статс-дам Кочубей, Адлерберг, Толстую, Барятинскую, Будберг, затем кавалерственных дам Стааль, Комаровскую и др., всех дворцовых фрейлин и других приглашенных дам].

Когда, спустившись с лестницы, мы входим в зал, где ужинают, я вижу, что почти все столы заняты, и направляюсь в очень красивую галлерею в готическом стиле, которую вижу в первый раз, где и сажусь за вторым круглым столом с Оржевским, Дурново, Оомом, гатчинским комендантом Баговутом и др. Против себя замечаю портрет герцога Курляндского Бирона. Посредине этой длинной, но очень узкой комнаты — стол, за которым находится наследник-цесаревич; около нас за первым столом сидят великий князь Михаил, девицы Кутузовы, княгиня Оболенская, урожденная Апраксина и др. Государь появляется на минуту, но подходит только к этому первому столу. После ужина наследник-цесаревич очень любезно жмет мне руку. У дверей в большую гостиную мы оказываемся как в мышеловке. Их величества должны, уходя, проследовать через эту дверь; они беседуют, и тем временем мы стоим прижатыми друг к другу, как сельди в боченке, не будучи в состоянии продвинуться и не имея в то же время возможности слишком загородить проход. Я стою между Влангали и обер-шталмейстером Мартыновым. Выходя из зала, государыня, в свою очередь, обращается с несколькими словами к стоящему на ее пути полковнику Вильому. Среди слов, касающихся нелепой выдумки английских газет, раздается слово «infame», которое мне слышится два раза и звучит в моих ушах не особенно приятно. Императрица совсем близко от нас; я констатирую, что зубы ее еще более пострадали, черные точки начинают преобладать, и ее величество это, вероятно, знает, потому что улыбается немного неестественно, чем не может, однако, скрыть своих плохих зубов. Челюсти у нее слишком развиты, и рот слишком велик. Несколько хриплый голос и ее манера говорить в нос также далеки от того, чтобы производить чарующее впечатление. С потерей своей долго, впрочем, сохранявшейся свежести наша государыня утратит всякую внешнюю привлекательность. У наследника-цесаревича вид прекрасный. Повидимому, от его нездоровья не осталось и следа. Он не вырос, но несколько возмужал. У него живой

и умный взгляд, но, несмотря на то, что ему уже 19-й год, он выглядит еще совсем ребенком. Хис мне сказал, что на весну была опять речь о Крыме, но что управляющий сообщил, что стена одного из дворцов дала трещину и что это не может быть исправлено так скоро.

Тотчас после прохода их величеств я спешу присоединиться к Ола, который ждет меня в отведенной для этого комнате внизу, и мы отправляемся на станцию. Лакей предлагает нам, в виду горячности лошадей, сесть в карету, не дожидаясь ее подачи к подъезду. Мы выходим с адмиралом Посьетом, празднующим завтра 50-летний юбилей своей службы; я его поздравляю. В вагоне мы оказываемся опять в одном купэ с Философовым. Приехав в Петербург в 3 часа, я возвращаюсь домой с Ола в санях и ложусь только в $3^1/_2$ часа.

Вторник, 25-го декабря.

Встаю, как обыкновенно, и готов к приезду министра, который возвращается в императорском поезде и в 10 часов заезжает в министерство за бумагами, пока государь присутствует на похоронах генерала Бистрома. Г. Гирс плохо спал ночь и чувствует себя утомленным. В 11 часов он уезжает в Аничков дворец и возвращается около половины второго. Граф Петр Шувалов отправляется в Берлин. Прежде чем возвратиться в Гатчину, государь заезжает поздравить адмирала Посьета, только-что получившего бриллиантовые знаки ордена св. Александра Невского по случаю своего юбилея.

Среда, 24-го декабря.

Министр просит меня к себе раньше обыкновенного и говорит, что желал поскорее сообщить мне нечто важное. Великий князь Владимир, отведя его третьего дня в Гатчине в сторону, сообщил ему, что, в виду существующей опасности возвращения Баттенберга в Софию, императорская фамилия, очень этим обеспокоенная, после семейного совещания пришла к заключению, что государю следует написать императору-королю Вильгельму, а может быть, и великому герцогу Дармштадтскому и просить их, — одного как высшего главу Германской империи, другого — как главу Гессенского дома, — запретить принцу Александру какие бы то ни было попытки реставрации. Министр замечает, что

подобная попытка кажется ему невероятной, но великий князь возражает, что достаточно того, что она не является невозможной для того, чтобы было необходимо сделать все, чтобы ей воспрепятствовать. Он прибавляет даже, что министр был бы неправ, принимая на себя ответственность за бездействие перед лицом этой опасности, тем более, что со стороны такого человека, как Баттенберг, можно ожидать всего. На это г. Гирс отвечает, что он ничего не имеет против самой идеи письма государя к императору Вильгельму, но при двух условиях: 1) чтобы он имел возможность позондировать предварительно почву и узнать, как это письмо будет принято, для того чтобы не подвергать нашего государя риску получить замаскированный отказ или уклончивый ответ, и 2) предупредить о нем князя Бисмарка, в виду того, что опыт показал все неудобство прямого воздействия на монарха без поддержки со стороны канцлера, на которого это могло бы произвести неприятное впечатление и только в силу этого вызвать с его стороны противодействие нашим желаниям. Великий князь соглашается с этими замечаниями. Остается решить, каким образом действовать. Г. Гирсу приходит мысль использовать графа Петра Шувалова, большого друга князя Бисмарка, уезжающего завтра в Берлин, чтобы провести праздники с семьей; он предлагает [решается поручить ему] сообщить этот разговор его брату, послу, и действовать согласно с ним в этом направлении. Эта мысль очень нравится великому князю. Поэтому-то, говорит мне г. Гирс, я и сел около него перед третьей пьесой в Гатчине. Вчера, на докладе, государь вполне одобрил и самую мысль, и способ приведения ее в исполнение. Он, повидимому, знал, что великий князь Владимир должен был говорить об этом с Гирсом, а пришедший после доклада, к концу завтрака, великий князь сказал государю, что находит соображения министра вполне основательными.

Г. Гирс мне говорит, что Шувалов был очень доволен и очень польщен этой миссией, и министр в восхищении от того, с какой легкостью тот схватывает суть дела; он даже сказал государю на докладе: «Какой он сметливый!»

Так как граф Петр будет в Берлине завтра, в четверг утром, министр просит меня послать ему через посредство его брата, посла, личную телеграмму, сообщающую ему о том, что выработанный в Гатчине план действий одобрен и утвержден госу-

дарем, но что министр желает сохранить его в самой строгой тайне от всех в министерстве, до тех пор, пока мы не узнаем, насколько благоприятной окажется почва в Берлине.

Сомнения не исключены. Странные сообщения, сделанные великой княгине Екатерине; слухи о военных приготовлениях, со стороны как Пруссии, так и Австрии, на которые конфиденциально указывал генерал Гурко; наконец, злонолучное направление нашей прессы и катковской партии, стремящихся посеять раздор и обострить отношения, которой наше правительство предоставляет полную свободу, потому что известно покровительственное к ним отношение государя. Здесь должны чувствоваться силы, действующие помимо г. Гирса, а в таком случае — прощай доверие к нашей политике!

Министр рассказывает мне, что их величества оказали ему в Аничковом дворце самый дружеский и трогательный прием. Государь пожелал, чтобы он остался к 3-х часовому завтраку. Государыня вышла в чем-то в роде капота и после завтрака водила его смотреть внутренние апартаменты, в расположение которых были только что внесены изменения. Спальня будет в верхнем этаже; по этому поводу государыня спросила своего супруга, неужели ему не жаль расставаться с комнатой, которую они занимали столько лет, на что он ответил «ничуть». Одним словом самое сердечное расположение, но никаких видимых для других проявлений его по отношению к моему дорогому министру! Надо сознаться, что это странная система. Между тем, г. Гирс, благодаря своему прекрасному характеру, смотрит на вещи всегда с их лучшей стороны и, кажется, несколько приободрился.

Между прочим, государыня его спросила, что сталось с его шевелюрой, и очень смеялась, когда он сообщил ей о своем намерении завести парик; но на этой теме остановились не слишком долго и хорошо сделали, — государь лыс, как колено, а бедняжка государыня, говорят, в этом отношении не богаче его, но она подбирает то немногое, что осталось, и дополняет очень искусно завитым шиньоном.

Я спрашиваю, зачем она приехала в город; министр полагает, что для того, чтобы видеть апартаменты, в которых скоро придется жить. Впрочем, надо отдать ей справедливость, она не любит расставаться с государем и следует за ним как тень.

Зашифровываю сам секретную телеграмму Шувалову.

Пятница, 26-го декабря.

Утром иду к своему министру, которого поздравляю по случаю дня рождения его супруги. Следует отметить, что недавно Каульбарс обратился к министру с просьбой об отпуске, чтобы провести праздник с семьей в Эстонии. Министр сказал ему, что с своей стороны не видит к этому никаких препятствий, но что это его совершенно не касается, так как барон не состоит больше при министерстве. Это показывает, насколько последний цепляется за деятельность, которая оказалась столь мало успешной.

Впрочем, великий князь Владимир дал понять министру, что Каульбарс предназначается для дипломатической карьеры, но г. Гирс протестовал против этого. Пока положение его, к счастью, оформляют, зачисляя его в свиту великого князя Владимира. Таким образом он, по крайней мере, пристроен и вне нашего министерства. Каульбарс представил также к награде всех наших чиновников, находившихся в его время в Софии, высокопарно превознося их деятельность. Косвенный способ просить награду и для себя. К счастью, министр оставил это без последствий.

Суббота, 27-го декабря.

Около 3 часов меня посещает Яковлев. Ола приносит полученную из Берлина телеграмму. Граф Шувалов уведомляет, что встретил полную готовность воспротивиться какому-либо безрассудному поступку со стороны Баттенберга. Что Бисмарк одобряет идею письма нашего императора к германскому, что ответ будет совершенно соответствовать нашим желаниям, но что он желал бы еще устно переговорить с графом Шуваловым по его приезде завтра в Берлин. Я прошу Ола не показывать пока этой телеграммы Влангали, хотя последнему и поручено на сегодня управление министерством, и урываю минутку перед обедом, чтобы зайти справиться о здоровьи г. Гирса и просить передать ему в запечатанном конверте эту телеграмму.

Воскресенье, 28-го декабря.

Шувалов сообщил между прочим из Берлина, что принц Александр уезжает в Египет, а государь сделал пометку: «который — отец или сын?». Мы запросили посла, и он

отвечает, что, согласно сведениям из Дармштадта, в Египет в ближайшем времени отправляется сын, бывший князь болгарский. Его величество написал на этой телеграмме: «странно, как бы он вместо того не очутился бы в Софии».

Я не очень-то доверяю этому слуху о путешествии. Что он отправится позировать в качестве сфинкса перед Европой или заставит 40 веков взирать с высоты пирамид на одного из самых совершенных мошенников нашего времени?

Понедельник, 29-го декабря.

Придя утром к своему министру, нахожу, что ему положительно лучше, но он еще чувствует некоторую слабость, тем не менее он хочет ехать в Государственный Совет, потому что это самое интересное заседание в году, в виду чтения бюджета.

Он рассказывает мне, что Вланган, хотя и видел, что он болен, приходил ему передавать слухи; при своем состоянии он мало обращал на них внимания, но не мог, однако, отнестись равнодушно к известию о назначении Вышнеградского министром финансов и г. Бунге председателем комитета министров.

Человек, семь лет тому назад бывший только профессором, достигает высшей должности в империи за то, что очень дурно управлял ее финансами. Но государь благоволит к г. Бунге потому, что тот дает уроки наследнику и, считая необходимым удалить его во имя удовлетворения Катковых-Победоносцевых, он желает, с другой стороны, дать ему повышение. Так хорошо председательствовавший в комитете Рейтерн уходит.

Из Государственного Совета министр приезжает под впечатлением менее тягостным, чем даже в прошлом году. Он говорит, что доклад государственного контролера г. Сольского совсем не безнадежен. Рисуя печальное состояние наших финансов, прогрессивное возрастание дефицита, он объясняет его до известной степени случайными и преходящими причинами и не считает зло непоправимым. Дай бог, чтобы это было так.

Министр готовится к завтрашнему докладу и просит меня просмотреть еще раз проект собственноручного письма, который мы слегка переделываем.

Вторник, 30-го декабря.[1]

Ночью телеграмм не получено. Министр уезжает в Гатчину, как всегда, с поездом в 10,30; доклад на этот раз невелик.

Около 4 часов приезжает Вилангали из заседания комитета министров, взволнованный сценой прощания г-на Рейтерна. Последнему в этом же заседании читают очень лестный рескрипт государя и вручают осыпанный бриллиантами портрет. После этого он берет слово и очень красноречиво обрисовывает в общих чертах свою деятельность со времени назначения его министром финансов. Он говорит, о том, как много он боролся, сколько раз был близок к отчаянию и что, когда ему, наконец, удалось уравновесить бюджет, и он считал себя накануне полного торжества своих усилий: «все пошло прахом» (намек на последнюю войну). Все время голос его оставался твердым, но, произнося последние слова, бедный старик, почти слепой, залился слезами. Это был трагический момент, произведший сильное впечатление на всех присутствующих. По окончании заседания все члены комитета немедленно отправились к г. Рейтерну, чтобы выразить ему приветствие и свои симпатии.

Министр по обыкновению возвращается из Гатчины около $5^1/_2$ час.; он, повидимому, доволен своим докладом. Их величества приняли его очень сердечно. Государыня спрашивала о его накладке и просила его, смеясь, не надевать ее в первый раз на выходе 1-го января, чтобы ее не рассмешить. Государь все одобрил и даже остался очень доволен проектом собственноручного письма императору Вильгельму, но министр просит дождаться возвращения приезжающего завтра вечером из Берлина графа Петра Шувалова для того, чтобы окончательно установить редакцию письма и телеграммы Лобанову. Государь желает принять Ону завтра в Гатчине. Его величество делает для него это исключение потому, что желает говорить с Ону о делах перед его скорым отъездом в Константинополь.

---

[1] Под записью от 30-го приписано: «Я, между прочим, говорю об уже высказанной мысли послать принца Александра Ольденбургского в качестве временного регента. Говорят, он бы согласился и, может быть, это дало бы возможность избавиться от регентства. Сначала министру эта мысль нравится, но потом он не решается повергать ее на усмотрение государя».

Среда, 31-го декабря.

К вечеру их величества переносят свою резиденцию из Гатчины в Петербург, в Аничков дворец. Из Берлина приезжает граф Петр Шувалов.

До последней минуты я все еще надеюсь, что наш государь одумается и проявит публичное свое благоволение к г. Гирсу, но этого не происходит. Многие должностные лица удостоены царской милости; только министр иностранных дел забыт и является жертвой неблагодарности, так как российский самодержец не решается вызвать неудовольствие г. Каткова и его приспешников.

Надо не забыть записать переданный мне Вланган любопытный разговор с Обручевым. Встретив товарища министра в Совете, генерал развил ему новый план политики, который он рекомендует со всем присущим ему пылом. Ему хотелось бы [1], чтобы было признано, что спокойствие в Европе нарушается Англией, и что она разоряет все правительства, вынуждая их постоянно оставаться вооруженными. Поэтому он желал бы соглашения с Германией для внезапного нападения на Англию, которую он считает в настоящий момент настолько ослабленной и дезорганизованной, что ее можно было бы низвести на роль второстепенной державы и взять с нее контрибуцию в несколько миллиардов, крайне нужных для наших и даже для германских финансов.

Так как Вланган не мог удержаться от улыбки, Обручев настаивал на своей мысли. Он говорит, что это очень серьезный вопрос, и что он, Обручев, готов, в случае если бы его уполномочили, ехать вести переговоры о союзе с князем Бисмарком!

Надо сознаться, что достойный генерал ни перед чем не останавливается!

---

[1] Здесь одно слово в подлиннике не разобрано.

1887 г.

Январь.

Четверг, 1-го января [1].

Г. Гирс говорит мне, что возвратившийся вчера, вечером, из Берлина граф Петр Шувалов привез ему даже слишком хорошие вести. Бисмарк настроен, повидимому, наилучшим образом; об этом, впрочем, свидетельствует его речь в парламенте, помещенная сегодня в газетах. Торопясь ехать на высочайший выход, министр говорит, что позднее сообщит мне привезенный Шуваловым проект двойственного союза, но просит меня, так как я не еду во дворец, приготовить пока для государя несколько ответных телеграмм и изменить слегка изготовленный Жомини проект собственноручного письма к императору Вильгельму, а также и составленный нами вчера с министром проект телеграммы князю Лобанову, по поводу которой он советовался с графом Шуваловым и с Ону по его возвращении вчера, вечером, из Гатчины.

Выход, повидимому, был блестящий. Много красивых лиц, масса городских дам и великолепные туалеты. Великая княгиня Елизавета была очень интересна. Великой княгине Марии Павловне сделалось дурно во время обедни.

---

[1] Под записью 1-го числа сделаны две приписки; первая: «Мой министр не получил опять никакой награды; он ставит себя выше этого и держится с большим достоинством», и вторая: «На церемонии целования руки (baise-main) дамы подходят в порядке классов. Графиня Воронцова-Дашкова, несмотря на то, что она кавалерственная дама (dame de la cocarde), идет за девицами Нечаевыми, принадлежащими ко 2-му классу, и вынуждена следовать за их треном».

Я решаюсь отложить свой отъезд в Москву и пригласить к обеду в субботу, 3-го, князя Дабижа, назначенного в Мадрид, уезжающего в Пешт Сталевского и некоторых сослуживцев; они проявляют по отношению ко мне всегда столько доброты и столько дружеского расположения, что нужно же и мне, при случае, оказать им внимание. Около 3-х часов у меня собираются к чаю Вланган, Зиновьев и Жомини. Первый подносит мне огромный торт. Барон рассказывает нам, что Ону вернулся вчера из Гатчины в восторге от государя; последний беседовал с ним около 40 минут и проявил замечательную искренность и серьезность при обсуждении затронутых в их беседе политических вопросов. Он был особенно поражен большой простотой его величества и отсутствием в нем какой-либо позы. Мне кажется, что это наблюдение правильно, но надо признаться, что в проявлении своих чувств наш государь не всегда эстетичен; примером может служить высочайшая пометка на возвращенной сегодня телеграмме барона Икскуля, излагающей неуместные рассуждения графа Робилана по поводу болгарских дел: «этакая парша, а туда же лезет».

Конечно, очень много говорят о назначении г. Вышнеградского. Характер и прошлое нового министра финансов (злые языки зовут его «председателем всероссийского конкурсного управления») внушают менее доверия, чем его способности, и все радуются тому, что товарищем его избран г. Тернер. Последний пользуется, повидимому, репутацией вполне честного и положительного человека.

Вечером надо подготовить массу ответных телеграмм; я разделяю их и значительную часть отправляю барону. Министр просит меня подняться на минуту и показывает мне записку, переданную ему вернувшимся вчера из Берлина графом Петром Шуваловым. Записка чрезвычайно слаба. Не зная текста нашего тройственного соглашения, граф завел речь с князем Бисмарком о щекотливом вопросе двойственного соглашения, которым могло бы быть заменено первое.

Он предлагает соглашение о соблюдении доброжелательного нейтралитета в случае войны между Францией и Германией, о сохранении неприкосновенности Австрии, независимости Сербии под скипетром Милана, — и все это лишь для того, чтобы за нами было признано право исключительного влияния в Болгарии

и Румелии, когда последняя будет к ней присоединена, а также для обеспечения нейтралитета Германии, на случай, если бы мы пожелали настаивать на соблюдении принципа закрытия проливов. Я не могу скрыть от министра своего удивления по поводу того, что государственный деятель, бывший послом и ведший переговоры на Берлинском конгрессе, мог составить столь мало серьезные проекты. Повидимому, граф Павел не ознакомил брата с положением дел и просил его только не слишком выявлять императору, какое большое значение князь Бисмарк придает союзу с нами и насколько он боится враждебности со стороны России. Канцлер ему откровенно признается в том, что не может подвергнуть свое отечество опасности очутиться между двумя враждебными нациями: Францией и Россией. При существовании между нами серьезного и искреннего союза ничто ему не страшно, и он думает, что мы могли бы предписывать Европе, но раз мы этого не желаем, он видит себя вынужденным принять свои меры.

Пятница, 2-го января.

Утром, когда я еще одеваюсь, министр присылает мне пакет с бумагами, которые государь вернул вчера, поздно вечером. Его величество желает завтра принять графа Петра Шувалова. Он начертал на телеграмме князя Лобанова, сообщающей, что речь князя Бисмарка произвела в Вене на публику удручающее впечатление и что страх перед войной с Россией сильнее, чем когда-либо: «Низкие трусы; теперь испугались, а кто кричал и пугал всего больше. Подлая нация». Затем, на телеграмме Моренгейма, сообщающей о том, что итальянский посол в Париже приветствовал Флуранса за то, как он говорил с болгарской депутацией: «Я сегодня сделал чудные комплименты Лабуле на счет этого», а против слов — итальянский посол: «Робилан не одобрит этого».

Повидимому, вчера на приеме государь долго и хорошо говорил с дипломатами; из длинной перлюстрированной телеграммы Швейница мы видим, что его величество поручил ему передать самые дружеские приветы императору-королю и императрице-королеве, а также и германскому наследному принцу; он поручает послу передать принцу, что сохранил неизгладимые

воспоминания о разговоре с ним в Аничковом дворце в 1881 г., и что его величество надеется, что принц останется верен некогда высказанным им взглядам и принципам. Государь поручает Швейницу передать также несколько любезных слов князю Бисмарку и говорит ему, что он очень оценил речи канцлера в парламенте, составляющие такой резкий контраст с «неприличной» речью Солисбюри и «нелепой» речью Кальноки.

Подымаюсь, по обыкновению, к своему министру около 11-ти часов. Мы говорим опять о записке Шувалова, и я высказываю опасение, как бы завтра, во время аудиенции, государь не изменил под его влиянием своей точки зрения; иногда мне приходит также в голову, что граф Павел мог быть неприятно поражен неожиданным поручением, данным его брату, действительно превысившему свои полномочия. Нас прерывает приезд австрийского посла, привезшего министру ответ графа Кальноки по поводу его предложений относительно попытки добиться изменения регентства в Болгарии совместным воздействием Турции и всех европейских представителей на болгарских делегатов при их приезде в Константинополь и одновременно в Софии. Днем будет послан государю составленный в этом смысле проект телеграммы князю Лобанову, и министр предполагает также запросить его величество о дне, когда ему угодно будет послать императору Вильгельму письмо, проект которого был ему препровожден вчера.

Суббота, 3-го января.

Вижу своего министра только на минуту. Он просит меня приготовить ему еще одну ответную телеграмму для государя и благодарственное письмо генералу Буадефру.

Воскресенье, 4-го января.

Пакет с бумагами, возвращенными государем сегодня рано утром, заключает в себе несколько довольно характерных пометок. На телеграмме Хитрово, сообщающего из Бухареста о том, что делается в Болгарии, и, между прочим, что: «английский и австрийский агенты настоятельно советовали Николаеву и Попову держаться до последнего часа», — его величество пометил: «какие скоты». На телеграмме г. Нелидова от 2/14 декабря, передающей разговор с Гуд-

боном и гласящей: что регенты способны на безумный шаг — переизбрание Баттенберга: «От этого мое письмо к императору Вильгельму еще более кстати»; и затем, против места: на случай если бы они были вынуждены отказаться от власти, они уже теперь подготовляют в качестве своего преемника военную диктатуру: «Это еще хуже, чем регенты». Далее, где говорится, что, по мнению Гудбона, кандидатура князя Мингрельского действительно дискредитирована во всей стране: «Это мы еще увидим, я не верю»; а на депеше г. Нелидова от 29 декабря, против слов: «Я не знаю, в какой степени кандидатура принца Ольденбургского возможна с точки зрения наших государственных соображений, а равно и его личных интересов»—государь пишет: «Другого кандидата у нас нет, кроме князя Мингрельского».

Министр вызывает меня поздно; он забыл, что сегодня воскресенье и, следовательно, обедня. Я передаю ему две полученные из Константинополя телеграммы, из которых одна возбуждает некоторые подозрения на счет г. Цанкова. Г. Гирс посылает государю проект сопроводительного письма графу Шувалову и спрашивает, когда его величество желает отправить свое собственноручное письмо; при этом мы вспоминаем о письме, которое в прошлом году было поручено везти графу Адлербергу и которое в последнюю минуту не было готово.

Перед своим отъездом г. Гирс посылает мне проект депеши г. Нелидову, излагающий программу согласованных с Веной действий; он прилагает мне следующую записку: «Прошу вас внимательно прочесть этот проект письма и сообщить мне ваши замечания. Жомини писал согласно моим указаниям; я не нахожу там ничего, что следовало бы изменить, но я хотел бы вставить куда-нибудь фразу, подчеркивающую, что мы заинтересованы и, главное, имеем право говорить, не стесняясь, в болгарском вопросе, и это ad usum delphini»[1]. Я переделываю одну фразу в проекте для того, чтобы подчеркнуть, что самое важное для нас — привести к смене регентства, и что мы имеем самое законное право на этом настаивать. Раз мы будем иметь возможность говорить с болгарским правительством, кризис утратит

[1] Для поучения определенного лица.

свою остроту, и остальные вопросы будут естественно урегулированы. Принесли последнюю книгу «Русского Вестника», и я с большим интересом читаю статью Каратыгина о кончине императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны.

Понедельник, 5-го января.

В полученном сегодня утром пакете возвращенных государем бумаг находится записка, сообщающая, что его величество желает отправить свое письмо императору Вильгельму завтра с фельдъегерем. Поднявшись к своему дорогому министру, нахожу его в прекрасном настроении; он хорошо провел ночь и чувствует себя гораздо лучше. Его интересует вопрос о том, пришлет ли государь свое письмо ему, или передаст прямо фельдъегерю, и когда может состояться доклад. Во время нашей беседы г. Гирс получает по телефону приглашение явиться для занятий с государем сегодня, в понедельник, в 2 часа.

Немного отдыхаю. Влангали и Зиновьев приходят один за другим к чаю; я жалуюсь на свое нездоровье. Приходит также Жомини; он видел мельком министра по возвращении из дворца и нашел, что у него вид озабоченный. Г. Гирс внес мое изменение в проект письма Нелидову и прочел его, как черновик, его величеству. Этот проект был утвержден.

Г. Гирс прислал спросить у меня, от какого числа было последнее составленное мною письмо Шувалову по вопросу о секретном договоре. Посылаю ему самый проект, помеченный 14 декабря прошлого года. Он просит меня подняться, и я застаю его перечитывающим этот текст, который он при этом еще раз одобряет и говорит мне, что из него он все более и более усматривает нелепость записки графа Петра Шувалова. Министр написал очень хорошее личное письмо нашему послу в Берлине, где говорит, что смотрит на предложения его брата князю Бисмарку, как на частные разговоры двух друзей, которые не могут иметь никакого официального характера. Я предлагаю министру сохранить с него копию в нашем совершенно секретном архиве. Затем г. Гирс сообщает мне, что он сегодня вынес самое удручающее впечатление от своего доклада.

Повидимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его

величество высказывается не только против тройственного союза, но даже против союза с Германией. Ему будто бы известно, что союз этот непопулярен и идет в разрез с национальным чувством всей России; он признается, что боится не считаться с этими чувствами и не хочет подорвать доверие страны к своей внешней политике. Все это находится в таком противоречии с тем, что государь говорил и писал последнее время, что перестаешь что-либо понимать. Теперь его величество не видит никаких преимуществ в союзе с Германией и утверждает, что единственным возможным и выгодным союзником для России в настоящий момент была бы Турция. На замечание г. Гирса [1], что робкий и непостоянный характер султана не представляет никаких гарантий, и что, вызвав образование враждебной нам коалиции всех держав, мы подвергаемся большой опасности, государь отвечает, что никто ничего не посмеет сделать. Он даже намекает на возможность оккупации в случае попытки возвращения князя Баттенберга, — «пошлю бригаду», — и говорит, что оккупация не представляла бы никакой опасности.

Г. Гирс напоминает ему, что оккупация вещь не столь простая, и что, несмотря на всю свою решительность, император Николай I вынужден был унизительным образом покинуть Дунайские провинции; на это государь отвечает: «То было другое время». «Кто на нас пойдет», и т. д. Министру, наконец, остается только просить его величество не говорить открыто о своих намерениях и не оглашать их, чтобы дать нам, по крайней мере, возможность мирно закончить болгарские дела, пока остаются в силе соглашения, срок которых истекает только в июне. Одним словом, моему бедному министру пришлось потерять целый час, пережевывая то, что должно было бы быть аксиомами; он признает, что никогда еще у него не было более неудовлетворительного доклада.

В свое письмо графу Павлу Шувалову он вставляет фразу, предлагающую послу не высказываться пока по вопросу о возобновлении соглашений, в виду нашей неуверенности в их судьбе. На меня это производит тягостное впечатление. Мне приходит в голову, что это предвещает удаление моего дорогого министра,

[1] Между строк приписано: «И что можем мы ей предложить: занятие проливов, прежде чем это сделают англичане?»

и что, вероятно, удалось внушить государю, что он слишком непопулярен в России. Высказываю, между прочим, эту мысль Оболенскому, когда, отправляясь к графине Тизенгаузен, он заходит ко мне.

Вторник, 6-го января.

Тотчас по моем возвращении меня зовут к министру, который не видел меня сегодня утром и только-что меня спрашивал. Г. Гирс говорит мне о глупых и непристойных статьях в «Московских Ведомостях» и в «Гражданине», направленных против Германии. Говорит также, что под впечатлением высказанного вчера государем он плохо спал. Сегодня, утром, Ола мне рассказывал, что вчера, вечером, слышал в городе разговоры о близкой отставке Гирса в связи с происками Каткова и Островского; я, мимоходом, указываю министру на эти интриги, но он склонен думать, что на этот раз это скорее дело Победоносцева, ездящего часто в Гатчину давать уроки наследнику. Дело в том, что он даже не был у г. Гирса с тех пор, как вернулся осенью, а вчера государь, говоря о национальных антипатиях к Германии, сказал министру: «Прежде я думал, что это только Катков, но я убедился, что это вся Россия». Затем он прибавил: «Ошибок никаких не было, но если, тем не менее, потеряется доверие нашего общественного мнения во внешнюю политику, тогда все пропало».

Я замечаю, что все это настолько противоречит тому, что государь говорил Швейницу, и всем его пометкам последнего времени, что, надо надеяться, это окажется только причудой.

Когда-то российский самодержец ставил себя выше порождаемых прессой толков; он самолично давал желательное ему направление политике и заставлял общественное мнение его принимать. Недавно еще его величество сделал следующую пометку по поводу жалобы на наши газеты: «Да разве газетные толки — общественное мнение»; теперь же он подчиняется Каткову, Мещерскому и т. п. Достаточно подлой интриги мерзкого Победоносцева или одного из ему подобных, чтобы сбить его с правильного пути и заставить броситься внезапно в какое-нибудь рискованное предприятие. Министр говорит, что

ответственность в значительной мере падает и на государыню. Она ненавидит Германию и систематически восстанавливает против нее государя. Бедная Россия! На троне, вместо коронованных голов, ныне лишь коронованные дураки [1].

Среда, 7-го января.

Меня очень озабочивает мысль об отставке моего министра. Это было бы такое большое несчастье для России и полная перемена в моей личной судьбе. В данный момент следует во всяком случае быть мужественным и готовым ко всяким случайностям.

Пакет, возвращенный сегодня утром государем, заключает, между прочим, полученное вчера вечером весьма секретное донесение князя Лобанова, сообщающее, на основании информаций, полученных от лица, имеющего знакомство в австрийском военном министерстве, что Черчиль во время своего пребывания в Вене, перед созывом делегаций в октябре прошлого года, якобы хотел побудить Австрию довести дело до войны с Россией и предлагал 15 миллионов фунтов стерлингов и другие субсидии, чтобы заставить ее решиться. Наш посол находит, что это лучше объясняет слова гр. Кальноки в собрании делегаций, чем возбуждение умов в Венгрии. На этой депеше государь делает следующую пометку: «Это совершенно противно тому, что Черчиль говорил Адлербергу перед его приездом сюда; кто говорит правду, кто врет?». That is the question [2] — везде и во всем. И действительно, наш первый секретарь в Лондоне, граф Николай Адлерберг, приехав сюда недавно, представил памятную записку с кратким изложением разговора, который он имел с Черчилем. Последний проявил такие прекрасные намерения по отношению к России, что государь остался очень доволен и сделал на записке следующую пометку: «Этот человек может нам пригодиться и будет, наверное, иметь большое влияние на судьбы Англии».

---

[1] Ce ne sont plus des têtes, mais des bêtes couronnées qui occupent le trône.

[2] Вот в чем вопрос.

Завтракаем с моим милым Ола в обычный час; затем, когда я ухожу работать в свой второй кабинет, ко мне приходит Гепель, а в 3 часа мне докладывают о приходе Зиновьева. Он советуется со мной по поводу двух написанных министром телеграмм, которые нужно дать переписать для доклада. Пользуясь тем, что мы одни, сообщаю ему о своем беспокойстве, которое мне внушают направленные против г. Гирса интриги. Он уже о них тоже кое-что слышал и хочет, когда будет на-днях обедать у Островского, попытаться у него выведать что можно. Он не думает, чтобы Островский был неискренен и принимал участие в интриге, не думает также, чтобы государь решился в настоящий момент расстаться с Гирсом. Его величество держит нашего министра «в черном теле», боясь не угодить партии, которую он считает национальной, но г. Зиновьев думает, что он все-таки не такой идиот, чтобы ничего не понимать в политическом положении. Я спрашиваю, каким образом г. Вышнеградский не поставил поддержание мира условием sine qua non. Он рассказывает мне, что за несколько дней до своего назначения новый министр финансов приезжал к нему советоваться о положении вещей, и что он, Зиновьев, ему ответил, что если мы только не натворим неосторожностей, опасности войны не предвидится.

Незадолго до этого они встретились за обедом у Островского, и эти господа высказывали по адресу нашего министра упреки в том, что он недостаточно ясно и решительно говорит с государем. Зиновьев якобы старался оспаривать это мнение. Однако, в разговоре у него, между прочим, проскальзывает что-то о золотом мосте (pont d'or), который государь приготовил для Гирса, на случай, если бы с ним расстался.

По уходе Зиновьева, приходит Никонов, чтобы поговорить о вознаграждении служащих министерской цензуры и шифровальной экспедиции.

Четверг, 8-го января.

Около 4-х часов у меня сходятся Зиновьев и Жомини. Он завтра выезжает обратно в Константинополь. Барон говорит нам о военном совете, который должен собраться 11-го у государя. Он рассказывает, между прочим, что в период наших осложнений с англичанами во время последней войны, его величество,—тогда

еще наследник-цесаревич, — возымел мысль, которая, в виду его настоянии, обсуждалась даже в совете, использовать коммерческие суда для разбрасывания мин во всех английских портах, чтобы сделать таким образом невозможной британскую торговлю. Я замечаю, что у нашего августейшего монарха бывают иногда порывы «динамитчика» (dynamitor). Зиновьев того же мнения.

Государь возвращает посланные ему перед обедом бумаги. Он не утверждает проекта телеграммы барону Моренгейму. Повидимому, на нашего посла в Париже произвели сильное впечатление опасения, вызванные во Франции словами кн. Бисмарка в парламенте; г. Гирс счел нужным сказать ему, что мы считаем эти опасения преувеличенными. Государь пишет на полях: «Мы ничего не знаем про намерения кн. Бисмарка, так что же мы их будем успокаивать. От Бисмарка можно все ожидать». Затем против слов: «Итак, нет никакой причины отчаиваться в успехе наших попыток, направленных к тому, чтобы внести успокоение», его величество прибавляет: «Для нас, а для Франции это еще вопрос».

Проект этот был составлен Жомини; признаюсь, он мне тоже не кажется безусловно необходимым, однако, сказавшееся в императорской пометке настроение не особенно утешительно [1].

Пятница, 9-го января.

Мне приносят пакет с возвращенными государем бумагами. На перлюстрированной телеграмме Робилана, сообщающего о своем разговоре с болгарскими делегатами, его величество начертал: «Вот охота болтать и нести чепуху. Кого он хочет разыгрывать, этот Робилан, просто смешно!», а на перлюстрированной телеграмме Шакира о том, что Гирс будто бы сказал ему, что, в виду затруднений, вызываемых кандидатурой кн. Мингрельского, мы не считаем необходимым ее поддерживать:

[1] Под записью от 8-го числа имеется приписка: «Зиновьев мне рассказывает, что Вышнеградский в большом затруднении в виду наличности в министерстве финансов нескольких чиновников, которых он только-что подкупал, чтобы облегчить продвижение своих несколько сомнительных дел».

«Подобными телеграммами он собьет совершенно с толку свое правительство», а против пометки министра «Шакир меня совсем не понял, и я не премину разъяснить ему при первом случае», государь прибавляет: «Да, но это надо непременно ему разъяснить, а не то [illegible]лидов совершенно собьется».

Мне кажется, что наш посол достаточно осведомлен о наших намерениях, чтобы не дать себя сбить с толку враньем Шакира Порте. Наскоро пишу Никонову по поводу полученных для цензуры 3.000 рублей и Константину по поводу моего вчерашнего разговора с Крейтцером.

Около 11 часов подымаюсь к министру. Нахожу его под тягостным впечатлением высочайших пометок. Признаюсь ему откровенно, что телеграмма Моренгейму показалась мне излишней.

Думаю, что в глубине души наш высокомилостивый государь был бы в восторге, если бы Германия сцепилась с Францией для того, чтобы это использовать для каких-нибудь своих целей. С другой стороны, я совершенно не считаю, чтобы Франции угрожала опасность, но, чтобы подготовиться на всякий случай к успешной обороне против нас, князь Бисмарк должен делать вид, что меры эти направлены против Франции, которая на него за это не нападет. Уверенность государя относительно Германии недостаточно обоснована. Союз, несомненно, возможен, и его искренно желают, но он должен быть обусловлен взаимным доверием. А между тем, что делает покровительствуемая государем пресса и сам государь? При всяком случае он доказывает, что с отвращением выносит соглашение с Германией и при первой возможности собирается с ним покончить. При таких условиях, если бы Бисмарк не думал о том, чтобы обеспечить безопасность своему отечеству, он был бы по отношению к нему просто предателем. Я рассказываю министру, что, говоря вчера на эту тему с Жомини и Зиновьевым, я спросил их, питают ли они доверие к позиции, занимаемой в политике нашим августейшим монархом, и считают ли они возможным отвечать за то, каковы будут его решения через две-три недели. Тот и другой признали, что у нас нельзя ни за что ручаться, потому что у государя нет никакой политической системы, и он поддается самым пагубным влияниям. А раз это так, то как можно требовать, чтобы Германия не стремилась охранить себя от русского колосса;

который изволит держать себя хамелеоном. Впрочем, германский канцлер откровенно сказал этой осенью графу Павлу Шувалову. «Я предпочитаю союз с вами всякому другому, но согласитесь, что ваш государь может вдруг на меня рассердиться, и тогда я окажусь совершенно изолированным. Вот почему я должен относиться бережно к соглашению с Австрией». Министр признает, что в моей оценке есть доля правды, и рассказывает мне еще раз, как, при его последнем свидании с императором Вильгельмом в Берлине в августе прошлого года, монарх этот дал ему ясно понять, что он потерял всякое доверие к нашему императору и почерпает надежды на свою безопасность только в мудрости г. Гирса. Старый император настоятельно просил министра не помышлять об отставке. «Саксонский король, — сказал он ему, — говорил мне на-днях по этому поводу: если бы г. Гирс вышел в отставку, нам пришлось бы вооружиться, — и это верно. Старый монарх поднял при этом палец и прибавил: «Говорю вам это вполне искренно».

Конечно, это искренно, и в настоящий момент беда в том, что, подрывая доверие к прочности положения г. Гирса, государь совершает один из величайших своих промахов. Между прочим, г. Гирс мне рассказывает также, что к нему приезжал Лабуле в полном восхищении от того, что ему сказал государь на приеме в день нового года. После своих прекрасных заверений Швейницу наш дорогой монарх, слывущий таким правдивым и честным человеком, делал г. Лабуле прямые намеки на свои симпатии к Франции и на поддержку, которую она, в случае надобности, найдет в нем против Германии. Так, по крайней мере, понял слова государя посол республики. Он поспешил донести об этом в Париже и приехал засвидетельствовать г. Гирсу, что император может вполне рассчитывать на его скромность.

Не особенно достойно это заигрывание с правительством, которое несколько месяцев тому назад пред лицом германского посла с отвращением отвергало мысль о союзе свободной цивилизованной Франции со страной, где царят деспотизм и все эксцессы неумной власти. Г. Гирс говорит мне: «Катков перед отъездом непременно заставит государя переменить министра иностранных дел; я думаю только о том, чтобы найти способ достойным образом удалиться».

Государь прислал г. Гирсу с пометкой: «Переговорите об этом с военным министром и сообщите ваше мнение», высокопарно составленную петицию Груева, который просит 300.000 рублей, чтобы послать их в Бухарест, и 2.000 ружей, перевозу которых в Болгарию поспособствовала бы наша таможня, и все это в целях свержения регентства. Удерживаемый здесь, бог знает кем и для чего, Груев остается в Петербурге вопреки воле министерства. До сих пор он еще не был представлен государю. Это должно приводить в бешенство Каткова и Каульбарса.

Мы переделываем с министром написанный Жомини проект письма Лобанову, чтобы исключить из него всякий намек на тройственное соглашение, о котором государь уже не хочет и не может слышать без того, чтобы не притти в нервное состояние. По указанию министра, я тут же составляю также две телеграммы Нелидову, сообщая ему, что князь Мингрельский продолжает оставаться нашим кандидатом, и что мы оставляем за собой право вернуться к этому вопросу, но предполагаем предварительно разрешить вопрос замены регентства, а затем — что венский, берлинский, парижский и римский кабинеты согласны на то, чтобы их представители сговорились в Константинополе с Нелидовым о способах разрешения болгарского кризиса.

Спускаюсь вниз в тот момент, когда надо сходиться завтракать. Ола рассказывает мне, что вчерашний прием во французском посольстве прошел блестяще. Большое стечение народа хотели объяснить как благоприятную французской республике демонстрацию.

После завтрака работаю у себя в канцелярии. В 4 часа к чаю собираются Влангали, Жомини, Зиновьев и Ола. Барон рассказывает нам истории из прошедших времен: Г-жа Аншенкова, сестра г-жи Акинфьевой, в Мраморном дворце. Шантаж с письмами покойной императрицы. Способ получить их от нее при посредстве молодого человека, в которого она влюбляется. Последующие действия этой авантюристки с целью добиться того, чтобы ее признали дочерью герцогини Ангулемской. Г-жа Акинфьева. Ее характер. Проект брака с канцлером. Герцог Лейхтенбергский. Беременность дамы. Великодушие князя Горчакова. Бурная сцена, которую ему устраивает великая княгиня Мария в присутствии покойного императора.

У министра дипломатический обед. Государь возвращает посланные ему третьего дня бумаги; на телеграмме Икскуля, сообщающей, что на замечание Робилана о готовности болгар уступить, если им предложат другого кандидата, барон ответил: указание другого кандидата поведет только к новым затруднениям и интригам, государь пишет: «Очень верно».

Это третья или четвертая одобрительная пометка, доказывающая, что его величество вполне амнистировал нашего посла, которого он несколько недель тому назад строго осуждал на основании перлюстрированной телеграммы Робилана, из которой можно было заключить, что барон Икскуль сделал намек на двойственную противоречивую политику императора и г. Гирса. Конфиденциально об этом предупрежденный, наш посол очень умно оправдался в записке, которую г. Гирс не преминул представить на прочтение его величеству.

Суббота, 10-го января.

Выходя из канцелярии около $10^1/_2$ ч., узнаю, что получена масса телеграмм, из которых пять уже расшифрованы. Моренгейм сообщает, что Флуранс приезжал, очень обеспокоенный, и указывал ему на более или менее неоспоримые симптомы агрессивных намерений Германии, которая собирается обратиться к Франции с требованием разоружения, и подготовляет к весне войну. Он якобы спрашивал у нашего посла, может ли Франция рассчитывать на моральную поддержку императорского правительства. Мне кажется странным, что Лабуле не был об этом осведомлен. Уж не скрывается ли под этим Моренгейм и Катакази. Поднявшись к министру, я предлагаю ему немедленно и полностью передать эту телеграмму в Берлин и запросить графа Шувалова. Г. Гирс одобряет эту мысль и дает свое согласие. Моренгейма можно пока оставить без ответа, а для успокоения государя сказать ему, что полученные из Франции сведения будут проверены нашим послом в Берлине. К несчастью, Нелидов тоже начинает немного путаться. Он говорит о программе Цанкова, будто бы у регентства совершенно нет партии, и пересмотра конституции следует требовать до выбора князя. Таким образом, он отступает от нашей программы, стремящейся прежде и больше всего к упразднению нынешнего регентства и установле-

нию в Болгарии законной власти, с которой мы могли бы иметь сношения. Вторая телеграмма Нелидова передает, что Шакир заявил, что мы берем назад кандидатуру князя Мингрельского, отчего Порта так же, как и Болгария, почувствовали живейшее удовлетворение, и что это могло бы послужить прекрасной почвой для переговоров. Мы пишем всем нашим послам циркуляр, сообщая им нашу вчерашнюю телеграмму Нелидову относительно кандидатуры мингрельца. Я предлагаю министру пригласить к себе до предстоящего во вторник доклада князя Мещерского и спросить у него объяснения по поводу непристойной статьи «Гражданина», на которую ему указывал Швейниц. Это прежде всего отвечало бы желанию государя и дало бы ему возможность иначе говорить с его величеством. Но министру слишком противно иметь дело с отвратительным редактором «Гражданина». Мы во всяком случае подпишемся на его листок, чтобы иметь возможность следить за его стряпней. Г. Гирс рассказывает, что, отправившись вчера говорить с генералом Ванновским по поводу просьбы Груева, о которой ему вчера сообщил государь, он лишний раз имел случай оценить глупость нашего военного министра; при этом он основывался не на том, что последний согласился на просьбу болгарского офицера, которую он лично нашел неисполнимой, а на высказанных им его политических планах. Ванновский находит, что мы должны воспользоваться настоящими обстоятельствами и броситься на Австрию, «которую мы бы славно раскатали»; мнение свое он основывает на заявлении Бисмарка, что мы (т.-е. Россия и Австрия) должны сами столковаться по вопросу о господстве над балканскими государствами. Он уверяет, что говорил об этом с государем, который якобы ему возразил: «Да, но немцы нас в Вену не пустят», на что военный министр будто бы заметил: «Я не имею в виду Вену, а Карпаты; нам взять Галицию, а там я проложу границу».

Г. Гирс замечает ему, что это было бы довольно рискованно, потому что мы знаем, что между Германией и Австрией существует оборонительное соглашение, но нам неизвестен точный смысл его статей. Г. Гирс спрашивает, наконец, что явилось бы поводом к этой войне; на это генерал Ванновский, как всегда отвечает: «А это дело дипломатии». Мне это напомнило, как во время афганских осложнений г-жа Ванновская выразила

желание, чтобы все кончилось мирно, а генерал сей ответил: «А что, А. И., вы разве не хотите быть графиней». Хорош государственный деятель! Г. Гирс правильно замечает, что хочется просто бежать.

Около 4 часов приходят барон Жомини и Вламгали. Барон также думает, что сообщения из Парижа являются измышлением барона Моренгейма, объясняющимся отчасти тоном нашей прессы и особенно Каткова, с которым он поддерживает сношения. Новичок Флуранс, вероятно, поддался влиянию нашего посла, а возможно, что и хотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы, на случай надобности, позондировать почву относительно наших намерений, особенно после новогодних поощрений Лабуле со стороны самого государя.

Вламгали обедал вчера у княгини Бэтти Барятинской с графом Александром Адлербергом, который рассказывал им о канцлере и, между прочим, о том, как тот в бытность свою в Штуттгарте заказывал своему повару великолепные меню для ряда обедов, которых не давал, а затем «по рассеянности» вкладывал эти меню в пакет, посылавшийся канцлером графу Нессельроде, для того, чтобы тот думал, что он живет широко.

Уйдя писать в свой второй кабинет, получаю пакет возвращаемых государем бумаг. На телеграмме Нелидова, в которой сообщается о том, что, по мнению Цанкова, пересмотр конституции не может быть достигнут ни путем оккупации Болгарии и назначения русского комиссара, ни во время нескольких месяцев междуцарствия, потому что обе комбинации мало выполнимы, и потому он хочет включить в свою программу пункт, гласящий, что, выбирая князя, собрание декретирует и необходимость в будущем пересмотреть конституцию, государь помечает: «По-моему, это справедливо». На второй телеграмме Нелидова, по поводу неверных сообщений Шакира относительно кандидатуры князя Мингрельского, его величество делает следующую пометку: «Именно чего я боялся, так и случилось. Нелидов сбит с толку».

Наконец, на пресловутой телеграмме Моренгейма против заключительной ее части: «До меня дошел слух, что французское правительство очень бы желало знать, может ли оно рассчитывать на какую-либо моральную поддержку со стороны императорского правительства (в случае получения из Берлина требо-

вания разоружения), государь пишет: «Конечно, да». Какова путаница,—говорю я себе. Мы только-что просили моральной и весьма деятельной поддержки императора Вильгельма в целях воспрепятствования возвращению к власти Баттенберга и поддержки Германии в деле успешного проведения нашей программы в Константинополе и разрешения болгарского кризиса. Граф Шувалов нам доносит, что старый император оказал ему самый лучший прием, и что везущий его ответ фельдъегерь находится уже на пути в Петербург, а мы тем временем обещаем Франции нашу поддержку против Германии, потому что до барона Моренгейма «дошел слух», что первая «очень бы желала знать, что может на таковую рассчитывать». Извольте вести политику при такой последовательности в высших сферах.

Около 11 час. Ола возвращается с обеда у Толстых-Щербатовых. Пресловутые пометки нашего августейшего дурня (auguste bête) производят и на него сильное впечатление, и мы можем их объяснить только неблагоприятным для Гирса настроением и желанием показать ему, что наступает эра политики, противоположной той, которую он всегда рекомендовал.

Воскресенье, 11-го января.

Статья, которую я позволил себе вчера посоветовать министру поместить в «Journal de S.-Petersbourg», сегодня появилась. Надо было обрисовать хотя бы в общих чертах нашу программу и выяснить нашу точку зрения на мингрельскую кандидатуру. Телеграмма из Лондона воспроизводит статью из «Morning Post», проповедующую разоружение Франции. Прилагаю ее к газетным вырезкам, которые сохраняю для своего дневника.

Около $11^1/_4$ ч. решаюсь подняться к своему министру, которого встречаю вверху, на лестнице, направляющимся в помещение г-жи Гирс. Он очень озабочен положением вещей. Вчера на вечере у голландского посланника он видел Швейница, который ему сказал, что военные мероприятия Франции и особенно расквартирование войск вдоль границы вызывают ужасное раздражение в Германии и являются огромной опасностью для мира. Он думает, что это дело буланжистов. Весьма возможно, что проявленное с нашей стороны под эгидой государя поощрение Франции также этому способствовало. Граф Волкенштейн был

также очень грустен и заметил, что дело сохранения мира и охраны порядка и монархии, над которыми мы столько лет работали, обречено, повидимому, на полное крушение. Министр мне говорит, что он только-что получил письмо от Катакази, в котором тот просит разрешения приехать сюда. Г. Гирс полагает, что это заговор Каткова-Игнатьева-Сабурова, которые хотят обеспечить за собой его содействие. Бывший министр Набоков, очень преданный г. Гирсу, указал Влангали на дьявольскую работу, направленную к ниспроверженію г. Гирса.

Спешу отправиться в Исаакиевский собор, но попадаю только к концу, к «отче наш». Возвращаюсь пешком и на углу площади и Гороховой встречаю своего дорогого министра; он предлагает мне пройтись по Конногвардейскому бульвару и набережной от Николаевского моста до Зимнего дворца; проходим через двор последнего, чтобы попасть домой. Г. Гирс говорит мне, что направился к Конногвардейскому бульвару, думая посмотреть, где бы ему можно было лучше всего поселиться. Несмотря на дружелюбный тон государя во время последнего доклада, ему казалось, что монарх был как бы в замешательстве и не решался сказать что-то, что было у него на языке. Это «что-то», как думает г. Гирс, была его отставка. Государь слишком подчеркивал опасность, которую представляет собой несимпатичная стране и не внушающая ей доверия политика для того, чтобы тут не скрывалось какой-то интриги. Его величество констатировал, что до сих пор не было сделано ошибок, но что теперь он находит совершенно невозможным тройственное соглашение и даже соглашение двойственное с Германией. [Министр спрашивает, предпочитает ли его величество союз с г.г. Флокэ и Клемансо союзу с монархами, олицетворяющими порядок и устойчивость. Для России страшна не столько война, сколько ее последствия]. [1]

Г. Гирс вполне примирился со своей судьбой и говорит, что будет даже почти рад уйти в отставку, если это можно будет сделать с достоинством. Он не желал бы нести ответственность за ту неразбериху, в которую втягивают Россию. Для того, чтобы спасти положение, не следовало бы подавать надежды Франции и в то же время действовать в миролюбивом духе в Берлине. Министр не одобряет провокации германского канцлера и находит,

[1] Фраза, взятая в скобки, в подлиннике написана под строкой со знаком вставки.

что, произнося свои неосторожные слова о Франции, он играл с огнем. И так ли уж были нужны эти несчастные кредиты? Что касается до того, что Бисмарк и особенно старый император желают мира, то он в этом не сомневается. Дай бог, чтобы скопившиеся за последние дни на горизонте зловещие тучи рассеялись. Затем министр говорит мне о возобновлении сношений между их величествами и принцем Александром Гессенским. После долгого молчания их величества решились послать дяде поздравительную телеграмму к новому году нового стиля. Он ответил довольно холодно, сообщая, что пишет. Г. Гирс видел это письмо во время своего последнего доклада в Гатчине. Оно очень сухо. Принц говорит, что был удивлен любезностью их величеств после проявленного ими отношения к нему и его сыну, которого он защищает. Он пишет: теперь, когда мой сын уже больше не князь болгарский, я могу засвидетельствовать, что он никогда не переставал быть предан и благодарен России. Будущее покажет, что он не был ни мало виновен. В плохих отношениях с императором повинны сумасбродные агенты [1]. Следовало бы более чтить память его сестры (покойной императрицы). Наконец, дядя не отказывается протянуть руку примирения и допускает, что когда-нибудь, когда весь этот грустный эпизод отойдет в область истории, можно будет опять свидеться, но он очень сожалеет обо всем, что было сделано, и не скрывает своего неодобрения.

Показывая это письмо Гирсу, государь говорит: «Странное письмо, нужно ли ответить?». Министр посоветовал не делать этого тотчас; он прибавляет, что хотел бы поговорить со мной по поводу редакции ответного письма, из которого будет исключен политический вопрос и где не будет упоминания о бывшем болгарском князе, а пойдет речь только о желании восстановить отношения с дядей и почтить память покойной императрицы. Это объясняет мне полученную на новый год телеграмму, за подписью «дядя Александр». Я подумал, что иллюзии князя на счет его сына несколько рассеялись и что он пошел на встречу примирению; это сделал, оказывается, наш государь. Впрочем, государь не раз высказывал, насколько ему были тяжелы эти натянутые отношения особенно из-за великой княгини Еле-

[1] В подлиннике: «agents follacieux».

заветы Федоровны, «которая такая милая» и которой он не мог пока разрешать посещать Дармштадт. Его величество надеется, что к пасхе болгарские дела будут достаточно урегулированы для того, чтобы великая княгиня и великий князь Сергей могли тогда отправиться в Дармштадт. — Мы говорим с министром об ужасающей катастрофе, которая разразилась бы в России в случае войны. Где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи? Невозможно отвечать Моренгейму в духе поощрительной пометки государя. Это значило бы поджечь порох, и министр хочет откровенно объясниться на этот счет послезавтра, во время своего доклада. Мы пока не будем отвечать Моренгейму и передадим ему ответную телеграмму Шувалова тотчас по ее получении.

Я опаздываю к завтраку и сажусь с моим Ола за стол только после часу. Записываю все, что мне было сегодня сказано моим дорогим министром. Около 3 ч. приходят Вламгали и Зиновьев. Первый слышал, что Катков был в четверг принят государем и откровенно признался одному из своих друзей в том, что работает против министерства. Жена Зиновьева уехала вчера вечером. Он говорит, что заезжавший к нему в день нового года Катков был у него опять вчера, но не застал его дома. Мне кажется, что Зиновьев очень приободрился и очень весел. Он не видит ничего особенно плохого в последней статье «Гражданина» и обвиняет Бисмарка в том, что тот своей речью создал это вызывающее тревогу положение. По его мнению, Франция не может отнестись равнодушно к подобной провокации. Государю посылается докладная записка относительно просьбы болгарского офицера Груева, удовлетворить которую его величество согласен, т.-е. по вопросу о 300.000 рублей; что же касается 2.000 ружей, — не знаю.

Вечером занимаюсь своими записками и просматриваю прежние дела. Князь Меньшиков приносит личное письмо из Берлина. Граф Шувалов сообщает, что будет на другой день принят императором; ему известно через князя Бисмарка, что император Вильгельм отнесся наилучшим образом к письму его величества, но канцлер не считает возможным, чтобы его государь писал великому герцогу Гессенскому, потому что последний счел себя очень обиженным и протестовал против удаления князя Баттенбергского из действующей армии с титулом светлости вместо высочества.

Понедельник, 12-го января.

Нахожу своего министра несколько ободрившимся. Составляем телеграмму Моренгейму по поводу переговоров в Константинополе. Затем я предлагаю министру взять с собой завтра к докладу несколько документов, удостоверяющих, что мы возобновили тайный договор только после того, как обезопасили себя от нападения Германии на Францию или от каких-либо слишком определенных действий со стороны Австрии на Балканском полуострове. Когда я схожу вниз, Ваксель рассказывает нам, что узнал через Мартенса, почерпнувшего свои сведения от Феоктистова, что решено в течение ближайших трех месяцев заменить г. Гирса Зиновьевым в качестве управляющего министерством, что ссора с Катковым была притворной, и что назначение это является делом последнего. После завтрака, пока я работаю в своем втором кабинете, мне докладывают ранее обыкновенного о приходе Зиновьева. Он мне рассказывает о своем свидании с Вышнеградским; последний конфиденциально передал ему серьезное объяснение, которое он только что перед тем имел с государем. Устрашенный испрашиваемыми военным и морским министерствами непомерными кредитами, новый министр финансов весьма решительно предупредил его величество, что если он не примет против этого своих мер, то в конце года у нас будет дефицит не в 50, а в 100 миллионов. Мир нам необходим, и государь будто бы выразил Вышнеградскому свое твердое намерение придерживаться миролюбивой политики. — Я замечаю Зиновьеву, что недостаточно не желать быть агрессивным, нужно еще суметь успокоить умы и внушить доверие к намерениям правительства. Одним словом, нужно открыто выкинуть мирный флаг. На г. Гирса смотрят, как на таковой. Почему же государь не желает проявить солидарности с планами своего министра и положить предел интригам, которые систематически подрывают доверие к нему? Зиновьев посоветовал Вышнеградскому сговориться с нашим министром и хочет спросить у последнего, какое время может он для этого завтра назначить.

Зиновьев сообщает мне также, что не далее как вчера вечером к нему приезжал Катков. Последовало обстоятельное объяснение. Знаменитый редактор и священный руководитель общественного мнения заявляет, что ничего не имеет против особы Зиновьева

или даже г. Гирса, но не одобряет нашей политики. Он не может нам простить, что мы возобновили до Скерневиц наше секретное соглашение с Германией и сделали это... не предупредив его?! — Считая, что срок его истекает в марте, он обещает употребить все свои усилия для того, чтобы его больше не возобновляли. По мнению Каткова, наш союз с Германией унизителен и не может быть терпим. Разве Бисмарк не обнаружил перед палатой той поддержки, которая была нам оказана в вопросе об освобождении скомпрометированных в перевороте 6-го августа болгарских офицеров? Поддержка эта, по мнению Каткова, была унижением; нам не зачем искать поддержки в Берлине. Наша единственная и истинная союзница — Франция. Германия настроена к нам еще более неблагоприятно, чем Австрия. Московский редактор протестует против нашего официального сообщения, которому он даже не соблаговолил дать места на столбцах своей газеты. Там была фраза: «Будучи твердо намерено относиться с должным вниманием к собственно германским интересам», против которой он особенно протестует. Зиновьев старается разъяснить ему, что даже в частной жизни приходится считаться с интересами своих соседей. Катков не из тех людей, с которыми можно что-либо обсуждать; это узкий фанатик, буйный помешанный, преисполненный тщеславия и опьяненный влиянием, которое ему предоставлено. Мы с Зиновьевым одного и того же мнения: не следует ему ничего сообщать, не обращать никакого внимания на его нападки и предоставить ему путаться в его доктринах до тех пор, пока они не приведут его к абсурду. Около 4 часов Вламгали приходит ко мне пить чай; он подтверждает, что за последний месяц со времени приезда Каткова тоже слышал, что тот поклялся добиться отстранения министра, которому никогда бы не мог простить возобновления без его ведома соглашения с Германией.

Вторник, 15-го января.

Доклад министра в Аничковом дворце около 12 часов. Придя утром в канцелярию, нахожу массу телеграмм и с помощью дежурного успеваю заготовить большинство из них до отъезда Н. К. Он присылает за мной около 11 часов. Вскоре затем приходит Зиновьев. Он нам рассказывает, что вчера Швейниц ему

*

жаловался на то, что у нас преувеличивают значение ответа французских министров болгарской депутации и не хотят признать, что впервые она услышала истину в Берлине. Французское правительство постаралось прежде всего убедиться в том, в каком именно духе ответит германское правительство. Министр устал, и все это ему надоело. Зиновьев приходит к нам на несколько минут, чтобы написать Вышнеградскому и предупредить его, что он может быть принят нашим министром сегодня, около 4 часов.

Министр возвращается только около $2^1/_2$ часов. Я со страхом думаю о результатах доклада. К счастью, нет ничего особенного. На сообщение его величеству замечания Швейница государь возражает: «Да, но Бисмарк все-таки хитрил, а Флуранс и Гоблэ просто и откровенно высказались». Министр передает государю также и разговор Зиновьева с Катковым. Высказываясь против мысли о возобновлении наших тайных соглашений, государь говорит, что было бы, может быть, полезно дать Каткову возможность создать себе при посредстве Зиновьева более точное представление об условиях этого соглашения.

Среда, 14-го января.

В присланном мне сегодня утром министром пакете с возвращенными государем бумагами нахожу две любопытные пометки. На телеграмме Хитрово, сообщающей о том, что Панитца во главе 20.000-го болгарского отряда намеревается вызвать восстание в Македонии, его величество пишет: «Это самое скверное, что могло случиться». Не понимаю, почему. В этой местности у Турции сосредоточены значительные силы. Болгары получили бы хороший урок, и это явилось бы превосходным средством для того, чтобы заставить их вернуться на путь истинный. На другой телеграмме Нелидова, передающей его переговоры с болгарами, государь пишет: «Одна надежда на движение военных эмигрантов, а все остальное вздор». Министр просит меня подняться около $10^1/_2$ час., но едва он успевает мне передать несколько бумаг, как докладывают о приезде шведского посланника, который явился подписывать конвенцию. Ему приходится подождать г. Гирса несколько минут. Министр присылает мне для прочтения забавные письма барона

Моренгейма, в которых тот проповедует союз с Францией и даже не совсем корректно упрекает министра в том, что он недостаточно считается со значением Франции. Г. Гирс мне пишет, что хотел бы обо всем этом поговорить со мной еще сегодня вечером. Подымаюсь к нему около 8 часов. Г. Гирс очень раздражен против Моренгейма и показывает мне письмо своего сына, из которого видно, что упомянутый барон полагает, что наш министр находится накануне своего падения, и считает момент подходящим для того, чтоб дать ему почувствовать свое ослиное копыто. — Министр рассказывает мне, что сегодня утром к нему приезжал Лабулэ узнать, какую позицию рассчитывает занять Россия в случае войны между Францией и Германией. Окажем ли мы его родине моральную поддержку и продвинем ли войска к границе Пруссии? Министр ему отвечает, что совершенно не допускает возможности войны между Германией и Францией, если последняя будет хоть сколько-нибудь осторожна и благоразумна. Он говорит: «Я вполне верю в миролюбивые намерения князя Бисмарка и императора Вильгельма, даже гораздо больше, чем в г. Буланже и его сторонников». Так как посол настаивал на письменном ответе, подобном отношению 1875 г., Гирс ответил: «О, на это вы можете рассчитывать, но я не буду телеграфировать подобно своему знаменитому предшественнику. С этого момента мир обеспечен». Лабулэ думает, что у нас есть тайные соглашения, подлежащие возобновлению в марте. [Откуда он это узнал?] Он спрашивает, имеем ли мы свободу действий, на что министр отвечает: «Да, и вы позволите мне сохранить таковую, не принимая никаких обязательств по отношению к вам, но во всяком случае вы можете быть уверены, что Германия не останется в одиночестве. Несомненно, Австрия и Италия были бы ее союзницами. Мне неизвестно содержание связывающих их договоров, но я нисколько не сомневаюсь в существовании подобных соглашений». Г. Гирс надеется, что этими словами он, может быть, несколько отрезвил г. Лабулэ, который стал слишком смел под влиянием слов императора и махинаций сторонников союза с Францией, в соединении, может быть, с отголосками махинаций Моренгейма-Катакази в Париже.

Приезжает граф Муравьев и является прямо к министру с личным письмом графа Павла; последний старается защищать проект двойственного союза на основе привезенной из Берлина

его братом гр. Петром Шуваловым памятной записки. Только-что я сошел в канцелярию, как министр присылает мне это письмо и пишет, что говорить о нем будет со мной завтра.

Четверг, 15-го января.

В пакете, возвращенном сегодня утром государем, нахожу еще одно донесение Нелидова из Константинополя от 8/20 января с отчетом о первой беседе нашего посла с Цанковым; на ней пометка государя: «Все это убеждает меня все более и более, что нам нужно поддерживать военное движение материально и деньгами, и только это средство поможет. Все прочие соглашения и переговоры с партиями — вздор и чепуха и ничего не изменят».

Вижу своего министра очень недолго; письма Моренгейма и письмо Шувалова, относительно которого он даже сомневается, посылать ли его государю, произвели на него в высшей степени неприятное впечатление. Зиновьев приходит около 3 часов. Он виделся с адмиралом Шестаковым, который возмущен интригами против министерства. Морской министр находит, что Катков достоин виселицы, а что касается генерала Ванновского с его воинственными тенденциями — он его называет просто дураком и сумасшедшим. Я очень доволен тем, что он начинает мыслить здраво.

Вернувшись около 8 часов, нахожу пакет с возвращенными государем бумагами. На телеграмме Хитрово, сообщающей, что болгарские офицеры предлагают нам перевести флотилию в Одессу, его величество пометил: «Переговорите об этом с Шестаковым. Может быть, и осторожнее было бы заблаговременно убрать флотилию подальше и воспользоваться их предложением». Спешу показать эту пометку Зиновьеву, прежде чем он отправится на бал. Он и г. Гирс говорят об этом во дворце с морским министром; последний возмущен этим предложением и находит, что это было бы совершенно бесполезной и недопустимой мерой.

Пятница, 16-го января.

Подымаюсь к министру около одиннадцати часов. В виду того, что государь примет графа Муравьева сегодня, в 12 часов,

г. Гирс решил тотчас послать государю письмо графа Шувалова, и я советую ему приложить также записку графа Петра и написать несколько слов с указанием на то, что письмо нашего посла в Берлине является только дополнением и пояснением этой записки; так мы и делаем. Тотчас посылаю конверт в Аничковский дворец и возвращаюсь к г. Гирсу. Он делится со мной своими заботами по поводу вечера, который предполагает дать его жена. Он не желал бы обойти всех своих добрых знакомых и не знает, как обставить прием их величеств, которые могут приехать. Я советую ему пригласить всех, как на большой раут, а заодно устроить и домашний спектакль, за который так стоит г-жа Гирс. Только дамы и самые высокопоставленные лица последуют за их величествами в театральную залу, но ведь весной в Москве так было и у князя Долгорукого. Мой министр в восторге от этой мысли. Ему было бы слишком неприятно обойти всех второстепенных членов дипломатического корпуса и добрых знакомых и пригласить только двор и связанных с ним лиц. За завтраком Ола рассказывал мне о бале, который был, повидимому, очень блестящ и не слишком продолжителен. Государь был в форме гвардейского гусарского полка с «ментиком на отлете» и казался огромным в этом костюме, который ему чрезвычайно идет. Государыня была в белом, вся усыпанная драгоценными камнями. Три тура полонеза: государь с государыней, с цесаревичем и с германским послом, как старейшим. Утром великий князь Николай посадил на 3 дня под арест 5 офицеров и полковника кавалергардов. Их выпустили только для бала. Государь был, кажется, в прекрасном настроении. Он говорил со многими дамами и дипломатами. После бала «дежурство» было приглашено в малахитовую залу, где государыня и великие княгини благодарили своих кавалеров. Государь шутил и сказал графу Воронцову не назначать больше Оболенского и Философова, которые не имеют при себе ни иглы, ни нитки, ни других необходимых предметов. Оказывается, что за день до этого шутник Соловой поднес им, специально в виду их дежурства, шкатулки с мелкими туалетными принадлежностями, и, вероятно, Владимир Оболенский или его жена рассказали об этом государю.

Только-что вернулся и собирался сесть за работу, как меня позвали к министру; он показывает мне только-что возвращен-

ное государем письмо Шувалова от 12/24 января 1887 г., которое привез 14-го вечером Муравьев; пометка на нем более благоприятна, чем мы ожидали; его величество начертал: «Эти вопросы я считаю чрезвычайно важными, а у меня еще не установилось определенное мнение, поэтому ничего еще окончательно сказать не могу. Во всяком случае предпочитаю тройственному союзу двойственный с Германиею». Эта разумная пометка доставляет нам большое удовольствие. Может быть, Муравьев имел возможность сегодня утром на приеме повторить государю то, что он говорил нам, т.-е. что в Берлине желают больше всего нас удовлетворить и действовать в согласии с нами, лишь бы мы только сказали, чего хотим. Вероломные и лживые инсинуации московской газеты на тему об посредничестве Льва XIII, который якобы Германия желает нам навязать, между тем как Шлетцер отговорил от этого болгар в Риме.

Мой дорогой министр еще раз благодарит меня за мысль о рауте. Выходящий от него Швейниц, которому он ее сообщил, также вполне ее одобряет.

Придя ко мне около 4 часов пить чай, Вланган подтверждает, что г. Гирс на седьмом небе от данного ему мной совета. Мой министр обедает у княгини Кочубей. Он присылает мне написанные Жомини политический бюллетень и проект ответа барону Моренгейму, прося их прочесть и сообщить ему мое мнение.

Суббота, 17-го января.

Около 11 часов меня зовут к министру. Он очень расстроен делами департамента, которые Вланган сваливает на него, как только они представляют какое-либо затруднение. Он мне говорит, что Муравьев, который видится здесь с очень многими и, между прочим, с Черевиным, рассказывал ему, что образовалась целая коалиция, работающая в целях изменения политики, и что Сабуров, который, конечно, принимает в ней участие, написал в этом смысле очень злую памятную записку. Во вторник министр повезет к докладу государю письма Моренгейма, проект ответа на них и записку по поводу возбужденных письмом графа Шувалова вопросов, которую я постараюсь приготовить к этому дню.

В 3 часа у министра совещание по делам, касающимся центральной Азии. Зиновьев, зайдя перед совещанием на минуту в канцелярию, говорит нам, что генералы Ванновский и Обручев в личных интересах сознательно представляют эти вопросы в ложном свете. Розенбах тоже на этом настаивает. Предстоящая борьба внушает ему тревогу.

Воскресенье, 18-го января.

Меня зовут к министру. Мы составляем телеграмму князю Лобанову по вопросу о вывозе в Австрию лошадей. Г. Гирс рассказывает мне, что вчера вечером у них была г-жа Нелидова-Анненкова и говорила, между прочим, что у нее также есть основания предполагать, что настроение в высших сферах не особенно благоприятно; она сообщает ему, что на одном собрании, где зашла речь о печальном положении вещей, создаваемом неуверенностью проводимой государем политики, один из наших государственных людей очень справедливо заметил, что успокоить общество государь мог бы лучше всего, подтвердив свою солидарность с миролюбивыми тенденциями г. Гирса каким-нибудь для всех очевидным проявлением своего благоволения к последнему; на это одна из наиболее близко стоящих к их величествам дам, а именно г-жа Елена Шереметева, рожденная Строганова, возразила, что никогда государь этого не сделает, так как он не может симпатизировать политике, запятнанной дружбой Бисмарка и опирающейся на его содействие. Его величество держится очень приветливо по отношению к министру в интимном кругу, но, несмотря на весь свой автократизм, не решается явно его поддерживать. Я говорю г. Гирсу, что, по-моему, в высшей степени лестно иметь возможность работать для блага родины и миллионов людей, становясь выше всех этих неприятностей. Он отвечает, что это, конечно, так, и что все эти столь своеобразно жалуемые награды наших дней лишены в его глазах какой бы то ни было цены, но что отношение государя, в связи с нападками поощряемой им прессы, подрывает к нему доверие и даже ставит его в ложное положение перед дипломатами, с которыми ему приходится вести дела.

Принимаюсь за свою работу по поводу наших тайных соглашений и по вопросу о той невыгодной роли, которая в них отводится Австрии. Вечером из Берлина приезжает Арсеньев

с письмом от графа Шувалова от 14/26-го; последнее заключает подробности, сообщенные графу князем Бисмарком относительно ответного письма императора-короля Вильгельма. Почтенный старик не только подтвердил, но даже еще усилил представленный ему проект, показав при этом канцлеру свои сведенные ревматизмом пальцы, не дающие ему возможности его переписать. Позднее князь Бисмарк послал его величеству своего сына Герберта с предложением дать переписать письмо к принцу Вильгельму, но император нашел, что это было бы не совсем вежливо, и решил, что при первой возможности сделает это сам. Граф Шувалов возвращается к вопросу двойственного соглашения; он считает необходимым обсуждать его теперь же, пока «железо горячо», и предлагает положить в основу те мысли, которые брат его набросал в своей памятной записке. Министр тотчас же посылает мне для прочтения это письмо с приложением записки, в которой выражает желание поговорить со мной о нем еще сегодня вечером. Поднимаюсь к г. Гирсу около $9^1/_2$ ч.

Понедельник, 19-го января.

Вечером заканчиваю свой общий обзор наших тайных переговоров и около 9 часов посылаю его к Гирсу, предупреждая, что завтра утром доставлю ему другую записку, относящуюся к вопросам, затронутым в последнем письме графа Шувалова. Пишу ее прямо на-бело и заканчиваю к 12 часам.

Вторник, 20-го января.

Встаю немного раньше, немного исправляю конец моей записки и посылаю ее министру с письмами графа Шувалова, которые он должен везти к докладу. Когда около 11 часов я подымаюсь к министру, он говорит, что не имел вчера ни минуты времени, чтобы прочесть мои записки. Я ему советую представить сегодня на усмотрение государя лишь ту, которая является ответом на письмо графа Шувалова. Он читает ее при мне и одобряет. Затем я советую ему предложить государю дать Шувалову соответственные инструкции, т.-е. написать ему, чтобы он пока совершенно не касался щекотливого вопроса возобновления нашего договора. Если государь на это согласится, мы

составим в этом смысле личное письмо, и тогда можно будет сообщить Влангали, Жомини и Зиновьеву последнее письмо из Берлина, о котором они ничего не знают. Затем, если со временем обстоятельства позволят начать переговоры, можно будет предложить возобновление договора без протокола и с некоторыми небольшими изменениями изъявить готовность возобновить его втроем, а если Австрия не согласится, то, основываясь на этом, заключить таковой с одной Германией. Министр вполне одобряет этот план действий и собирается говорить в этом именно смысле с государем. Около $11^3/_4$ ч. г. Гирс уезжает в Аничковский дворец; я успеваю еще переписать и вручить ему хвастливую телеграмму Моренгейма.

Министр в восторге от своего доклада. Ему удалось в течение $1^1/_2$ часа говорить государю о наших отношениях с Германией, о важном значении наших тайных договоров, о благоприятном в настоящий момент положении России, союза с которой домогаются и в Берлине, и в Париже. Это, повидимому, произвело впечатление на его величество. Он внимательно прочел мою записку по поводу письма Шувалова и желает, чтобы мы ему написали в этом смысле. За завтраком государь в прекрасном настроении; он говорит о вчерашнем обсуждении в Государственном Совете вопроса об ограничении судопроизводства и заявляет государыне, что г. Гирс был против этого. Министр возражает, что он сделал то же, что и самые преданные слуги, как генералы Рихтер и Шестаков, и что он желает, чтобы право ограничения гласности судопроизводства исходило непосредственно от самого государя, а не от министра юстиции. Его величество называет наши судебные учреждения революционными и, повидимому, твердо в этом убежден. Государыня высказывает предположение, что г. Гирс прав. Министру кажется, что после завтрака государыня ждет от него приглашения на раут, но он не решается с ней об этом заговорить; он просит только ее величество прочесть и подписать письмо, которым она жалует испанской королеве орден св. Екатерины; когда ее величество доходит до фразы: «с соизволения императора, возлюбленного супруга моего», он прерывает государыню и говорит, что это все, что ему нужно. Государь этому много смеялся. Я говорю министру, что мне кажется, он хорошо сделал, отложив приглашение и поручив передачу его княгине Кочубей. Вечером зани-

маюсь делами своей канцелярии и пишу проект письма Шувалову, о котором говорилось сегодня утром.

Среда, 21-го января.

Г. Гирс перечитывает со мной проект письма Шувалову, посланный ему мной вчера, и просит меня представить его к 4 часам в форме доклада; он желает его показать государю и затем, собственноручно переписав его, отправить завтра с едущим в Берлин и Париж курьером. Переписываю с некоторыми изменениями, в форме доклада, мой проект письма Шувалову и посылаю его в 4 часа министру, который просит меня вслед затем отправить его в отдельном конверте государю. Около 4 часов у меня, как всегда, собираются к чаю. Когда я в 6 часов сажусь за стол, мне сообщают просьбу министра тотчас послать государю записку, чтобы довести до его сведения, что прибыл фельдъегерь с ответным письмом императора Вильгельма, и Швейниц просит аудиенции для вручения этого письма его величеству.

Ола возвращается довольно поздно, у нас есть еще бумаги для государя; он замечает, что слишком много пакетов в один день. Министр переписывает письмо Шувалову с моего черновика, так как посланное на доклад еще не возвращено. Наконец, конверт получается. [Доклад] утвержден, его величество примет Швейница завтра, в 12 часов дня.

Четверг, 22-го января.

По моем приходе к министру последний рассказывает мне, что Швейниц показывал ему вчера копию письма императора Вильгельма, которое не оставляет желать ничего лучшего и очень категорично по отношению к Баттенбергу. Г. Гирс не пожелал, чтобы германский посол оставлял ему копию с него для того, чтобы сохранить за этой корреспонденцией ее совершенно интимный характер.

Около 4 час. приходит Зиновьев, возмущенный тем, что Татищеву сообщили все, что было сказано на его счет у меня. Последний приходил к нему объясняться и спрашивал, правда ли, что тот грозил уйти из министерства, если Татищев будет туда допущен. Зиновьев подозревает барона Жомини и, повидимому, намерен устроить ему сцену и пожаловаться министру.

Пятница, 25-го января.

Пригласил завтракать в 12 часов Шварца и Ола и, как нарочно, министр просит меня подняться сегодня только около этого времени. К счастью, он задерживает меня недолго; он передает мне собственноручное письмо императора Вильгельма, которое государь ему только-что прислал.

Это письмо от 17/29 января 1887 г. и является ответом на письмо нашего императора от 4/16. Отдельные места в нем настолько интересны, что их стоит выписать; старый император переписал сравнительно твердым почерком и только повторял иногда слова: «Вы можете рассчитывать на твердость, с которой я решил поддерживать политику, проводимую вами в целях желательного нам успокоения той и другой стороны и особенно во всем, что касается невозможности возвращения принца Баттенберга в Софию. Я разделяю ваше убеждение в том, что возвращение это было бы для вас [1] неприемлемо, и чтобы поддержать вас в вашем желании избежать этого, я, поскольку это представляется возможным, употреблю все свое влияние при дворах Вены, Дармштадта, Бухареста, а в случае надобности, и Рима». Император-король подчеркивает, что если он когда-то оказывал содействие Баттенбергу, то он действовал так потому, что относился к нему, как к близкому родственнику покойной императрицы, и принцу, выбранному Россией, несмотря на его польские симпатии. Затем, в конце этого письма в 4 страницы: «В наших интересах общими силами бороться со стремлениями наших врагов и разрушать их замыслы; единственная их цель — подготовить разъединение монархий, которые еще «на ногах» («debout») (намек на Францию); затем, вероятно, следует маленький пропуск, потому что далее текст таков: «против воспринятых принцем Баттенбергом пагубных теорий, которые приобрели ему симпатии поляков и вызвали с их стороны овации во время его пребывания в Лемберге (Львове)».

«Будьте уверены, мой дорогой племянник, что вся деятельность, которая будет мне предуказана богом в моем преклонном возрасте, будет посвящена на то, чтобы доказать мою к вам

[1]) Князь Бисмарк говорил Шувалову, что император Вильгельм вычеркнул в проекте эти слова. (Это усилило бы значение фразы.) Прим. Ламздорфа.

дружбу и мою преданность делу поддержания монархического строя, на котором покоится счастие и спокойствие народов, судьбы которых вверены нам господом.

На всю жизнь вам преданный и любящий вас брат и дядя

«Вильгельм».

Суббота, 24-го января.

Среди бумаг, возвращенных в последний раз государем, несколько написанных на французском языке донесений и депеш отосланы его величеством с пометками, предписывающими употребление русского языка, и ссылками на циркуляр, которым таковое недавно было предписано для всех документов, не являющихся исключительно политическими. В сущности, почему бы и нет, но меня поражает то, что наш государь настаивает на этом в момент, когда он должен бы был гораздо больше заниматься содержанием, чем формой. Наши агенты в Болгарии всегда писали по-русски, Каульбарс также, и однако же осложнения пришли к нам именно оттуда. На-днях я откровенно сказал Зиновьеву: «По мне, так писали бы хоть по-китайски, но только бы дело».

Государь очень недоволен концом одной телеграммы Нелидова, который настаивает на необходимости для бежавших болгар соблюдать осторожность, чтобы не компрометировать императорское правительство и не навлечь упрека в том, что мы стали «потворствовать революции в Болгарии»; его величество пишет: «Это не революция, а водворение порядка, и Нелидову следовало бы это знать». Итак, пропаганда, которую мы ведем фактически в целях ниспровержения регентства и правительства в Болгарии, является, по мнению государя, лишь восстановлением порядка, несмотря на довольно пагубные средства и заговоры!

Своего министра вижу, по обыкновению, около 11 часов. Он очень озабочен приготовлениями к своему рауту. Мы осматриваем сцену; она мне кажется недовольно прочной; Н. К. говорит: «пускай провалятся».

Воскресенье, 25-го января.

Около 2-х часов, в тот момент, как я собираюсь выйти, меня зовут к министру; он говорит, что только-что получил

очень секретную бумагу, которую не может показывать никому, кроме меня, и просит ее тотчас послать государю отдельным пакетом. Это перлюстрация телеграммы князя Бисмарка к Швейницу, передающей телеграмму Мюнстера из Парижа; последний сообщает, что г-жа Флуранс посетила свою дочь и сказала ей, что муж ее намерен заявить перед палатами о своем выходе в отставку, так как генерал Буланже без ведома своих коллег писал русскому императору, при чем отправил письмо в Петербург с военным атташэ де-Мулэном, который только-что уехал в Россию. Г-жа Флуранс прибавила, что муж ее будет настаивать на своей отставке, если не уйдет Буланже, но что есть некоторая надежда. Документ этот дополняет предыдущие сообщения на тему о запгрываниn с французским правительством. Тон московской газеты и похвалы, расточаемые ею Буланже, и более чем когда-либо сильные нападки на Германию, — все это заставляет предполагать, что тут не без Каткова.

Вечером министр и Ола отправляются на бал в Аничковский дворец. Вижу, как г-н и г-жа Гирс сходят с лестницы; ухожу в свои комнаты и не без удовольствия занимаюсь своим дневником и запиской о наших тайных соглашениях, которую рассчитывал подготовить в окончательной форме к докладу во вторник. Мне приходит на мысль, что лучше бы было, если бы министр пока не возбуждал этого вопроса. Положение слишком неопределенное; когда оно более выяснится, мы будем в состоянии представить нашу работу, все элементы которой у меня готовы, при наиболее благоприятных условиях.

Понедельник, 26-го января.

В пакете возвращенных государем дел находится перлюстрированная телеграмма Бисмарка по поводу сообщенного г-жей Флуранс; его величество на ней пишет: «Странно, что ничего не знают об этом ни Моренгейм, ни Лабуле».

Спрашиваю себя, не был ли наш монарх к этому до некоторой степени подготовлен. Мне кажется, что он должен бы был быть удивлен, главным образом, смелостью поступка республиканского военного министра.

Министр и мой Ола говорили мне о перлюстрированной телеграмме Морнера, якобы неправильно передавшего слова госу-

даря; я этому почти порадовался, как средству показать его величеству, насколько трудно достигнуть того, чтобы быть хорошо понятым дипломатами, и что нельзя возлагать на министра всю ответственность за неточности их донесений.

Но, отыскав бумагу, вижу, что г. Гирс и мой дорогой друг ошиблись,—это телеграмма от Сольсбюри и передает сообщение Педжета (Paget) из Вены. Император Франц-Иосиф сказал последнему, что «считает князя Мингрельского анти-русским»; наш государь поставил против этих слов знаки: !? Далее Педжет телеграфирует: «Я выношу впечатление, подтверждаемое и мнением других, что Австро-Венгрия не относится к продвижению русских на болгарскую территорию только как к casus belli, и что Германия предоставила России в этой провинции свободу действий с условием, чтобы та осталась нейтральной в случае войны между Германией и Францией и чтобы она не нападала ни на какую австро-венгерскую провинцию» [1].

Государь на этом пишет: «Если подобный слух дойдет до наших газет, это будет фатально, и ему все поверят».

Поднявшись около 11 часов к министру, я указываю ему на ошибку и обращаю его внимание на смысл императорских пометок, который совершенно меняется, потому что вышеприведенная оценка относится к г. Педжету. Г. Гирс озабочен. Вчера на балу ни государь, ни государыня ничего не сказали ни ему, ни г-же Гирс по поводу предполагаемого у него раута. По словам княгини Кочубей, она в разговоре с государыней зондировала почву, но, хотя вопрос и решен в принципе, ее величество пожелала еще поговорить по этому поводу с государем. Министр думает, что государь не решится поехать к нему из боязни не угодить Каткову; ему кажется также, что он замечает некоторое недружелюбие в отношении великих князей, которые могли оказать влияние на своего августейшего брата. Г. Гирс говорит, что жена его должна теперь чувствовать, что сделала глупость, затевая весь этот праздник, но что, желая выдержать характер, она не отступает от своего плана. Я возмущен глупостями, которые читаю в «дневнике» «Гражданина». Вслед за самой низкой лестью по адресу государя, Мещерский, описывая послед-

[1]) В подлиннике эта телеграмма на английском языке.

ний бал в «концертной», делает самые нелепые замечания по адресу министра. Забавно то, что он заканчивает свою глупую статью утверждением, что министр иностранных дел уже не играет большой роли в России, потому что политикой руководит сам государь; Катков же в своей газете в тот же день констатирует слабость и нелепость нашей политики. Надо сознаться, что органы нашей привилегированной прессы льстят его величеству не особенно искусно.

Завтракая со своим Ола, я распространяюсь против двора. Говорю, что министр портит свое положение своей деликатностью и скромностью. Ему следовало бы однажды откровенно высказать государю, что он нисколько не дорожит своим местом; впрочем, он ему сказал в момент своего назначения, что если он останется на своем посту, то это только потому, что не считает себя в праве дезертировать и не гонится за своим личным престижем. Когда-то в России министр пользовался поддержкой монарха, теперь считают, что угождают его величеству, нападая на г. Гирса и на дипломатию, и государь со своей стороны делает все, чтобы дискредитировать последнюю. Около 4 часов приходит Зиновьев и заявляет нам, что только-что вернувшийся из Государственного Совета министр вызвал там большую сенсацию тем, что приостановил решение по поводу ограничения «гласного судопроизводства», высказав соображения по этому поводу, развитые в переданной ему перед самым заседанием профессором Мартенсом записке, в которой доказывалось, что с изменением судопроизводства наши договоры о выдаче преступников утратят свой характер обязательности. Большая часть членов, противники реформы, бросаются к министру, приветствуя его и выражая ему свою благодарность; некоторые в том числе и старый граф Пален, бывший министр юстиции, говорят ему, что он спас Россию. Г. Набоков замечает, что было бы очень жаль, если бы такой важный вопрос получил разрешение при столь резких разногласиях, и хочет воспользоваться вызванной затронутым г. Гирсом вопросом отсрочкой, чтобы внести на обсуждение Совета проект реформы, который мог бы примирить разногласия. Председатель Совета, великий князь Михаил, с согласия министра юстиции Манассеина, делает распоряжение передать все это дело для нового рассмотрения департаментов Государственного Совета. Почти все торжествуют,

когда к концу заседания приезжает Победоносцев. Узнав о результате, он приходит в ярость, рвет, говорят, на себе остатки волос и, повидимому, готов поносить бедного Мартенса, труд которого повлек за собой весь этот инцидент. Я говорю Зиновьеву, что самый факт этот и особенно вызванные им по адресу министра шумные одобрения со стороны его коллег меня немного тревожат, так как государь, конечно, не будет этим доволен.

Телеграммы из-за границы, еще недавно одна от Бутенева из Лондона и сообщения Катакази из Парижа опять отмечают сильное движение среди нигилистов и эмигрантов-анархистов, которые говорят о предстоящем в ближайшее время покушении на жизнь государя. В городе было много арестов, особенно среди военной молодежи. Наши бумаги продолжают падать, и причина этого лежит не только в слухах о войне. Передвижения войск, на которые нам со всех сторон тайно указывают, конечно, не могут действовать успокоительно, но, кроме того, говорят о заговоре нескольких банкиров за границей и Зака здесь, решивших играть на понижение нашего курса и наших ценностей, чтобы вредить Вышнеградскому, на которого они злы.

Вторник, 27-го января.

Поднимаюсь к министру около $10^1/_2$ час. Успокаиваю его относительно его раута. Мне кажется вполне естественным, что государыня не пожелала дать ответа княгине Кочубей, которой ни она, ни государь не любят и которой она, вероятно, не хотела доставить торжество все устроить. Мне кажется, что их величества примут приглашение министра, но пожелают подчеркнуть, что делают это для него и заговорят об этом сегодня же. Мысль эта, повидимому, придает бодрости министру, который чувствует себя поставленным в ложное положение уже возникшими о его предполагаемом вечере разговорами. Что касается дел, то я осмеливаюсь посоветовать министру не касаться вопроса о возобновлении нашего договора, а указать государю на желательность его отклонения в случае, если бы ему действительно было вручено письмо от генерала Буланже, что могло бы быть сделано только помимо дипломатических путей, при посредстве военных; наконец, относительно болгарских дел — рекомендовать упорное спокойствие, и если наши усилия привести к примирению в Кон-

стантинополе цели не достигнут, воздержаться от всякого участия в обсуждении подробностей, предоставив болгарам вариться в собственном соку,—тем скорее они сами обратятся к нам со временем. Помогаю дежурному чиновнику закончить работу над полученными телеграммами и читаю их г. Гирсу, который в $11^{3}/_{4}$ уезжает в Аничковский дворец.

С нетерпением поджидаю возвращения министра. Он приезжает около 2-х часов, но присылает за мной только около $2^{1}/_{2}$. Едва успел я войти в кабинет, как г. Гирс закрывает дверь и говорит, что хотел видеть меня одного, чтобы рассказать мне все, что только-что произошло между ним и государем. Никогда еще у него не было подобного доклада. Когда он вошел к его величеству, государь ходил по комнате, белый от гнева, с трясущейся от бешенства нижней челюстью. В высшей степени раздраженным тоном государь заговорил о том, что произошло вчера в Государственном Совете. «Я уже через полчаса все узнал и никогда в жизни так не сердился. Даже Владимир приехал мне сообщить и говорил, что подобного скандала никогда еще в Государственном Совете не было. Это заговор этой клики юристов, и ваш Мартенс в заговоре. Ему — строжайший выговор. Все эти судебные учреждения известно к чему клонят. У покойного отца хотели взять всякую власть и влияние в судебных вопросах. Вы не знаете, а я знаю, что это заговор, и вот когда мера должна была [быть] решенною, мера внутреннего порядка, министр иностранных дел все останавливает опять, чтобы спросить позволения Европы. Ну, если после этого пресса будет на министерство нападать, так это и по делом. Вся Россия будет его проклинать, и т. д., и т. д. Теперь дело передано в департаменты и затянется на месяц; я тут ничего не могу сделать». На возражение министра, что не мог же он, однако, умолчать о замечаниях, сделанных нашим юрисконсультом, профессором международного права, и что именно он, как министр иностранных дел, был обязан стоять на-страже внешних отношений с Европой, игнорировать которую как раз он и не имеет права; что он, впрочем, не предполагал, что соображения, на которые он

счел своим долгом обратить внимание Совета, приведут к отложению дела на такой долгий срок, и что таковое было решено министром юстиции Манасеиным и великим князем, председателем, государь возражает: «Манасеину ничего другого не оставалось делать, а велик[ому] князю Михаилу Ник[олаевичу] я взмылил голову; он также пробует либеральничать и следовать этому направлению». Одним словом, государь дает ясно понять свое намерение свести на-нет судебную реформу, т.-е. одну из реформ, прославивших царствование его покойного отца. Г. Гирс говорит, что его величество был в состоянии такого бешенства, что министру стало понятно, что человек этот мог бы разорвать себе подобного на куски. Министр был уверен, что результатом этой сцены должна была явиться его отставка, и, сохраняя полное спокойствие, говорил себе, что в конечном итоге лучше пасть жертвой служения принципу справедливости и верности своему долгу. Нимало не волнуясь, он предоставил государю бушевать до конца и затем сказал ему: «В[аше] вел[ичество], позвольте мне сказать два слова: я глубоко огорчен всем тем, что вы изволите мне говорить, но у меня в мысли не было сделать что-либо противное вашей воле; я думал и был убежден, что исполняю свой долг, и признаюсь, не знаю, как бы я мог поступить иначе». Спокойствие г. Гирса подействовало, повидимому, успокоительно и на его величество. Он кончил тем, что несколько оправился от своей ярости и по обыкновению пригласил министра к завтраку, хотя до последнего оставалось еще $^1/_4$ часа, а г. Гирс заявил, что не может делать своего доклада в виду огорчения, которое ему причинило столь резкое неодобрение со стороны его величества. За стол сели втроем: их величества и министр. Так как государыня упомянула о рауте, г. Гирс признался ей, что не решается просить их величества, хотя горячо желал бы это сделать. Она и успокоившийся тем временем государь любезно приняли приглашение. Прощаясь с государыней, министр поцеловал ей руку и выразил ей свою благодарность, прибавив: «тем более, ваше величество, что я только-что получил ужаснейшую головомойку». «Как, настоящую головомойку?» спросила ее величество, но г. Гирс полагает, что ей все было известно, тем более, что государь ей сказал, между прочим: «Я вчера ни о чем другом

думать и говорить не мог». Приходит Жомини и, к нашему большому неудовольствию, прерывает нашу интересную откровенную беседу; министр сообщает и ему о том, что их величества приняли приглашение, и мы говорим о списках, которые министр просит меня позднее еще просмотреть с ним и с Оболенским.

Среда, 28-го января.

Государь возвращает написанную на сей раз на русском языке экспедицию Нелидова от 22 января/3 февраля. С удовольствием вижу, что государь подчеркивает и ставит крупное «да» против следующего места депеши № 16: «Если бы, к сожалению, все наши старания и труды не привели к желаемому результату, по моему мнению, следовало бы продолжать политику полного воздержания и невмешательства в болгарские дела, чем само собою, рано или поздно, должно быть достигнуто благоприятное их решение. А в том случае, когда, вопреки нашему желанию, на востоке возникли бы серьезные осложнения, я питаю глубокое убеждение, что в решительную минуту, каков бы ни был состав болгарского правительства,—народ и его вооруженная сила станут на нашу сторону, а не на сторону наших врагов, кто бы они ни были».

Мне кажется, что при современном положении вещей, при отсутствии опасности возвращения Баттенберга в Болгарию, мы можем во всем остальном держаться в стороне и предоставить времени восстановить наше влияние в этой стране, не создавая там себе излишних осложнений. Кажется, когда генерал Швейниц передал государю письмо своего монарха, его величество сделал ему самые мирные заверения. Посол был в восторге от своей аудиенции и сказал это г. Гирсу. Перлюстрации свидетельствуют о том же. Около 11 час. подымаюсь к министру: он очень озабочен приготовлениями к своему вечеру, и мы идем смотреть сцену, над которой работает с обойщиками князь Кантакузен-Сперанский.

Около 3 часов — Зиновьев; он виделся с директором департамента полиции г. Дурново; последний очень озабочен изве-

стиями о внутреннем положении. Заговор нескольких офицеров и воспитанников военных учебных заведений был открыт в Харькове действиями одного моряка или артиллериста, который был туда отправлен с целью воздействовать на военных и возбуждать в армии симпатии к революционному движению. Дурново сказал Зиновьеву, что эти волнения производят очень сильное впечатление на государя, и что его величество приказал сообщать ему немедленно показания всех арестованных. Он лично следит за всеми подробностями следствия. Влангали был вчера на небольшом вечере у великого князя Михаила, где единственным представителем императорской фамилии был великий князь Павел. Их величества были у Воронцова-Дашкова; там читали новую драму Толстого. Влангали рассказывает, что за ужином у великого князя Игнатьев похвалялся, что очень напугал старую княгиню Кочубей, занимающую квартиру на Мойке, в доме Волконских, в которой 50 лет тому назад умер Пушкин; он уверил ее, что завтра перед ее окнами будут произведены демонстрации, тем более, что в час кончины нашего знаменитого поэта будет отслужена панихида в церкви конюшенного ведомства, где было совершено отпевание, и на том месте, где он был ранен Дантесом. Напуганная обер-гофмейстерина хотела писать обер-полицеймейстеру генералу Грессеру и просить у него защиты. Мне кажется, что ей следовало бы отслужить панихиду в той комнате, где скончался Пушкин. На доме прибита мраморная доска с роковым числом «29 января 37 г.». Очень меня удивляет и то, что назначенный на завтра при дворе бал в концертной не отменен; это значит весьма мало считаться с национальным трауром, а ведь мы в России!

Четверг, 29-го января.

Посылаю во дворец записку с извещением о том, что по болезни не могу сегодня вечером быть на балу. Газеты, по крайней мере большая часть из них, появляются в черной рамке по случаю годовщины смерти Пушкина. Перед дворцом должен был состояться парад, но был отменен. Подымаюсь к министру, с которым, помимо дел, много говорим о приготовлениях к его вечеру. Сойдя в канцелярию, узнаю из телеграммы Моренгейма, что известие о письме Буланже справедливо, но что Флуранс

в последнюю минуту помешал его отправлению. Это несколько пошатнуло положение французского военного министра. Эта телеграмма так же, как и полученная вчера, в которой передаются доверительные сообщения графа Мюнстера барону Моренгейму по тому же поводу, возвращаются от государя без всяких пометок. Говоря с г. Гирсом во вторник во время доклада об этом письме Буланже, его величество сказал: «Посмотрим»; это наводит меня на мысль, что эти попытки не были ему совершенно неизвестны, и что находящийся теперь в Париже генерал Богданович, друг Каткова, мог тут что-нибудь настряпать. Жомини даже думает, что предстоящий приезд сюда Катакази имеет целью содействовать возвышению Ферри. Все та же мысль передать правительство республики в твердые руки и поставить во главе его кого-нибудь, с кем бы можно было говорить, имея в виду союз.

Пятница, 30-го января.

Когда я подымаюсь сегодня утром к министру, он мне сообщает, что вчера на балу не мог говорить ни с государем, ни с государыней и не знает таким образом, какой день будет наиболее удобен их высочествам для его вечера. [Государыня еще танцует.] Великий князь Михаил отвел г. Гирса в сторону и говорил с ним по поводу инцидента в Государственном Совете. Его императорское высочество тоже получил, повидимому, головомойку от своего августейшего племянника. Великий князь выражает г. Гирсу сожаление по поводу того, что министр назвал Мартенса, потому что его величество в бешенстве на последнего. Он просит г. Гирса поспешить с его ответным объяснением Совету, потому что государь желает насколько возможно ускорить ход этого дела.

Суббота, 31-го января.

Встаю немного раньше, но не успеваю, однако, побриться, как уже меня зовут к министру. Он занят исправлением записки, которую ему написал Сакен, чтобы мотивировать его заявление в Государственном Совете. После категоричных заявлений монарха я не счел бы для г. Гирса ни возможным, ни удобным возвращаться к сущности вопроса, но советую ему указать на опасность того, что, вследствие изменения порядка судопроизвод-

ства, государства, заключившие с нами соглашения о выдаче преступников, могут счесть себя свободными от обязательства выдавать политических, в виду чего необходимо обратить на это внимание Совета. Мы изменяем редакцию в этом смысле, и я спускаюсь только к завтраку.

Около 9 часов приходит Шишкин; он рассказывает ужасы по поводу очень, кажется, серьезных арестов. Между прочим говорят, что захватили известного убийцу Дегаева [1], который, кажется, жил все время на Лиговке, между тем как считали, что он в Америке. Эти события должны отражаться на настроении нашего монарха. Сегодня он возвратил написанное по-французски, адресованное кн. Лобанову, отношение нашего генерального консула в Пеште с следующей пометкой: «Кому он пишет, — французскому послу или князю Лобанову, русскому послу; вообще как прекрасно ваши подчиненные исполняют министерские циркуляры». На проекте инструкции назначенному в Тегеран князю Долгорукому, против слов, где говорится о трудности вступать в переговоры о железнодорожных и торговых концессиях со столь первобытной и мало в этом отношении развитой страной, как Персия, его величество написал также: «С этим я не согласен».

Я было испугался, — не являются ли эти две пометки симптомом монаршего неудовольствия по адресу министра.

Февраль.

Воскресенье, 1-го февраля.

Пакет возвращаемых сегодня государем бумаг содержит только одну пометку, а именно — на телеграмме Нелидова, где идет речь о комбинации Алеко-паша Богоридес в качестве регента; он желателен для военных властей Софии, истинных держателей власти. Богоридес склонен, повидимому, согласиться при условии, что это будет приятно России и что она тотчас же пришлет в Болгарию своего дипломатического агента. Его величество помечает: «Подобной личности довериться невозможно». Относительно Болгарии дела обстоят нехорошо. Все более и более приходят к заключению, что влияние наше может восстановиться только со временем. Попытки восстания, которым государь при-

[1] В подлиннике написано Дегойцев (Degoitzew).

давал такое значение, терпят, одна за другой, неудачи. В Софии только-что арестовали еще г-жу Поногоглу, которая должна была попытаться подкупить Николаева и побудить болгарских офицеров предпринять энергичные действия против регентства. К счастью, кажется наиболее компрометирующие бумаги были не при ней.

Понедельник, 2-го февраля.

Утром вижу, по обыкновению, министра. Он говорит мне о своих политических заботах и о предполагающемся вечере. Предлагаю ему перенести на несколько дней его кабинет в мою квартиру.

Вторник, 3-го февраля.

Придя к министру, нахожу его несколько обеспокоенным тем, что Оболенский не дал еще ответа о желании государыни относительно ужина; есть и еще неприятность — Андрие и суфлер не свободны во вторник вечером. Дамы имеют безумие просить министра обратиться к их величествам с просьбой о назначении другого дня. Я умоляю его не делать этого; обещаю ему добиться у Всеволожского освобождения на этот день Андрие и суфлера посредством изменения порядка спектаклей.

По моем возвращении меня зовут к г. Гирсу, который говорит, что очень доволен своим *докладом* в деловом отношении, но испытывает некоторые сомнения касательно отношения их величества к его вечеру. Когда собрались к завтраку, государь и государыня сначала удалились в соседнюю комнату и там пошептались. Государыня вышла «*нахмуренная*», не дотронулась до еды и имела натянутый и недовольный вид, между тем как государь был весел и любезен. Министр подумал даже, что произошла какая-то перемена, и, чтобы выяснить этот вопрос, заговорил о ежедневных репетициях. Тогда государь подтвердил обещание быть и назначил съезд в $8^1/_2$ ч. Вопрос об ужине все еще не выяснен, и я хочу просить Ола узнать у его брата ответ. Но министр чувствует какое-то недоброжелательство со стороны государыни и ему тяжело при мысли, что приглашение его неприятно их величествам. Он не хочет говорить о том жене, чтобы ее не расстраивать, и никому вообще, но, раскаиваясь в том, что все это затеял, он твердо решил никогда

больше ничего подобного не повторять. В отношении дел государь был очень разумен и одобрил посланную министром в Государственный Совет объяснительную записку.

Г. Вланган говорил вчера, что ее, будто бы, нашли очень слабой, но ведь он не испытывал бы особых сожалений, если бы министр принял на себя обязанности таскать для других каштаны из огня.

Четверг, 5-го февраля.

Министр присылает за мной ранее обыкновенного. Он собирается посетить великих князей и пригласить их на вечер и советуется со мной по поводу записок, которые хочет им оставить. Я рекомендую ему повидать цесаревича или, по крайней мере, Даниловича и через них пригласить великого князя Георгия. Сегодня заседание Государственного Совета, и министр отправляется туда тотчас по возвращении со своей прогулки. Завтракаю с Ола. Он мне рассказывает, что вчера государь остался недоволен парадом, и что принц Ольденбургский должен был даже посадить нескольких военных под арест. К чаю приходит Зиновьев и рассказывает, между прочим, что имел беседу с Семеновым из св. синода, который в прошлом году писал брошюры по финансовым вопросам; тот ему признался, что Вышнеградский не внушает ему особого доверия, так как непоследователен и не имеет определенной системы, а просто является ловким и крайне смелым человеком. Новый министр финансов будто бы признался Семенову, что, в случае непредвиденного дефицита, он не задумается произвести разверстовку [1]) на различные министерства, а в случае европейской войны найдет вполне естественным прекратить уплату % по внешним займам, чтобы наказать Европу. Будь—что будет! Г. Гирс просит меня подняться около 3-х часов. У г-жи Гирс только-что была княгиня Кочубей и уверяла ее, что послы должны непременно ужинать за столом государыни, а что государь никогда там не сядет; обер-гофмейстерина намеревается поговорить об этом с государыней сегодня вечером на балу в Аничковском дворце. Так как все это противоречит тому, что сообщил князь В. Оболенский, министр боится, чтобы не произошло какой-либо серьезной путаницы и чтобы

[1]) Написание подлинника.

государыня, которая, кажется, и так не вполне довольна, не была раздражена настоятельностью, с которой старая княгиня навязывает ей общество дипломатов. Я предлагаю поручить Ола доверить все эти затруднения его брату. Обедаю один. Посылаю министру план распределения мест за пятью столами в комнате, где должен состояться высочайший ужин, и советую написать обер-гофмейстерине до ее отъезда во дворец и просить ее, в виду новой комбинации, отложить ее переговоры с государыней. Г. Гирс следует этому совету, и записка застает княгиню еще дома.

Пятница, 6-го февраля.

Утром, когда я прихожу к министру, он говорит мне о своих приготовлениях к вечеру и очень меня просит не приводить в исполнение моего намерения уехать на несколько дней, потому что я бываю ему ежеминутно полезен и придаю ему бодрости. Я выражаю ему свою признательность за его доброту, но прибавляю, что сомневаюсь в хорошем отношении ко мне двора. Он говорит, что я ошибаюсь, что государь наилучшего мнения о моей особе и моем характере, только считает меня оригиналом и дикарем; то же следует сказать и о государыне, и я не должен удивляться предпочтению, оказываемому ею Оболенскому, потому что она сама признается в том, что питает слабость ко всей этой семье.

Николай Карлович рассказывает мне также, что на последнем докладе государь опять подчеркнул ему необходимость настаивать на том, чтобы переписка министерства велась, поскольку возможно, на русском языке; он заметил, что если Жомини не умеет писать по-русски, то у него для этого имеются я и Оболенский; при этом министр сообщает мне, что государь проявляет к нему все больше и больше благосклонности и доверия, но что он замечает большую перемену со стороны государыни, которая стала гораздо холоднее и сдержаннее. Он приписывает это какой-нибудь сплетне и подозревает, что это произошло не без участия Владимира Оболенского. Прежде государыня обращалась с министром по-дружески, шутила с ним, и т. п. Теперь, с осени, совсем не то.

Моренгейм пишет, что отправка письма Буланже к государю не состоялась вследствие протестов других министров. Подроб-

ности и особенно жалобы г-жи (M-lle) Флуранс графине М... создают грустное представление о республиканском правительстве. Государь делает пометку: «Что за плачевное правительство».

Суббота, 7-го февраля.

Жомини приходит около 3 часов, застает у меня Зиновьева и очень интересно передает нам политическое завещание гр. Нессельроде, который рекомендовал политику монархическую, антипольскую и союз с Пруссией и Австрией, как самый выгодный для России. Попытки Горчакова притти к соглашению с Францией никогда не были успешны, и когда в своем отчете о 25-летней деятельности министерства Жомини упомянул о завещании Нессельроде, князь просил его это пропустить для того, чтобы не говорили, что старый граф канцлер был пророком. Вечером у Гирсов репетиция русской пьесы.

Воскресенье, 8-го февраля.

Министр недоволен вчерашней репетицией; французская пьеса, напротив, по его словам, идет превосходно. Когда около 3 часов приходит Жомини, я говорю о нападках Татищева и Молчанова на министерство с резкостью, за которую себя потом горько упрекаю.

Понедельник, 9-го февраля.

С раннего утра ко мне переносят письменные столы и другие предметы из кабинета министра и расставляют их в моей красной гостиной. Министр уезжает в Государственный Совет; мы завтракаем с Ола в одной из моих внутренних комнат, и я окончательно приготовляю кабинет для своего дорогого министра; около 3 часов он возвращается и устраивается в нем. Его посещает Швейниц, который в восхищении от моей квартиры. Обедаю один. Вечером министр сходит вниз только на минуту, чтобы собрать бумаги, предназначенные к посылке государю.

Вторник, 10-го февраля.

Утром министр принимает князя Имеретинского и только-что приехавшего Катакази. Последний начинает с заявления, что Германия готовится с нами воевать, и уверяет, что имеет к тому

верные доказательства. Когда министр ему говорит, что, с своей стороны, имеет доказательства противного, он меняет тон и начинает восторженный панегирик сыну г. Гирса Николаю. Около $11^1/_2$ ч. министр едет с докладом и возвращается, как обыкновенно, около $2^1/_2$ ч. Их величества были очень любезны и казались очень довольными предстоящим вечером. За завтраком государь, смеясь, замечает: «А что скажет Катков?».

Отвечаем запиской вел. княгине Ольге Федоровне, известившей перед самым докладом, что не может приехать. После чаю в 4 часа — обсуждение с Жомини и Зиновьевым вопроса о том, как распределить между мной и моим Ола обязанности сегодняшнего вечера, связанные с приемом гостей. Жомини находится под сильным впечатлением привезенных Катакази слухов о войне. Обедаю у себя один ранее обыкновенного. Около 7 часов заходит на минуту министр. С 8 часов начинается съезд приглашенных и членов царской фамилии; в 9 часов прибывают их величества. Стоя у своего окна, я вижу, как приближается их большая четырехместная карета с казаком на запятках. С их величествами — цесаревич. Жду, чтобы они взошли, и затем подымаюсь. Вечер очень удачен. Разъезжаются около 1 часу. На лестнице встречаю своего дорогого министра, который благодарит меня взволнованным голосом и говорит: «Вот кому я обязан». Я очень доволен этим успехом.

Среда, 11-го февраля.

Рано утром приходят за вещами министра, который должен принимать в своем кабинете наверху. Поднимаюсь к нему. Он еще раз меня благодарит и рассказывает разные эпизоды вчерашнего вечера. Государыня спрашивала, почему меня не видно, и предположила, что я и на этот раз не захотел явиться. Гирс уверил ее, что я руковожу всем. Перед ужином великая княгиня Александра Иосифовна с сыновьями и великий князь Николай-отец уехали, и за императорским столом оказались пустые места. Государь, смеясь, выражает свое неудовольствие по поводу отъезда их высочеств. Лишние стулья убираются, и ужин проходит en famille. Великий князь Владимир говорит также комплименты министру и выражает надежду, что положено хорошее начало приемам. Г. Гирс едет с супругой благодарить за посещение. В то время как я беру назад портреты императора Павла и императрицы Марии Федоровны, которые давал для маленькой угловой

гостиной, мне кажется, что на портрете великой императрицы я вижу подпись Левицкого.

«Le Nord» и «Politische Korrespondenz» крайне несвоевременно поместили статьи, внушенные Жомини корреспонденту Жаконэ (Jaconey), который этим очень горд. Министр очень недоволен и собирается принять строгие меры. Действительно, говорить теперь о нашем расположении к Франции и о препятствиях, которые в случае войны встретила бы с нашей стороны Германия, — неполитично и отнюдь не является средством водворить спокойствие, столь желательное нам во всех отношениях.

Все отзываются с похвалой о том, как был устроен праздник у Гирсов. Боюсь, что это стоило ему бешеных денег, и вспоминаю телеграфный ответ Бисмарка Швейницу во время коронации на его вопрос о том, до каких пределов могут быть доведены расходы: «Wenn schon—denn schon» [1].

Четверг, 12-го февраля.

Вчера мой министр не успел принять дипломатов и делает это сегодня. Все они в восторге, хотя и ужинали не за царским столом, а только в той же комнате. Жомини приходит в 4 часа. Мы говорим о Жаконэ, Татищеве и Катакази, против которых я высказываюсь, не стесняясь. Барон сообщает мне, что видел уезжающего в Москву Циона (Syon), и поручил ему сказать Каткову, что во многих отношениях разделяет его мнения, но заклинает его не поверять их прессе в виду огромного вреда, который это причиняет, а ограничиваться подачей государю докладных записок в этом смысле. Удобный старший советник посольства! Обедаю у Гирсов, которые осыпают меня любезностями. В 8 часов ухожу, потому что они едут на бал в Эрмитаж. Я имею приглашение, но не еду — устал, нездоров и чувствую непреодолимое отвращение к этому двору, имеющему характер кабачка!

Пятница, 13-го февраля.

Получаем любопытную личную телеграмму от Моренгейма на тему о попытке прислать Вогюэ с поручением позондировать почву в смысле намерений императорского кабинета. По словам нашего посла, «в Париже ожидают со стороны Берлина попытки

[1] Нем. поговорка, имеющая смысл: «если уж пойти на это, то до конца».

выяснить, в виду возможности некоторых обстоятельств, отношения Франции, в целях приобретения гарантий ее миролюбивых намерений по отношению к Германии. Флуранс конфиденциально сообщил, что Гогенлоэ уведомил его официозным путем о своем скором приезде в Париж. Из вполне верного и авторитетного источника я слышал, что французский кабинет будто бы имеет намерение при посредстве особо доверенного лица переговорить секретно с императорским кабинетом и выяснить, найдем ли мы удобным, в случае надобности, согласовать в некоторых точно определенных случаях наши взаимные отношения. Выбран с этой целью должен быть Вогюэ, вдохновитель Шодорди (Chaudordy), тайное влияние которого сказывается с каждым днем все сильнее и сильнее. Прошу абсолютного молчания, особенно в отношении имен. Министр решается послать эту телеграмму государю только на другой день, в субботу, сделав на ней следующую надпись: «Смею думать, что это несвоевременно и не оправдывается обстоятельствами». Государь: «Может быть», затем против строк: «По моему глубокому убеждению подобная миссия принесет скорее вред, чем пользу, и сохранить ее в тайне едва ли окажется возможным», государь помечает: «Желательно знать что-нибудь более обстоятельное, — что собственно желало бы французское правительство. Все это пока слухи и весьма неясные; пусть Моренгейм напишет более обстоятельно». Наш августейший монарх не отдает себе ясного отчета в том, что единственной целью всех этих выступлений является желание испортить наши добрые отношения с Германией, и что барон Моренгейм играет в руку французам, думая угодить этим их величествам — государю и Каткову.

Министр решается, однако, ответить следующее: «Ваша телеграмма от 12-го была повергнута на благоусмотрение государя императора. В виду невыясненности относительно предполагаемой миссии Гогенлоэ в Париже, не видим оснований входить в переговоры по неопределенным вопросам, особенно при посредстве тайных агентов. Если получите более точные сведения, благоволите нам их сообщить.

Эта ответная телеграмма отправляется в воскресенье, 15-го, вечером.

Апрель.

Среда, 1-го апреля.

... Чудная свежая ночь; на Неве медленный ледоход. В подъезде встречаю своего дорогого министра, который намеревается пройтись. Ходим немного перед зданием министерства, при чем он передает мне свой разговор с Бюловым, которому поручил позондировать почву у Бисмарка по поводу урегулирования болгарских дел назначением князя Мингрельского регентом и способов водворения его в качестве такового в Софии. Г. Гирс говорит также, что только-что послал мне пакет от государя и, среди возвращенных бумаг, перлюстрацию Иессена, касающуюся революционных махинаций Циона, друга и корреспондента Каткова, из Парижа. Его величество просит ему составить по этому поводу «записку для памяти», чем я и занимаюсь по возвращении.

Четверг, 2-го апреля.

По окончании службы вижу на главной лестнице своего министра; он просит меня зайти к нему взглянуть на вторую перлюстрацию, касающуюся Каткова и Циона, который якобы стремится довести дело до войны с целью вызвать в России потрясения. В этом документе Бюлов рисует довольно верный, но ничуть не прикрашенный портрет Каткова и говорит о безнравственности его приспешников, между прочим, и Татищева. В этой бумаге есть ссылка на предыдущую и на очень оригинальное письмо Иессена к министру, в котором наш поэт-перлюстратор выражает уверенность в том, что Катков метит не только в председатели парламента, а и в президенты «Всероссийской Республики». Мы смеемся над наивностью этого сообщения. Министр тем не менее решает послать сегодня вечером государю немецкую перлюстрацию и письмо Иессена.

Пятница, 3-го апреля.

Узнаю из газет, что Катков уехал в Москву. Придя к министру, слышу от него, что исполняющий уже несколько дней за отсутствием Швейница обязанности поверенного в делах Бюлов

передал ему от имени князя Бисмарка, что, в виду постоянных нападок со стороны нашей прессы, он думает об отозвании германских консулов из Болгарии. Он советуется с министром или, скорее, предупреждает его об опубликовании того, что уступка Боснии и Герцеговины состоялась до Берлинского договора, что Германия тут не при чем, и что уступка эта была сделана князем Горчаковым непосредственно Австрии еще до войны 1877 г. Германский поверенный прибавляет, что раз секретный договор 1877 г. стал известен прессе, надо было ожидать того, что он перестанет быть тайной. Это обнародование в некоторых отношениях, да и с точки зрения личных интересов Гирса, может оказаться даже благоприятным, но министр просит, чтобы ему дали время поговорить с государем, и чтобы германское правительство задержало, если возможно, до тех пор это опубликование.

По выходе из церкви меня опять приглашают к министру; нахожу его в сильнейшем волнении. Он только что получил от государя «На прочтение для вас одних и немедленного возвращения записку Каткова, писанную для меня одного, а не для чужих». Записка эта гнусна, настоящий «донос». Министр просит меня не говорить о ней никому, — «даже Оболенскому», прибавляет он, — но прочесть ее и помочь ему сохранить в памяти главные места, относительно которых он должен говорить с государем. На этом документе нет никакой высочайшей пометки. Я записываю главные пункты, выделяя подлые обвинения, которые следует опровергнуть. Записка эта подписана Катковым 31 марта 1887 г., в момент его отъезда в Москву, и, очевидно, доставлена государю после последнего «доклада» во вторник, 31 марта. Эта моя работа затянулась, и пришел Оболенский. Пьем чай и мне приходится ждать его ухода, чтобы закончить свое извлечение и вложить его в отдельный конверт, который далеко за полночь отправляю в Гатчину при небольшой записке Гирса государю. (Оставляю это извлечение в моих бумагах и воспоминаниях.)

Суббота, 4-го апреля.

Государь возвратил Бюловские перлюстрации касательно деяний Циона, Каткова в Париже и письмо Иессена; послед-

нее только с красной чертой, а на перлюстрированном документе его величество пометил: «Страшно немцы не любят Каткова, впрочем, оно и понятно».

По моем возвращении около 11½ ч. меня просят к Гирсу. Я говорю ему, что приостановил телеграмму цензуры, сообщающую, что, вследствие распространившегося слуха о том, что он получит одобрительный рескрипт, курс поднялся. Он говорит мне, что сомневается в этом, что записка Каткова, вероятно, произвела впечатление на его величество, что государь опять побоится возбудить неудовольствие этой партии, и что последние пометки свидетельствуют о новой перемене в направлении нашего слабоумного монарха.

В 4 часа, по обыкновению, собираются у меня к чаю. Тысячи предположений по поводу того, какой знак отличия получит министр. По словам Вилангали, ему известно, что это будет орден св. Владимира 1-й степени при кратком, но очень лестном рескрипте. Вечером томительное ожидание фельдъегеря, который должен привезти столь желанную награду министру. Ничего! Г. Гирс отправляется пройтись. Вернувшись около 10 час., он меня призывает и говорит: «Ну, что ж! разве я был не прав?» Я отказываюсь верить; два пакета, принесенные один за другим от государя, все еще заставляют меня надеяться. Около 10 часов их величества приезжают из Гатчины не в Аничков дворец, а прямо в Зимний. Я отказываюсь итти к «завтрене» во дворец, чувствуя себя слишком огорченным и даже возмущенным тем, что происходит.

Воскресенье, 3-го апреля.

Около 11 часов подымаюсь к министру и мне почти неловко его видеть, — он принимает это с большим достоинством и говорит, что ничего лучшего и не ожидал и что лично он совершенно равнодушен к тому, что не получил никакого проявления монаршего благоволения. Только после этого будет еще труднее говорить в желательной форме с иностранными послами и правительствами и пользоваться в их глазах достаточным авторитетом. Выход во дворце вчера был холоден и не весел. Их величества казались очень печальными и озабоченными и, вопреки всем обычаям, тотчас после церемонии уехали опять в Гатчину.

Дело в том, что очень опасались нового покушения. У заутрени были только великая княгиня Елизавета Федоровна и принцесса Евгения Ольденбургская; все великие княгини-тетки отсутствовали. Никаких сколько-нибудь заметных проявлений милостей, кроме как по отношению к монахам. Оржевский покидает свой пост в виду хаоса, который собираются ввести в этом управлении. Генерал Шебеко, единственной обязанностью которого было составлять партию графине Толстой, бог весть почему назначается товарищем министра внутренних дел и начальником отдельного корпуса жандармов на место Оржевского. Нечаев, Мальцев и три молодых человека, для которых министр не просил придворных должностей, назначены камергерами и камер-юнкерами; те, о которых мы ходатайствовали годами, не назначены! — Одним словом..!

Министр говорит мне, что вчера все выражали негодование по поводу того, что он ничего не получил. Он хочет отправиться во вторник с докладом и своих чувств не выказывать, а затем сказаться через неделю больным и при первой возможности выйти в отставку.

Вчера мы получили парижскую экспедицию, которую министр мне передал перед отъездом во дворец. В донесениях барона Моренгейма нет ничего особенно нового; три письма Катакази, напротив, очень любопытны. Он настаивает на необходимости во всяком случае заменить тройственные соглашения дуэтом с Германией и дает очень верное, но почти отвратительное описание анархической, богохульствующей и дезорганизованной Франции, с которой желают связать Россию Катковы и им подобные. Мы приготовляем все эти документы для 4-часового пакета. Ола приходит завтракать. Вслед затем я делаю несколько визитов в обоих домах министерства, оставляю при этом и его карточки. Около 2 часов мы подымаемся на минуту к г-же Гирс, затем Влангали и Зиновьев приходят пить чай. Все спрашивают себя, и никто не может понять, чем объясняется отсутствие ожидавшегося отличия для Гирса. Повидимому, рескрипт был даже заготовлен, и государь передумал в последнюю минуту. Вечером министр просит меня подняться на минуту; он желает показать мне отвратительную статью Поггенпоста в «La Patrie» и передать несколько бумаг и телеграмм, ответы на которые надо приготовить для их величеств.

Понедельник, 6-го апреля.

В полученном утром пакете возвращенных государем дел находится посланная вчера парижская экспедиция; на письме Моренгейма, в котором последний говорит о солидарности интересов на Ближнем Востоке и о добрых отношениях, которые обещают установиться между нами и Францией, государь сделал пометку: «Все это очень утешительно».

На депеше, гласящей, что Флуранс отнесся почти одобрительно к нашему отказу принять участие в выставке 1889 г., потому, что он противник заполняющих французский кабинет радикалов, против места: «Тем более, вероятно, что г. Лакруа (Lacroy) и его присные будут не слишком удовлетворены тем, что они оказываются дискредитированными отказом нашего авг. монарха», государь пометил: «В этом он ошибается, вот уж им все равно и начихать на всех».

1889 г. [1]

Январь.

Воскресенье, 1-го января.

Выехав из Москвы 31 декабря с курьерским поездом в 9½ ч. вечера, встречаю с комфортом новый год в своем маленьком купе спального вагона.

В Петербурге нахожу на станции своего Павла, который ждет меня с каретой. Погода холодная, но очень хорошая. Снега нет, и ездят на колесах. Яркое солнце и разукрашенные флагами дома придают городу праздничный вид. Возвращаюсь домой в самом лучшем настроении. В подъезде, расписываясь в книге министра, встречаю молодого Червинского. Нахожу у себя целую коллекцию присланных государю телеграмм, на которые его величество просил составить ответы. Переодевшись, заготовляю их.

Понедельник, 2-го января.

Отправляясь в обычный час к своему министру, я опять совершенно спокоен; ночные тревоги мои рассеялись. Г. Гирс много говорит со мной о своем завтрашнем докладе; английские газеты много пишут о предстоящем приезде в Петербург великого герцога Гессенского и его младшей дочери принцессы Алисы-Елены, внучки королевы Виктории, и трубят о браке с наследником-цесаревичем, залоге сближения России с Англией. Это вопрос, требующий большой осторожности, коснуться которого министр считает необходимым в виду связанных с ним полити-

[1] Дневника за 1888 г. не имеется.

ческих последствий. Повидимому, великий князь Сергей уже два года работает над осуществлением этих матримониальных планов.

Долгорукий вчера опять отправился к месту своей службы и недели через две может быть в Тегеране. Посмотрим, как у него пойдут дела; пока что, министр так недоволен отношением Зиновьева и его манерой завладевать делами, с тем, чтобы затем не давать им хода, что считает его почти больным, действующим бессознательно, и мечтает «для его блага» и для пользы министерства о перемещении, при котором во главе азиатского департамента стал бы Шишкин с двумя вице-директорами (одним из которых был бы Чарыков), между тем как Зиновьев отправился бы отдохнуть и освежиться в Стокгольм.

Вернувшись, застаю Влангали, к которому затем присоединяется Зиновьев, Никонов и Ону; последний бывает очень интересен своими рассказами, но он очень сдержанный и осторожный человек и предпочитает, повидимому, говорить лишь в присутствии Оболенского и меня, в тех же случаях, когда собрание бывает более многочисленным, — пользоваться исключительно своими ушами.

Меня вызвал Деревицкий; Оболенский же, побыв очень недолгое время, снова ушел, не сказав, когда вернется; между тем министр присылает бумаги для государя и, между прочим, несколько заготовленных мной для его величества ответных телеграмм, с просьбой отослать пакет тотчас; я в затруднении; наконец, около 11 часов отправляю бумаги и ухожу, но беспокойство о том, что делается в канцелярии, мешает мне лечь. Наконец, около полуночи возвращается Ола; министр просит заготовить еще несколько ответных телеграмм, которые я немедленно пишу и затем ложусь.

Вторник, 5-го января.

Около 11 часов подымаюсь к своему дорогому министру, который только что попросил меня составить еще несколько ответных телеграмм; я посылаю просить Деревицкого их переписать, а сам занимаюсь телеграммой из Тегерана, которую Приселков никак не может закончить. Все кончено во-время, и я прихожу к министру в тот момент, когда он собирается ехать. Зиновьев у себя. Г. Гирс рассказывает, что барон Моренгейм, только что приехавший со всем семейством, заявляет всякому

встречному, что 31-го декабря, когда он представлялся в Гатчине, государь говорил с ним в течение 1 часа и 6 минут. Я замечаю, что это — признак, внушающий опасения, так как рамолисмент бедного Фойгта (Voigt) именно в том и проявлялся, что он требовал от чиновников, чтобы те кончали работу в 7 минут; подобный учет минут несколько подозрителен.

Среда, 4-го января.

Г. Гирс вынес самое приятное впечатление от своего вчерашнего доклада. Государь был необыкновенно милостив и дружественен. Министр коснулся щекотливого вопроса матримониальных проектов, о которых говорят английские газеты. Его величество был, казалось, удивлен: «Об этом я в первый раз слышу; вел[икий] герцог, действительно, собирается сюда с дочерью постом, но о свадьбе я и не думал». Затем речь заходит о принцессе Прусской, младшей сестре императора Вильгельма, и государь подтверждает г. Гирсу, что во время проезда цесаревича через Берлин в ноябре прошлого года, за ужином у Шуваловых, германский император громко сказал, что очень бы желал этого союза. Великий князь этого не слыхал, но графиня Шувалова имела бестактность ему это передать. Г. Гирс замечает, что в принципе государь ничего не имеет против этого брака, но его величество признается, что его немного пугает болезнь отца, императора Фридриха.

«Я навел справки; император сам болен и, может быть, кровь всего семейства заражена, а это было бы ужасно; и потом вообще для Никса мне больно и тяжело подумать о браке единственно с политической точки зрения»; и тут государь приводит ряд примеров, когда браки, заключенные при аналогичных условиях, оказывались неудачными, между прочим, союз датского наследного принца со шведской принцессой. Министр очень тронут нежной и сердечной заботливостью государя по отношению к сыну. Он отвечает: «Конечно, я вполне понимаю чувства вашего велич[ества]: с одной стороны, семейное счастье сына, любимого как вел[икий] кн[язь] цесаревич, с другой стороны, интересы громадной России, которые в некоторой зависимости от его

выбора. Тут решение слишком трудно и лучше предоставить его провидению, которое внушит Николаю Александровичу самый подходящий выбор».

Государь проявил также много доверия к успехам Долгорукого, который, кажется, очень ловко преувеличил трудность своей миссии и дал понять об опасности, которая ему угрожает со стороны Зиновьева. Его величество говорит: «Я его очень обнадежил (ободрил») [1]. По улыбке государя министр заключил, что государю известно недоброжелательное отношение Зиновьева к посланнику в Персии; не называя его, государь в разговоре с г. Гирсом имел такой вид, будто про себя он думал: «мы понимаем друг друга».

Пятница, 6-го января.

Только что встал, как получаю от министра записку, которой он вчера доложил государю, что 9/21-го король Оскар шведский будет праздновать 60-летие со дня своего рождения, и что, сообщая об этом, шведский посланник, очевидно, хотел, чтобы и с нашей стороны событие это было как-нибудь отмечено. Его величество возвращает министру эту записку с пометкой: «Можно утешить этого фигляра депешей от нас обоих; приготовьте ему пофразистее». Не могу удержаться от смеха. В 11 часов мой министр и Оболенский отправляются во дворец к большому выходу.

Вечером приезжает Муравьев с экспедицией, не имеющей особого значения, но которую он отправляется лично вручить г. Гирсу; последний еще за столом. Пишу Николаю Карловичу, чтобы выразить ему мое сожаление о том, что не видал его перед этим, и сказать ему, что мое нездоровье нимало не мешает моим занятиям. Он отвечает мне запиской, в которой говорит, что он просто хотел меня повидать и пригласить на вечер для подростков, который он дает завтра для своей младшей дочери.

Суббота, 7-го января.

Около 11 иду, как обыкновенно, к министру; обращаю его внимание на то, что 15/27 января день рождения императора

[1] Написано над словом «обнадежил».

Вильгельма, — будут ли его праздновать торжественным обедом вроде тех, которые давались в честь Вильгельма I, или дело ограничится телеграммой? Г. Гирс полагает, что государь склонен как можно менее чествовать этого монарха, потому что его величество уже сказал однажды, что обеды 10-го марта кончатся с окончанием царствования старого императора и не возобновятся в день рождения его преемников; министр просит меня, однако, напомнить ему об этом вопросе перед его докладом во вторник.

В связи с поездкой принца Александра Баттенбергского в Вену и оказанным ему там приемом, мы говорим о возможности его реставрации. Мне все кажется, что мы могли бы сговориться с этим, бесспорно ловким и популярным в Болгарии, человеком, по отношению к которому мы не были вполне безупречны, так как сделали невозможным его существование в том княжестве, куда сами же его водворили. Государь мог бы его вызвать сюда по случаю понесенной им недавно утраты, — смерти отца, принца Александра Гессенского, — откровенно и основательно с ним объясниться, сговориться, помиловать его и направить в Болгарию, откуда маленький Фердинанд был бы изгнан, как он того и заслуживает. Министр думает, что государь на это едва ли согласится, но что можно бы было попытаться, сговорившись с принцем Александром, удалить Кобургского, дела которого идут все хуже вследствие разногласий со Стамбуловым и болгарским духовенством и поместить кандидата, которого мы бы выбрали, например, Веймарского (Weimar). Г. Гирс вспоминает при этом о стеснительном для нас условии относительно принца Александра, столь бесполезно внесенном графом Шуваловым в наши тайные соглашения; я отвечаю, что пункт этот, признаваемый благоприятным исключительно для нас, можно будет по соглашению с Германией всегда устранить, и что отсутствие его даст нам более свободы действий в момент возобновления соглашений в июне 1890 г., если таковое состоится.

Больше всего я боюсь, чтобы австрийцы не забежали вперед и не использовали князя Александра в целях укрепления положения Кобурга и сохранения настоящего, столь для них благоприятного положения в Болгарии. Недаром же в Вене расточается столько ласк князю Баттенбергскому.

Завтракаем немного ранее 12-ти ч., потому что Оболенский торопится в Мариинский театр, чтобы присутствовать на гене-

ральной репетиции «Купца Калашникова»; последняя состоится перед очень малочисленным собранием для их величеств, которые должны решить, можно ли давать эту оперу для публики. Государь, государыня и двор будут присутствовать в креслах партера.

В 4 часа посещение г-на Ону, который обедал вчера у великого князя Сергея; он полагает, что е. и. высочество, может быть, на что-нибудь способен (est capable de se former), потому что все-таки интересуется кой-чем серьезным, а не только «вечным ношо́л» других великих князей. Он рассказывает нам различные эпизоды из путешествия в Иерусалим. Великий князь проявил много такта, большую осмотрительность и некоторую выдержку во всем, что он делает; хорошенькая великая княгиня Елизавета производит впечатление личности мало развитой, бледной и бесцветной; она почти не говорит и, кажется, мало думает. Степанов — ни в чем не сомневающийся смелый интриган. Ону вынес, кажется, приятное впечатление об Армане Стенбок.

Воскресенье, 8-го января.

Министр встает поздно, и я вижу его только после 11-ти часов.

Вечером приезжает Ваксель с очередными экспедициями, которые я вскрываю, вношу в книгу и посылаю Гирсу. Из всего им привезенного интересно только письмо Лобанова, к которому приложена заметка персидского посланника в Вене; последний говорит, что дело реки Каруня и все приобретенные за последнее время англичанами преимущества являются исключительно следствием занятой нами позиции; что шах, конечно, желал соглашения только с нами и в таком случае придал бы весьма мало цены всяким другим союзам, но отказы, которые он постоянно встречает с нашей стороны на все свои просьбы, его обескуражили и даже несколько поколебали уважение к нему в стране, где начинают подозревать Россию в желании держать Персию в приниженном положении и препятствовать росту ее торговли и ее развитию из эгоистических соображений господства.

Эти соображения не лишены справедливости, и министр говорил об этом не раз, обращая внимание Зиновьева на опасные стороны принятой им системы устрашения и постоянных отказов.

Г. Стааль в собственноручном письме указывает на замечаемую им некоторую перемену в Берлине. Бисмарк остается гениальным в крупных вопросах, но становится слишком раздражительным и делает часто оплошности в вопросах второстепенных. Об этом свидетельствуют процесс Гефкена и инцидент с Морнером (Morier). Колониальная политика в Занзибаре и Самоа потерпела ряд неудач, и великому канцлеру предстоит сильная борьба в парламенте, где с ним будут меньше стесняться с тех пор, как не стало крупной и спокойной особы старого императора, оказывавшего умеряющее влияние на политику.

Понедельник, 9-го января.

Подымаюсь к министру; он говорит мне о полученной вчера экспедиции и поручает написать ответные письма графу Шувалову и г. Стаалю, которые должны быть отправлены в четверг. На пересланной Лобановым персидской записке государь написал, что многое в ней верно, и затем сделал пометку: «довольно справедливая жалоба».

Вечером посылаю Гирсу проект письма Шувалову, который он мне тотчас же возвращает одобренным.

Вторник, 10-го января.

В то время как я встаю, мне приносят от министра на прочтение только что полученную им от государя записку, в которой его величество просит г. Гирса явиться с докладом не сегодня, а в субботу, в 12 ч. дня. «Прошу вас быть ко мне с докладом не завтра, а в субботу, в 12 часов». Подымаюсь, по обыкновению, около 11 час. Г. Гирсу несколько досадно за это промедление с работой у его величества. Я заготовил ему небольшую докл[адную] записку с целью повергнуть на усмотрение государя вопрос об обеде в честь имп[ератора] германского, но он говорит, что отложит все до субботы, тем более, что, судя по тому, что ему сказали Рихтер и Воронцов, которых он встретил вчера у Мориера, государь твердо решил не праздновать 15 января, как праздновали 10 марта. В возвращенный пакет государь вложил ответ шведского короля; значит, он послал ему телеграмму «по фразистее», которую мы вчера представили на благоусмотрение его величества.

Среда, 11-го января.

Утром посылаю министру проекты письма Стаалю и сопроводительных бумаг для других посольств. Придя к нему около 11 час., получаю их обратно одобренными. Спускаясь к 12-ти ч. в канцелярию, передаю их Оболенскому.

Четверг, 12-го января.

Отправка очередного курьера. Подымаюсь к министру; он очень недоволен полемикой между Зиновьевым и Татищевым. Статья последнего в «Новом Времени» довольно справедлива, между тем как та, которую дал редакции «С.-Петербургских Ведомостей» министр Островский, — большой поклонник Зиновьева, является несколько беззастенчивым восхвалением деятельности последнего в Персии и сводит на-нет работу всех других посланников, между прочим, и г. Гирса; между тем Зиновьев с торжествующим видом привез ему ее для прочтения. Министр смотрит на это, как на аберрацию.

Г. Гирс был с визитом у Игнатьева, застал его дома, и тот сообщил ему очень интересные известия из Болгарии. Он полагает, что предстоит близкое падение Кобурга, и что Стамбулов изыскивает средства сблизиться с нами. Министр решился принять Цанкова, который ему это подтвердил и который думает, что наиболее вероятной причиной неизбежного падения принца-узурпатора будут разногласия его с духовенством. Он настаивает на необходимости поддержать при посредстве влияния константинопольского экзарха духовенство как морально, так и оказанием ему материальной помощи. Он, Цанков, думает отправиться в Бухарест и постараться притти к соглашению со Стамбуловым. По его мнению, самое важное — указать кандидата, заместителя Кобурга.

Министр не вынес впечатления, чтобы в Болгарии вопрос уже назрел настолько, как ему говорил Игнатьев. Цанков признает, что армия разделилась на два лагеря, и что главный штаб и лучшая часть войск за Кобурга; г. Гирс считает, что, во всяком случае, не следует обескураживать Цанкова; он говорит ему о нашей умеренной и строго легальной программе и обещает предписать Ону и Хитрово, которые в данный момент здесь, действовать, — одному в Константинополе, где он

будет в отсутствие Нелидова поверенным в делах, другому в Бухаресте. — так, чтобы оказывать поддержку благомыслящим и преданным России болгарам.

Пятница, 15-го января.

Придя к министру после 11 часов, я предлагаю ему приготовить к его завтрашнему докладу две телеграммы: одну для государя, другую — для цесаревича; теперь, особенно после оказанного ему императорскому высочеству во время его последнего пребывания в Берлине любезного приема и, с другой стороны, в виду слухов по поводу дармштадтского брака, это, ни к чему не обязывая, произвело бы хорошее впечатление. Г. Гирсу эта мысль очень нравится. Завтрак немного опаздывает; тотчас после него я пишу два проекта телеграмм и посылаю их министру; он сократил одну из них и несколько изменил другую, но, мне кажется, этим их не улучшил. Около 2-х часов иду к Гепелю, и тотчас затем приходит граф Кассини. Говорим о странных нравах наших дней. Я рассказываю, как молодой князь Белосельский, тот самый, что недавно в пьяном виде стал против ложи обер-гофмейстерины Строгановой, чтобы, при полном театре, в котором присутствовал и командир полка, показать ей язык, пытался на-днях у Гирсов подпоить молоденькую, только что начинающую выезжать девушку и затем похвалялся, что, когда она уезжала со своей гувернанткой, он последовал за ней и поцеловал ее. Кассини говорит о небольших оргиях, которые позволяют себе вел[икая] к[нягин]я Мария Павловна, графиня Богарнэ и некоторые другие. Подобные собрания бывают у великого князя Алексея, у приехавшего из Парижа маленького Хитрово и т. д. Недавно один из присутствовавших господ восхищался графиней Богарнэ, при чем та его спросила, во сколько он ее оценивает. — В 800 рублей, — последовал ответ. — А великую княгиню? — О, тоже в 800! — А мою сестру? — Ну, вот еще, — 10 рублей, да и то после ужина, когда пьян. — Княгиня Белосельская слышит эти речи и лишается чувств. Недурно!

Кассини видел также недавно, как в ложу княгини Оболенской и графини Шуваловой вошел великий князь Владимир. В партере все стояли, мужчины в соседних ложах также, но Платон Оболенский и еще один офицер продолжали сидеть.

и когда великий князь встал, чтобы уходить, графиня Шувалова ограничилась тем, что протянула ему концы пальцев, даже не приподымаясь. Декорум у нас все более и более падает.

Суббота, 11-го января.

Встаю немного раньше, чтобы побриться и послать министру два новых проекта телеграмм: один для цесаревича, на случай, если его императорское высочество «на ты» с германским императором, другой — для нашего государя: редакцию последнего я нашел нужным несколько изменить в виду сделанных министром сокращений. Подымаюсь к нему около 10½ часов и затем еще раз, чтобы дать ему просимую им справку по поводу одного англичанина, ходатайствующего о чести быть представленным их величествам. Представление «Купца Калашникова», на котором он вчера присутствовал, произвело на него глубокое впечатление.

Мой министр возвращается скоро и тотчас же присылает за мной. Он в восторге от своего доклада и говорит мне, что послал за мной немедленно, даже не переодевшись предварительно, потому что хотел мне одному подробно рассказать, как все произошло. Когда он представил государю проекты телеграмм, его величество был, казалось, сначала удивлен тем, что имелся таковой и для цесаревича, но министр напомнил ему, что он также получает поздравительные телеграммы от наследников престола, и что, после оказанного великому князю в ноябре в Берлине особенно радушного приема, эта любезность явится своевременной и естественной; его величество соглашается, но не знает, «на ты» ли цесаревич с императором Вильгельмом. Затем переходят к вопросу об обеде. Государь говорит, что, ознакомившись со всеми прецедентами, он убедился, что даже император Николай I, женатый на прусской принцессе, никогда не давал обедов в день рождения короля, а приглашал только к фамильному завтраку посла и специально прикомандированного к его особе генерала. Г. Гирс предлагает последовать этому примеру и пригласить завтра к завтраку посла Швейница и полковника Вильгельма. Государь принимает эту мысль и сообщает ее за завтраком государыне, которая от нее в восторге и горячо благодарит министра за эту, как она выражается, «блестящую

идею.» Присутствующий за завтраком цесаревич заявляет, что он с императором Вильгельмом «на ты», и мои проекты утверждаются и подписываются.

Государь согласился также пожаловать германского товарища министра внутренних дел графа Берхема орденом св. Анны 1-й степени. Его величество, повидимому, очень доволен и проявляет особо дружественное расположение по отношению к министру.

Эпизод с маршалом, князем Владимиром Оболенским, который, когда министр ему сообщает о приглашении Швейница к завтраку, оказывается очень против этого и внезапно изменяет свое отношение, видя, что их величества этим очень довольны. Государь замечает, что Вильгельм, впрочем, приглашается к завтраку каждое воскресенье. Государыня говорит, что она лично уверена в том, что уже год, как не видала его за этими завтраками. Государь поддразнивает ее за пылкое воображение и для проверки обращается к Оболенскому: оказывается, что военный атташе германского императора при особе нашего государя уже целый год, как не получает приглашений. Г. Гирс лишний раз констатирует профессиональную недоброжелательность ближайших к их величествам лиц, которые стараются удалить всех и думают угодить государю, отговаривая его от всяких демонстраций в честь германского императора.

Мой министр, кажется, в восторге от достигнутого им успеха. Государь неодобрительно говорит о полемике между Зиновьевым и Татищевым. Не называя их, его величество говорит: «Кто первый начал?» Г. Гирс просит меня послать ему Ола для того, чтобы передать последнему касающиеся канцелярии бумаги, и поручает мне приготовить к вечеру поздравительную телеграмму Берхему.

К четырехчасовому чаю приходят Ону и Зиновьев после обсуждения с Арманом Стенбок (Armand Stenbock) вопроса об орденах, которые должны быть розданы в связи с великокняжеским путешествием. Ону рассказывает о том, как он вчера представлялся государыне. Ее величество в нескольких очень теплых словах вспоминала о Жомини и затем опять подробно говорила о пережитом ею при катастрофе 17 октября; как после первого момента ошеломления ей удалось выбраться через какое-то отверстие; как, не видя больше сидевшего против нее за столом государя и никого другого, среди окружавшей ее зловещей

тишины, она попыталась пойти посмотреть, что случилось, но почувствовала, что ее удерживает за плечи одна из графинь Кутузовых. Первый звук человеческого голоса было «помогите» — голос одного несчастного, которому оторвало ноги. Государыня говорит, что вид всех несчастных жертв был ужасен, и что государь и она не могут вспомнить без волнения о том, что все жалобы смолкали при их приближении, и раненые благодарили бога за то, что видели живыми и здоровыми своего государя и его семейство. Маленький великий князь Михаил пережил в эти ужасные минуты такое потрясение, что теперь боится и отказывается ездить в вагоне, как это было еще и во время последнего переезда из Гатчины в Петербург; все, впрочем, здоровы. «Газеты уверяют, — прибавила государыня, — что мы выписали из Парижа Шарко, чтобы с ним посоветоваться; ну, что за выдумки!» Она нашел, что ее величество очень оживлена, и вид у нее очень хороший и здоровый.

Воскресенье, 15-го января.

В возвращенном государем пакете находится телеграмма Нелидова от 13/25 этого месяца, сообщающая, что в Константинополе распространился слух о происходящем якобы сближении нашего двора с Баттенбергом и возможном замещении им Кобурга. Его величество начертал на ней: «Откуда идут подобные нелепые толки!». Итак, с этой стороны мало шансов на примирение. Г. Гирс просит меня, как старшего советника, расписаться у Швейница. Простояв конец обедни в Исаакиевском соборе, я иду в германское посольство и расписываюсь тотчас после Влангали.

В $8^1/_2$ часов приходит Она, и мы втроем доканчиваем разборку бумаг покойного Жомини, чтобы отослать завтра же те, которые должны быть переданы его семье.

Забыл отметить, что во время своей беседы с их величествами вчера за завтраком г. Гирс признался им, что слышанный им накануне вечером «Купец Калашников» произвел на него такое впечатление, что это, наверное, отразилось на его докладе; что, когда Зиновьев и я пришли к нему утром, он не мог говорить о делах и все время возвращался к ужасной опере Рубинштейна. Государыня спрашивает, много ли было

аплодисментов; министр отвечает, что зал. казалось, скорее был в оцепенении. Государь говорит, что генеральная репетиция не произвела на него особенно сильного впечатления, но когда он поехал слушать эту оперу еще раз на первом ее представлении, она его тоже сильно взволновала, и он нашел невозможным допустить, чтобы ее давали для публики. Его величество сожалеет, что Рубинштейн выбирает только подобные сюжеты. Его «Нерон» и Иван Грозный в «Калашникове» слишком мрачны и в них больше трагизма, чем музыкальности.

Понедельник, 16-го января.

Подымаюсь к своему министру по обыкновению около 11 часов; только-что перед этим у него был Ону, чтобы дать ему более подробный отчет о разговоре с Игнатьевым, о котором вчера вечером он говорил и мне. Игнатьев, как и Цанков, думает, что болгарский вопрос нельзя будет урегулировать до тех пор, пока не будет выбран кандидат для замещения Кобурга. Знаменитый граф называет сначала великого князя Михаила Михайловича (намекая на то, что последний мог бы утратить свое достоинство великого князя, женившись на его дочери), затем также молодого принца Ольденбургского, сына принца Александра и Евгении Максимиллиановны. Ону показалось даже, что он спохватился и как бы испугался того, что назвал этого второго кандидата, который может оказаться более серьезным. Эти сообщения произвели сильное впечатление на г. Гирса; он не хочет ничего говорить о них Зиновьеву, потому что последний парализует все, что касается Болгарии и желает «европейского воздействия», которое недостаточно; но министр намеревается попробовать поговорить об этих комбинациях с государем и спрашивает себя, не следует ли ему ради этого отправиться завтра с докладом, хотя у него нет ничего нового после субботы. Он хочет также побеседовать с Цанковым и затем испросить для него разрешение быть представленным его величеству. Я позволяю себе сказать министру, что вопрос о кандидатах кажется мне спешным и в высшей степени важным. Я нахожу очень практичной мысль посадить в Софии великого князя Михаила — сына, заставив его предварительно утратить титул великого князя разрешением жениться на гра-

фине Игнатьевой, в которую он влюблен; этим обошли бы затруднения, вытекающие из того пункта берлинского трактата, которым Болгарии воспрещается выбор лица, принадлежащего к одной из царствующих династий великих держав; впрочем, мы могли бы сговориться с Германией и Францией и, если бы другие не признали выбранного, согласно нашим указаниям, принца, им оставалось бы только отозвать своих представителей из Софии, и роли бы переменились. Ни Англия, ни Австрия, ни Италия не могли бы воевать с Болгарией; мы бы им сказали: вы признали Кобурга, который в наших глазах был незаконен; мы признаем нынешнего князя, хотя его выбор и не вполне соответствует вашим желаниям. Министр того же мнения, но, при настоящем положении вещей, он считает, что главное — не оставлять без поддержки наших сторонников и болгарское духовенство.

Интересная подробность: в своих прежних беседах с г. Гирсом по поводу возможного отречения принц Александр Баттенбергский всегда указывал на великого князя Михаила Михайловича, как на лучшего из возможных преемников. Г. Гирс полагает, что надо будет во всяком случае указать несколько кандидатов, например, молодого Ольденбурга, Саксен-Веймарского-Вюртембергского и т. д.; назвать же, как это было с князем Мингрельским, только одного, значило бы сделать успех более сомнительным.

Г. Гирс говорит мне, что Швейниц в восторге от вчерашнего завтрака. Государь, государыня и все их дети, включая и маленького великого князя Михаила, сердечно его поздравили, затем государь пил за здоровье Вильгельма II, при чем произнес несколько слов и стоя прослушал национальный германский гимн. Вилльом отправился в Новгород, куда повез ленты к знаменам, присланные германским императором полку, шефом которого он состоит; возможно, что он уехал из Петербурга из предосторожности, боясь не получить в этот день приглашения.

Швейниц очень доволен также пожалованием графу Берхему ордена и видит в этом проявление высочайшего благоволения к германскому правительству.

Мы смеемся немножко с моим дорогим министром над полученной третьего дня, поздно вечером, выражающей отчаяние телеграммой Шувалова: последний настаивал на безусловной

необходимости обычного обеда в день рождения Вильгельма I. Было бы во всяком случае невозможно заставить государя принять решение и разослать приглашения в ночь с 14-го на 15-е. Швейниц, напротив, придал гораздо более цены фамильному завтраку, как особому вниманию, более свойственному характеру императора, и признал также значение рассказанного ему г. Гирсом прецедента с Николаем I, которым он очень заинтересовался.

Никонов, Зиновьев и Влангали приходят к чаю; последний остается дольше 6-ти, ожидая возвращения министра, который присутствует на важном и продолжительном заседании Государственного Совета, где рассматриваются принципиальные основания проекта Толстого [1].

Вторник, 17-го января.

В 11 часов подымаюсь к министру, который был очень утомлен вчерашним балом. Он говорит, что предупредил государя о том, что не может представить на благоусмотрение его величества ничего нового, и государь обещал назначить другой день на этой неделе. Дело в том, что г. Гирс желал бы видеть Цанкова до своего свидания с государем и вызовет его, может быть, еще сегодня.

Буланже избран. Я напоминаю министру одно из писем Катакази, который встретился недели три или месяц тому назад где-то на обеде со знаменитым генералом; Буланже уже тогда высказывал уверенность в своем успехе, вопреки всем враждебным влияниям. Это как бы вера в неизбежность предопределенного.

Среда, 18-го января.

Около 11 часов поднялся к министру. Он доволен тем, что вчера не было доклада; после свидания с Цанковым он видит вещи несколько в ином свете; повидимому, в Болгарии почва для серьезной перемены еще совершенно не подготовлена, и все просьбы о поддержке с нашей стороны всегда кончаются просьбой о денежном пособии. Цанков желает, кажется, получить миллионы, чтобы платить духовенству и оппозиции, но не может

[1] В подлиннике имеется приписка: «39 голосов высказались против и только 13 — за».

*

при этом дать никаких определенных обещаний; единственное, что он сказал разумного, это — что нам лучше предложить не одного кандидата, а нескольких; один из трех или четырех прошел бы легче.

Министр опять жалуется на Зиновьева, который оставляет без движения все то, что он ему поручает; он захватывает все дела и держит в бездействии весь азиатский департамент, желая сам все делать и всем руководить. При этом г. Гирс рассказывает мне по секрету историю возобновления пожалованной Зиновьеву аренды, которую его друг, министр Островский, хотел испросить непосредственно сам, но государь потребовал, чтобы было ходатайство г. Гирса. Договорившийся с г. Островским Зиновьев, видимо, недоволен тем, что не было возбуждено ходатайства о прибавке; Островский также дуется на министра; он такого высокого мнения о Зиновьеве, что даже иногда указывал на него г. Гирсу, как на единственного, в случае надобности, преемника во главе министерства иностранных дел.

Говоря с министром об избрании Буланже, я напоминаю ему интересное письмо Катакази, писавшего из Парижа 17/29 декабря, что он встретился со знаменитым генералом на обеде у г-жи Бутурлиной, урожденной графини Бобринской, с которой пресловутый генерал, повидимому, в очень интимных отношениях. Выразив желание с ним познакомиться, генерал Буланже изложил ему свое profession de foi, заявив с полной уверенностью, что он соберет в Париже на будущих выборах более 200.000 голосов и будет избран значительным большинством, несмотря на всю работу и все интриги своих противников. Катакази усмотрел в этом доказательство предопределения или дерзости и, казалось, сомневался в исполнении надежд генерала, ныне осуществившихся. Буланже говорит, между прочим, что его напрасно считают каким-то «в поход собравшимся Мальбруком»: так как Франции нужен мир, и царь также желает поддерживать таковой, то всякое военное предприятие явилось бы преступной авантюрой; к тому же, по его мнению, возвратить когда-нибудь Эльзас и Лотарингию можно было бы только полюбовным соглашением с Германией. В Берлине, где на это дело смотрят правильно, это понимают, и печать, руководимая старым варзинским кабаном (sic!) (les organes du vieux sanglier de Warzin) не проявляет по отношению к нему, Буланже, большой враждебности. Затем

генерал старается доказать, что современное правительство способно скорее нас поставить в неловкое положение, чем внушить нам доверие. «Я не кричал: «да здравствует Польша!» [1]) (как Флокэ) и не буду кричать ничего такого, что могло бы возбудить зависть и беспокойство со стороны всех тех, кто боится союза Франции и России». «Взаимно для обоих государств полезное и практическое соглашение может быть осуществлено только тогда, когда во Франции будет сильное, устойчивое и благоразумное правительство». Читая письмо Катакази, государь сделал против этих слов следующую пометку: «Мы всегда были этого мнения»; против места: «каковое я, надеюсь, ей дать», его величество подчеркнув эти слова, ставит вопросительный знак и прибавляет: «Дай бог».

Министр просит меня приготовить это письмо к следующему докладу, чтобы напомнить государю эти, подтвержденные событиями, предсказания генерала Буланже.

Перед обедом меня вызывает «дежурный»; из министерства двора у него спрашивают по телефону, правда ли, что наследный принц австрийский эрцгерцог Рудольф умер. Пишу министру, который отвечает, что «дежурный» (г. Казначеев) поступил правильно, ответив, что нам об этом ничего неизвестно, так как он, министр, не получил об этом никакого извещения. В 9 часов, когда мы с Ола пьем чай, получается телеграмма от князя Лобанова с известием, что наследный принц Рудольф был найден сегодня утром в своей постели мертвым; предполагают, что смерть последовала от разрыва сосудов. Отправив эту телеграмму государю, ухожу раньше к себе, так как мой бронхит усиливается. Мне докладывают, что министр сошел вниз, чтобы меня видеть; поспешно одеваюсь и иду к нему. Государь прислал ему только-что полученную от императора Франца-Иосифа телеграмму. Его величество написал на ней: «Какое ужасное несчастье. Я ему уже телеграфпровал». Телеграмма эта, отправленная из Вены, 18/30 января в 4 часа 45 минут, гласит: «С глубокой скорбью сообщаю о внезапной кончине моего сына Рудольфа, последовавшей сегодня утром в Мейерлинге, близ Бадена, от удара. Уверен в твоем искреннем сочувствии мне в этой тяжкой утрате. Франц-Иосиф». Г. Гирс рассказывает, что во время

[1] Далее одно слово не разобрано.

обеда у него также спрашивали от имени австрийского посла, не получил ли он каких-либо известий. Первое известие, в городе, повидимому, распространилось благодаря переданной Северным агентством биржевой телеграмме. Мы перекидываемся несколькими словами по поводу предстоящего наложения траура и т. п. и составляем сочувственную телеграмму Кальноки, которую я отправляю Лобанову.

Четверг, 19-го января.

Мой грипп все усиливается; я не выхожу, но, после визита врача, поднимаюсь в обычный час к министру. Он говорит мне о завтрашнем обеде в честь Моренгейма, но я отклоняю приглашение.

По просьбе Влангали заготовил три сочувственных телеграммы на выбор для великого князя Михаила. Государь приглашает г. Гирса приехать с докладом завтра, в пятницу.

Пятница, 20-го января.

Лобанов сообщает телеграммой, что эрцгерцог покончил самоубийством. Г. Гирс спрашивает меня, не могу ли я у него обедать и прибавляет, что всегда сохраняет за мной место до последней минуты, но, в виду моего отказа вследствие сильной простуды, к которой присоединилось и гастрическое недомоганье, он просит меня пригласить кого-нибудь из секретарей канцелярии; мы решаем с Ола пригласить Стааля.

Мой министр возвращается с своего доклада в 3 часа. Он завтракал у их величеств, которые были оба очень милостивы. Государь убежден, что смерть эрцгерцога Рудольфа была последствием дуэли, а не самоубийства. «Он был ходок, должно быть, попался; к чему было ехать за два дня до охоты с двумя свидетелями в Мейерлинг? А император Франц-Иосиф тотчас же телеграфировал мне об ударе, чтобы предупредить толки и рассказы».

Между тем Греч приносит мне из цензуры ряд телеграмм, подтверждающих факт самоубийства и сообщающих всевозможные подробности; оказывается, между прочим, что покойный, несмотря на строжайшее запрещение врачей, злоупотреблял вином и особенно шампанским, смешанным с коньяком, которое очень любил.

«С этой дьявольской смесью познакомил его принц Уэльский». Мы, конечно, не стесняясь, вычеркиваем эту фразу, но она так комична, что, даже несмотря на печальные обстоятельства, она невольно вызывает улыбку.

Мой министр озабочен принятым, повидимому, при дворе решением дать в четверг на будущей неделе бал; только, говорят, дамы должны быть в черном. Государь говорит: «бывали примеры», и, видя, что вопрос уже решен, министр больше не возражает. Он обращает, однако, внимание государя на то, что погребение состоится только во вторник, и бал таким образом будет очень скоро после него.

Приехавшие в Петербург великий герцог Гессен-Дармштадтский, его дочь, принцесса Алиса и наследный великий герцог поселились во дворце великого князя Сергея, в помещении, занимаемом обыкновенно гофмаршалом Арманом Стенбоком, в нижнем этаже, налево от главной лестницы.

Г. Гирс дает обед Моренгейму, Корфу и еще нескольким приехавшим нашим дипломатам. Присутствуют Оболенский, Деревицкий, Корф и Стааль.

Вечером получается телеграмма от Лобанова, официально подтверждающая известие о самоубийстве эрцгерцога Рудольфа, которое мой министр не решался до сих пор пропустить в прессу для завтрашних газет.

Суббота. 21-го января.

Г. Гирс очень доволен своим вчерашним обедом, но его беспокоит то, что еще не наложен траур по случаю кончины эрцгерцога Рудольфа; я предлагаю ему телефонировать и посылаю затем в канцелярию министра двора, где сделают надлежащие распоряжения.

Когда мы расходимся в 4 часа, после чая, Оболенский передает мне полученные, наконец, от главного управления почт и телеграфов 3.000 руб. для цензуры; спешу послать 500 руб. Гречу.

Придя к вечернему чаю, Оболенский говорит мне, что его отец, гофмаршал, в большом затруднении вследствие неизвестности относительно бала в четверг; его то назначают, то отменяют, и, в виду того, что приготовления уже сделаны, он думает предложить взамен бала концерт с ужином.

Вопрос этот будет, повидимому, окончательно решен в Аничковском дворце сегодня вечером.

Воскресенье, 22-го января.

Около 7 часов прибывает двухнедельный курьер; вскрываю экспедицию и вношу ее в книгу; полученные со всех концов 15 депеш не дают ничего особенно нового. Сообщаемые князем Лобановым подробности уже известны из телеграмм. Граф Шувалов указывает на некоторые признаки сближения между берлинским и лондонским кабинетами. Произнесенные князем Бисмарком в его последней речи в парламенте доброжелательные по отношению к Англии слова, в которых он заявил о своей яко бы полной солидарности с колониальной политикой последней, произвели сильное впечатление на правительство Великобритании, довольно законное неудовольствие по поводу инцидентов с Морьером и Геффкеном как будто бы изглажено.

Коцебу сообщает из Парижа подробности избрания Буланже, состоявшегося вопреки всем усилиям и жертвам правительства, которое не является уже, повидимому, господином положения. Очень мило написанное письмо Катакази добавляет к этому забавные подробности: в каком-то большом собрании, где хотел говорить правительственный кандидат г. Жак, каждый раз, как он всходил на трибуну, от 150 до 200 крикунов затягивали песню, «Frère Jacques, frère Jacques, levez-vous,..... bim, bom, boum.....» Два разносчика воззваний, один буланжист, другой жакист, сталкиваются на углу одной из улиц, намереваясь наклеивать свои афиши; происходит драка, и, в то время, как более сильному жакисту удается опрокинуть противника и поместить свою афишу на стене, тот умудряется налепить ему на спину воззвание генерала Буланже, которое он и отправляется демонстрировать по всему Парижу. Французы всегда остаются сами собой, несмотря на всю их изменчивость.

Понедельник, 23-го января.

Около 11 часов подымаюсь к своему дорогому министру, с которым говорим о полученной вчера экспедиции. Он поручает мне написать ответы Лобанову, Стаалю и Коцебу. Депеши графа Шувалова кажутся ему довольно слабыми. Посол этот как-будто

бы верит полной искренности скорби, вызванной при берлинском дворе кончиной эрцгерцога Рудольфа, между тем как князь Лобанов думает, что идущие из Берлина и Рима проявления соболезнования не являются слишком искренними, в виду того, что отношение покойного к императору Вильгельму и к принципу тройственного соглашения с Германией и Италией за последнее время сильно изменилось.

Г-жа Гирс присылает просить меня сегодня к обеду; принимаю приглашение без особого неудовольствия. За чаем в 4 часа к нам присоединяется уезжающий на-днях в Константинополь г. Ону. Вопрос о придворном бале решен; он состоится в четверг, но не в концертной зале Зимнего дворца, а в Аничковом. Присутствующие будут в трауре, и дипломатический корпус приглашений не получит, в виду того, что бал будет в Аничковом дворце.

Вланган и Ону разделяют мое мнение, что этот оттенок нимало не смягчает неприличия этого танцовального вечера во время полного траура.

Ону уверен, что авантюра Ашинова и отца Паисия в Абиссинии заведет нас очень далеко. Этой осенью в Абиссинском монастыре в Иерусалиме он узнал, что эти мнимые посланцы негуса были просто завербованные Ашиновым монахи этого монастыря и никогда своим государем не посылались. В прошлом году в Константинополе он имел случай констатировать передачу великолепного ружья, присланного Ашинову генералом Буланже, и полагает, что французы желали бы втянуть нас в этом отношении в авантюру для того, чтобы не быть одним против итальянцев, немцев и англичан.

Мы только-что получили телеграмму от Кодебу, которой французское правительство запросило по поводу намерений Ашинова и просило узнать, намеревается ли императорское правительство его отозвать или предоставит правительству республики принять необходимые в его глазах меры, в целях воспрепятствования вооруженной банде казака проникнуть на территорию, находящуюся под протекторатом Франции.

Министр собирается представить этот вопрос на высочайшее благоусмотрение во время своего будущего доклада, который состоится в четверг, потому что завтра его величество разрешил министру присутствовать в католической церкви на торже-

ственной заупокойной мессе по эрцгерцогу Рудольфу. В виду того, что Волькенштейн уведомил министра об этой церемонии официальной нотой, я предлагаю послать копии с последней графу Воронцову и генералу Рихтеру; таким образом, последние явятся ответственными за решения, которые будут приняты двором и министерством императорского двора. Г. Гирс одобряет эту идею.

Обедаю за-просто у Гирсов; они, как всегда, полны ко мне внимания, и я чувствую себя очень в ударе. Коснувшись двора, министр высказывает предположение, что наследник-цесаревич женится на принцессе Алисе. Пока мы пьем кофе в гостиной хозяйки дома, приносят телеграмму от нашего бедного друга Ионина, который, повидимому, не может поладить с дьяконом основанной его стараниями церкви в Буэнос-Айресе. «Диакон отказывается уезжать». Так и хочется ответить: «На его стороне все преимущества». Мы вспоминаем несколько оригинальных черт этого прекрасного Ионина, всегда деятельного и предприимчивого. Его донесения об Аргентинской республике в высшей степени интересны, и на извлечении из них, представленном государю, его величество начертал: «Весьма интересно».

Вторник, 24-го января.

Подымаюсь немного ранее обыкновенного к министру, которого застаю уже в полной форме, при знаках ордена св. Стефана, отправляющимся с г-жей Гирс и сыном Михаилом в католическую церковь. Вчера, поздно вечером, он получил от государя записку следующего содержания: «Передайте, пожалуйста, от меня Волькенштейну, завтра, за службой в католической церкви, что я весьма сожалею, что не могу приехать, так как завтра именины дочери и у нас в 11 часов обедня и прием».

Я предлагаю министру передать эту записку его величества князю Лобанову, включив ее в текст письма, и занимаюсь составлением такового, а также пишу письмо по политическому вопросу нашему послу в Вене.

Сообщение Воронцову и Рихтеру возымело свое действие, и министр очень этому рад. Присутствовали почти все великие князья, состоящие при особе императора военные чины и при-

дворные должностные лица. Влангали, который провел вчерашний вечер у великого князя Михаила, говорит, что там еще не было об этом речи; распоряжения явились, вероятно, следствием каких-нибудь принятых в последнюю минуту решений. В виду того, что по просьбе австрийского императора была отменена поездка великого князя Алексея и военной депутации в Вену, выразителями чувств по поводу этого скорбного события явятся только князь Лобанов, как представитель их величеств, и полковник Рожнов, командир полка, шефом которого был покойный эрцгерцог. Если бы сегодня никого не было в католической церкви, да притом еще этот бал послезавтра. — это было бы почти демонстрацией в обратном смысле.

Позавтракав с моим милым Ола, принимаюсь опять за работу: составление проектов писем Извольскому в Рим, Шувалову — в Берлин и Кодебу — в Париж; чтобы кончить их вовремя, говорю швейцару никого не принимать.

Вечером также работаю над проектом письма Кодебу.

Среда, 25-го января.

Встаю рано и вношу некоторые изменения в проект письма для Кодебу, так как мой министр, повидимому, сомневается в том, чтобы французский кабинет был накануне своего падения, и чтобы Буланже достиг такого полного успеха. Г. Гирс одобряет эту редакцию; проект успевают переписать, и он увозит его к докладу в Аничковом дворце в 12 часов.

Как всегда в дни доклада, я, позавтракав с Ола, иду тотчас в Казанский собор, после чего захожу на минутку к Геппелю. Затем приготовляю сопроводительные письма к экспедициям в Рим и Лондон, а Оболенский несет их министру, когда тот возвращается к 3-м часам.

Среди возвращенных сегодня утром государем бумаг есть две с интересными пометками: во-первых, на донесении Поджио из Тегерана от 29 декабря 1888 г., за № 105, против места, где наш поверенный в делах сообщает, что узнал конфиденциально, «будто в то время, как шах колебался относительно того, следует ли ему, или нет разрешить иностранное судоходство по Каруну, бывший в Тегеране германский поверенный в делах

Винклер, по поручению будто бы князя Бисмарка, заявил шаху, что германскому правительству было бы весьма приятно, если бы состоялось открытие плавания по Каруну»... «Это, быть-может, и навело шаха на мысль предложить князю Бисмарку секретную конвенцию, в силу коей Персия, в случае если бы ей угрожала извне какая-либо опасность, была бы объявлена состоящею под германским покровительством»,—его величество сделал следующую пометку: «Весьма вероятно, что это было так». Другой документ — депеша г. Нелидова, передающая донесение первого драгомана, которого посетило какое-то таинственное, но имевшее очень убежденный и влиятельный вид лицо, предлагавшее свои услуги на случай разрыва между Россией и Англией, чтобы засыпать Суэцкий канал, отвести пресную воду от столицы Египта, двинуть 100.000 человек суданских племен и в то же время поднять Индию и Афганистан. Субъект этот себя не называет, но говорит, что в случае надобности его можно было бы найти в Джедде при посредстве доверенного лица. Над этим документом государь написал: «При случае можно вспомнить о нем».

После нашего чая в 4 часа я говорю об этой бумаге с Ону, который удивлен тем, что первый драгоман и г. Нелидов могли передавать такое фантастичное сообщение, и что его величество соизволил отнестись к нему серьезно. Ону слишком привык к подобным выступлениям всевозможных авантюристов на Востоке, чтобы обращать на них хотя бы малейшее внимание.

К отправляемой завтра двухнедельной корреспонденции Зиновьев приготовил циркуляр, который должен осведомить наши посольства относительно того, как смотрит министерство на миссию Паисия и авантюру Ашинова. После доклада, согласно выраженного государем желания, министр посылает в Париж Кодебу телеграмму, коей ему поручается заявить французскому правительству, что императорское правительство совершенно непричастно к авантюре Ашинова, действующего на собственный страх и риск; что нам ничего неизвестно о конвенции, яко-бы им заключенной с местным правителем относительно Сагалло, и что, если эта местность находится под протекторатом Франции, то ясно, что Ашинов должен подчиниться действующим правилам.

Четверг, 26-го января.

Г. Гирс сообщает, что говорил вчера государю о Цанкове; последний будет принят его величеством. Министр коснулся щекотливого вопроса о кандидатах, которые могли бы быть предложены для получения звания князя болгарского. Государю не по душе кандидатура великого князя Михаила Михаиловича: «он ничтожен, за ним Игнатьев будет действовать». Кандидатура принца Ольденбургского тоже не встречает его одобрения: «родители его никогда не согласятся», наконец, кандидатура принца Веймарского (Вюртембергского) ему не симпатична потому, что тот немец. Таким образом, вопрос пока остается открытым. Г. Гирс дает мне прочесть только-что им написанное небольшое собственноручное письмо к гр. Шувалову, в котором он просит посла сообщить интересующие государя подробности катастрофы в Мейерлинге и, между прочим, выражает желание, чтобы австрийское правительство поняло, наконец, необходимость не поддерживать принца Кобургского или даже способствовать его удалению из Болгарии, если оно заинтересовано в сохранении хороших с нами отношений. Передаю это письмо Оболенскому, чтобы он успел вложить его в экспедицию с отправляющимся сегодня двухнедельным курьером.

Завтракаем позднее обыкновенного, потому что поджидаем Шварца, но он не появляется,—он еще не приехал в Петербург. К концу завтрака приходит Александр и присоединяется к нам; он заявляет мне о своем намерении подняться к министру для того, чтобы переговорить с ним о пожаловании московскому Полякову титула персидского барона, который тому очень хочется получить. Эта идея кажется мне немного странной, но, принимая во внимание неслыханную настойчивость моего бедного брата во всем, что он предпринимает, я сознаю невозможность его остановить и вынужден предоставить ему свободу действий.

Иду ненадолго к своему бедному старому другу Геппелю. Вернувшись, узнаю от Ола, что министр получил от князя Лобанова письмо и поручил ему дать мне его прочесть, с тем, чтобы вслед за этим послать его государю. Это душу раздирающие подробности двойного самоубийства эрцгерцога Рудольфа и г-жи Марии Вечеры в Мейерлинге. Князь говорит, что почерпнул эти сведения из довольно верных источников, а все то, что до сих

пор официально сообщалось, было лживо. Очень хорошо написанное письмо производит сильное впечатление. Казалось бы, что в наш век такие романтические увлечения уже невозможны.

Пятница, 27-го января.

К счастью, утомление вчерашнего вечера не повредило моему горячо любимому начальнику. Он говорит, что бал очень удался: черные туалеты были очень красивы, и весь ансамбль подействовал на него подбодряюще. Принцесса Алиса Гессенская не присутствовала на вечере. Ее сестра, великая княгиня Елизавета, сказала министру, что она больна; великий герцог — отец, напротив, много танцовал. Позднее Ола мне также говорит, что бал ему очень понравился, и что драгоценные камни и раздававшиеся во время котильона ленты были очень красивы на фоне черных туалетов. Государыня была в черном тюлевом платье, усыпанном спереди бриллиантами; кажется, одни сравнивали ее с царицей ночи, на других же это производило впечатление чего-то мрачного. Государь заметил, что эти черные туалеты вызывают в нем воспоминание о представлении Калашникова.

Около 2 часов ко мне является Александр; сегодня вечером он опять уезжает в Москву и, кажется, несколько озабочен шагами, которые он-таки предпринял вчера у министра и у Зиновьева в интересах Полякова. Ему приходит мысль, что его могут заподозреть в том, что его связывают с московским финансистом какие-нибудь денежные интересы, и он желает, чтобы я, при случае, утверждал противное.

Ону сегодня уезжает в Константинополь и приходил проститься. Знакомство с ним доставило мне удовольствие: это очень умный и очень опытный человек; беседа с ним всегда поучительна и интересна.

Суббота, 28-го января.

Поднявшись около 11 часов к своему министру, нахожу его все еще больным, и это меня беспокоит; он, тем не менее, собирается ехать в Государственный Совет и не считает возможным отклонить полученное от великой княгини Екатерины приглашение на обед.

Сегодня Цанков был принят государем.

Возвращая мне сегодня вчерашний № «Гражданина» от пятницы, 27 января, газету, которую я ежедневно даю министру, последний обращает мое внимание на любопытную передовую статью, озаглавленную: «Голос уездного предводителя». Автор ее стремится доказать, что с учреждением, согласно проекту Толстого, участковых начальников мировые судьи должны бы быть упразднены или поставлены в новые условия. «Может ли будущий участковый начальник, столь нужный для водворения порядка в уездной жизни, существовать рядом с мировым судьею?». На это он (уездный предводитель) отвечает: «нет, не может». Г. Гирс думает, что эта статья внушена сверху и может быть рассматриваема, как предвестница частичного, если не постепенного, упразднения судебной реформы 1864 г. Я напоминаю министру, что государь не раз высказывал мысли, дававшие возможность предвидеть подобное решение. Знаменитое письмо Сабурова, передававшее 3/15 апреля 1881 г., несколько недель спустя после восшествия на престол его величества, данную князем Бисмарком оценку внутреннего положения России, государь возвратил тогда министру со следующей длинной пометкой: «Дайте прочесть это письмо гр. Лорис-Меликову. — Это до того верно и справедливо, что дай бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

Вышеупомянутое письмо Сабурова так рисовало положение: прежде чем думать о дальнейшем развитии произведенных в прошлое царствование реформ, нужно, чтобы к самодержавной власти опять вернулся весь ее престиж, и чтобы всегда чувствовалось ее присутствие и ее деятельность. Россия — лошадь, которой надо в настоящее время дать почувствовать узду хозяина; он прибавлял, «что в Германии общество было чрезвычайно поражено необыкновенными стараниями, направленными к тому, чтобы судопроизводство во время политического процесса велось вполне легально, что дало возможность обвиняемым публично развивать свои доктрины и выставлять себя мучениками». — «Законность нас убивает».

В другой раз, два года тому назад, во время инцидента с Мартенсом, государь опять высказал министру свое убеждение в том, что судебные учреждения красны, революционны и вредны. Таким образом, его величество постоянен и последователен. Г. Гирс говорит, что твердость эта бывает иногда благодетельна, как, например, в вопросе о сахаре, где государь также стал на сторону меньшинства и который, между тем, получил правильное разрешение.

Министр мне рассказывает, что великие князья, он, Ванновский, Воронцов-Дашков, Сольский и большая часть Государственного Совета высказались против проекта Толстого, и что меньшинство, состоявшее из нескольких голосовавших за проект министров, втайне при последующем обсуждении отдельных статей намеревалось сделать применение его невыполнимым. Государь утвердил мнение графа Толстого и меньшинства, и это можно было предвидеть, судя по тому, как держал себя министр внутренних дел во время заседания; он закончил свою речь, произнесенную, впрочем, с большим трудом, заявлением: «Я чувствую себя призванным, я должен провести эту реформу».

Воскресенье, 29-го января.

Вечером первый бал в концертном зале Зимнего дворца. Я не еду, так как у меня грустное настроение и мне нездоровится. Министр и мой дорогой Оболенский туда отправляются.

Понедельник, 30-го января.

Поднявшись к министру, с радостью констатирую, что вчерашний бал его не слишком утомил; однако, он все еще не совсем здоров.

Он рассказывает, что бал удался: дамы были в полутрауре; присутствовала принцесса Алиса Дармштадтская; она в жанре своей сестры, но не красива, лицо красно даже под бровями. Позднее Оболенский говорит мне, что у нее походка неграциозная, средняя часть корпуса слишком выдается; она танцовала котильон с наследником цесаревичем, но они молчали.

Министр мне рассказывает, что английский посол Мориер повел целую интригу для того, чтобы обеспечить себе присут-

ствие их величеств на бале, который он собирается дать в честь великого герцога Гессенского. Конечно, их присутствие более чем когда-либо ему желательно, как корректив к его недоразумениям с Бисмарком. Чтобы позондировать почву, он обратился к Черевину, а последний пришел советоваться с г. Гирсом; министр сказал ему, что это посещение их величеств в данный момент не преминуло бы произвести тягостное впечатление в Берлине, хотя в сущности не было бы определенной причины для неудовольствия. Черевин думал, что, может-быть, можно бы было устроить так, чтобы поехала только императрица с цесаревичем, но когда вопрос этот был повергнут на благоусмотрение их величеств, они, казалось, пожелали принять приглашение сэра Р. Мориера со всем тем удовольствием, которое мог им доставить случай причинить неприятность Бисмарку.

Великобританский посол говорил вчера на балу с г. Гирсом о своем намерении пригласить их величества и спросил, как это надо сделать, на что г. Гирс ему ответил, что следует обратиться к министру двора, но что если речь идет о большом вечере, то германское посольство должно быть во всяком случае приглашено. Затем, желая предупредить графа Воронцова, г. Гирс заметил, что последнему уже все должно было быть известно, и что он нимало не сомневается в полном согласии со стороны государя и государыни.

От радости ли, которую ему доставил этот успех, или по какой-либо другой причине, но говорят, что к концу бала бедный Мориер был так пьян, что стоял и отвешивал поклоны в малахитовой зале после того, как императорская фамилия удалилась, и зал был уже совершенно пуст, так что кто-то должен был подойти к великобританскому послу и обратить его внимание на то, что бал кончен.

Я позволяю себе высказать мнение, что, в сущности, не беда, если их величества почтят своим присутствием бал, который будет давать английский посол в честь зятя королевы, и что ссора г. Морпера с Бисмарками, отцом и сыном, нас не касается. Самое важное — избежать в этом случае какой бы то ни было политической демонстрации, а после того, как г. Гирс настаивал на приглашении германского посольства (которое г. Морпер все это время не приглашал на менее официальные собрания), нельзя будет ничего сказать.

При этом министр мне рассказывает, что государь и государыня более, чем когда-либо, настроены против Бисмарка и даже против германского императора; они называют последнего «мошенником и господинчиком, который слишком много о себе воображает и думает, что все его обожают». Г. Гирс не знает, чему приписать это усиление антипатии: может-быть, здесь сказывается еще какое-нибудь неудовольствие со стороны датского семейства; но, беседуя со Швейницем, он ему откровенно сказал, что не понимает, каким образом князь Бисмарк мог раздражить национальное чувство в России и вырыть между нами пропасть целым рядом финансовых мер в роде той, которая была принята в прошлом году, накануне проезда государя через Берлин, и затем особенно своей ясно направленной против нас, так называемой лигой мира. Швейниц говорит, что это явилось только естественным последствием волнений и неуверенности, причиненных Катковым, которого, казалось, поддерживают и к которому прислушиваются; но в то же время германский посол признается, что, и по его убеждению, Бисмарк был неправ, и что в настоящий момент преимущества на нашей стороне,— результат проявленного нами спокойствия и непоколебимости; в Германии между тем механизм внутренней жизни начинает приходить в расстройство, серьезные затруднения возникают в сфере колониальной политики, и престиж и значение лиги мира падают с каждым днем.

Греч присылает мне телеграммы по поводу передвижений эмира Абдуррахмана, и я спрашиваю у министра, не следует ли их изъять или опровергнуть. В виду желательности осведомления публики с истинным положением дел на Афганской границе, г. Гирс решает дать Северному агентству телеграмму, которая могла бы значиться, как идущая из Чарджуя, и заменить собой те, которые мы изымаем. Зиновьев приносит мне ее текст, который я привожу ниже [1]; телеграмма эта и была сообщена Гречу тотчас после четырехчасового чая.

[1] В дневнике вклеена газетная вырезка, сообщающая о казни приверженцев Исхак-хана, о нерасположении эмира к России и принятых им мерах, как-то: прекращении торговых сношений, усилении постов на границе, распространении слухов о войне.

Вторник, 31-го января.

Подымаясь по просьбе министра к нему, я встречаю на лестнице Зиновьева, и мы входим вместе; мне кажется, что г. Гирсу это неприятно и что ему надо мне что-то сказать. По поводу известий о серьезных беспорядках в Риме и антигерманском движении в Венгрии министр замечает, что мы оказались пророками в составленных мной за последнее время депешах, и что в пресловутой лиге мира элементы разложения выступают все заметнее и заметнее. Около 12 час. министр уезжает с докладом.

Февраль.

Среда, 1-го февраля.

Около 11 час. меня просят к министру; он только-что получил записку от Вышнеградского, который очень обеспокоен понижением курса, вызванным появившейся во вчерашних газетах телеграммой из Чарджуя.

Не подозревая того, что телеграмма эта исходит от министерства, министр финансов просит, если возможно, поместить в «Journal de S.-Pétersbourg» опровержение. Г. Гирс отвечает ему, что подобное опровержение в настоящий момент невозможно, но что мы надеемся в скором времени иметь возможность успокоить биржу.

В смысле политическом телеграмма эта дала превосходные результаты: в Англии взволновались, и будет сделано все возможное, чтобы остановить попытки эмира и предупредить осложнения. В силу старой привычки ставить все действия России в центральной Азии в зависимость от предварительного соглашения, английское правительство попробовало и теперь сделать то же. Сэр Р. Морнер сделал попытку обратиться к министру с чем-то в роде запроса, но г. Гирс ответил, что не считает этот вопрос подлежащим обсуждению; мы, конечно, не имеем никаких враждебных или агрессивных намерений по отношению к Абдуррахман-хану, но если бы он позволил себе малейшую провокацию по отношению к России, то, без всякого сомнения,

последовало бы возмездие и возмездие чувствительное; это было бы вполне заслужено, и нам не было бы надобности давать кому бы то ни было объяснений касательно столь естественных последствий. Военный министр, которого г. Гирс конфиденциально ознакомил со своей точкой зрения, горячо его благодарил; государь также вполне его одобрил.

Вчера его величество говорил министру о данной им 28 января аудиенции г. Цанкову; на просьбу последнего указать одного, а если можно, и нескольких кандидатов, государь ответил, что кандидаты могут быть названы в свое время и в своем месте г. Гирсом; остальная часть беседы была, повидимому, также очень удовлетворительна.

Четверг, 2-го февраля.

По поводу последних донесений Куманн Влангали нам рассказывает очень интересные подробности своего долгого пребывания в Китае. Он далеко не разделяет проявляемых нашим нынешним представителем в Небесной империи презрения к китайцам.

Вечером бал в Аничковом дворце, на который Гирсы на этот раз не приглашены. Оболенский пьет чай и уходит около $9^1/_2$ час.

Пятница, 3-го февраля.

Около $7^1/_2$ час. отправляюсь в «Отель де-Пари» к Шварцу. Едем вместе в Мариинский театр и за 10 минут до начала занимаем во 2-м ряду полученные Ола кресла; скоро и он присоединяется к нам. Гирсы совсем близко от нас, в ложе 1-го яруса.

Оба брата Оболенские в ложах: один в бель-этаже, другой — в 1-м ярусе, против царской ложи. В директорской ложе бесстыдное лицо графини Богарнэ. В царской ложе внизу ряд лиц: государыня, великие княгини Мария Павловна, Елизавета Федоровна, Ксения Александровна, наследник и великий князь Георгий; вверху — великие князья Сергей и Павел. В большой средней ложе бедные маленькие черногорские княжны, которых, теперь, кажется, держат немного в черном теле. Меня неприятно поражает то, что ее величество и их высочества сидят так на виду и остаются на своих местах даже после того, как занавес падает и в публике начинается движение; одни поворачи-

ваются спиной к сцене, лорнируя ложи, другие продолжают сидеть. Августейшие особы удаляются в аванложу только на время антрактов. Когда-то появление высочайших особ производило больше впечатления и казалось мне действительно окруженным ореолом элегантности и величия.

Суббота, 4-го февраля.

Слава богу, министру лучше; он просит меня подняться только около $11^1/_2$ час., так как принимает сегодня графа Толя из Копенгагена и Цанкова, которому он был вынужден высказать довольно неприятные истины. Г. Гирс рассказывает мне, что вчера у него был граф Игнатьев и просил для цензуры письменного подтверждения якобы данного им Цанкову разрешения опубликовать письмо с отчетом об аудиенции, которой его удостоил государь. Министр замечает графу, что он никогда не разрешал подобного опубликования, а сказал Цанкову только, что тот может довести до сведения своих сторонников и своих друзей в Болгарии великодушные намерения и полные доброжелательности слова его величества. Г. Гирс выражает свое удивление по поводу того, что граф, который сам был министром внутренних дел, мог допустить возможность разрешения с его стороны на опубликование беседы с государем без уверенности даже в том, точно ли она воспроизведена Цанковым. После тщетных попыток втянуть в это дело министра, граф бьет отбой. «Вы видите, как хорошо, что я вмешался; но как-нибудь надобно распространить известие о приеме Цанкова и о всем высказанном ему государем, а то все это будет потеряно и ни к чему не поведет».

Попытка эта заставила министра призвать Цанкова, у которого он спросил сегодня утром, каким образом тот решился утверждать, что получил разрешение опубликовать нечто в виде отчета об аудиенции, которой он был удостоен государем; что после этого он не пустит его больше к себе на порог и никогда не будет с ним разговаривать. Сильно перепуганный Цанков дает честное слово в том, что граф Игнатьев и редактор Комаров из славянского общества неправильно его поняли. Все это было фантазией или, вернее, интригой этих господ. Цанков вручает г. Гирсу текст письма, которое он рассчитывал послать своим друзьям для распространения его в Болгарии, и спрашивает, нельзя ли его

отлитографировать в министерстве или, по крайней мере, сделать с него несколько оттисков на болгарском языке. Министр отказывает в литографировании, но оставляет у себя письмо, чтобы прочесть его и показать мне; за исключением нескольких мест, которые требуют изменений, письмо недурно, и министр хочет его во всяком случае во время своего ближайшего доклада повергнуть предварительно на высочайшее усмотрение для того, чтобы знать, все ли там передано правильно и что именно государю будет угодно допустить проникнуть в публику. Нас особенно поражает фраза, где Цанков приписывает его величеству следующие слова: «Я приказал министру иностранных дел принять меры, чтобы поддержать духовенство». «Какие меры?» — спрашивает г. Гирс; в представлении Цанкова это, вероятно, содержание на наш счет всех духовных лиц, которые были бы удалены болгарским правительством. Сам экзарх, стремящийся, повидимому, сговориться с правителями Кобурга, дал нам понять, что иначе он не рисковал бы стать жертвой, подобно сербскому митрополиту Михаилу, а этому мы, по крайней мере, дали помещение и содержание.

Впрочем, приписываемые его величеству заявления разумны и умеренны, а начало письма, где упоминается о том, что Цанков вновь очутился в том же кабинете Аничкового дворца, где в 1876 г. он и г. Балабанов представлялись цесаревичу перед войной, освободившей Болгарию, производит хорошее впечатление.

Испрашивая для Цанкова аудиенцию у государя, г. Гирс имел в виду ободрить наших сторонников в Болгарии и ознакомить их с великодушными и возвышенными намерениями государя на благо народа, освобожденного и призванного к жизни его блаженной памяти родителем; но мой министр начинает разочаровываться в Цанкове и прочих, которые, в конечном итоге, стремятся только обеспечить себе на наш счет на возможно более долгий срок максимум материальных выгод.

Граф Толь приходил только затем, чтобы поговорить о скверном и вредном для его здоровья климате Копенгагена, иначе говоря, просить лучший пост в каком-нибудь посольстве.

Тотчас после обеда посылаю Гречу для северного агентства новую телеграмму из Чарджуя; министр считает возможным пропустить ее в прессу, чтобы успокоить возбужденные

первой телеграммой опасения, которые, повидимому, могут быть действительно устранены [1].

Воскресенье, 5-го февраля.

Подымаюсь к министру; он говорит о посещении Валуева, который был у него вчера вечером и с восторгом рассказывал, что проект графа Толстого, утвержденный государем, несмотря на то, что за него высказалось меньшинство, подвергся, согласно позднейшему решению его величества, изменению, коим упразднены мировые судьи в уездах. Г. Гирс говорит, что он мало знаком с вопросами внутреннего управления, но чувствует, что судебные учреждения требуют серьезных преобразований, и что «участковые начальники» проекта Толстого были бы, как ему кажется, очень хороши, если бы можно было найти людей, подобных бывшим «мировым посредникам», и точно определить сферу их компетенции, установив при этом фактический контроль над их деятельностью. Мне во всяком случае кажется, что если, действительно, чувствуется потребность в реформе провинциальных судебных учреждений в менее либеральном духе, то следует ее проводить теперь, пока престиж высочайшей воли достаточно силен для того, чтобы все было принято безропотно.

Барон Николаи и некоторые члены Государственного Совета выражали г. Гирсу свое убеждение в том, что государь твердо решил стать на сторону графа Толстого и санкционировать его проекты, хотя бы с этим и не были согласны все остальные члены Государственного Совета. Граф же Воронцов-Дашков утверждает, что, желая, насколько возможно, поддержать Толстого, его величество действует без всякой предвзятой мысли, стараясь по совести наилучшим образом разрешить эту проблему и, весьма возможно, что проекты министра внутренних дел подвергнутся еще многим изменениям.

Вечером прибывает двухнедельный курьер и привозит штук двадцать донесений, которые я вношу в книгу. Лобанов не может сообщить ничего нового о трагическом событии в Мейерлинге.

[1] В дневнике вклеена газетная вырезка, — сообщение из Чарджуя о том, что эмир Абдуррахман-хан находится в Мазари Шерифе, никаких приготовлений к войне не делает, и что торговые наши сношения возобновлены.

Протоколы произведенного по повелению императора Франца-Иосифа следствия покоятся в секретном архиве императорской фамилии, и никаких официальных точных данных ожидать не приходится. Вопрос престолонаследия урегулирован в том смысле, что на престол вступит младший брат императора эрцгерцог Карл-Людвиг, а затем его старший сын. Посол присылает г. Гирсу прекрасную фотографию г-жи Вечера.

Граф Шувалов вносит поправки в свое последнее письмо и признает, что охлаждение, происшедшее между бывшими когда-то в очень хороших отношениях эрцгерцогом Рудольфом и императором Вильгельмом II, бесспорно очень ослабило сожаления, вызванные кончиной первого. Граф констатирует полное затишье; интерес представляют только упоминаемые им симптомы сближения между берлинским и лондонским дворами. Тотчас после посещения адмирала лорда Бересфорда, о котором говорят, что он привез от королевы Виктории письмо императору Вильгельму, газеты пустили слух о предстоящей поездке последнего в Англию.

Парижская экспедиция дает довольно любопытные, хотя и не особенно новые подробности касательно готовящегося кризиса. Наибольший интерес представляет, конечно, донесение нашего поверенного в делах в Гамбурге, доказывающее, что предприятие князя Бисмарка на Занзибаре и в Самоа является источником неразрешимых затруднений и значительных расходов для Германии. Хорошо знакомые с этими отдаленными странами, крупные гамбургские негоцианты предлагали не тратить 2.000.000, полученные с таким трудом от Палат на экспедицию Виссмана, которую граф Кассини считает имеющей мало шансов на успех, а вместо этого купить некоторых начальников племен, что гораздо лучше уладило бы все это дело. Граф Кассини сомневается также в искренности установившегося между Германией и Англией согласия, так как последняя нисколько не заинтересована в том, чтобы поддерживать колониальные предприятия великого канцлера.

Понедельник, 6-го февраля.

Министр просит меня к себе только около $11^1/_2$ час. [Еще приглашение на небольшой бал в Эрмитаже в четверг. Право,

они слишком добры при дворе, что еще вспоминают обо мне, несмотря на мое упорное отсутствие]. Вчера он вернулся очень поздно и не успел еще прочесть большей части полученной корреспонденции; мы ее обсуждаем в виду необходимости приготовить к четвергу ответы. Я выражаю некоторое опасение, как бы проявляемая нами по отношению к Германии нелюбезность, к которой, повидимому, так склонны в высших сферах, не побудила бы ее, в конце концов, действительно броситься в объятья Англии, особенно теперь, когда Бисмарк, кажется, уже не может больше удовольствоваться тройственным союзом.

Мы отбираем бумаги, которые могут быть тотчас посланы государю, и, сойдя вниз, я отправляю их.

К 4-м часам приходят пить чай Вламгали и Зиновьев. Говорим о проекте Толстого. Зиновьев имел случай видеть и точно списать высочайшую пометку на отчете о заседании Государственного Совета. Сначала его величество написал: «Согласен с мнением меньшинства», а затем, затребовав вновь бумагу,— полагают, что это явилось следствием доклада графа Толстого, — государь прибавил, поместив субботой, 28 января: «Желаю, чтобы земские начальники были введены немедленно. Мировых судей в уезде уничтожить, чем облегчится тяжесть податей. Дела мировых судей передать земским начальникам, окружным и волостным судам. Желаю непременно, чтобы во всем остальном проект был окончательно рассмотрен до летних вакаций».— Эта пометка произвела, повидимому, ошеломляющее действие. Главной целью было устранение в наших судебных учреждениях выборного принципа и реформирование в духе консерватизма тех из них, которые функционируют в провинции. Передача части дел, входивших в компетенцию мировых судей, в руки «волостных судов» была бы более чем либеральной мерой. Вламгали рассказывает, что в виду непреодолимых затруднений, которые повлекло бы за собой проведение в жизнь императорских пометок, компетентные в этом отношении министры собрались в Государственном Совете под председательством великого князя Михаила. Говорят, что при этом министр юстиции Манассеин совершенно уничтожил графа Толстого, и все присутствовавшие члены Совета, за исключением ставшего на сторону министра внутренних дел

г. Островского, одобрили сказанное г. Манассеиным. Великий князь—председатель—самолично отвез государю протокол этого заседания, и на этот раз его величество не пошел против большинства, а вызвал к себе в четверг, 2 февраля, графа Толстого, г.г. Манассеина и Вышнеградского и поручил им составить в духе принятых принципов новый проект, имеющий быть выработанным совместными усилиями.

Таким образом, всю работу надо начинать сначала, и реформа отложена в долгий ящик; но говорят, что граф Толстой проявляет полное удовлетворение, и противники его тоже очень довольны. Ну, не Соломонов ли это суд?

Г. Победоносцев посещает г. Гирса; проведав о возникших для Ашинова затруднениях, он старается уверить, что он совершенно не при чем в этой злосчастной экспедиции, которой покровительствовали только покойный адмирал Шестаков и генерал Рихтер. Министр показывает Победоносцеву перлюстрацию полученной французским послом телеграммы, в которой правительство Республики предписывает ему довести до сведения императорского кабинета вызываемые действиями казаков затруднения и те последствия, к которым они могут привести. Победоносцев, повидимому, огорчен и обеспокоен.

В комиссии из пяти наиболее компетентных в этом деле министров под председательством великого князя Михаила обсуждается вопрос о том, должны ли быть преданы суду за крушение 17 октября прошлого года бывший министр путей сообщения адмирал Посьет и его товарищ г. Шерваль. Г. Кони, которому было поручено произвести расследование, крайне раздражен и убежден в виновности министра путей сообщения.

Вторник, 7-го февраля.

Будучи приглашен к министру ранее обыкновенного, нахожу его озабоченным. Посещение г. Победоносцева произвело на него тягостное впечатление. Когда-то тот сравнивал Ашинова с Христофором Колумбом и т. д., а теперь думает только о том, как бы доказать свою непричастность к безумной авантюре этого казака, и сваливает главную ответственность на генерала Рихтера.

Я говорю министру, что Ону рассказывал мне, утверждая, что знает это из достоверного источника, что этой осенью

в Севастополе Ашинов был представлен государю, при чем ему покровительствовал адмирал Шестаков; более чем вероятно, что этому способствовал генерал Рихтер, который все более и более старается играть главную роль при высочайших путешествиях. Министр рассказывает, что Победоносцев много говорил ему о Палестинском обществе, и с этой стороны, повидимому, тоже ведется целый ряд интриг под эгидой этого бедного великого князя Сергея, который так много старается и так мало понимает в делах. Его императорское высочество не удовлетворено назначением Максимова в Иерусалим и желает, кажется, посадить туда кого-нибудь из своих приближенных. Я спрашиваю министра, действительно ли ему необходимо няньчиться с этим злополучным обществом, которому, мне кажется, было бы лучше предоставить возможно более независимости; у нашего Зиновьева страсть к власти, он стремится сосредоточить ее как можно больше в своих руках и вмешиваться во все. Не было ли бы в тысячу раз лучше поставить консульство насколько возможно в стороне от интриг и происков Палестинского общества. Последнее, вероятно, скоро запуталось бы и наткнулось бы на непреодолимые препятствия; тогда оно первое обратилось бы к нам за помощью и покровительством, и генеральный консул в Иерусалиме мог бы действовать на законной почве.

Никакая попытка непосредственного соглашения здесь с довольно глупым великим князем и с его смешным интриганом полковником Степановым никогда ни к чему не приведет.

Министр того же мнения и разделяет мое мнение о том, что слишком деятельная и тяжелая опека, которую стремится проводить Зиновьев, портит и осложняет отношения между министерством и Палестинским обществом, действующим под председательством великого князя.

Государь возвращает часть посланных ему вчера бумаг. Его величество оставил у себя пересланную князем Лобановым фотографию бедной г-жи Вечера. На депеше Кодебу от 2/14 сего февраля за № 10, излагающей вкратце программу внутренней и внешней политики генерала Буланже, которая была сообщена нашему поверенному в делах одним очень влиятельным бывшим бонапартистом, государь пишет: «Программа Буланже недурна, но может ли он ее исполнить».

На другом донесении от того же числа за № 11, дающем отчет о больших затруднениях, причиненных французскому правительству Ашиновым, который только-что заявил властям Абока, что намеревается оставить за собой Сагалло для того, чтобы иметь сообщение с морем, и что российский император ему это разрешил, его величество делает следующую пометку: «Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда, и мне кажется, что и духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность».

Министр собирает свои бумаги для доклада и пишет несколько слов румынскому поверенному в делах, с которым собирается строго поговорить об имевших, повидимому, место высылках русских подданных и болгарских беженцев.

В $12^1/_2$ час. у меня завтрак для Николая и Александрины Брок, Марии Шварц и Оболенского.

Мой beau-frère рассказывал мне потом, что, когда он третьего дня уезжал из дворца после бала в концертном зале, перед ним шел генерал Черевин, которого вел под руку Бенкендорф; он был так пьян, что спотыкался и через каждые две-три ступеньки рисковал упасть. Считаю, что генерал-адъютанту, начальнику охраны, любимцу их величеств, стыдно показываться в таком виде при разъезде с придворного бала, на котором присутствуют около 800 приглашенных и среди них дипломаты, приезжие из провинции, и т. д. При этом говорят, что Черевин самый умный из близко стоящих к их величествам лиц. Хорошенькая среда!

По окончании завтрака я едва успеваю проводить своих дорогих гостей, как министр возвращается с доклада. Государь очень раздражен против Ашинова и почти жалеет, что последнего там же хорошенько не побили; капитан Пташинский с «Нижнего-Новгорода», встретивший эту банду в Порт-Саиде, доносит в морское министерство: «Ашинов играет в рулетку и сорит золотом, большинство его товарищей шатаются оборванные, пьяные по улицам и кабакам». Его величество повелел напечатать это донесение в «Кронштадтском Вестнике», дабы истина о всей этой злосчастной авантюре стала известна прежде,

чем морской офицер, которому поручено отправиться на место, чтобы объявить Ашинову приказ подчиниться законным требованиям французского правительства, доедет до Сагалло и положит конец всей этой истории.

Вечером занимаюсь у себя проектами писем для экспедиции с отправляющимся в четверг курьером, но чувствую себя очень утомленным и не могу долго работать. В великобританском посольстве бал; Оболенский пьет у меня чай и уезжает около 10 часов. Мой министр с супругой тоже туда отправляются: г-жа Гирс забыла надеть свои знаки ордена св. Екатерины, за которыми, как я слышу, поспешно приехали.

Среда, 8-го февраля.

Проснувшись, получаю записку от своего кузена Армана Стенбока, который просит у меня свидания, чтобы поговорить со мной, как это ему посоветовал вчера на балу г. Гирс; отвечаю ему тотчас и приглашаю притти около 2 часов.

Подпявшись к министру, который, слава богу, совсем оправился от своего нездоровья, застаю его в прекрасном настроении. Он говорит мне, что балы и выезды его нисколько не утомляют; даже г-жа Гирс посещает их в этом году с некоторым удовольствием, так как их величества при каждой встрече бывают с ней высоко милостивы. Вчера, на балу у Морнера, государь сказал ей, что он в восторге от того, что у Николая Карловича такой здоровый вид, и что веселое настроение, в котором находится все это время министр, доставляет ему удовольствие. Говорят, что праздник удался вполне. Государь уехал около часу. Государыня, на которой было великолепное красное платье, отбыла с цесаревичем только после ужина. На празднике присутствовал германский посол, приглашенный со всем составом посольства.

Государь говорил с г. Гирсом об экспедициях, которые он успел пробежать, и высказал мнение, что программа Буланже, в том виде, как она была сообщена нашему поверенному в делах, разумна; что, избегая испортить отношения с настоящим правительством, посольство должно стараться сообразовываться с мнениями и действиями тех, кто, вероятно, явится его преемником у власти. По словам министра, он ответил его величеству: «Мы

именно в этом духе с графом Ламздорфом условились отвечать Коцебу». И действительно, это именно то, что я позволил себе предложить в качестве проекта ответного письма нашему поверенному в делах в Париже.

Я говорю министру, что Стенбок просил у меня свидания, и г. Гирс рассказывает, что вчера великий князь Сергей и его гофмаршал запрашивали его касательно приглашений на обед, который его и. в. предполагает немедленно дать в честь великого герцога Гессенского и на котором будут присутствовать германский и английский послы с супругами; министр им сказал, что следует обратиться ко мне, так как я часто разрешал подобные вопросы, особенно в Москве во время коронации в 1883 г.

Итак, вот чему я обязан посещением моего старого друга Армана Стенбока.

В 2 часа является Стенбок; он говорит мне массу прекрасных фраз и уверяет, что когда его желание меня видеть станет слишком сильным, он, чтобы нарушить запрет и быть принятым, прибегнет к помощи моего министра. Мы решаем, что великий герцог Гессенский займет место великого князя Сергея, а рядом с ним будет супруга одного из послов и принцесса Алиса, между тем как около великой княгини Елисаветы, которая будет сидеть против него, поместятся оба посла, германский с правой стороны, и т. д.

Какая огромная услуга в деле поддержания мира между представителями двух великих держав! Нахожу, что мой кузен имеет прекрасный вид, однако некоторая аффектированность его великого князя сказывается немного и на нем.

Вечером, покончив со всеми проектами писем для завтрашнего курьера, делаю набросок письма к хедиву, о котором меня тоже просил великий князь Сергей через Стенбока.

Четверг, 9-го февраля.

Площадь между нашим министерством и дворцом переполнена войсками, собранными сюда с утра для назначенного в 12 часов парада. Когда министр присылает за мной, мне приходится пройти через его спальню, так как, несмотря на то, что нет и $10^1/_2$ часов, окна остальных комнат запружены любопытными, приглашенными посмотреть парад.

Г. Гирс, которого я нахожу вдвоем с Зиновьевым, сообщает мне, что получил уведомление от морского министра о том, что шайка Ашинова задержана после боя, и что есть убитые и раненые; подробностей еще нет. Г. Гирс спрашивает меня, успеет ли он написать небольшое личное письмо князу Лобанову, прежде чем экспедиция будет запакована к отправке, и полчаса спустя присылает мне это письмо для того, чтобы я его прочел, прежде чем заклеить и вложить в конверт с депешами. Я нахожу это письмо настолько интересным, что спешно снимаю с него копию для нашего архива. Г. Гирс предупреждает князя Лобанова, что отправляющийся в Бухарест Цанков будет проезжать через Вену, при чем явится к нему и покажет ему письмо с отчетом о его аудиенции у государя, а затем будет стараться ознакомить с этим письмом возможно большее число наших сторонников и друзей среди болгар. Министр прибавляет, что возможно, что Цанков будет иметь случай говорить с некоторыми австрийскими государственными деятелями, может быть, даже с самим Кальноки, и что он, с своей стороны, ничего бы против этого не имел. Взгляд нашего государя на положение вещей может быть провозглашен во всеуслышание, и если бы Австро-Венгрия убедилась, наконец, в том, насколько полезно было бы для нее возвратиться к нормальному порядку вещей и к поддержанию добрых и дружеских отношений с нами, она поняла бы и необходимость удаления из Болгарии князя Кобургского. Переговоры с Цанковым, действующим по указаниям нашего посла, могли бы, может быть, подготовить для этого почву.

В 12 часов приходит Шварц, и мы смотрим из окна на государя, объезжающего со своей многочисленной и блестящей свитой выстроенные во фронт войска. Жаль, что его величество ездит всегда на небольших спокойных лошадках и носит небольшую черную меховую шапку,—все это вместе так не эффектно, что фигура государя стушевывается и недостаточно выделяется.

Вечером работаю над письмом для великого князя, Сергея, но у меня очень грустное настроение и мне трудно сосредоточиться.

Пятница, 10-го февраля.

Придя утром к своему дорогому министру, сообщаю ему, что снял для нашего архива копию с его письма к князю Лоба-

нову; он признает это полезным и советует мне хранить ее в секретных делах; при этом он сообщает мне, что говорил совершенно откровенно со Швейницем и Волькенштейном об аудиенции, которую имел у государя Цапков, и о тех миролюбивых, доброжелательных, но неизменных и твердых в принципиальном отношении намерениях, которые ему высказал государь с тем, чтобы он мог их передать своим соотечественникам и всем вообще. Оба посла весьма живо восприняли это конфиденциальное сообщение, и Гирс сказал также австрийскому послу, что Цапков проедет через Вену. Швейниц выразил свое восхищение перед его величеством: «нет,—говорит он,— чем больше я его вижу, тем более я нахожу, что это настоящий император, твердый, чуждый всякой мелочности, идущий прямо к цели, не задерживаясь на деталях» и т. д., и т. д.

Вчера на балу в Эрмитаже государь говорил с г. Гирсом об инциденте с Ашиновым, «который, по его мнению, получил только то, чего заслуживал»; в этом же смысле государь высказался перед тем в беседе с французским послом. Государь желает, чтобы общество было осведомлено при посредстве «Правительственного Вестника» и, в виду того, что посылка морского офицера, который должен был ехать к Ашинову, стала ненужной, остается только позаботиться о возвращении на родину его и сопровождавшего его от Суэца отряда. Министр, в свою очередь, подходит к г. Лабулэ, но не скрывает от него тягостного впечатления, произведенного бомбардировкой и пролитием крови, которых можно бы было так легко избежать; французскому послу об этом еще ничего не было известно, и он отвечает нелепостью, уверяя, что если стороны и обменялись выстрелами, то, вероятно, Ашинов напал на французов.

Спустившись к себе, получаю любопытное письмо от Греча; я просил его не пропускать никаких известий об Ашинове, чтобы избежать в наших газетах шовинистических статей; теперь, в виду только что опубликованного по высочайшему повелению в «Кронштадтском Вестнике» донесения капитана Пташинского и заготовляемых для «Правительственного Вестника» сообщений, я прошу его присылать мне все телеграммы, которые он будет получать об Ашинове, чтобы видеть, когда и какие из них могут стать достоянием прессы. Он присылает мне одну, очень краткую еще ничего не говорящую, но, будучи в полном неведении о том,

что происходит, упоминает в своей записке о телеграмме, которая была ему послана вчера «Московскими Ведомостями» через «Главное Управление по делам печати». Телеграмма гласит: «Образовалось новое общество с солидными денежными средствами для колонизации Абиссинии. Переселенцы отправятся в двух партиях, во главе первой—молодой врач; второю заведует крупный финансист. Общее число переселенцев около 300 человек. Отправляются весною».

Итак, управление по делам печати под эгидой г. Феоктистова и компании противодействует достижению целей, к которым стремились, опубликовывая по высочайшему повелению в «Кронштадтском Вестнике» вышеупомянутое донесение.

Греч сообщает мне также, что сэр Мориер немало пашумел по поводу оказанной ему чести. Говоря о бале в великобританском посольстве в Петербурге, «Koelnische Zeitung» замечает, что настроение России по отношению Германии, к сожалению, продолжает быть враждебным и что это может лишь послужить на пользу английским интересам.

Позднее, среди дня, Греч присылает мне массу телеграмм с подробностями поражения Ашинова и печальной славы адмирала Ольрэй в Сагалло. По распоряжению министра я прошу сохранить все это в цензуре в секрете до опубликования «сообщения» в «Правительственном Вестнике».

Как и все эти дни, Шварц приходит завтракать с Оболенским и со мной.

Беседуем о вчерашнем бале. Ола говорит, что начинают так восхвалять красоту принцессы Алисы Гессенской, что он склонен думать, что дело ее помолвки с наследником-цесаревичем идет на лад. Вообще ее находят менее красивой, чем ее сестра Елисавета, но у нее более умное и более выразительное лицо, приятная и приветливая улыбка. В значительной степени англичанка, она много говорит по-английски, особенно с сестрой. Настойчивого и заметного ухаживания со стороны цесаревича нет. Многие из посвященных в придворные тайны думают, что серьезного сближения не последует.

Значит, старания великого князя Сергея окажутся напрасными. Стенбок уверял меня тогда, что его императорское высочество очень расположен к моему министру; я передал это

г. Гирсу, когда давал ему отчет о нашей беседе, но он этому не очень поверил. «Нет, это phiphicus,—сказал мне министр,—он теперь много интригует». После завтрака иду навестить своего бедного старого друга Геппеля. Письмо хедиву переписано и отослано Стенбоку для представления его к подписи великого князя.

Суббота, 11-го февраля.

Поднявшись к министру, застал его очень обеспокоенным и озабоченным тем, что Зиновьев не представил ему еще проекта статьи для опубликования в «Правительственном Вестнике» согласно повеления государя; в то время как он горько сетует на неаккуратность и бездеятельность Зиновьева, дверь открывается, и последний появляется с бумагой в руках. Г. Гирс задерживает меня и просит его читать, что тот и делает с такой нервностью и поспешностью, что почти нет возможности следить; на просьбу же перечесть то или другое место следует неизбежно «позвольте, позвольте»,—заставляющее г. Гирса на момент потерять терпение.

Статья длинна, в начале многословна, написана стилем чиновника и слишком явно стремится вполне оправдать французов. Ни слова сожаления о погибших и раненых. Я позволяю себе сделать два маленьких замечания, которые Зиновьевым принимаются; вообще он собирается еще ее пересмотреть с редакционной точки зрения. По его уходе министр в отчаянии: он говорит, что статья, особенно начало ее, ему не нравится, и что нет возможности работать с таким человеком, как Зиновьев. Я советую г. Гирсу пересмотреть ее, когда она будет ему представлена переписанной, и тогда ее сократить и переделать; это можно сделать лишь тогда, когда сам читаешь, а не только слушаешь очень быстрое чтение, исключающее возможность какой-либо остановки или перерыва для обдумывания.

На маленькой площади вокруг Александровской колонны опять парад. Спустившись, нахожу своего друга Шварца устроившимся у окна; присоединяюсь к нему. Видим, как в сопровождении великого герцога Гессенского и блестящей свиты приезжает государь. Верхом на небольшой белой лошади его величество, по обыкновению, в довольно низкой черной меховой шапке так мало выделяется из общей массы, что мой провин-

циал Шварц принимает держащегося немного в стороне великого князя Владимира, на хорошей лошади и в более элегантной белой меховой шапке генерал-адъютанта, за государя. Государыня приезжает с Миллионной и направляется к подъезду правого угла в своей маленькой городской, совершенно не эффектной карете, с незадрапированными козлами, с одним казаком на запятках.

Мы с моим приятелем вспоминаем парады, на которые ходили смотреть во времена нашей молодости, элегантность и обаяние покойного государя и очаровательной императрицы Марии Александровны.

Мой министр посылает в 4 часа государю проект статьи, не внося в него изменений; я об этом сожалею, тем более, что собравшиеся у меня в 4 часа к чаю Оболенский, Влангали и Никонов говорят, что все они, при беглом прочтении проекта, вынесли впечатление, что редакция его неудачна. Интересная перлюстрация донесений Лабуле к Гобле. Посол сообщает своему правительству, что третьего дня, на балу, государь в разговоре с ним очень строго отзывался об Ашинове и, казалось, находил, что этот авантюрист получил только то, чего заслуживал; но в то же время, Лабуле выражает опасение, что общественное мнение «не столь легко с этим примирится». Он прибавляет, что г. Гирс говорил ему о предстоящем опубликовании статьи с официальными разъяснениями.

Вся эта ашиновская история крайне любопытна. Наши горячие патриоты и не подозревают, — если бы они только могли это знать, — что первоначальная идея колониальных владений для России в тех местах исходит от князя Бисмарка, кошмарного железного канцлера!

Действительно, когда в 1885 г. Турция обратилась к нам с просьбой протестовать против занятия итальянцами Массуа и заручиться содействием еще двух императорских дворов, берлинский кабинет дал нам ответ, изложенный в нижеприводимой телеграмме от 26 янв./7 февр. 1885 г. из Берлина от нашего поверенного в делах графа Муравьева:

«Из уважения к союзу с Россией» канцлер готов оказать нам содействие и поддержать протест Турции. Но он боится, что протест в этом вопросе трех империй без Франции останется безрезультатным, что было бы неприятно. Насколько ему известно.

*

Франция не расположена протестовать, и в таком случае было бы опасно действовать без нее потому, что Франция могла бы отойти от трех империй и присоединиться к Италии и Англии. Канцлер прибавляет конфиденциально, что, может быть, Франция желала бы действовать как Италия, а следовательно, не пожелала бы ее порицать. Под большим секретом Бисмарк обращает внимание на то, что, в случае нарушения Италией трактата 1857 г., «Россия могла бы, может быть, этим воспользоваться и занять, если бы Массуа уже не была свободной, какой-либо другой пункт на Красном море близ Абиссинии».

Когда-то подозревали князя Бисмарка в желании вовлечь нас в авантюры и в стремлении поссорить нас с Францией. Теперь наши пресловутые патриоты возымели желание привести в исполнение его планы. Зиновьев доставляет мне несколько найденных у адмирала Шестакова после его смерти бумаг. Тут полученные этой осенью покойным морским министром письма Ашинова, Киреева и их агентов, в которых его просят оказать покровительство этому высоко-патриотичному делу. Среди этих бумаг нахожу написанную рукой государя записку следующего содержания: «Я желал бы знать мнение И. А. Шестакова, который, кажется, сочувствовал Ашинову».

Вся эта корреспонденция относится к тому же времени, что и прошение нижегородского губернатора генерала Баранова. Во время путешествия государя, Баранов, напоминая о своей деятельности по находившемуся когда-то под покровительством цесаревича Добровольному флоту, писал его величеству 20 сентября 1888 года:

«В то время, как почти все государства одно перед другим и иногда с большими жертвами, как Италия, стремятся захватывать пункты африканского берега, горсть русских казаков заняла берег Тежурского залива, сознавая важность как географического, так в особенности стратегического значения на случай войны с Англией названного залива. Долгие беседы с атаманом Ашиновым, который неоднократно по поручению казачьего круга приезжал в Нижний-Новгород, привели меня к заключению:

1) Залив в стратегическом отношении совершенно удобен и хорош.

2) Форсировка входа весьма затруднительна.

3) Посредством владения Тежурским заливом Россия входит в соприкосновение и сближение с 30.000.000 православным населением Абиссинии.

4) Местные богатства обещают добрую будущность для сбыта наших изделий и товаров.

5) Захват берегов Тежурского залива так называемыми вольными казаками весьма радостное для нас событие, потому что не может при самом зародыше колонии вызвать недоразумения с товарищами по захватам колоний, — с англичанами, итальянцами и т. д. Но заселение русскими выходцами африканского прибрежья только тогда принесет России всю массу возможной пользы, когда правительство твердо будет руководить устройством колонии и ее сношениями с соседями, а главное с Абиссиниею. Только при этом условии колония получит подобающее ей государственное значение.

Повергая изложенное на благоусмотрение, приемлю смелость присовокупить, что в случае высочайшего соизволения, я с особенною радостью взял бы на себя съездить под видом отпуска в казачью колонию на захваченные берега Тежурского залива и в Абиссинию, дабы фактически на месте проверить полученные сведения, и затем, если, как надо полагать, сведения окажутся верными, при некотором содействии правительства образовать Российско-Африканскую компанию. Промышленной компании этой могло бы быть представлено право иметь свои суда и гарнизон для собственной обороны. По прошествии же некоторого времени и в удобный в политическом отношении момент последовало бы высочайшее вашего величества распоряжение о переходе в руки правительства военной, морской и административной частей управления новым краем, при оставлении за участниками-пайщиками частей торговой и промышленной» [1].

Только в конце октября 1888 года, по своем возвращении в Петербург, государь послал этот документ министру со следующей пометкой: «Я переговорю с вами об этом».

Министр тогда же обратил внимание его величества на то, что предприятие генерала Баранова кажется ему очень рискованным, а рассказы Ашинова весьма сомнительными. Что прежде чем что-либо начинать, надо бы по крайней мере пору-

[1] Письмо Баранова—в подлиннике написано по-русски.

чить какому-нибудь обстоятельному человеку из наших моряков ознакомиться на месте с положением дела.

Вопрос об Ашинове на этом и остановился. Что же касается духовной миссии присоединившегося позднее к авантюристу архимандрита Паисия, печатавшего в газетах воззвания о сборе пожертвований, то министр два раза отношениями указывал министру внутренних дел и обер-прокурору св. синода на сопряженные с ней опасности и неудобства; это было сделано сначала в августе, затем в ноябре, но отношения эти остались без ответа и без последствий.

Что мог еще сделать министр иностранных дел?

Около 8 часов вечера государь возвращает проект статьи с надписью: «хорошо», и министр запиской извещает меня о том, что статья посылается в редакцию «Правительственного Вестника», и что я могу разрешить Гречу пропустить все задержанные нами в цензуре телеграммы касательно Ашинова.

Воскресенье, 12-го февраля.

Государь возвращает телеграмму Кояндера от вчерашнего числа, которой наш дипломатический агент в Египте сообщает: «По-моему, неотложно необходимо выслать в Суэц или «Забияку», или по меньшей мере русский пароход. Иначе может выйти крупный скандал. Египетской полиции в Суэце мало». Его величество делает следующую пометку: «Действительно, это было бы лучше, и в особенности нельзя выпустить Ашинова».

Поднявшись около 11 часов к министру, застаю его в отчаянии от вышедшей в «Правительственном Вестнике» статьи и очень сердитым на Зиновьева, который доставил ему ее в последний момент и не дал ему возможности, отдохнув, внести в нее некоторые изменения; я признаюсь г. Гирсу, что был несколько удивлен тем, что он послал вчера государю статью в том виде, в каком она была представлена, и что вообще мне кажется, было бы лучше печатать такие вещи на день позже, но во всяком случае иметь время их предварительно хорошо просмотреть. [Я помню, как сказал в Ливадии граф Александр Адлерберг: «Верьте мне, никогда не нужно делать

сегодня того, что можно сделать завтра»]. Мне кажется, впрочем, что некоторые безусловные неловкости зиновьевской редакции не имеют на этот раз очень большого значения; возможно, что они возымеют косвенно даже спасительное последствие; так как статья производит впечатление, что мы хотим оправдать действия французов, то пресса яростно на нас накинется, и это будет вполне заслуженно. Это заставит несколько призадуматься сторонников союза с Францией во что бы то ни стало!

Иду пешком на Невский, чтобы купить у «Гурмэ» конфект для г-жи Шварц. Подходя к Аничковому дворцу, слышу, как караул отвечает: «Здравия желаем, ваше величество»,— и в тот же момент из-за решетки выезжают огромные четырехместные парные сани без казака на запятках; их величества, цесаревич и кто-то из младших детей едут в этом экипаже по Караванной в манеж конюшенного ведомства на открытие выставки рыбоводства, во главе которой стоит великий князь Сергей. Стоящая на пути толпа встречает их криками «ура!». Меня поражает выражение доброты и чувства удовлетворенности, которыми дышит лицо государя, с улыбкой раскланивающегося на все стороны.

Понедельник, 13-го февраля.

Мой министр все еще в отчаянии: он говорит, что ему почти стыдно ехать в Государственный Совет, где его будут расспрашивать по поводу этой неприятной статьи в «Правительственном Вестнике».

К чаю в 4 часа у меня собираются Вламгали, Зиновьев, Никонов. Говорим о происшествии с Ашиновым и о том, что могло создать возможность подобной авантюры. Никонов говорит, что это обусловливается тем, что «у нас есть ведомства, но нет правительства»,— довольно хорошо сказано. Победоносцев опять посещает моего министра, продолжая утверждать, что не имел никакого отношения к предприятиям не только Ашинова, но и отца Паисия. Он уверяет, что указал государю на покойного Шестакова и особенно на генерала Рихтера, как на виновников всего происшедшего; государь якобы этого не отрицал. Между тем Рихтер, с которым г. Гирс имел случай беседовать на этих днях, утверждает, что в Севастополе он

только докладывал государю об Ашинове; его величество не принял Ашинова, а приказал только принять иконы и проч., поднести которые этот казак просил разрешения.

Вторник, 14-го февраля.

Поднявшись около $10^1/_2$ часов к своему дорогому министру, нахожу его несколько успокоенным по поводу результатов опубликования злополучной статьи в «Правительственном Вестнике». Он в восторге от вчерашнего обеда у великого князя Сергея. Гости были размещены, как было условлено, и все остались довольны. Г. Гирс говорит, что при этом дворе все организовано безупречно, и очень хвалит Армана Стенбока. Приношу министру расшифрованные телеграммы; он тотчас же мне сообщает известие о том, что, ознакомившись с результатами произведенного под руководством г. Кони расследования, комитет единогласно признал, что бедный адмирал Посьет должен быть предан суду.

Оболенский, как всегда, появляется к завтраку; я чувствую себя немного обиженным тем, как он меня встретил, когда, выйдя сегодня утром от министра, я принес ему несколько спешных бумаг и после того, как он распределял, не сказав мне ни слова, работу по отчету между некоторыми секретарями канцелярии. Надо сознаться, что иногда он держит себя далеко не по-дружески. После завтрака не выхожу, боясь пропустить приезд министра, который вернется в $2^1/_2$ часа и будет очень спешить с г-жей Гирс в Мраморный дворец, где великие князья устраивают спектакль в присутствии их величеств. Министр успевает только передать мне несколько спешных бумаг и говорит, что вообще доволен своим докладом; последний был сокращен приездом великого князя Михаила, который приказал доложить, что он по важному делу. Г. Гирс предполагает, что речь шла о решении по делу Посьета.

В 4 часа пьет чай один Зиновьев, потому что Вланганы тоже в Мраморном дворце.

Захожу на минутку к Гешелю. Обедаю один и вечером занимаюсь у себя. Высказываюсь горячо против Черевина, который остается безответственным в то время, как достойный уважения Посьет предается суду.

Среда, 15-го февраля.

Около 11 часов прихожу к министру, который сообщает мне более подробно о вчерашнем докладе. Он имел случай сказать государю, что Победоносцев приезжал уверять его в том, что не имеет никакого отношения к предприятию Ашинова-Паиспя. Его величество, повидимому, в этом не уверен. Г. Гирс обратил также внимание государя на то, что напечатанная по высочайшему повелению в «Кронштадтском Вестнике» статья не была перепечатана ни одной из других газет и только «Гражданин» упомянул о ней. Государь говорит: «Да, это клика». Кажется, на этот раз государь серьезно рассердился. Г. Гирс говорит мне по секрету, что министр финансов г. Вышнеградский приезжал просить его противодействовать распространяемым прессой слухам о воинственных передвижениях Абдуррахмана; для того, чтобы облегчить предстоящую в Берлине важную операцию с нашими бумагами, следует избегать всего, что могло бы вызвать тревогу. Германские банкиры Ротшильд, Блейхредер и др., обеспокоенные и недовольные успехом займа, произведенного во Франции для весенней конверсии, очень настойчиво предлагали новый германский заем на еще гораздо более выгодных условиях.

Г. Вышнеградский спрашивал г. Гирса, насколько такая операция явилась бы своевременной с точки зрения политической, и мой министр ему заявил, что не может ничего возразить против нее, но что, по его мнению, система, которая дала бы нам возможность обращаться по нашему выбору и к берлинской и к парижской бирже, была бы самой мудрой и самой выгодной. Тогда министр финансов просил позволения сослаться на это мнение во время своего доклада государю, и теперь сделка в Берлине совершена при наилучших условиях: остается ее только легально оформить и в виду этого и было бы так важно устранить всякие опасения по поводу возможности нарушения мира.

Вчерашний спектакль в Мраморном дворце произвел на г. Гирса приятное впечатление. Присутствовавший там Посьет, видимо, не подозревает о грозящем ему суде. Около 2 часов министр предполагает отправиться с г-жей Гирс на спектакль, который состоится в присутствии их величеств и двора у графа

Александра Шереметева в его доме, на Англійской набережной. Вчера за завтраком во дворце об этом шла речь, и мой министр сказал государю, что для того, чтобы подготовиться к спектаклю, он прочел «Бориса Годунова» Пушкина,—но ошибся, потому что дана будет «Смерть Ивана Грозного» графа Толстого. Эта маленькая путаница, кажется, позабавила их величества.

Находящиеся среди возвращенных государем бумаг перлюстрации телеграмм французского посла доказывают, что г. Лабуле озабочен тем, что говорится в нашей прессе по поводу инцидента в Сагалло. Он заканчивает одну из телеграмм так: «Инспирированные статьи с.-петербургской прессы скорее неблагоприятны русскому правительству, которое обвиняют в непредусмотрительности, чем французскому. Они осуждают, однако, поспешность и суровость принятых мер и т. п. То же высказывал мне и генерал NN, который считает, «что блокада произвела бы то же действие, но без пролития крови». Против места, где упоминается о генерале NN, государь сделал пометку: «Это опять Игнатьев».

Четверг, 16-го февраля.

Поднявшись в обычное время к своему дорогому министру, нахожу конверт с только-что возвращенными государем бумагами. На телеграмме, в которой граф Шувалов счел нужным подчеркнуть корректное поведение германского правительства, только что запретившего котировать заем, который болгары пытались заключить в Берлине, и заявившего, что подобный заем со стороны незаконного и непризнанного Германией правительства не может быть допущен, — его величество только пометил: «Это второй, а первый, кажется, удался». Это не совсем верно, потому что заключено займа не было, но это свидетельствует о том, с каким отвращением государь относится даже к услуге со стороны Германии.

Наш генеральный консул в Неаполе, г. Генне, сообщает телеграммой от третьего дня, 14/26 февраля, что крупный нигилистический заговор стремится уничтожить при помощи адских машин стоящий на якоре в порту итальянский флот, арсенал и военные склады. Очень этим встревоженное правительство предписало прессе хранить по этому поводу молчание. Госу-

дарь делает пометку: «Интересно будет знать подробности».

Перлюстрации посылаемых в министерство иностранных дел в Париже г. Лабулэ телеграмм доказывают, что его все более и более тревожит «неудовольствие прессы и общественного мнения, очень взволнованного жертвами и не поддающегося воздействию правительства». Его величество пишет на полях в конце этой депеши: «Надо его успокоить. Главный агитатор, я уверен, — это Игнатьев».

Чувствую себя целый день несчастным и не в своей тарелке при мысли о том, что вечером должен ехать на придворный бал; решился на это, чтобы не имело вида, что я всю зиму сознательно не желал там бывать. Одна мысль о необходимости быть в обществе уже причиняет мне жестокие страдания, поэтому делаю над собой большое усилие, чтобы одеться, и отправляюсь затем около 10 часов с Оболенским в Зимний дворец через собственный подъезд. Войдя в концертную залу, где я столько раз присутствовал на праздниках в течение почти четверти века, я поражен ослепительным, почти чрезмерным освещением, — результатом усовершенствованной системы. Зал переполнен; вместо 800 человек, приглашенных теперь, раньше их бывало едва 300. Их величества и их высочества выходят из малахитового зала тотчас после 10 часов, и бал открывается вальсом. Большой и ужасно громкий оркестр; уверяют, что это объясняется тем, что заведующий и руководящий придворными оркестрами барон Штакельберг почти глух. Ни одной красивой мелодии; ни одного увлекательного танца; барабаны, колокольчики, адский шум и монотонные темпы. Какая разница с оркестром, которым когда-то дирижировал Лядов!

Государыня в декольтированном бальном платье с палевым трэном, со светлозеленой отделкой, в диадеме и ожерелье из бриллиантов с бирюзой. Ее величество имеет вид маленькой грациозной и элегантной молодой особы; она принимает участие в танцах, но мне не очень нравится, как она танцует мазурку. Мария Павловна так же, как и г-жа Богарнэ, — в оранжевом; у обеих немного жанр кокоток. Елисавета Федоровна бесцветна туалетом, внешностью и манерой себя держать; Елисавета Мавриевна кажется серьезней и умнее других; наконец, великая княгиня Александра Иосифовна, седая, в белом туалете, с великолеп-

ной бирюзой на шее и около корсажа, более других носит на себе отпечаток высшего общества — это обломок блестящего двора прежних времен. Принцесса Алиса, которую мне так хотелось видеть, отсутствует. Государь удаляется в малахитовую залу, где играет в карты. Наследник танцует, но без увлеченья и веселья. Что бы ни говорили, а его императорское высочество не вырос и не возмужал. Это довольно миловидный офицерик; белая, отороченная мехом форма гвардейских гусар ему идет, но в общем вид у него такой заурядный, что его трудно заметить в толпе; лицо его невыразительно; держит он себя просто, но в манерах нет ни элегантности, ни изысканности. Великий герцог Гессенский танцует с увлечением. Я встречаю некоторых добрых знакомых, между прочим, князя Александра Оболенского, Михаила Корфа и Эндена — друга по Ливадии, с которым мы вспоминаем наше пребывание в Крыму и нашего дорогого покойного императора. На этом балу нововведение: несмотря на то, что церемониймейстеры в мундирных фраках, они имеют при себе обычные жезлы; повидимому, на последнем празднике был такой беспорядок, что было сочтено полезным, чтобы они появились при присвоенных им эмблемах. Перед самым началом мазурки их усилия растянуть grand rond вызвали столько шума и крика, что мы с Энденом перепугались и прервали наш разговор в дверях на другом конце зала, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. Около $12^1/_2$ часов идут ужинать в Николаевский зал, убранный на этот раз не пальмами, как на двух первых балах, а лавровыми и апельсиновыми деревьями. Эти подстриженные деревца менее гибки и в общем менее красивы. Я сажусь около Эндена и Розенбаха. Влангали садится слева от меня. Ужин скверный. Меню тяжелое и плохо приготовленное. После ужина танцы возобновляются. Всех смешит один молодой артиллерист, выделывающий в мазурке невозможные па с невозможной к тому же жестикуляцией. Государь отмечает эту манеру танцовать и обращает на нее внимание государыни, которая с трудом удерживается от смеха. Графиня Богарнэ, тем не менее, приглашает его, хотя с ним и не знакома. В высшей степени польщенный, несчастный артиллерист откалывает самые великолепные прыжки и старается проделывать это как можно ближе к дверям малахитового зала, где находятся высочайшие особы; общая веселость достигает край-

них пределов, и безумно хохочущий великий князь Владимир вынужден укрыться в соседней комнате. Идут справиться, кто этот так танцующий офицер? Оказывается, что это Гирс, дальний родственник моего министра! Г-жа Нарышкина, урожденная Чичерина, приглашает самым странным образом на свой бал: то мужа без жены, то дочь без матери и т. д. Людям, которых она не приглашает, она говорит, что намерена созвать только цвет и сливки общества, одним словом, дать чистенький бал. Мой министр, которого она приглашает очень настоятельно, но одного, без г-жи Гирс, отказывается под предлогом каких-то помех. Но, несмотря на то, что она исключила великого князя Владимира и его супругу, прокричав везде, что не желает видеть у себя ни этого «обжору», ни его жену, великую княгиню Марию Павловну, которой она не симпатизирует и которая «недостаточно с ней любезна», — их величества и другие императорские высочества принимают, повидимому, приглашение и примиряются таким образом с беспримерной дерзостью по отношению к младшему брату монарха. Последний смеется, говоря о своем исключении, но всем это кажется совершенно недопустимым. Ко двору же великого князя Сергея г-жа Нарышкина, напротив, проявляет живейшие симпатии; она называет его «своим двором», что не мешает ей оставить без приглашения как обер-гофмейстерину княгиню Голицыну-Борейшу, так даже и фрейлину Козлянинову, приглашенья для которой великая княгиня решается у нее просить. Бал кончается около 3 часов, и я с удовольствием возвращаюсь домой.

Пятница, 17-го февраля.

Поднявшись около 11 часов к своему министру, нахожу его также утомленным и простуженным. Генерал Рихтер сказал ему вчера на балу, что поездка в Крым отменена вследствие занятий августейших детей; это странно, — не далее как два-три дня тому назад на перлюстрации донесения одного из дипломатов своему правительству о том, что двор в конце марта уезжает в Данию, кто-то зачеркнул последние слова и написал внизу: «в Крым». Чем вызвано такое внезапное изменение проектов? Во всяком случае, дело не в занятиях их императорских высочеств, которые они могли бы так же хорошо, если не лучше,

продолжать и в Ливадии; может-быть, это результат еще слишком живо сохранившегося впечатления от железнодорожной катастрофы в Борках. Говорят, что маленький великий князь Михаил входит в вагон с ужасом даже для переезда из Гатчины в Петербург; но в таких случаях труден первый шаг; возможно, что при более длинном путешествии он почувствовал бы себя смелее, и тяжелые воспоминания изгладились бы. В то время как я нахожусь у министра, докладывают о предводителе дворянства Могилевской губернии, где г. Гирс купил летом имение. Предводитель этот просил разрешения представиться министру, который рассказывает мне, что видел его мельком вчера на балу, и что этот господин, как и все предводители дворянства, получил недавно подписанный великим князем Сергеем циркуляр, предлагающий ему открыть подписку в пользу находящегося под покровительством «Палестинского общества» предприятия Паисия. Циркуляр этот поставил местные власти в большое затруднение, но они сочли для себя обязательным откликнуться на призыв брата государя. Две недели спустя был получен исходивший от Победоносцева контр-приказ, которым заявлялось, что первый циркуляр, разосланный по недоразумению, должен рассматриваться как несуществующий. Этот контр-приказ происхождения весьма недавнего и относится к тому времени, когда благородный обер-прокурор св. синода увидал, что дела приняли плохой оборот. Один из иностранных дипломатов также рассказывал вчера на балу моему министру, что Шакир-паша горько жалуется на то, что «Россия причиняет Порте неприятности», — дело в том, что в виду сумм, которые Порта должна была получить из банка Гирша, мы все это время особенно настаивали на производстве просроченных платежей и того, что нам должны; это буквально — faire des misères. [1]

У меня такая головная боль и такой озноб, что я принужден после завтрака лечь. Вланган и Зиновьев приходят в 4 часа к чаю; последний приносит мне интересное отношение начальника полиции генерала Оржевского от 18 июля 1886 г., передающее поданный когда-то прокурором [2] окружного суда рапорт, в котором констатируется совершение пресловутым Ашиновым

[1] Fait des misères à la Porte. Непереводимая игра слов.

[2] Одно слово не разобрано.

ряда разбойничьих действий. В газетах тоже начинают проскальзывать сведения о прошлом этого авантюриста, которого пытались сравнивать с Ермаком, Колумбом и т. п., и которого хотели возвести в роль пионера «русского дела». Газеты дают отчет о крупных демонстрациях в честь России, имевших место во Франции после инцидента в Сагалло, но совершенно очевидно, что во всем этом играет большую роль желание некоторых партий раздуть историю с Ашиновым для того, чтобы повредить правительству. Идет также серьезно речь об отставке г. Криспи, вследствие серьезных затруднений, которые он встречает со стороны Палат; по словам некоторых газет, это бы доказывало, что итальянский народ не желает больше приносить финансовых жертв, которых требует политика мира тройственного союза, что нанесло бы последнему чувствительный удар.

Перед обедом захожу на минутку к Гешелю. Обедаю у себя один. Вечером не надолго заходит Деревицкий; он рассказывает, что ходит слух о каком-то ужине в ресторане Кюба, в котором принимали участие великий князь Владимир, Мария Павловна, Алексей, графиня Богарнэ и герцог Евгений Лейхтенбергский с несколькими близко к ним стоящими лицами, между прочим, актером Гитри, красивым малым, который пользуется успехом. Было выпито много вина, после чего дошло яко бы до того, что Гитри поцеловал великую княгиню Марию Павловну; великий князь Владимир дал ему пощечину, а актер ответил его императорскому высочеству тем же. Градоначальник был вынужден донести об этом государю, и его величество, говорят, запретил великим князьям посещать рестораны. Все это очень смахивает на вымысел, но грустна возможность появления подобных вымыслов и то, что многим они отнюдь не кажутся невероятными. Престиж все более и более падает.

Суббота 18-го февраля.

Поднявшись около 11 часов к своему министру, нахожу его не совсем здоровым. Вчера он виделся с генералом Вердером, который живет во дворце и, в качестве гостя, часто видит их величеств. Он подтверждает, что от намерения провести весну в Ливадии уже отказались. Г. Гирс озабочен визитом, который государь должен бы был отдать германскому императору; я говорю

ему, что, если бы это произошло летом, было бы своевременно в это время наметить с Бисмарком основы возобновления нашего секретного договора, срок которому истекает 15 июня 1890 года. В пакете с возвращенными государем бумагами есть полученная вчера телеграмма нашего поверенного в делах в Париже, в которой он сообщает, что министр иностранных дел боится, как бы об Ашиновском инциденте не заговорили с трибуны, — это могло бы повести к несвоевременным демонстрациям в Палате. Его величество делает следующую пометку: «Вот к чему доведет эта глупая болтовня в газетах». Позднее узнаю, что газетам было предложено прекратить обсуждения по этому поводу; в газетах появляются, действительно, любопытные описания этой разбойничьей экспедиции, почерпаемые из донесений наших моряков и нескольких очевидцев.

Около 4-х часов приходят Зиновьев и Вламгали; первый рассказывает, что у него был одесский генерал-губернатор генерал Роон. Он ставит министерству в упрек, что оно не предупредило его о необходимости остановить экспедицию Ашинова, на что Зиновьев ему отвечает, что министерство два раза писало министру внутренних дел и обер-прокурору св. синода, предупреждая их о том, что предприятия Ашинова и отца Паисия невозможны. На это мы не получили никакого ответа и больше ничего сделать не могли, к тому же могло ли нам притти в голову, что он, генерал-губернатор, разрешит сесть на пароход 150 беспаспортным бродягам с оружием и военными припасами. Ответ Роона довольно интересен: «Я думал, что правительство сочувствовало этим предприятиям; что же касается вооружения и снабжения, то оно было доставлено из Николаева морским ведомством». Повидимому, в самом деле, ослабленный болезнью, бедный адмирал Шестаков этой осенью, не задолго до своей смерти, действовал в этом направлении. Генерал Роон, кажется, очен сконфужен и встревожен. Победоносцев, который тогда по телеграфу сделал распоряжение об ускорении посвящения Паисия в архимандриты в виду летней экспедиции последнего, и который теперь утверждает, что он тут не при чем, также очень волнуется, напоминая собою некоторых духов перед заутреней. Вламгали не удалось видеть министра, и он просит меня ему передать, что генерал Розенбах, согласно воле государя, тотчас возвращается к своему

посту, но что он желал бы, чтобы английскому послу это не было известно, потому что, в виду волнений на границе Афганистана его внезапное и неожиданное появление произведет больше впечатления. Государь повелел: 1) чтобы Ашинов тотчас по прибытии был отвезен в один из самых отдаленных уездов Саратовской губернии и интернирован там на три года; 2) чтобы товарищи его были сосланы и подверглись аресту, смотря по степени их виновности; 3) произвести строгое расследование для выяснения всей истории этой злосчастной авантюры и нахождения виновников и, наконец, 4) предоставить отца Паисия и сопровождавших его монахов в распоряжение святейшего синода.

Чрезвычайно разумное решение. Ашинов должен понести наказание, но трудно было бы предать его суду, не вызвав шума, столь же несвоевременного в России, как и за границей; административная мера, которую повелено к нему применить, обходит это затруднение.

Яхт-клуб, повидимому, боится даже поддерживать свои мнения! Воронцов-Дашков и несколько старых членов сожалеют о том, что молодого Белосельского прокатили на вороных; для того, чтобы их удовлетворить и доставить удовольствие отцу этого повесы, его будут переизбирать новой баллотировкой. Рассказывают невероятные вещи о дерзости г-жи Нарышкиной которая, не довольствуясь оскорблением, нанесенным ею великому князю Владимиру и великой княгине Марии Павловне, еще находит удовольствие в том, чтобы держать себя неприлично и проявлять неуважение по отношению к значительной части общества, и разыгрывает из себя настоящую великосветскую даму, тогда как ее за совершенно плебейскую вульгарность и бестактность давно уже прозвали «Саша из Тамбова». Старый, впавший в рамолисмент, и вполне ей подчиняющийся супруг предоставляет ей свободу действий; его звание обер-камергера и старинные связи принимаются во внимание, но если его не станет, ей придется столкнуться со многими врагами.

Воскресенье, 19-го февраля.

Поднявшись к министру, передаю ему все, что мне сказал вчера Вламгали. Он находит, что произнесенный государем приговор есть Соломонов суд. «Иногда он, право, достоин восхищения в своих решениях, — замечает г. Гирс, — и проявляет замечательную пра-

вильность в оценке положения». Министр также слышал массу рассказов и критики по поводу вечера Нарышкиной. Он спрашивает себя, не будет ли на него государь в претензии за то, что он отклонил приглашение, потому что обычно он ужинал за столом его величества, которого забавляли его комичные споры с хозяйкой дома. Я выражаю свое полное недоумение по поводу того, что их величества присутствовали на вечере, на который живущие рядом великий князь Владимир и супруга не были приглашены; это наводит меня на мысль, что отношения между обоими дворами не особенно хороши. Министр вынес то же впечатление. Он говорит мне при этом, что брат моего Ола, Владимир, несмотря на то, что он полковник и только несет обязанности гофмаршала, играет очень большую роль. Ему вверена вся гофмаршальская часть дворцового управления и в кругу приближенных их величеств это решительно самый интимный и самый близкий к ним человек. Победоносцев, как влюбленный, бегает за моим министром. Его отрицания какого бы то ни было с его стороны участия в деле Аншпова тем более забавны, что в том же самом кабинете, по которому мы ходим, беседуя с г. Гирсом, он превозносил предприятия этого авантюриста и несколько месяцев тому назад говорил, что это человек замечательный и что Колумб был тоже «сорви голова».

Обер-прокурор св. синода отрицает даже то, что он телеграммой торопил с посвящением отца Паисия, хотя помощник его показывал летом эту телеграмму Зиновьеву. Ему, повидимому, пришел на помощь старый митрополит Исидор; последний говорит, что в виду спешности посвятил Паисия без формального на то разрешения, и умно прибавляет: «Надеюсь, что меня, старика, за это в Соловки не сошлют».

Кажется, несомненно, что в Крым не поедут, но министр хочет при первом случае возбудить вопрос о путешествии в Берлин. Немцы все еще употребляют все свои усилия, чтобы нас умаслить; в «Кельнской Газете» появилась восторженная статья по поводу результатов деятельности государя как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Интересно, что эта инспирированная статья сочувственно говорит о воздержании для России от какого бы то ни было союза. Наши настоящие соглашения с Германией не таковы, чтобы она особенно дорожила их возобновлением; нужно будет хорошенько это обдумать.

Обедаю один у себя и вечером занимаюсь вскрытием и внесением в книгу привезенной двухнедельным курьером корреспонденции. Она не сообщает ничего нового, но мне кажется, что Кодебу несколько сгустил краски, придерживаясь буквально нашего официального сообщения касательно Ашинова, и даже пошел дальше него. Несмотря на то, что государь на празднике в Царском, министр поручает мне послать во дворец значительную часть полученных донесений. Так как Ола может вернуться только поздно ночью, я ухожу около 11 часов.

Понедельник, 20-го февраля.

Когда я прихожу к своему министру, который вызвал меня ранее обыкновенного, он говорит мне, что помнит, что я говею обыкновенно на первой неделе, и не хочет помешать мне быть у обедни. Мы говорим о полученной корреспонденции и о том, что надо отвечать. На мое предложение исправить несколько то впечатление, которое Кодебу, повидимому, вынес из официального сообщения, и восстановить в ответном к нему письме точные факты, г. Гирс говорит о причиненном ему этим сообщением неудовольствии и о том, как трудно работать с Зиновьевым. Он так добр, что прибавляет: «Если бы можно было изучать и обсуждать все вопросы так, как это делаем мы с вами».

Сажусь за работу и составляю нашему поверенному в делах в Париже письмо, имеющее целью подчеркнуть, что в своем официальном сообщении и своим поведением вообще мы стремились главным образом щадить французское правительство в переживаемые им трудные моменты, но что наша телеграмма, признававшая права французского протектората над местностями близ Обока и обязательность для Ашинова этому подчиниться, ни в коем случае не предоставляла свободы действий в смысле бомбардировки наших авантюристов, тем более, что когда вслед затем г. Гобле просил нас переслать Ашинову прямое требование, мы обещали ему сделать это со всею возможною при таких расстояниях скоростью. Что же касается до происходивших позднее благоприятных по отношению к России демонстраций, то мы не скрываем от себя, что они часто являются просто орудием интриг различных борющихся между собой во Франции за власть политических партий, а совсем не проявлением истинной симпатии.

Вторник, 24-го февраля.

Министр рано присылает мне возвращенный государем пакет, при записке, в которой его величество просит его приехать с докладом не сегодня, а завтра, в $10^1/_2$ час. На многих из возвращенных бумаг пометки. На письме Кодебу от 11/23 февраля, в котором он передает свой разговор с новым министром иностранных дел г. Сполльером, высказавшим мысль, что политические интриганы стараются использовать досадный инцидент в Сагалло не только с целью повредить французскому министерству и его опрокинуть, но еще и из желания повредить положению г. Гирса, государь пишет внизу: «Даже глупо». В донесении Кодебу № 14 от 16/28 февраля заключается секретное сообщение, которое ему сделал задним числом директор политического департамента министерства иностранных дел о том, что якобы французское правительство решилось принять крутые меры против экспедиции Ашинова по настоянию лондонского кабинета, переданному английским послом в Париже, напомнившим об обязательствах касательно запрещения ввоза оружия на территории Таджурской бухты. Г. Шарм предполагает, что просьба эта была следствием сделанных в Лондоне внушений итальянского правительства. Государь пометил внизу: «Если это так, то это не делает чести французскому правительству».

В письме от 15/28 февраля князь Лобанов пишет, что Цанков еще не приехал в Вену, но что он не будет ему советовать добиваться свидания с графом Кальноки, а порекомендует ему ограничиться визитом к министру, если последний выразит желание с ним поговорить. Наш посол думает, что в настоящий момент невозможно никакое соглашение касательно Болгарии с Венским кабинетом, имеющим все основания быть довольным, положением вещей в Софии; «крайней степенью любезности Австрии по отношению к нам, — пишет он, — могло бы быть только обещание ничего не делать с целью помешать ходу событий». Но Австрия уже и теперь придерживается политики воздержания; это по крайней мере постоянно повторяет Кальноки. Его величество: «Этому я не верю»; кроме того, если бы Австрию попросили сделать что-нибудь в пользу нашего влияния в Болгарии, она попросила бы нас сделать то же самое

в ее пользу в Сербии. «Поэтому я, как и вы, думаю, — продолжает князь Лобанов, — что нам остается только продолжать держаться и впредь так, как мы держались до сих пор, и спокойно и терпеливо ждать, пока право и законность восторжествуют» Его величество: «Другого пока нечего делать».

В депеше № 10 от 16/28 февраля князь пишет, что граф Кальноки, выражая неодобрение поведению болгарского правительства по отношению к собравшимся в Софии епископам, прибавил: «Достойно однако замечания, что конфликт этот не имел тех последствий, которых можно было ожидать; население в массе отнеслось к нему совершенно равнодушно, и это является новым доказательством того, что влияние духовенства в Болгарии ничтожно». Государь пишет на полях: «К великому прискорбию, это правда».

Граф Шувалов приводит в своем письме от 17 февр./1 марта любопытную подробность касательно князя Баттенберга, конфиденциально сообщенную ему князем Бисмарком. Повидимому, бывший князь Болгарский написал этой осенью императору Вильгельму довольно сухое письмо, в котором просил о своем производстве в чин генерал-лейтенанта. Император ответил еще более сухим письмом, гласившим, что принц был назначен прусским генералом в то время, как был русским генералом, а потеряв это звание, был в то же время исключен и из производственных списков в Пруссии. Получив этот ответ, князь Баттенбергский счел своевременным подать в отставку. Переходя затем к женитьбе князя Баттенбергского на г-же Лезингер, второстепенной актрисе и дочери лакея, брак с которой был недавно заключен в [1]... граф Шувалов прибавляет: «Итак, «герой Сливницы» основательно и по заслугам похоронен». Увы, жаль, что не такова же участь его славного преемника! Его величество: «Да».

Граф Бисмарк напоминает при этом нашему послу, с каким трудом несколько месяцев тому назад его отец, канцлер, воспрепятствовал браку этого князя с сестрой императора: «Вот, — говорит он, — человек, который мог стать членом нашей королевской фамилии! Разве мы его оценили не по достоинству!»

С своей стороны, я лишний раз пожалел о несколько смешном условии касательно князя Баттенбергского, которое два года

[1] Пропуск в оригинале.

тому назад граф Шувалов заставил нас внести в наш тайный договор. Достойно ли было России и Германии заниматься им в ратифицированном обоими государями договоре?

От министра подымаюсь на минуту к Ола, чтобы передать ему бумаги, и иду в церковь, куда курьер приносит мне записку от г. Гирса с просьбой написать в письме к Шувалову, что «мы ценим отношение берлинского кабинета к вопросу о болгарском займе». После часов в министерской церкви и завтрака с моим Ола, получаю от Греча две любопытных телеграммы; одна — президенту лиги патриотов в Париже Деруледу, подписанная Толстым, Боейковым, Виноградовым, Токаревым, — все активные деятели Славянского комитета; они шлют «благодарность с Волги за доказательство того, что глупцы обеих наций лгали, утверждая, что к пролитию русской крови относятся равнодушно». Эта телеграмма из Сызрани. Вторая — из Парижа, сообщающая, что г-жа Адан открывает всеобщую подписку в пользу миролюбивых и просветительных начинаний Ашинова. Г. Гирс поручает мне сначала изъять эти телеграммы, затем просит немного подождать и приходит сам. Между тем звонит Лодэ; его не принимают, но я боюсь, что бедный старик меня видел. Мы решаем с министром сказать Гречу, что министр иностранных дел не видит основания для того, чтобы воспротивиться пропуску телеграммы Деруледу, но что, с точки зрения внутренней цензуры, лучше бы было ее изъять. Пишу в этом смысле записку от своего имени. Заготовляю между тем две копии этих телеграмм к завтрашнему докладу. Работаю над составлением бумаг для отправляющегося после завтрака курьера.

Среда, 22-го февраля.

Около 10 часов министр едет с докладом во дворец.

Он возвращается рано; государь приказал запретить впредь отправку по назначению телеграмм в роде той, которая была адресована Деруледу; иду поговорить об этом с Гречем. Чудный солнечный день. На обратном пути захожу к Гешелю, которого не видал два дня. Все нужное для завтрашней экспедиции у меня готово и утверждено.

Перспани сообщает из Белграда важное известие — об отречении короля Милана.

Четверг, 25-го февраля.

Утром государь возвращает телеграмму Персиани касательно отречения короля Милана со следующей пометкой: «Слава богу». Мы соглашаемся в принципе отложить на 4 года сооружение персидских железных дорог. На записке, приложенной к трем перлюстрированным телеграммам лорда Сольсбери, оспаривающего наше право просить свободного для наших судов плавания по рекам, впадающим в Каспийское море, что противоречит Туркманчайскому трактату, против места, гласящего, что это замечание «не лишено основания, так как 8-ю ст. этого трактата обеспечивается за русскими купеческими судами лишь право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов оного, как равно и приставать к ним», государь делает пометку: «Совершенно верно, но нам нечего теперь обращать на это внимания».

Суббота, 25-го февраля.

Только-что выхожу на лестницу, как мне говорят, что министр меня спрашивал; надеваю сюртук и подымаюсь к г. Гирсу: он меня поздравляет и говорит, что его тревожит телеграмма в Тегеран, которую он просил Оболенского тотчас же отправить из канцелярии и которую тот передал Зиновьеву. Подымаюсь тотчас к Оболенскому, чтобы выяснить это дело.

Воскресенье, 26-го февраля.

С утра поступают один за другим пакеты от государя с полученными его величеством поздравлениями, на которых он начертал: «Приготовить ответ». Составляю эти ответы как можно лучше. Около 11 часов министр уезжает в Аничков дворец. Там обедня и завтрак для небольшого числа лиц. Вечером государь присылает два или три пакета телеграмм, на которые я заготовляю ответы; его величество выражает желание, чтобы в телеграмме королеве Августе было упоминание об императоре Вильгельме I, так как это день его кончины.

Понедельник, 27-го февраля.

Ответным телеграммам, которые надо заготовить для его величества, нет конца. Между прочим, государь велит заготовить одну непосредственно Долгорукому в Тегеран. Это нечто новое. Прежде представители приносили поздравления и получали благодарность при посредстве министра. Отречение короля Милана рассматривается вообще как крупный успех русской политики; ожидают, что оно произведет очень много шума на всем Балканском полуострове. Перспани телеграфирует, что было бы желательно, чтобы ни находящаяся в Италии королева Наталья, ни сербский митрополит Михаил не спешили возвращаться на родину. Надо дать регентству время вполне войти в свою роль и подождать, чтобы после отъезда экс-короля восстановилось спокойствие. Посылая эту телеграмму государю, г. Гирс сопровождает ее следующими словами: «Мне кажется, что королеве, действительно, не следует спешить». Государь приписывает: «Может быть, и лучше».

Министр показывает мне только-что появившийся в «Кенигсбергской газете» любопытный отчет о новой книге г. Шодарди «Франция в 1889 году». В ней есть разоблачения касательно происхождения австро-венгерского соглашения и разговор, который якобы имел князь Бисмарк 14 ноября 1879 г. с французским послом того времени в Берлине графом Лавалет. В разговоре этом много нехорошего относительно покойного императора и России; обнародование его не может быть приятно Бисмарку, поэтому «Кенигсбергская Газета» заканчивает свою статью следующими словами: «Мы знаем, что Бисмарк обыкновенно лучше говорит и выразительнее молчит, чем его двойник в изображении Шодарди».

Завтракаю с Оболенским и тотчас после этого работаю у себя. Чувствуя себя еще очень утомленным, ложусь на минуту на оттоманку, в своем синем кабинете, когда вдруг слышу крики со стороны Певческого моста; быстро иду на другой конец своей квартиры и вижу толпу, которая окружает сани их величеств и бежит за ними с криками «ура». Государь и государыня выезжают из-за решетки певческой капеллы, переезжают мост и направляются на площадь против моих окон; они ездили осматривать заново отстроенную часовню. Они в больших двухместных санях,

без казака, совершенно просто, на паре запряженных в дышло лошадей. Государь с довольной улыбкой говорит что-то своей супруге, и оба милостиво раскланиваются с прохожими.

Их величества должны были завтра переезжать в Гатчину, и мой министр ожидал, что следующий доклад состоится там.

Вторник, 28-го февраля.

Рано утром министр присылает мне только-что полученную от государя записку, в которой его величество просит его «вместо сегодня быть с докладом в субботу, в 12 часов». Так как не сказано «в Гатчину», то я предполагаю, что переезд отложен, и позднее оказывается, что я прав. Сегодня провожают на железную дорогу великого герцога Гессенского, его сына и его дочь, принцессу Алису. Они уезжают, и ничего не решено относительно союза с наследником цесаревичем. В Москве даже говорят «Алиса не возвратится». В $6^1/_2$ часов, согласно просьбе моего министра, иду к нему обедать. Говорят, что мысль о браке между наследником-цесаревичем и принцессой Алисой, повидимому, оставлена и той, и другой стороной. Г-жа Менде рассказывает, что третьего дня за завтраком в Аничковом дворце генерал-адъютант князь Имеретинский, сидя совсем близко к г-же Нарышкиной, громко заговорил с одной сидевшей по другую сторону стола дамой и спросил ее: «Вы из чистеньких?» Чувствуя, что это намек на ее смешные приглашения, г-жа Нарышкина якобы вся покраснела и спросила: «Что вы этим хотите сказать?», на что князь, смеясь, ответил, что это, он просто наводит справку.

За обедом вспоминаем ужасный день 1 марта, 8 лет тому назад. Г. Гирс был накануне, в субботу, 28 февраля, со своим последним докладом у государя, который отнесся к нему особенно милостиво и любезно. В тот момент, когда он уходил, государь его позвал обратно, чтобы сказать, что в только-что полученном письме от герцогини Эдинбургской последняя просит ему передать поклон. Покойный государь был особенно весел и доволен, предполагая, что с арестом Желябова, была открыта нигилистическая гидра. Узнав о покушении, г. Гирс тотчас отправился во дворец. От входной двери по всей лестнице до двери комнаты, на протяжении всего пути, по которому несли госу-

даря-мученика, видны были следы и капли крови. Г. Гирс нашел его лежащим в кабинете и делающим большие усилия, чтобы дышать, широко открывая рот. Одна нога представляла из себя массу окровавленного и изорванного мяса на кости, — на конце ее еще был виден сапог. Г. Гирс не видал другой ноги, которая, вероятно, была унесена до его прихода. Кругом все коленопреклоненно ждали торжественного момента кончины. Г. Гирс помнит, что около него были принц Петр Ольденбургский, граф Александр Адлерберг и граф Милютин. Двух первых уже не стало. Г-жа Гирс рассказывает, что она в этот день ехала с дочерьми к графине Антонине Блудовой, кавалерственной даме, жившей во дворце; в то время, как их карета направлялась к Салтыковскому подъезду, они видели, как кого-то привезли в санях, которые были тотчас окружены, так как кого-то переносили, но им и в голову не пришло, что это мог быть покойный государь. Только-что они вошли к графине Блудовой, как последней пришли сообщить о происшедшем несчастии, и пока она бегала узнать, в чем дело, эти дамы ждали в ее квартире. Полчаса спустя, графиня вернулась вся заплаканная и объявила им, что все кончено. Интересная подробность, которой я не знал: г-жа Гирс говорит, что обручальное кольцо государя от его брака с княгиней Юрьевской было совершенно исковеркано взрывом, хотя руки остались невредимы. Бедный государь! Кольцо это, конечно, не принесло ему счастья, а теперь его вдова принимает, широко живет и веселится в Париже, хоть и носит, говорят, демонстративно только черное.

Когда я ухожу от Гирсов, министр провожает меня до лестницы и сообщает мне, что он очень встревожен и расстроен полученной из Тегерана телеграммой от Долгорукого; последний был, кажется, слишком настойчив, а теперь требует 5-летней отсрочки для железных дорог, после того, как мы уже согласились на 4 года. Он видит в этом гибельное увлечение и спрашивает себя, как его умерить.

Заседание Исторического общества у государя в Аничковом дворце. Его величество говорит министру, что переезд в Гатчину отложен. Молодой Белосельский, в пользу которого работали граф Воронцов, папа́ Белосельский и многие другие, был сегодня почти единогласно избран яхт-клубом, который неделю тому назад его забаллотировал! Говорят, что, желая засвидетель-

ствовать свою радость по этому поводу, он тотчас же напился в клубе в обществе своего благородного родителя. К моему сожалению, уступая настояниям своих братьев и по примеру своего кузена Александра, женатого на Половцевой, мой Ола тоже баллотировался и был сегодня избран значительным большинством. Он сообщил мне эту новость, когда я писал Шварцу, и я не мог не прибавить следующих строк: «Одно плохо, наш почтенный Оболенский зачислен сегодня в компанию пошленьких и праздных двуногих, убивающих время на Большой Морской, в так называемом яхт-клубе». Уступка, сделанная для братьев! «Но им это простительно, а моего хорошего, честного и дельного Олу туда пускать что-то больно и жаль».

Март.

Среда, 1-го марта.

Нахожу министра очень озабоченным телеграммой Долгорукого и всячески стараюсь его успокоить, будучи весьма склонен думать, как и Зиновьев, что эта возбуждающая тревогу и написанная задним числом телеграмма является не более, как ловким ходом, подготовляющим ему торжество по поводу якобы превзойденных им затруднений, о которых довольно-таки хитрый князь, конечно, сообщит в последующей телеграмме. Несмотря на нездоровье, министр не желает ограничиться службой в министерской церкви и хочет ехать в 2 часа на панихиду, к которой начинают собираться уже немногие в эту годовщину, имеющую в его глазах незабвенное значение.

В $2^1/_2$ часа Оболенский отправляется в клуб, чтобы поблагодарить за избрание и представиться; он возвращается $^1/_2$ часа спустя, в то время, как Зиновьев пьет у меня чай. Он нашел, что в этом блестящем клубе крайне тяжелая и скучная атмосфера. Его старший брат, гофмаршал, пожелал представить его и его кузена. Черевин играет на биллиарде. Зиновьев замечает, что присутствие этого почти государственного человека в середине дня, которая посвящается обычно работе, в этом храме праздности должно производить странное впечатление. Я с удовольствием констатирую, что мой дорогой Ола также неудовлетворен.

Четверг, 2-го марта.

В Исаакиевском соборе торжественная обедня, в Аничковом же дворце нет никакого приема. Г. Гирс мне рассказывает, что однажды, когда день восшествия на престол совпал с днем его доклада, он счел необходимым явиться во дворец в форме, но государь сказал ему, что министр напрасно наряжался, — 2-е число не является для него праздником, и его величество не принимает по этому случаю никаких поздравлений. Наши с Зиновьевым предположения оправдываются: три телеграммы, полученные от князя Долгорукого, возвещают о том, что шах согласился на все его просьбы; в числе последних есть такие, которые Зиновьев считает почти излишними; что касается до постройки персидских железных дорог, то она откладывается на 5 лет. Телеграммы эти, полученные в торжественный день, производят впечатление блестящего успеха, но прекрасный князь забыл справиться о том, откладывает ли шах на 5 лет всякие решения касательно железных дорог вообще, или, о чем уже шла речь, он рассчитывает по истечении этого срока дать одновременно Англии исключительную концессию на все железные дороги в южной Персии и другие важные гарантии. Г. Гирс решается запросить по этому поводу нашего посланника в Тегеране прежде, чем давать ответ шаху, который хотел, повидимому, лишь успокоить нас при помощи хитрости, не заметить которую, как того, может-быть, желал бы князь Долгорукий, было бы и неосторожно, и непрактично.

Пятница, 3-го марта.

Поднявшись к министру, нахожу его озабоченным персидскими делами; он сознает необходимость предложить Долгорукому выяснить точный смысл обещаний шаха, но в виду того, что последний принял, повидимому, обязательства по отношению к сэру Друммонду Вольфу, нам придется вступить в борьбу с Англией, и весь этот вопрос грозит осложнениями. Г. Гирс находит, что Зиновьев слишком нападает на Долгорукого; начальник азиатского департамента старается его убедить в том, что князь коварен и думает только о том, чтобы свалить ответственность за все свои неудачи на министерство и прежде всего на

г. Гирса. По словам министра, это-то главным образом и заботит Зиновьева, сам же он относится совершенно спокойно к махинациям и интригам, направленным лично против него; нельзя смотреть на дела с мелочной и узкой точки зрения своих собственных интересов. Г. Гирс не отрицает, что отправляемые задним числом телеграммы и все другие махинации, к которым Долгорукий не упускает случая прибегать, далеко не симпатичны, но он считает, что нужно брать человека таким, каков он есть, и лишь стараться достигнуть полезных результатов. При этом он мне рассказывает, что в высших сферах, где к братьям Долгоруким очень благоволят, также не строят иллюзий относительно их склонности к интригам. Однажды, после завтрака во дворце, они, стоя в стороне, говорили о чем-то вполголоса; видя это, государыня сказала г. Гирсу: «Взгляните на братьев Долгоруких (обер-церемониймейстера и генерала-посланника в Тегеране), они о чем-то между собою сговариваются и считают себя при этом такими тонкими умницами, что нам их никогда не понять».

Иностранные дипломаты говорят моему министру, что в инциденте с Ашиновым они усматривают победу над желавшими проводить собственную политику авантюристами и интриганами; г. Гирс прерывает их и выражает, напротив, недовольство тем, что это могло привести к пролитию русской крови в Сагалло; однако, между собой мы должны признать, что это печальное происшествие явилось очень кстати, чтобы открыть государю глаза и проучить наших псевдо-патриотов, столько раз вводивших его величество в заблуждение. Конечно, жаль, что были человеческие жертвы, но даже поспешная расправа французов имеет свою хорошую сторону: что мог бы сделать флотский офицер, которому было бы поручено объявить Ашинову приказ подчиниться, если бы тот, предполагая, что пользуется поддержкой и покровительством самого государя, отказался бы повиноваться? Оказывается, что Паисий неграмотен; его, говорят, заставили подписать в Порт-Саиде телеграмму Победоносцеву для государя, в которой он жалуется на то, что религиозная миссия была святотатственно ограблена французами. Его величество на ней написал: «Хорош архимандрит, который так нагло лжет». Сегодня получается телеграмма от Ону с известием, что капитан судна, на котором перевозятся 140 това-

рищей казака-авантюриста, был вынужден прибегнуть к помощи посольства в Константинополе, чтобы арестовать некоторых из них, ставших во главе движения, поднявшегося среди этих пьяных, недисциплинированных, считающих, что им все дозволено, разбойников. При этом было невозможно продолжать путь в Одессу, так как движение это грозило перейти в настоящий бунт.

У моего министра обед для черногорских княжен; я уклонился от участия в нем, но в то время, как они, уезжая, спускаются с лестницы, я приотворяю дверь, чтобы их видеть. Они мне кажутся хорошенькими и держатся хорошо, скромно и с достоинством. Обедавший у Гирсов Ола вынес о них также приятное впечатление. У него свои планы на вечер, и он, простившись очень дружески, рано уходит, а я ложусь ранее 12-ти.

Суббота, 1-го марта.

Министр рано присылает мне пакет с возвращенными государем бумагами; в числе последних — извлечение из донесений нашего посланника в Стокгольме г. Шишкина от 24 и 25 февраля, дающего отчет о попытке некоего г. Кекселя выступить в шведских палатах с запросом на тему: «О господствующих в Германии толках о совместных со Швецией, в случае войны, действиях и о вытекающей из этого для страны опасности быть против воли народа вовлеченною в войну». 107 голосов против 72 решили не допускать этого запроса. Министр иностранных дел угрожал в противном случае покинуть свой пост. Затем в правительственном органе «Nya dagligt Allehanda» появилось нелепое и несоответствующее опасениям опровержение. Государь написал на этом извлечении: «На это я обратил внимание в частной телеграмме и должен сознаться, что это меня поразило. Значит, что-то есть, и правительство не хочет отвечать. Для нас это очень важно и желательно было бы знать, в чем дело».

В одном из предшествовавших донесений, а именно от 3/15 января 1889 г., Шишкин нам напоминал, что уже в 1885 г.,

когда нам угрожала война, он возымел и выражал опасение, как бы, в согласии с тенденциями короля Оскара, шведский кабинет не стал подчиняться всяким идущим из Берлина внушениям. Происходивший летом этого года между германским императором и шведским королем обмен любезностей и дружеских проявлений заставил нашего министра предположить, что в случае осложнений в Европе или войны между нами и Германией Швеция не ограничится соблюдением нейтралитета, а присоединится к лиге мира. Характер короля Оскара и его постоянное желание во что бы то ни стало играть роль в Европе легко могли бы его увлечь на путь погонь за какими-нибудь призрачными преимуществами и заставить стать на сторону наших противников. Шишкин заканчивал этот доклад словами о том, что ему трудно «утверждать положительно существование взаимных обязательств между Швецией и тройственным союзом и определить сущность их; но принимаю смелость откровенно изложить мои опасения и признаки, их возбудившие». Донесение это было нами получено 7 января 1889 года, когда в виду неосторожного заявления Шишкина о том, что ко дню рождения короля нашим государем будет прислана поздравительная телеграмма, г. Гире только-что получил разрешение приготовить таковую; представив это донесение в этот самый момент, он рисковал бы вызвать изменение решения, что было бы очень неловко после того, как высочайшее поздравление было обещано и ожидалось. Донесение Шишкина, показавшееся, кроме того, слишком пессимистичным и необоснованным, попало, таким образом, прямо в папки с делами.

Среди возвращенных государем бумаг находится также донесение нашего посланника в Токио от 23 января этого года; последний дает отчет о своей беседе с президентом японского кабинета графом Курода, о торжественном провозглашении конституции. «Конституция, благодаря которой Япония будет иметь представительную форму правления, по мнению Куроды, вполне соответствующую настоящим нуждам и степени развития народа». Его величество пишет на полях против этих слов: «Несчастные, наивные дураки». Он решительно не сочувствует парламентарной форме правления. Поднявшись около 10½ часов

к своему министру, обращаю его внимание на пометку, сделанную государем на полях извлечения из доклада Шишкина; министр ее не заметил и благодарит меня. Он берет эту бумагу с собой для доклада. Г. Гирс показывает мне длинную рукопись и рассказывает, что документ этот был ему вручен бароном Моренгеймом; последний, находясь под сильным впечатлением только-что выпущенной в свет графом Шодорди книги «Франция в 1889 г.», приезжал ему сказать, что беседа князя Бисмарка с г. М., 14 ноября 1879, о которой упоминается в этой книге, есть не что иное, как разговор, который канцлер действительно имел с французским послом в Берлине графом Сен-Валье, переданный последним в его донесении своему правительству. Копия этого доклада была два года тому назад сообщена г. Флурансом г. Моренгейму и покоилась с тех пор в ящике письменного стола посла; теперь, видя этот документ напечатанным полностью в книге г. Шодорди, он счел нужным выписать из Парижа имевшийся у него экземпляр и просить министра повергнуть его на благоусмотрение государя. В сущности, в этом пресловутом разговоре нет ничего особенно нового, и если он и компрометирует князя Бисмарка, то в то же время он компрометирует и французов. Но в 1879 году канцлер был зол на Россию, и там много нехороших фраз по адресу нашего покойного императора, о котором он там отозвался, как о «преждевременно состарившемся, изнуренном, изнервничавшемся человеке, говорившем в августе 1879 года тоном Наполеона со Швейницем, который не сумел поставить его на место»; затем он цитирует слова Андрашн, — подлинные, так как австро-венгерский министр сказал их когда-то графу Петру Шувалову в ответ на откровенное признание того, что, в виду слабости Горчакова, Александр II является сам министром иностранных дел в России: «Мне лестно иметь коллегу столь высокого происхождения, но я считаю унизительным иметь коллегу столь мало способного». Наконец, Бисмарк заклеймил цесаревну, нынешнюю нашу государыню, как датскую патриотку. Все это, может-быть, оскорбительно и неприятно, но, с политической точки зрения, здесь нет ничего особенно нового, и Моренгейм, казалось, был очень удивлен тем, что министру все это было известно. Мы сличаем текст рукописи с тем, что напечатано в книге Шодорди; они имели достаточно такта, чтобы выпустить несколько

слишком грубых мест и, конечно, все то, что могло компрометировать лиц, стоявших тогда во Франции у власти. Министр берет также и этот документ, чтобы повергнуть его на усмотрение государя во время своего доклада, который должен состояться в 12 часов в Аничковом дворце.

Позавтракав в 12 часов с Оболенским, я иду, как обыкновенно в дни доклада, в Казанский собор, делаю несколько покупок и возвращаюсь около 2 часов. Явившийся ранее обыкновенного к чаю Зиновьев беседует со мною об общем положении вещей; я обращаю его внимание на то, какое это счастье, что мы до сих пор не согласились с идеей разграничения сфер влияния на Балканском полуострове и не действовали в духе проекта, привезенного два года тому назад графом Петром Шуваловым из Берлина; последним предусматривалось бескорыстие в делах Сербии и соглашение в пользу короля Милана. Теперь Милан отстранен, и восстанавливается наше влияние в Сербии; восстанавливается и влияние Австрии в Болгарии. Разграничение сфер влияния было бы возможно, если бы мы владели Добруджей. Но при том, что Австрия соприкасается с Балканским полуостровом, а мы от него отделены Румынией, никакое разграничение невозможно. Зиновьев уговаривает меня писать мемуары в виду того, что уже много лет никто не знает так близко сущности вещей. Мы вспоминаем яростную борьбу с бедным Катковым два года тому назад и подготовленный и обсуждавшийся при этих условиях тайный договор с Германией. Зиновьев восторгается тем, что тайна была так хорошо сохранена. Наш бедный барон Жомини скончался три месяца тому назад в полном неведении о подписанных нами в июне 1887 г. соглашениях. И когда подумаешь, что они остались совершенно неизвестны императору Фридриху в продолжение трех месяцев его царствования! Я всегда с удовольствием вспоминаю об этом трактате, так как считаю его удачно составленным, за исключением лишь тех двух пунктов, которыми его наградил граф Павел Шувалов — относительно князя Баттенбергского и относительно ключа от дома, которые излишни и даже немного смешны.

Вечером пишу проект русской телеграммы Шишкину, коей ему предлагается самым бдительным образом следить за отношениями между Швецией и Германией. Приготовляю также другой экземпляр прошения для г-жи Моттер, которое Ола намере-

вается вручить своей невестке, урожденной Апраксиной; другая, рожденная Нарышкина, повидимому, ничего не сделала и только-что уехала с великой княгиней Марией Павловной за границу. Все были поражены тем, что при проезде ее императорского высочества через Берлин никто из членов императорской и королевской фамилии не встретил ее на вокзале, и спрашивают себя, не было ли это выражением неодобрения. Ола — в своем сельско-хозяйственном комитете; комитету этому, кажется, немало дела; «Гражданин» в числе своих афоризмов печатает сегодня утром: «Труд земледельца в России есть таблица вычитания».

Воскресенье, 5-го марта.

Г. Гирс говорит мне, что известия из Стокгольма произвели сильное впечатление на государя. Его величество вполне допускает, что между королем Оскаром и берлинским кабинетом состоялось соглашение, по которому король предоставляет себя в полное распоряжение Германии, имея при этом в виду, в случае войны, аннексирование Дании Норвегией. Повидимому, в дни кончины короля Фридриха и до восшествия на престол короля Христиана датского, Оскар, бывший тогда шведским наследным принцем, появился в Копенгагене, в надежде быть провозглашенным; с тех пор установились натянутые отношения между обеими королевскими семьями, и датский король не спокоен за участь своей династии. Государь очень откровенно и с большой сердечностью говорит об этом г. Гирсу, который, будучи прежде всего «семьянином», очень этим тронут. Его величество, между прочим, сказал: «Императрица очень беспокоится, и нам надобно непременно ее успокоить».

Я думаю о пожалованном ей Бисмарком эпитете «датской патриотки», но надо сознаться, что в данном случае затрагиваются и русские интересы: большая Скандинавия, господствующая над Зундскими проливами и союзница Германии, конечно, не представляла для нас удобства. Г. Гирс говорит, что подобный проект со стороны шведского короля ни мало бы его не удивил, но что это еще одна причина, в силу которой мы не должны ссориться с Германией. Он рассказывал вчера государю, что покойный король Карл XV, который, по мнению его величества, был хорошим человеком, тоже стремился к расширению

своих владений. Он всегда имел перед собой портрет Карла XII и говорил иногда бывшему тогда посланником в Стокгольме г. Гирсу, которого очень уважал, что насколько он любит русских, с которыми имел случай видеться и познакомиться, настолько же он сердит на Россию за унижение Швеции; что в нем всегда живо воспоминание о неудачах Карла XII, и что лучшей мечтой для него было бы вновь овладеть тем, что утратил великий король. Г. Гирс всегда ему отвечал смеясь, что не советует ему делать подобных попыток по отношению к России.

Министр одобряет мой проект письма г. Шишкину; он придает ему только несколько менее официальный характер и поручает мне отдать его переписать и представить к его подписи. (Мы говорим о проекте нейтрализации Дании, и министр собирается поручить профессору Мартенсу изучить этот вопрос. Вдангали имел за границей случай говорить об этом с одним из датских государственных деятелей).

Вчера министр передал государю также доставленную Моренгеймом рукопись. Его величество спросил, почему посол не доставил этого документа раньше, раз он был у него уже два года, на это г. Гирс ответил: «Может быть, потому, что он меня считал слишком большим сторонником Бисмарка, но теперь я должен был ему сознаться, что для меня во всем этом мало нового. Бисмарка совсем я не считаю образцом чистоты и невинности (une rosière), но тем не менее, когда для наших интересов нужно и полезно с ним иметь дело, то лучше не ссориться, а брать его таким, каков он есть, и стараться достигнуть наших целей». Государь спросил также г. Гирса, предупредил ли он Моренгейма о том, что его величеству нежелательно присутствие посла в Париже во время выставки; министр признался, что этого еще не сделал, потому что, приезжая к нему, наш посол тотчас же начинает говорить и говорит часа два без перерыва, не давая ему времени вставить свое слово. Не располагая большим количеством свободного времени, г. Гирс собирается просить его к себе, когда, в конце своего отпуска, Моренгейм назначит день своего отъезда в Париж, и тогда прямо объявить ему бесповоротное решение государя, что на время выставки, — апофеоза революции, наш посол покинет свой пост и уедет в отпуск.

Схожу завтракать со своим дорогим Оболенским только около $12^1/_2$ час. Министр с супругой едет в Мраморный дворец, где исполняется реквием Моцарта. Великий князь Константин Николаевич, уезжающий в скором времени обратно в Ореанду, еще присутствует на этом собрании.

В 7 час. приезжает двухнедельный курьер; он несколько запоздал вследствие снежных заносов на прусской границе. Я вношу в книгу объемистую корреспонденцию; работа моя еще не доведена до конца, когда появляется Ола, с которым мы ее заканчиваем и отсылаем министру. Интересные письма от князя Лобанова; он дает ретроспективные, интересные сведения о смерти эрцгерцога Рудольфа и затем сообщает, что хорошо отчитал Цанкова, который, впрочем, осторожен и еще не имел случая говорить с государственными людьми в Австрии. Отречение короля Милана вызвало сильное огорчение в Вене и в Пеште, а Кальноки, повидимому, больше всего боится возвращения королевы Наталии в Белград. Граф Шувалов пишет, что в вопросе о сербских делах в Берлине, повидимому, становятся на точку зрения Вены, при чем основой продолжает служить старый принцип о разграничении сфер влияния! В письме от 2/14 марта граф Шувалов, говоря о завтраке при дворе по случаю 26 февраля, пишет, что, встав из-за стола, император Вильгельм II увлек его в свой кабинет, чтобы выкурить сигару, и завел беседу по душе на тему о высочайших посещениях, которые он ожидает летом; об удовольствии, с которым он принял бы наследника-цесаревича на маневрах, которые, как ему кажется, тот любит, и, наконец, о своем плане посетить королеву Викторию в Лондоне. Граф Шувалов замечает, что император говорит об Англии совсем не прежним тоном, и на вопрос посла о том, что думает его величество о принятой лондонским парламентом реформе, которая столь широка, что в $4^1/_2$ года увеличит великобританский флот на 70 новых судов, император отвечает, что при огромных средствах, которыми располагают англичане, это весьма возможно. Итак, имеются самые серьезные указания на сближение между двумя дворами и более благоприятное отношение к Англии со стороны Вильгельма II, чем это было до сих пор. Наконец, граф Шувалов прибавляет, что император, повидимому, не без задней мысли сообщил ему о своем предполагаемом путешествии и о высочайших гостях, которые ожидаются в Берлине в тече-

ние лета. Возможно, что его величество думал вызвать таким образом нашего посла на откровенность относительно намерений нашего августейшего монарха. В виду того, что подобные намеки он слышит с разных сторон, он просит указаний, что ему говорить по этому поводу.

Кодебу пишет из Парижа, «что хотя дела Буланже идут успешно и держит он себя осмотрительно, настоящее правительство поступило умно, проявив власть, и что сейчас против лиги патриотов принимаются суровые меры. Невозможно теперь предсказать, кто одержит верх, но весьма вероятно, что правительство и министерство продержатся во время всемирной выставки».

Наш поверенный в делах дает также успокоительные сведения о положении дел Учетного банка после самоубийства Энфера Рошеро (Enfer Rochereau) и думает, что те 10—12 русских миллионов, о которых так беспокоится г. Вышнеградский, не подвергаются никакой опасности и будут полностью нам возвращены в срок, а в случае ликвидации даже ранее его. Барон Икскуль сообщает из Рима некоторые подробности произведенных г. Криспи («le crispant», как его звал покойный Жомини) перемен в составе министров: сам он, однако, остается во главе министерства. Он ничего не говорит о проникшем из частных телеграмм во все газеты известии о том, что будто бы на-днях возвращавшаяся с парада королева подверглась оскорблению со стороны одного рабочего-социалиста, плюнувшего к ней в экипаж!

Редактор «Journal de S.-Pétersbourg» Горн только-что вернулся из Венгрии, где он провел два месяца. Он смотрит очень мрачно на положение дел Австро-Венгерской монархии: по его мнению, она идет к полному распадению. Смерть эрцгерцога Рудольфа, который был очень популярен, произвела тоже огромное впечатление и может иметь неисчислимые последствия, тем более, что оба сына младшего брата императора Франца-Иосифа, эрцгерцога Карла-Людовика, пользуются очень скверной репутацией, не заявили себя с какой-либо хорошей стороны, и им было бы трудно завоевать доверие и симпатии.

Движение против предполагаемых реформ в армии и волнения в парламенте и на улицах Буданешта все еще продолжаются. Идет даже речь об отъезде их австрийских величеств в Вену ранее назначенного срока.

Понедельник, 6-го марта.

Вчера, при разъезде из Мраморного дворца, министр немного простудился; нахожу его утомленным и немного угрюмым. Он решается написать государю, что за отсутствием материала для завтрашнего доклада он просит таковой отложить, если не получит иного приказания. Я тотчас отправляю этот конверт и возвращаюсь к министру. Г. Гирс сообщает мне, что предпочитает возбудить разговор о важном вопросе посещения Берлина на докладе в Гатчине, где уделяется деловым разговорам больше времени. Так как завтра день переезда, то работа еще сократилась бы; ему уже случалось являться при подобных обстоятельствах; все семейство всегда занято своим «Land-Gepäck» (дачным багажом) и, так как к нему всегда так добры, что оставляют его после доклада завтракать, он боится помешать. Государыня укладывает портреты, которые везет с собой; она рвет ненужные письма и бумаги. Однажды г. Гирс видел, как ее величество занималась этим с помощью княгини Оболенской, а государь, шутя, упрекал ее за беспорядок и за то, что были бумаги, которые у нее валялись совершенно напрасно.

После завтрака сажусь за составление писем графу Шувалову в Берлин, нашему поверенному в делах в Вене графу Кантакузену, так как Лобанов выехал в Шербург, и Кодебу — в Париж: Мы сговорились с министром относительно того, что надо было им сегодня сказать: Шувалову — изложить наш взгляд на события в Сербии и выразить наше удовольствие по поводу того, что мы не связаны никакими обязательствами касательно сфер влияния; по щекотливому вопросу о посещении Берлина можно будет дать ответ только после ближайшего доклада; Кантакузену — тоже наш взгляд на происходящее в Белграде, но рекомендовать при этом не касаться этого в разговорах с Кальноки, потому, что настоящий момент неблагоприятен как для действий, так и для слов, а требует только бдительного наблюдения, за всем, что касается Балканского полуострова. Указание это необходимо, потому что у Кантакузена страсть болтать, объясняться, провоцировать и запутывать. Его инициативу надо всегда обуздывать.

Государь очень быстро возвращает всю массу посланных ему вчера бумаг без всяких пометок, кроме одного: «наконец», на

телеграмме Ону, в которой сообщается о турецком платеже в счет просроченных долгов и причиненных войной убытков. Даже интересное донесение нашего посланника в Белграде, дающего все подробности отречения короля Милана и заканчивающееся звучной фразой: «Имею честь поздравить ваше высокопревосходительство с этим новым успехом», как-будто не привлекли внимания его величества, а между тем, из него ясно видно, насколько удаление короля Милана для нас благоприятно, и насколько в Сербии чувствуется поворот в нашу пользу.

За весь день выхожу только на короткое время к Гешелю. Пишу до нашего 4-часового собрания, а затем и вечером. Закончил проекты писем Шувалову, Кантакузену и Ону и набросал таковые Толю, Коцебу и Икскулю.

Вторник, 7-го марта.

В виду того, что государь ответил г. Гирсу, что он, с своей стороны, не имеет ничего нового передать, доклад отложен до будущей недели. Сегодня днем их величества с детьми переезжают в Гатчину.

Поднявшись к министру, нахожу его все еще нездоровым и не в духе; он очень рад, что сегодня ему не предстоит работать с государем: иначе ему пришлось бы затронуть вопросы, требующие многого времени и лучшего настроения. Один из наиболее важных среди них — вопрос о поездке в Берлин. Письма графа Шувалова, заключающие подробности всех состоявшихся в Берлине 26 февраля демонстраций, — а именно, завтрака у их германских величеств, визитов императора Вильгельма и канцлера князя Бисмарка в посольство, — возвращаются без каких-либо пометок, так же, как и посланные в тот же день телеграммы нашего посла, в которых он старался подчеркнуть, насколько возможно, все подробности проявления внимания со стороны берлинского двора. Государь и, говорят, особенно государыня более чем когда-либо враждебно и несочувственно относятся к немцам. При этих условиях министру будет трудно повлиять на его величество. Другие государи ждали до сих пор нашего, потому что молодой германский император прежде всего посетил С.-Петербург, но они кончат тем, что отдадут визит, опередив

нашего императора, и окончательно подорвут у наших соседей всякое доверие и благожелательное настроение.

Среда, 8-го марта.

Сегодня в «Гражданине» очень резкая передовая статья против святейшего синода. «Боже праведный, если в столице русского царства и у кормила православной ее церкви мыслимы такие случайности, которые ставят Россию в возможность столкновения с другими государствами. Вина, которую на себя приняли таинственные отправители по выбору полузверя Ашинова, безграмотного монаха Паисия на состязание в христианской проповеди с римско-католическими миссионерами», и т. д., и т. д. Такие прямые и резкие выпады против Победоносцева могут быть доказательством того, что у князя Мещерского имеются основания предполагать, что в высших сферах им недовольны.

Государь возвращает очень интересное письмо нашего дипломатического агента в Каире, который дает подробности всей злонамеренной авантюры Ашинова-Паисия и перевоза всей шайки; последняя стремится уверить, что она была ограблена французами, надеясь использовать это обстоятельство в целях получения какого-либо возмещения. Его величество пишет: «Какая прискорбная и глупая комедия»; затем против слов, в которых г. Кояндер подчеркивает тот вред, который появление Ашинова в Абиссинии могло бы нанести нашему там престижу: «Слава богу, он в Абиссинии не был», но меня поражает, что против того места, где идет речь о путешествии в Абиссинию, предпринятом совсем недавно одним «русским минным офицером», государь только подчеркнул слово минный и пометил на полях: «такого названия не существует», а самый факт его не поразил. Г. Гирс припоминает, что военный министр будто бы имел намерение послать одного офицера в Африку. Кто знает, не возобновятся ли, несмотря на только-что пережитый скандал, попытки новых авантюр. Вчера г. Гирс послал государю три перлюстрированные телеграммы, которыми обменялись лорд Сольсбюри и Друммонд Вольф, доказывающие, что шах во всем советуется с английским представителем,

сообщает ему о всех своих переговорах с Долгоруким и даже, повидимому, обязался, в случае благоприятной для России железнодорожной концессии, дать таковую Англии и на все железные дороги в южной Персии. Г. Гирс приложил к этой корреспонденции объяснительную записку, которую его величество сегодня возвратил со следующей пометкой: «И с этим шах воображает, что мы его примем в Петербурге? Пока он не уступит нам во всем, что мы от него требуем, он в Петербурге не будет». Дело в том, что, сообщив свои уклончивые ответы, шах просил князя Долгорукова уведомить его о том, может ли он теперь, когда все наши переговоры закончились согласно нашим желаниям, проехать через Россию и сделать визит императору в Петербурге по пути в Лондон и Париж. Г. Гирс, который советовал не говорить, что мы удовлетворены данными обещаниями, и поручил князю Долгорукому выяснить их смысл и значение, говорит в своей записке государю, что не в наших интересах облегчать шаху выход из затруднений, которые он навлек на себя своим двуличием, и что мы должны настаивать на ясных и точных заявлениях и обещаниях, и ограничиться в данный момент принятием к сведению того, что мы, как он обязался, не должны строить никакой железной дороги ранее, чем через 5 лет. Его величество делает пометку: «Совершенно верно».

Г. Цанков все еще в Вене и на-днях обратился к нашему послу с вопросом о том, не найдем ли мы неудобным, если он поселится в Белграде, а не в Бухаресте. Передавая депешу ex relativo в Гатчину, г. Гирс прибавил: «мне кажется, что это следует предоставить благоусмотрению самого Цанкова», — государь пишет: «Да» и прибавляет: «Я думаю, тоже, что он будет полезнее в Белграде, чем в Румынии».

Мой министр все еще не совсем оправился; он не выходит, и это действует на его настроение. Он предается мрачным мыслям. Представленные на усмотрение государя мои проекты писем возвращаются утвержденными. Из того, как он меня спрашивает, нет ли на них пометки, я усматриваю с его стороны сомнение на их счет, и это меня огорчает. Если что-нибудь в моей редакции не нравится министру или если он почему-либо думает, что они могут не удовлетворить государя, почему не ска-

зать мне этого откровенно? Мы переживаем теперь момент застоя; в наших интересах теперь наблюдать и подготовлять пути для будущего, но действовать или вызывать какие-либо объяснения при настоящих условиях не следует; а в таком случае писать каждые 2 недели длинные литературные произведения только для того, чтобы оправдать существование наших двухнедельных курьеров, по-моему, не только бесполезно, но даже до известной степени вредно. Длинные разглагольствования на академические темы не раз вводили наших агентов в заблуждение. Мне кажется, что следует браться за перо только тогда, когда надо сказать что-нибудь определенное. Выразить это как можно яснее и следить особенно за тем, чтобы быть хорошо понятым, хотя бы это и не вызывало восхищения с литературной точки зрения. При малейшем сомнении мне становится очень грустно; я не чувствую ни склонности, ни способности к дипломатической карьере, особенно в сфере составления бумаг. Мне приходит мысль при первом же случае поговорить об этом с моим горячо любимым начальником и просить его позволить мне уйти в отставку и быть спокойным от сознания, что я не занимаю места, для которого моего усердия недостаточно; я не говорю о моей преданности, потому что ничто не может помешать мне проявлять ее так же, как и мою искреннюю признательность, за все то добро, которое он мне сделал.

Приехавший вчера вечером в отпуск князь Лобанов очень доволен положением наших дел; он привез нам из Вены самые оптимистические впечатления с точки зрения наших интересов.

Четырехчасовое собрание — Зиновьев и Влангали. Никонов говорит о больших затруднениях, возникающих в связи с пожалованием наград к пасхе. Государь и слышать не желает об увеличении нормы 36-ти наград, а между тем более 100 лиц имеют полное право на таковую. По просьбе Геппеля я стараюсь добиться того, чтобы графу Кассини, если он будет настаивать на своем только-что поданном прошении об отставке, дали на прощание чин, или чтобы Влангали выхлопотать ему камергерский ключ и занятия в обер-церемониймейстерской части.

Обедал один у себя и вечер провел за письмом к Шварцу, своим дневником и чтением.

Четверг, 9-го марта.

Сегодня в Персии день нового года, и вчера мы, по обыкновению, представили на высочайшее утверждение проект поздравительной телеграммы шаху. После утренней пометки было сомнительно, пожелает ли государь послать таковую; его величество, тем не менее, это сделал и возвращает сопроводительную записку министра с надписью: «Телеграмму шаху послал». Г. Гирс все еще не поправился; доктор советует ему отдохнуть, уехать хотя бы ненадолго. Министр, действительно, крайне мрачно настроен; он боится, чтобы слишком больной натянутостью не испортили совершенно наших дел в Персии, и задается вопросом, как Долгорукий сообщит шаху, что его не желают допускать в Петербург, если тот во время торжественного приема дипломатов по случаю нового года объявит о предстоящей своей поездке в Европу. Мне тоже грустно. Мои сомнения касательно службы, которой в сущности поглощено все мое существование; неизвестность и неуверенность вне этой сферы.

Пятница, 10-го марта.

Командир жандармского корпуса генерал Шебеко просит телеграфировать Гамбургеру, чтобы один из секретарей посольства в Берне отправился в Цюрих и получил письма, захваченные у студентов, арестованных по случаю взрыва бомбы, или снял с них копии; генерал прибавляет: «Погибший при взрыве Бриништейн есть никто другой, как участник преступления 1-го марта 1887 г., еврей Исаак Дембо». По донесению Гамбургера, нет никакого сомнения в том, что подготовлялось какое-то покушение, и взрывчатые вещества были, повидимому, чрезвычайно сильны. Читаю в газетах, что умерший после 30 часов ужасных страданий студент был ранен приблизительно так же, как и покойный государь. Пишу по-русски телеграмму Гамбургеру и приказываю ее отправить.

Суббота, 11-го марта.

Вчера, около 2 часов, скончался граф Петр Шувалов, и приехавший вечером из Берлина его брат не застал уже его в живых. Покойный, повидимому, ужасно страдал от своих нарывов в ухе

и особенно в конце от излияния в мозг. Графиня Елена, его жена, немало, говорят, его мучила, заставляя его, уже обессилившего, читать вслух благочестивые книги и говоря ему в виде утешения, что ему следует радоваться своим страданиям, так как они являются наименьшим из наказаний, которые он заслужил своими грехами. При этом я думаю о своем старом друге Гешеле, который так болен и так одинок и, тем не менее, благославляет небо за то, что не женат, говоря, что если только жена не очень хороша, то, будучи женатым, при том состоянии слабости, страданий и зависимости, в котором он находится, рискуешь подвергнуться всем мукам самого жестокого рабства. В «Journal de S.-Pétersbourg» появился в черной рамке некролог, слишком восторженный для того, чтобы не вызвать в русских газетах возражений. Эти довольно плохо написанные строки должны быть произведением пера Комарова; это было неосторожно.

Министр рано присылает мне пакет с возвращенными государем бумагами; в числе их находится полученная вчера, 9-го, телеграмма от графа Муравьева, который в качестве поверенного в делах только-что вступил после отъезда графа Шувалова в управление посольством в Берлине. Телеграмма эта гласит: «Князь Бисмарк пригласил меня сегодня к обеду, предупредив, что должен говорить со мной по делу; он принял меня у себя в кабинете, говоря: «Вот донесения германского посланника в Швейцарии по поводу производившихся там опытов со взрывчатыми веществами. Я намеревался их передать графу Шувалову, но так как он вчера уехал, я прошу вас их взять. Кроме того, я хочу перед вами определенно высказаться по поводу отъезда сегодня утром моего сына в Англию. Между нами будь сказано, мне кажется, что здесь замешана женщина. Но я этим воспользовался для того, чтобы посоветовать Сольсбюри дать понять Америке, что Англия на нашей стороне в вопросе о Самоа, и посоветовать Франции не вмешиваться в эти дела. Соединенные Штаты нам не страшны, потому что наш флот, даже и без помощи английского, может уничтожить все американские гавани, в том числе и Нью-Йорк. Но подобная война шла бы сильно вразрез с нашими финансовыми интересами. Я не брящающий саблей военный, а дипломат, и поэтому обращаюсь к Англии, чтобы облегчить себе обязанности дипломата.

Говорю вам все это для того, чтобы вы могли заверить в С.-Петербурге, что за путешествием моего сына не скрывается никакой махинации против вас». Государь пишет над этой телеграммой: «Опять что-то затевает этот обер-скот, а нам хочет отвести глаза историей с американцами из-за Самоа! Наивно!»

Когда я прихожу к министру, он просит меня запереть этот документ в секретном архиве и никому его не показывать. Я высказываю предположение, что одаренный чрезмерным усердием наш поверенный в делах и большой любитель рекламы граф Муравьев мог несколько преувеличить значение ему сказанного. Это могло бы с таким же успехом быть передано в письме и в более простой форме. Что же касается до предпринимаемых в целях сближения с Англией в Берлине шагов, они не только возможны, но, судя по последним письмам графа Шувалова, очевидны. Мы отчасти сами этому способствуем нашим всегда враждебным и неприветливым отношением. Бисмарк не пожелает поставить себя в такое положение, чтобы его могли застать врасплох; в виду всего происходящего в Австро-Венгрии и Италии, он не может удовольствоваться тройственным союзом пресловутой лиги мира. Видя нас постоянно враждебными к Германии и настроенными в пользу Франции, он, насколько ему окажется возможным, сблизится с Англией, и мы, конечно, от этого ничего не выиграем. Не было ли бы для нас в тысячу раз лучше заботиться о наших интересах, расточая на все стороны одинаковые улыбки сфинкса.

Ону телеграфирует, что султан готов внести 5.500.000 франков в счет просроченных платежей и его долга нам; он советует не слишком нажимать на Порту и удовольствоваться пока предлагаемой суммой; она и так является результатом, на который было мало надежды. Министр ничего не имеет против, и государь пишет под этой телеграммой: «Хорошо».

Воскресенье, 12-го марта.

Подымаюсь к министру довольно рано. Среди возвращенных государем бумаг нахожу перлюстрированную телеграмму французского посла к министру иностранных дел в Париже от 10/22, которая заканчивается так:

«В русских газетах напечатано письмо из Севастополя, согласно которому Папский утверждает, что русские были удалены из Сагалло вследствие подстрекательств со стороны французских конгрегаций в Обоке. Я спрашиваю себя, не следует ли опубликовать большую часть донесений адмирала Ольри. Мне известно, что русское правительство не имело бы ничего против этого». Государь на ней пишет: «С нашей стороны было бы тоже очень желательно напечатать точные сведения, как было дело, и покончить раз навсегда с газетными статьями и враньем».

На пересланном Ону извлечении из донесения капитана парохода, перевозившего товарищей Аппинова, в которое были включены их показания и сообщения, его величество пишет: «Что за вранье». Но что может быть легче, как приказать просто министерству внутренних дел положить конец этим газетным толкам. Что бы ни опубликовывали для восстановления истины, все привело бы только к полемике, а никак не к молчанию, которого желает государь.

Обедня в Исаакиевском соборе; возвращаюсь в санях; завтракаю с Оболенским и жду расшифрования телеграммы Долгорукого, которое производится в канцелярии и готово только около 2 часов.

Вечером получается письмо Муравьева, пересланное им от Берлина до границы со специальным курьером. Письмо это от 10/22 марта; он дает в нем подробный отчет о своей беседе с Бисмарком, переданной вкратце в полученной недавно телеграмме. Вручив графу Муравьеву донесения германского посланника в Швейцарии о взрыве в Цюрихе, канцлер ему сказал: «Мне кажется, что моего сына привлекает в Англию женщина, и даже женщина замужняя. Мне это грустно, потому что я очень бы желал, чтобы мой сын женился; с другой стороны, в виду того, что она англичанка, я очень счастлив тем, что она уже замужем, так как не желаю, чтобы женой моего сына была англичанка. Англичанки не германизируются, и у нас было достаточно печальных опытов в этом роде среди лиц, окружавших покойного императора Фридриха. Императрица Фридерика, например, осталась навсегда англичанкой; покойная жена Мольтке никогда не германизировалась; то же можно сказать и о жене фельдмаршала Блументаля и о многих др.»

Затем последовали переданные в телеграмме сообщения по поводу поручения к Салисбюри в целях воздействия на Соединенные Штаты и Францию. Я не нашел нужным прервать канцлера, — продолжает Муравьев, — позволил, однако, себе заметить, что задача С. Джемского кабинета по отношению к Франции мне кажется нетрудной, в виду того, что у Франции теперь слишком много своего дела для того, чтобы она пожелала выступать против Германии в случае войны между последней и Соединенными Штатами. Во время последовавшего за нашей беседой совершенно интимного обеда, разговор коснулся Румынии. «Я не думаю, сказал князь Бисмарк, — чтобы король Карл мог долго продержаться. Он боится всех партий и его, как и королеву-поэтессу, страшит возможность управлять этой страной конституционно. Они, как и великий герцог Баденский, школы Луи-Филиппа. Школа эта никогда не имела успеха. Впрочем, я того мнения, что не может удержаться на престоле государь, исповедующий другую религию, чем его подданные. В Саксонии мы видим то же самое, но там это возможно, как в крайнем случае и вообще в Германии, потому что наши правительственные учреждения покоятся на прочном основании, но, конечно на Балканском полуострове дело обстоит совершенно иначе».

Княгиня упомянула об Ашинове, и князь выразил предположение, что французы приняли меры собственно не против него, а против отца Папсия, и что при этом военные власти действовали под влиянием подстрекательства католических священников.

Канцлер прибавил, что французское католическое духовенство боялось воздействия, которое мог оказать в этой местности православный монах.

Признаюсь, что этот конец письма производит на меня впечатление довольно коварной инсинуации.

Министр с семейством, а также и Оболенский едут слушать оперу Р. Вагнера «Валькирия» и возвращаются только около 12 часов. Я приготовляю Оболенскому чай и молоко. Писал весь вечер, показавшийся мне благодаря этому очень коротким.

Понедельник, 15-го марта.

«Новое Время» печатает крайне оскорбительный некролог бедного графа Шувалова, которого сегодня хоронят. Строго раскритиковав все стороны его деятельности, оно, как всегда,

нападает на участие, которое покойный принимал в «злополучном Берлинском трактате», и заканчивает следующим образом: «Лорд Дюферин, когда был посланником в С.-Петербурге, сказал как-то: «Вероятно, Россия очень богата государственными людьми, если может обходиться без услуг гр. Шувалова». «Очевидно, иностранцам, и особенно англичанам, бездействие покойного было в тягость»...

И так, их величества приезжали сегодня из Гатчины для того, чтобы отдать последний долг изменнику.

Иду рано к своему министру, который собирается ехать на похороны.

Он опять жалуется на небрежность, забывчивость и медлительность Зиновьева, на которого он смотрит как на больного: я невольно рассмеялся, когда он высказал предположение, что это состояние начальника азиатского департамента является последствием того, что его лет двадцать тому назад укусила в Персии бешеная собака. Как только г. Гирс уехал в дом Шувалова на вынос тела, я иду передать Оболенскому несколько бумаг для канцелярии и в 11 часов отправляюсь пешком по Мойке на Суворовскую площадь, чтобы посмотреть на процессию. Погода пасмурная, но очень мягкая и приятная. Полиция приняла очень строгие меры к тому, чтобы не пропустить по Миллионной ни одного лишнего экипажа, и загородила все выходящие на нее переулки. Проходя мимо группы остановленных около Павловских казарм извозчиков, я слышу как один из них высказывает пожелание, чтобы процессия прошла по крайней мере через этот конец Миллионной, на что другой ему отвечает: «Ничего, брат, завтра из газет все узнаем»,—и после этого говорят, что мы не высоко цивилизованная нация! Но что должны думать эти добрые люди, читая, что этот вельможа, которого хоронили с такой пышностью, был антипатриот, который в продолжение всей своей карьеры только и делал, что предавал свою родину? Процессия проходит около $11^1/_2$ час. по Суворовской площади и направляется через Троицкий мост к старой церкви св. Троицы, откуда гроб должен быть поставлен в вагон, который доставит его в Вартемяки.

Я неприятно поражен развязностью, с которою некоторые кавалергарды несут ордена. Масса венков на гробе, почти сплошь

покрытом цветами. Следующие за колесницей Павловский и Кавалергардский полки идут превосходно и очень эффектны. Великий князь Владимир и принц Ольденбургский становятся около памятника Суворову и пропускают их мимо себя. Великий князь, верхом на лошади, кажется старообразным и опустившимся, а принц держится «молодцом». Говорят, что на его строгость написано повторяемое офицерами четверостишие:

По улице бежит собака,
А вот наш принц, он тих и мил,
Но, будочник, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Фельдмаршал великий князь Михаил и его старший сын следуют пешком среди очень многочисленных родных и друзей. Великий князь Дмитрий в рядах кавалергардов. Государь и государыня из окон дома покойного смотрели, как тронулась процессия. Затем их величества возвращаются во дворец и после завтрака едут на картинную выставку в Академии Художеств. Я возвращаюсь пешком по Миллионной как-раз к 12 час. В 3 часа Зиновьев приносит расшифрованную в департаменте благоприятную телеграмму Долгорукого. Шах прислал за своей подписью нашему посланнику в Тегеране новое заявление, подтверждающее, что всякие железнодорожные концессии сверх тех, которые будут даны России во всей Персии, откладываются на пять лет; таким образом, концессии Англии на юге не могут быть даны до истечения этого срока. Повидимому, Д. Вольф это почуял и взволновался, но Долгорукий велел ему сказать, что мы не допустим английского вмешательства в наши переговоры с Персией.

Сегодня официально объявлено в газетах об искусно произведенной Вышнеградским конверсии в Берлине [1].

Говорят, что это чрезвычайно благоприятная для наших финансов мера, и что новая группа крупных американских капиталистов предлагает последующие конверсии наших государственных бумаг на еще более благоприятных условиях. Разменный курс, однако, еще не повышается, вследствие паники, вызванной ликви-

[1] Следует газетная вырезка с объявлением о конверсии путем выпуска новых 4%-железнодорожных облигаций. *Прим. ред.*

дацией Учетного банка. К счастью, оплата наших вкладов, кажется, во всяком случае, обеспечена.

Зиновьев, принесший мне телеграмму Долгорукого, решается, наконец, пойти показать ее министру, которому уже целый час надоедает своим визитом барон Моренгейм. Последний должен послезавтра представляться государю и затем тотчас ехать к своему посту. Г. Гирс сообщает ему сегодня волю государя, чтобы он уехал из Парижа на время выставки. Думаю, что барон не будет доволен этим отдыхом и этой свободой, которые для другого были бы наслаждением; он сочтет, что это удаление образцового посла произведет большой пробел в выставке его друзей французов.

Сегодня утром министр дал мне прочесть только-что им полученное от нашего поверенного в делах в Вене князя Кантакузена частное и секретное письмо, спрашивая, стоит ли его представлять на усмотрение государя. По моему мнению, письмо это несомненно интересно, хотя в нем повторяется многое из того, что мы уже знаем о смерти эрцгерцога Рудольфа из писем князя Лобанова. Посол и советник, в настоящий момент поверенный в делах, не в очень хороших отношениях. Каждый из них пишет собственноручное и личное письмо, при чем друг другу они их не сообщают. Впрочем, сведения Кантакузена почерпнуты из хорошего источника. Он их имеет от г. Сечени (Szögyenyi), близкого друга покойного эрцгерцога. За несколько дней до катастрофы Сечени получил от наследного принца письмо в котором тот жаловался на то, что карантин, которому подвергался Сечени вследствие заболевания его детей корью, продолжался так долго, между тем как ему нужно с ним поговорить. Рассказ о самой катастрофе более или менее сходен с версией Лобанова. На столе около кровати, на которой лежали трупы эрцгерцога и баронессы Вечера, было несколько писем: одно — наследного принца к г. Сечени; остальные баронессы Вечера ее семье. Выслушав донесение посылавшегося в Мейерлинг доктора Видергопера, император (Франц-Иосиф) вновь отверг, как и в первый момент, мысль о самоубийстве, но, повидимому, когда ему пришлось признать эту жестокую истину, горю его не было пределов. Говорят, он упал на пол и катался от боли и отчаяния, не будучи более в состоянии собой владеть. Как только он пришел в себя, его величество приказал вызвать г. Сечени, чтобы

лично передать ему письмо принца. Г. Сечени просил императора вскрыть письмо, но тот отказался. Тогда он его прочел и передал его величеству. В письме этом наследный принц говорил, что должен во что бы то ни стало умереть, выражал сожаление о невозможности повидаться с г. Сечени, которому поручал привести в порядок свои бумаги. С этой целью он посылал ему ключ от своего письменного стола в . . . . . [1]. Письмо это было написано за несколько минут до смерти. Г. Сечени нашел в письменном столе кронпринца три письма от понедельника 28 января, — доказательство того, что все было задумано заранее, — одно к императрице, второе к наследной принцессе и третье к эрцгерцогине Марии-Валерии. Императору письма не было. Судя по тому, что его величество сам сказал Сечени, эти письма представляли просто варианты на ту же тему о необходимости для кронпринца умереть.

Что касается императрицы Елисаветы, которая, пока это было необходимо, проявляла поразительную энергию, удар для нее теперь тем чувствительнее, чем больше она затратила усилий для того, чтобы удерживаться на высоте своего положения. Сердце разрывается при виде ее морального состояния. Ее, повидимому, преследует мысль, что зародыш безумия, толкнувшего ее несчастного сына на самоубийство, нужно искать в испорченной крови Виттельсбахов, и она усматривает в себе источник всех несчастий ее дома.

По этому поводу г. Сечени говорит, что хоть теперь и говорят о мономании самоубийства и других признаках, доказывающих сумасшествие кронпринца, он, так близко знавший эрцгерцога, никогда ничего подобного не замечал. Г. Сечени положительно отказывается верить, чтобы смерть кронпринца была последствием душевной болезни; не допускает он также возможности того, чтобы причиной смерти была любовная интрига, не представлявшая, по его мнению, ни опасности ни затруднений. Говорили о сильной сцене, происшедшей между императором и его сыном. [По поводу последней Лобанов пишет, что, когда за несколько дней до катастрофы император Франц-Иосиф категорически отказал эрцгерцогу в своем согласии на его развод, принц не упоминал о самоубийстве, а только сказал: «После

[1] Пропуск подлинника.

этого, я знаю, что мне остается делать», а его величество якобы ответил: «Делай, что хочешь, но я никогда не соглашусь на твой развод».] Но даже если допустить, что это было так, это не явилось бы в глазах г. Сечени достаточным объяснением отчаянного решения наследного принца. Не более значения он придает рассказам о несчастном браке, о разводе которого эрцгерцог домогался, и т. д. и т. д. По его мнению, истину надо искать не тут. Он всегда считал, что знает принца лучше, чем кто-либо другой, а теперь это ему не служит ни к чему; он не находит разгадки. «Есть много, — вдруг прибавил он, — серьезных государственных деятелей, которые приписывают это несчастье исключительно политическим причинам. По их мнению, наследный принц так скомпрометировал себя своей все более и более проявлявшейся враждебностью по отношению к современной политике нынешнего венского кабинета и к его союзникам, положение его по отношению к императору Вильгельму II и Германии столь ухудшилось, и возврат стал настолько невозможен, что он не мог не сознавать того, что он становился для своей родины источником серьезных затруднений и даже опасности, в том случае, если бы он продолжал придерживаться этого пути». — Еще совсем недавно, по поводу визита, который предстояло отдать в июне германскому императору, когда император Франц-Иосиф сказал сыну о необходимости его сопровождать в Берлин, кронпринц настаивал на том, что было бы гораздо лучше, если бы он, вместо того, чтобы ехать в Берлин, воспользовался этим временем и поехал сделать визит нашему августейшему монарху. Сначала этому проекту горячо воспротивились, затем было в принципе решено, что после Берлина кронпринц может поехать в Россию. Эта перспектива его бесконечно радовала. В ней он почерпал утешение в многочисленных огорчениях, которое причиняло ему его положение.

Заканчивая эти долгие излияния, г. Сечени сказал Кантакузену, что не видит, какое бо́льшее несчастие, чем смерть эрцгерцога Рудольфа, могло бы постигнуть монархию. Последствия ее, особенно в Венгрии, будут глубже и опаснее, чем это думают. Венгерцы были всей душой преданы кронпринцу; они приняли и горячо любят императора и императрицу, но о других членах австрийского дома они знают только, что те настроены против Венгрии. Поэтому другие эрцгерцоги для них не суще-

ствуют, и им будет очень трудно изгладить впечатление, укоренению которого в Венгрии они всячески способствовали.

Скажу завтра утром министру, что нахожу это письмо достаточно интересным для того, чтобы он предложил его прочесть государю.

Вторник, 14-го марта.

Среди бумаг, возвращенных утром государем, мы находим письмо Муравьева с отчетом о его разговоре с князем Бисмарком; на нем нет никакой пометки. Повидимому, впечатления монарха нашли себе достаточное выражение в эпитете «о б е р-с к о т а», написанном им на телеграмме, передававшей содержание беседы.

Донесение от нашего посланника от 26 января/7 февраля за № 11, действительно интересно. Г. Шевич, обратив внимание на рассказ одного из корреспондентов «Pall Mall Gazette», имевшего случай конфиденциально побеседовать с Ли-Хун-Чангом, одним из виднейших государственных людей в Китае, а затем на статью китайской газеты «De Ferjoy», писавшей, повидимому, на ту же тему, запросил по этому поводу японского министра иностранных дел графа Окуму. Ли-Хун-Чанг высказал убеждение, что Китаю нечего бояться России, в виду крайней слабости последней на протяжении всей длинной границы, отделяющей ее от Небесной империи; что Россия, впрочем, должна знать, что всякое нарушение прав Кореи рассматривалось бы Китаем, как «casus belli». Китайская газета идет еще дальше и заявляет о предстоящей аннексии Кореи Китаем; говорят, что король и королева будут перевезены на китайскую территорию, а маркиз Тзенг послан в Корею в качестве наместника или вице-короля.

Г. Шевич обращает внимание японского министра на то, что подобная возможность создает для его родины опасность превращения Фузана в Гонг-Конг или Гибралтар. Граф Окума не верит в какие-либо слишком смелые предприятия со стороны китайцев и констатирует, что поддержание status quo необходимо. В этом отношении наши интересы совпадают с интересами Японии. Впрочем, прибавляет он, в силу Тиенцзинской конвенции, Япония имеет право сделать то же, что и Китай, в случае, если бы последний предпринял что-либо по отношению к Корее, и Китай обязался

ничего в этой области не предпринимать, не предуведомив об этом Японии. Граф Окума обещает бдительно следить за всеми действиями китайского правительства и сообщать нам о том, что оно будет замышлять по отношению к Корее, если, согласно существующему договору, Япония будет предупреждена. Государь делает на этом документе следующую пометку: «Это весьма интересно и для нас не дурно». Но высказанные Ли-Хун-Чангом мысли по поводу слабости нашей границы и всего смежного с Китаем огромного пространства наводят меня на мысль о разговоре, который был у нас на-днях с Зиновьевым о необходимости железной дороги в Сибири. Вместо колоний, которых все другие державы ищут у наших антиподов, мы имеем таковую рядом с нами и не умеем ею пользоваться. Кроме того, если убеждение в нашей слабости распространится и укоренится на этих отдаленных окраинах, мы в недалеком будущем будем свидетелями возникновения на Востоке вопросов необъятных, как океанийская волна, которая все поглощает на своем пути. Шевич сообщает о предстоящем в скором времени приезде в Россию принадлежащих к японскому королевскому дому принца и принцессы Аризугава, которым поручается поднести ее величеству императрице недавно учрежденный дамский орден Короны.

Характерная подробность торжества во время провозглашения представительного правления. В тот момент, как министр юстиции в парадной форме, отправляясь во дворец, спускался с лестницы, какой-то человек с улицы бросается на него и вонзает ему в живот кухонный нож; видя это, стоявший на посту полицейский отсекает злодею голову. Министр умирает после 20 часов ужасных страданий. Никакое следствие по поводу этого преступления невозможно, вследствие того, что неизвестный преступник был тут же убит; вообще предполагают, что это месть со стороны жрецов, возмущенных тем, что министр юстиции вошел не так давно в храм, не сняв обуви. И эти люди позволяют себе роскошь конституции!

В $9^1/_2$ час. подымаюсь к своему министру, который едет с докладом в Гатчину с поездом в $10^1/_2$ ч. Г. Гирс успел вчера только мельком взглянуть на полученную от Долгорукого телеграмму и ждет проекта ответа, который должен был заготовить Зиновьев. Я говорю, что нахожу телеграмму вполне удовлетворительной, и, как я сказал вчера Зиновьеву, мне кажется, что нам следовало бы просто

принять к сведению письменные обещания шаха и только формулировать, как мы их понимаем, не вызывая дальнейших объяснений, которые на практике ни к чему бы не повели. Зиновьев приходит со своим проектом, в который он, однако, вставил фразу: «Если вы не можете добиться от шаха» взятия обратно уже данных англичанам обещаний, что, в случае получения нами концессий, подобная же будет предоставлена и правительству Великобритании, — обещание, относительно которого шах уже ясно признался, что его дал! Я замечаю Зиновьеву: «Допускаете ли вы возможность добиться этого», он мне говорит, что это невозможно. «Так для чего же вводить Долгорукого в искушение и вызывать вторичное заявление, для нас крайне стеснительное? Не лучше ли просто объявить, что мы понимаем обязательства шаха в отношении России так и так, а затем прекратить до поры до времени разговор».

Зиновьев приходит в 4 часа к чаю с картинной выставки. Он говорит мне, что не защищает своей редакции, которая была сегодня утром сделана им на-спех; он как-будто бы разделяет мою точку зрения. Между тем приносят еще телеграмму от Долгорукого с известием, что сэр Д. Вольф внушает шаху мысль, в виду создаваемых нами затруднений на пути поездки шаха в Россию, отправиться в Европу через Тифлис и Батум или через Трапезунд, попросив у султана пароход.

Долгорукий прибавляет, что после сделанных уступок очень неудобно оставлять шаха без ответа и что окончательный отказ с нашей стороны несомненно отозвался бы в будущем очень неблагоприятно на наших отношениях с Персией.

Министр возвращается около 6 часов; желая поскорее узнать, что произошло, я беру у Оболенского скопившиеся в канцелярии бумаги и поднимаюсь к нему. То же делает и Зиновьев. Министр очень озабочен и чем-то поглощен. Он говорит, что государь был необыкновенно автократичен; он против путешествия в Берлин, против приезда сюда персидского шаха и вообще в очень дурном настроении. «Я вам все это расскажу», говорит мне г. Гирс. Пока, в виду того, что его величество одобрил телеграмму Долгорукого, цель которой выяснить точный смысл принятых на себя шахом обязательств, эта телеграмма посылается.

Министр посылает на утверждение его величества полученную сегодня утром телеграмму касательно проектов путешествия шаха и при ней проект ответа с выражением согласия государя.

Среда, 15-го марта.

Придя сегодня утром к министру, нахожу его еще всецело под впечатлением вчерашнего доклада. «Никогда государь не говорил так резко. В нем было что-то, что напоминало Павла I. За все 14 лет, что я работаю с государем, у меня никогда не было подобного доклада; это 14 марта я буду помнить!».

Когда министр коснулся щекотливого вопроса поездки в Берлин, по поводу которой Шувалов в своем последнем письме просил указаний, государь вышел из себя и заговорил тоном Юпитера. Он называет германского императора мальчишкой и не допускает, чтобы этот «мальчишка» мог желать знать его планы. «Довольно с него, что цесаревич был в Берлине»,— т.-е. этой осенью на обратном пути из Копенгагена. На замечание г. Гирса, что все государи заявляют о своем намерении отдать сделанный им императором Вильгельмом визит, августейший монарх отвечает, что ему это безразлично: «Они его вассалы, пускай себе и едут на поклонение, а я нет». (Хорошенькое отношение к императору Францу-Иосифу, королям Италии и Швеции и к датскому тестюшке!) Какая программа! Кто имеет право расспрашивать его по поводу его планов? Решения зависят только от его воли. «Я никому не предоставляю права вмешиваться в мои предположения». Министр замечает, что с его стороны ему ничто подобное никогда не приходило даже на мысль. Ведь, говорили о поездке в Крым и в другие места и об отмене их, но министр никогда ни словом их не касался. Если он счел себя в праве поднять сегодня вопрос о возможности поездки в Берлин, то это потому, что, как министр иностранных дел, он обязан обратить внимание его величества на то, что его визита ждут, и что наш посол, в виду всех сделанных ему намеков, просит указаний относительно того, что ему следует говорить.

Это рассуждение возымело, повидимому, некоторое действие; государь немного успокоился: «Может быть, как-нибудь

проездом и буду иметь свидание, но ехать отдавать визит в самый Берлин—никогда». Тут его величество не поскупился на нелестные эпитеты по адресу своего германского брата и вспомнил, между прочим, как, будучи еще просто принцем Вильгельмом прусским, тот, приехав в августе 1886 г. в Брест, усиленно хлопотал в пользу идеи о союзе трех королей (Dreikaiserbund) и о разграничении сфер влияния на Балканском полуострове. Наконец, государь говорит: «Я увижу Шувалова и переговорю с ним». К завтраку запаздывают; государыня и августейшие дети уже за столом. Когда последние при входе государя встают, их величество нервно говорит им: «Сядьте, сядьте». Завтрак ему не по вкусу, все скверно, он всем недоволен и беспрестанно проводит рукой по верхней части головы, точно желая вытереть свою лысину,— обычный его жест в моменты сильного волнения. Видя своего августейшего супруга в таком состоянии, государыня тоже становится грустной и натянутой; она спрашивает, верно ли известие о приезде шаха, которое она сегодня прочла в газетах; министр отвечает, что это зависит от того, как пойдут дела, о которых мы все еще ведем с Персией переговоры. «Как было бы неудобно, если бы он приехал во время свадьбы» (великого князя Павла). «Английская королева старается, кажется, отклонить его приезд в Лондон, находя, что он портит дворцы и что посещение его обходится очень дорого». Г. Гирс замечает, что если королева Виктория лично и против приезда Наср-Эддин-шаха, английское правительство считает, конечно, его посещение Лондона очень желательным. Государь высказал даже мысль, что персидский монарх мог бы следовать другим путем и миновать С.-Петербург, но г. Гирс замечает ему, что это было бы очень невыгодно как в отношении нашего престижа на Востоке, так и для наших подлежащих разрешению дел с Персией. Наконец, за завтраком, отвечая государыне, государь проронил что-то вроде: «Придется его принять, если он будет продолжать настаивать». По крайней мере, таким образом, нет ничего предрешенного в обратном смысле.

«Не забуду я доклада 14-го марта,—говорит мне министр,— я обжегся и не стану больше возвращаться к вопросу о поездке в Берлин. Я исполнил свой долг, обратив внимание государя на необходимость отдать визит государю Вильгельму, теперь

пусть его величество делает, что хочет». Возвращаясь из Вартемяк после 9-го дня по кончине брата, граф Шувалов должен будет явиться в Гатчину, прежде чем возвратиться в Берлин, и государь будет с ним говорить. Шувалов обладает даром льстить его величеству и, умасливая его, иногда его убеждает.

Наш посол говорил г. Гирсу, что император Вильгельм очень развивается и прогрессирует; есть все основания предполагать, что это будет великий государь и великое царствование; что не следует вызывать его нерасположение и отталкивать его; пылкий, энергичный, трудолюбивый и начинающий свою деятельность под эгидой такого опытного человека, как Бисмарк, он скоро будет представлять собой драгоценного друга или опасного врага; мало вероятий, чтобы он оказался бесцветным. Путешествия, с которых, казалось, началось царствование молодого императора, породили берлинскую остроту; говорили, что Вильгельм I — «der Greise» (старец); Фридрих — «der Weise» (мудрый), а Вильгельм II — «der Reise» (путешествующий). Но этот «Reisekaiser» (путешествующий император), закончив свою поездку, сумел так приняться за работу, что внушил доверие и окружил себя все возрастающим престижем. Сегодня газеты сообщают, что он не пренебрегает возможностями приходить в соприкосновение с представителями нации. [1]

В беседе князя Бисмарка с графом Сен-Валье, воспроизведенной в только-что появившейся книге графа Шодорди, канцлер в 1879 году признавался, что сближение с Австрией представляло значительные затруднения; там еще очень живы были воспоминания о «Садовой» особенно среди военных и эрцгерцогов, со старым эрцгерцогом Альбертом во главе; недружелюбное отношение со стороны России, дислокация войск на границах обеих соседних империй и угрожающий тон нашей прессы облегчили эту задачу и естественно привели к сближению берлинского и венского дворов. Теперь мы будем благоприятство-

[1] К дневнику приложены газетные вырезки, заключающие две телеграммы Северного агентства из Берлина от 15/27 марта о том, что император Вильгельм II присутствовал на обеде, который князь Бисмарк давал членам парламента, при чем милостиво беседовал с депутатами и одному из них пожаловал орден Красного Орла. Подчеркивается, что это первый случай, когда германский император принимал участие в обеде, который давался членам парламента.

вать и способствовать согласию, которое может установиться между Берлином и Лондоном. Что мы этим выиграем?

Иногда мне кажется, что столь сильная враждебность наших государя и государыни вызываются в них чувством как бы некоторой зависти к власти. Им не особенно приятно видеть этого маленького прусского принца, которому они считали возможным не придавать особого значения, императором и королем, возглавляющим державу, которая является реальной силой, которую уважает и у которой почти заискивает вся Европа и весь свет! Г. Гирс склонен думать, что государь озабочен какими-нибудь семейными заботами, связанными с его августейшими братьями или кем-либо другим; затем на его величество произвели сильное впечатление донесения о взрыве бомб, изготовлявшихся близ Цюриха нашими соотечественниками. Его убаюкивали иллюзиями, что его царствование, столь «по существу национальное, твердое и популярное», уничтожило все нигилистические тенденции, даже всякий след недовольства, и вот динамит снова появляется в виде крайне усовершенствованных снарядов.

Вчера за завтраком не было никого, кроме семьи их императорских величеств; министр уже очень давно не встречает там ни Шереметева из конвоя ни его жены, урожденной Строгоновой.

Едва лишь я вернулся в 8 часов, как меня зовет министр, только-что получивший пакет от государя.

Его величество вернул посланный ему вчера проект телеграммы, коей предлагается Долгорукому заявить шаху о согласии на его приезд, приняв предварительно к сведению его обещания и поставив его в известность о том, как мы их понимаем. Государь написал на этом проекте: «Подождать, какой ответ будет от Долгорукого после вчерашней телеграммы». Затем против слов «Вышеизложенное вы сообщите шаху после того, как ответите на его обязательство в смысле указаний, изложенных в телеграмме моей от 1-го марта», его величество сделал пометку: «От шаха мы ждем обязательства и тогда увидим, как отвечать».

Министр устал, и все ему надоело; чтобы посвятить Долгорукого в настоящее положение дел, я предлагаю ему немедленно телеграфировать: «Государю императору неугодно принять решения по вопросу о путешествии шаха до получения вашего ответа

на вчерашнюю мою телеграмму». Г. Гирс одобряет, я тотчас телеграфирую и запиской извещаю об этом Зиновьева.

Частные телеграммы приносят известия о блестящих результатах нашей финансовой конверсии и о перемене имени бывшим князем болгарским. [1] Должен признаться, что после своей романической авантюры последний кажется мне гораздо более симпатичным, чем прежде, во время своих политических интриг. Он, должно быть, действительно умеет любить, если пренебрег блестящей женитьбой и возможностью великолепной карьеры, — это настоящее чувство, хорошее и достойное уважения, хотя бы графиня Гартенау и была только самого скромного происхождения.

Четверг, 16-го марта.

Среди возвращенных государем бумаг находится иллюстрированная телеграмма лорда Сольсбюри к сэру Р. Мориеру из Лондона от 13/25 марта: «Эмир телеграфирует, отрицая всякое намерение вызвать коллизию» и т. д., и т. д. Его величество на ней написал: «Кажется, что мы можем быть теперь покойны на этот счет».

В сущности мой министр никогда не придавал серьезного значения волнениям на Афганской границе; у нас были данные предполагать, что причиной их был не эмир, а герои Кушки генерал Комаров и генерал Алиханов, которые распространяют тревожные слухи и делают все возможное и невозможное, чтобы только вызвать какие-либо осложнения на границе. Они мечтают о случае одержать легко достижимый, но хорошо награждаемый успех и, говорят, дали даже себе слово взять Герат, вовлекая, таким образом, правительство в военные действия, которых оно в настоящий момент желало бы избежать и которые очень бы нам повредили.

Государь удостоил также пометки: «Чрезвычайно откровенно и верно», приложение к письму г. Кояндера из Каира от 2/14 марта. Бумага эта — отчет секретаря нашего агентства в Египте г. Щеглова, имевшего очень интересный разговор с австро-венгерским дипломатическим агентом, советником посольства и камергером г. Ростн. Этот дипломат, весьма мало осведомленный

[1] Следуют две газетные вырезки, кратко сообщающие об успешности конверсии и принятии принцем Александром Баттенбергским имени графа Гартенау.

о политике, которой следует его начальник граф Кальноки, говорит о ней совершенно откровенно с г. Щегловым, с которым он в очень хороших отношениях: «Руководителем политики Австрии должен быть настоящий государственный человек, а не покорный исполнитель приказаний Бисмарка, старающегося, очевидно, втравить нас по уши в славянский водоворот, поссорить с Россией и отвлечь от нашего исторического призвания в Германии. Пора нам сообразить, что наш настоящий враг не Россия, с которою, в конце концов, можно столковаться, а Прусская Германия». «Недаром Берлин так отзывчиво отнесся к нелепой просьбе нашей помочь отнять у королевы Наталии принца Александра. Он твердо знал, что скандал этот втянет нас в такую тину, вывернуться из которой будет не легко».

Кроме этих слов, списанных мною буквально с секретного донесения г. Щеглова, г. Рости обратил его внимание на непредусмотрительность и отсутствие такта, которые проявляет венский кабинет, полагаясь исключительно лично на Милана и считая возможным безнаказанно эксплуатировать Сербию в финансовом и экономическом отношении, на том основании, что австро-венгерский посланник ежедневно приглашается во дворец в Белграде и составляет партию королю Милану.

Говорят, что г. Рости человек с будущим, очень умен «и на очень хорошем счету». Разочарование в союзе с Германией, которое проявляется в Венгрии и начинает чувствоваться также и в Австрии, может когда-нибудь явиться козырем в нашей игре, если мы будем продолжать быть осторожными и усовершенствуемся в великой науке «ждать».

Выходя от министра, встречаю редактора «Journal de S.-Pétersburg» Горна и не могу не сказать ему, смеясь, что его некрологи оказали, мне кажется, плохую услугу графу Петру Шувалову. «О, эти некрологи,—говорю я ему,—если бы мне когда-либо по моему положению таковой полагался, я просил бы в своем завещании, как милости, чтобы меня от него избавили».

Тотчас по возвращении узнаю, что меня спрашивал министр, и подымаюсь к нему. Граф Толстой сделал ему из Гатчины по

телефону сообщение, и, не умея пользоваться этим аппаратом, г. Гирс должен был прибегнуть к содействию своего племянника, князя Кантакузена. Насколько можно было понять, государь желает иметь статью, в которой устанавливался бы образ действий графа Петра Шувалова на Берлинском конгрессе. Министр полагает, что граф Толстой хотел строго расправиться с «Новым Временем» за напечатанную недавно неприличную статью, но что его величество, не долюбливавший покойного, пожелал, чтобы сведения о его прошедшей деятельности в министерстве были проверены. Я позволяю себе высказать, наоборот, предположение, что государь почувствовал все неприличие оскорбительных нападок на должностное лицо, отдать последний долг которому он и государыня приезжали из Гатчины, и что его величество сделал по поводу поведения прессы замечание министру внутренних дел, а последний подал мысль о полу-официальном опровержении при посредстве газет. Около 4-х часов приходит г. Феоктистов, посланный графом Толстым, как начальник управления «по делам печати». Оказывается, что я был прав: государь и государыня осыпали его горячими упреками за направление «Нового Времени» и за статью, появившуюся в самый день перевезения тела Шувалова. Министр внутренних дел, умалчивая о всех нападках, направленных против покойного, как одного из очень энергичных деятелей внутреннего управления в продолжение большей части его служебной карьеры, указывает, как на средство для его реабилитации, на помещение министерством в «Правительственном Вестнике» статьи о его дипломатической деятельности. Г. Феоктистов и явился сообщить от имени графа Толстого о желании государя, чтобы подобная статья появилась как можно скорее. Министр замечает ему, что это, вероятно, вызовет новые нападки, но он возражает: «что меры приняты, чтобы этого не было», что доказывает, насколько при желании это легко и просто.

Г. Гирс поручает Зиновьеву написать эту статью и посылает его переговорить со мной. Я того мнения, что следует, не вдаваясь в подробности, сослаться на протоколы конгресса, констатировать трудное положение, в котором находились наши уполномоченные, и подчеркнуть тот факт, что граф Шувалов всегда действовал как человек убежденный; он мог ошибаться, но не уклонялся с прямого пути ради мелочных и личных инте-

ресов. Часто, повидимому, его девизом было «reculer pour mieux sauter» (отступить, чтобы лучше прыгнуть), но он никогда не боялся отстаивать свои мнения, и это, бесспорно, черта его характера, достойная уважения.

Но что за странное противоречие со стороны нашего августейшего и очень автократичного монарха—желать полемизировать с этой жалкой прессой, вместо того, чтобы просто приказать Толстому наставить на путь истинный г.г. Сувориных, Комаровых и т. д. и образумить г. Феоктистова, который является их покровителем и подстрекателем.

Его величество уже многие годы жалует нашим газетам не особенно благозвучные эпитеты и тратит свою энергию на написание оскорблений по их адресу; фактически же он не решается принять какие-либо меры,—вопрос популярности!

Пятница, 17-го марта.

Утром в возвращенном государем пакете нахожу телеграмму Долгорукого от 13/25 марта: «Турецкий посол возмущен образом действий сэра Вольфа, который сегодня посоветовал шаху через Эмин-султана, на случай, если возникнут затруднения касательно проезда через Россию, отправляться в Константинополь через Тифлис и Батум, или через Трапезунд, куда шаху вытребовать турецкое судно», и т. д. Его величество только подчеркнул слова «сэра Вольфа» и написал на полях: «Что за скот и нахал». Это не подвигает наших дел, а другая пометка на донесении нашего посланника в Тегеране: «Все это в высшей степени недобросовестно со стороны шаха», не сообщает ничего нового. Если бы, однако, последний действительно решился миновать Петербург, это был бы результат неблагоприятный.

Подымаюсь к министру около $10^1/_2$ ч. Он беспокоится по поводу статьи, которую пишет Зиновьев и жалеет, что не поручил сделать этого Никонову; я сообщаю ему о нашем вчерашнем обмене мыслей. Шувалов мог увлекаться и ошибаться, но это делал честно, как барин, а не из мелких личных интересов, интриг и плутовства, как какой-нибудь Игнатьев, Сабуров и К°.

Министр согласен с моим мнением; он замечает, что покойный граф Петр был даже человеком значительно более прямым и независимым, чем его брат Павел,—наш посол в Берлине, хитрый и менее бескорыстный придворный. Тем временем сегодня «Новое Время», опровергая статью князя Голицына, опять бросает грязью в могилу покойного графа Шувалова, под тем предлогом, что касается не личности, а только должностного лица, деятельность которого должна подвергаться критике. Министр ужасно устал, и ему надоело то, как идут дела.

Зиновьев приносит свою статью о графе Шувалове; она написана очень хорошо и вполне одобряется министром. Один экземпляр посылается государю, а другой графу Толстому при сопроводительном письме, в котором г. Гирс обращает его внимание на то, что для полной, согласно воле монарха, реабилитации, министру внутренних дел следовало бы поставить общество в известность относительно службы графа Шувалова в сфере внутреннего управления, которой была посвящена большая часть его деятельности. Собравшись в 4 часа за чаем, мы все одобряем и статью и письмо. Обедаю один у себя. Вечером, около 9 час. министр просит меня подняться; персидский посланник только-что прислал г. Гирсу перевод полученной им от своего правительства телеграммы, коей ему предписывается немедленно снестись с министром в целях получения, наконец, ответа по вопросу о путешествии, которое шах рассчитывает предпринять в начале весны и о котором он желает скорее оповестить иностранные державы. Бедный персидский посланник в ужасном положении: его водят за нос, заставляя предварительно испить до дна чашу обвинений и упреков, которых он не может передать своему правительству. Бедняга настолько потерял голову, что в самом начале карунского инцидента, желая однажды во время дипломатического обеда оправдать Персию, сказал, что во всем этом вопросе «il n'y avait pas de quoi fouetter un»... и тут вдруг остановился перед словом «chat» (chah) [1]. Шведский посланник пришел ему на помощь, закричав с другого конца стола:

---

[1] Французская пословица «не за что даже отхлестать кошку», которая обозначает, что дело, о котором идет речь, пустяшное, на которое не стоит обращать внимание. Игра слов,—так как слово кошка «chat» произносится так же, как слово «chah» — шах.

«скажите — un chien», за что перс рассыпался в благодарностях Этому смеялись до слез.

Но в данный момент моему министру отнюдь не до смеха; он не знает, как передать это сообщение государю, в виду того, что ожидаемый его величеством от Долгорукого ответ еще не получен. Я подаю голос за краткое сопроводительное письмо без всякого упоминания о недостающем ответе, для того, чтобы каким-нибудь намеком на совет или на указание не раздражить императорского упорства. Министр принимает эту мысль, и пришедший в этот момент Зиновьев высказывается в том же смысле. Докладывают о Нелидове, которого министр не принимает, и только позднее мы узнаем о серьезности приведшего его дела.

Вечером, около 12-ти ч., когда министр присылает мне уже предназначенные для государя бумаги, получаются две длинные шифрованные телеграммы из Тегерана. Тотчас же предупреждаю об этом г. Гирса, который решается задержать персидскую телеграмму до завтрашнего дня, чтобы знать предварительно, что говорит Долгорукий.

Вечером государь возвращает несколько бумаг, в том числе иллюстрированную телеграмму французского посла его правительству, где, между прочим, говорится: «В виду того, что «Новое Время» возобновило клеветническую, основанную на росказнях отца Паисия кампанию, и рассматривает почти как признание то, что донесение адмирала Орли не напечатано, полагаю, что напечатание оного является необходимым». Государь на ней пишет: «Несносные наши журналы; все раздувают это злосчастное дело»; затем его величество подчеркивает слова: «росказни отца Паисия» и прибавляет: «Читал и уверен, что все это враки».

Оболенский возвращается с обеда от Нечаевых-Мальцевых, где он встретил генерала Черевина; последний сказал ему, что это он, по просьбе одного из родственников Шувалова, пожаловался государю на оскорбительную статью «Нового Времени»; итак, вот откуда поднялся шум, и откуда негодование их величеств. Какое смешение компетенций!

Суббота, 18-го марта.

Полученные вчера телеграммы Долгорукого не оставляют желать ничего лучшего: шах доставил ему новое соответствую-

щее всем нашим требованиям обязательство, но наш представитель в Персии, вечно в погоне за возможностью быть приятным высшим сферам, заканчивает одну из своих телеграмм нелепым предложением отклонить прием шаха в Петербурге, под тем предлогом, что его свита состоит из главных виновников наших недоразумений. Ночью были получены еще три телеграммы, принесшие только дополнительные подробности. Министр доволен и очень рад, что не послал вчера персидской телеграммы. Зиновьев приготовляет сопроводительное письмо; он и я решаем не итти на панихиду по Шувалове, имеющую быть в 9 день по его кончине в министерской церкви в половине второго.

Отправка экстренного курьера в Гатчину со всеми телеграммами Долгорукого и просьбой персидского посланника. Курьер этот возвращается в 6 часов в тот момент, когда Оболенский зовет меня пройтись. Отказываюсь от этой прогулки; министр зовет меня.

На телеграмме Долгорукого, в которой он просит ответа по вопросу о путешествии его персидского величества, государь, наконец, пометил: «Пусть себе едет в Петербург, но желательно, чтобы он был здесь до приезда греческих величеств, т.-е. в середине мая самое позднее». Г. Гирс этим доволен. Я еще раньше посоветовал Зиновьеву приказать зашифровать «на всякий случай» текст благоприятной телеграммы; она только-что кончена, и я отправляю ее тотчас, прибавив к ней другую, воспроизводящую императорскую пометку относительно времени. Наконец-то это скучное дело закончено. Государь приказал пригласить в начале мая также японского принца и принцессу; мы при дворе скоро станем совершенно азиатами.

Заготовленное по просьбе графа Воронцова письмо из кабинета его величеств к наследному великому герцогу Гессенскому с обычным для наследных принцев титулом «мой кузен» возвращено с пометкой: «Отчего, когда он племянник». Отыскиваю вечером несколько прецедентов, чтобы составить на их основании оправдательную справку, которую посылаю министру.

Воскресенье, 19-го марта.

Когда около 11 часов я поднимаюсь к министру, он возобновляет выражение своего удовольствия по поводу написанной Зиновьевым для «Правительственного Вестника» статьи.—Откро-

венная беседа о графе Толстом; государь отдает себе отчет в глубоко эгоистичном и мало просветительном характере этой особы и откровенно признался в этом г. Гирсу во время катковских историй, но его величество предполагает, что он оказывает благотворное, консервативное и строго монархическое влияние в государстве. Вернувшись осенью из объезда, Деляпов в своем донесении констатировал наличность в высшей степени удовлетворительного настроения умов в провинции и безграничной преданности университетской молодежи и учащихся средних учебных заведений государю и принципу самодержавия. На вопрос его величества «Чему же вы приписываете это?» министр народного просвещения, говорят, отвечал своим самым слащавым голосом: «А все это граф Толстой». Говорят даже, что именно это значительно способствовало получению им ко дню его юбилея графского титула. Между тем идущие из Берна после взрыва бомб, приготовленных нашими эмигрантами, разоблачения ничуть, повидимому, не свидетельствуют о всеобщей и полной удовлетворенности, а доносящиеся из провинции слухи точно так же не особенно радостны.

Очень утомленный за это время министр желал бы при первой возможности уехать дней на десять в деревню, тем более, что позднее приезд японских принцев, шаха и свадьба великого князя Павла задержат его в городе, вероятно, и на июнь. Думаю воспользоваться его отсутствием, чтобы съездить в Москву.

Понедельник, 20-го марта.

Письмо от Муравьева опять заключает некоторые указания на сближение между Берлином и Лондоном. Император Вильгельм решительно намеревается посетить королеву Викторию и желает быть принятым не как внук, а как император и король. Стааль не придает особого значения приезду графа Г. Бисмарка в Лондон и относит его на счет любви, которую тот давно питает к одной из высокопоставленных англичанок, остающейся неприступной. Он думает, что ради дел не было никакой надобности приезжать лично, тем более, что германский посол один из самых способных и опытных представителей берлинского кабинета. Кодебу из Парижа дает обзор колебаний в борьбе республиканского правительства с буланжизмом, который как-будто бы

делает успехи. Икскуль отмечает внутренние затруднения Италии, печальное положение финансов, грозивший одно время кабинету Криспи кризис. Кантакузен пишет из Вены, что Кальноки как-будто бы успокоился по поводу государственного переворота в Сербии; его только, повидимому, пугает возвращение королевы Наталии в Белград. Цанков намеревался обратиться к принцу Кобургскому с длинным посланием и просить его покинуть Болгарию, но поговорил предварительно с нашим поверенным в делах, и последний посоветовал ему не прибегать к подобному бесполезному выступлению. Цанков уезжает в Белград. Рано подымаюсь к своему министру, с которым мы говорим о полученных экспедициях и о том, что надо отвечать. Изложить Стаалю нашу точку зрения на присутствие графа Бисмарка в Лондоне и просить его бдительно следить за всеми признаками сближения и соглашений между Англией и Германией. Кантакузену сообщить одобрение данного им Цанкову ответа; примирительное настроение в отношении сербских дел может быть отчасти следствием гораздо более серьезных забот, причиняемых в настоящее время венскому кабинету тем, что происходит в Венгрии.

Министр получил от Шишкина телеграмму, в которой тот просит разрешения приехать сюда в отпуск; при этом случае министр говорит мне опять о chassé-croisé (обмен местами), которое он желал бы устроить между ним и Зиновьевым. Едва я сошел вниз, как министр просит меня опять подняться и сообщает, что Нелидов, которого он не мог принять третьего дня, приехал в большом затруднении спросить у него, что ему делать: дело в том, что великий князь Сергей просил его отложить отъезд и принять участие в совещании, которое он, по приказанию государя, созовет по делам «Палестинской миссии». Посол уже имел прощальную аудиенцию у его величества и должен был выехать завтра или послезавтра. Министр говорит ему, что, не зная ничего о совещании или комитете, о котором говорил его императорское высочество, он не может ему ничего посоветовать; между тем Нелидову крайне желательно уехать, потому что он видит, что под всем этим кроется прегадкая интрига. Министр очень озабочен. Во время его последнего неприятного доклада во вторник, государь говорил ему очень решительным тоном о необходимости соединения Палестинской комиссии с Палестинским обществом, нахо-

дящимся под председательством великого князя; при этом его величество высказался против Зиновьева, который воплощает комиссию в себе одном, ничего не делает, затягивает дела, манкирует по отношению к великому князю и т. д. По словам г. Гирса, он вспомнил о том, что я не раз говорил ему о желательности в интересах министерства держаться несколько в стороне от подобных мелких вопросов и сделать возглавляемое великим князем общество насколько возможно независимым, держась строго в рамках компетенции консулов. В принципе министр ничего не имел бы против слияния, но ему очень не нравится образ действия великого князя, и для него очевидно, что все сводится к вопросу о личностях и желанию избавиться от г.г. Мансурова и Зиновьева, из которых первый основал Палестинскую комиссию, а второй уже много лет ведает ее делами. Он считает, что нельзя этого дольше скрывать от Зиновьева и хочет его предупредить о направляемом великим князем ударе. Завтра он будет говорить об этом с государем.

После обеда — пакет от государя с запиской: «Прошу вас приехать с докладом вместо вторника в пятницу, в 12 часов». Возвращается телеграмма, которой Гамбургер вчера доносил: «Германский коллега мой получил по телеграфу предписание князя Бисмарка самым энергичным образом поддерживать требования мои перед Федеральным советом». Его величество на ней пишет: «К сожалению, Гамбургер, кажется, сам вовсе не энергично требует. Грустно, что германцы более хлопочут и энергичны, чем наш представитель». Но, ведь, не далее, как несколько дней тому назад, Гамбургер требовал чрез 24 часа свой паспорт в том случае, если ему не пообещают сообщить содержание захваченных у арестованных преступников бумаг; что мог он еще сделать,— разве только объявить Швейцарии войну! Может-быть, это опять немного дурное настроение государя, вызванное оказанной немцами услугой!—Раут у Гирсов. Подымаюсь немного ранее 11 часов. Мне кажется, что министр недоволен тем, что завтрашний доклад отложен. Посмотрев, как устроены гостиные, и обменявшись несколькими словами с уже собравшимися я через $^1/_4$ часа спускаюсь к себе и возвращаюсь только около 12 часов с Ола. Жара, толкотня, много некрасивых и, если бы

пришлось тут оставаться долго, все дашные для того, чтобы умереть со скуки. Но говорят, что очень оживленно и что в свете это называется блестящим и удачным раутом. Присутствует там также бухарская депутация. Эти бедняги должны бы нас считать очень смешными, если бы только жара, которую они претерпевают в своих огромных халатах, не лишала их способности рассуждать. По поводу подаренных эмиром нашим высшим должностным лицам халатов «Гражданин» пишет, что это сделано с целью установить с Россией «халатные отношения». Ухожу тотчас после 12-ти ч. и засыпаю так крепко, что не слышу большого разъезда.

Вторник, 21-го марта.

Министр присылает мне возвращенные государем бумаги, среди которых я нахожу с пометкой: «Очень интересно», частное письмо нашего посланника в Брюсселе князя Урусова, которое я не успел прочесть вчера до отсылки его в Гатчину. В этом письме от 1/13 марта излагается суть как бы рапорта, полученного герцогом Омальским от одного из его корреспондентов, поехавшего в Берлин и Вену. Обстоятельства, относящиеся к летнему путешествию императора Вильгельма в Австрию, заносчивость этого монарха восстановила против него императора Франца-Иосифа и правительство. Германский император производил смотр не как монарх-гость, а как инспектор, которому поручено произвести самую тщательную ревизию. Результаты смотра оказались неблагоприятны, и его величество не скрыл своего неудовольствия: он критиковал особенно пехоту, главным инспектором которой был в то время эрцгерцог Рудольф. Вильгельм II не щадил наследника престола и с крайней откровенностью выразил свое мнение императору и императрице. Последняя была обижена и заявила, что не желает больше находиться в присутствии германского императора, который был вынужден извиниться. По своем возвращении в Берлин его величество написал императору Францу-Иосифу письмо, в котором объяснял, что имеет право и обязан обращать внимание своего союзника на то, как обстоят дела в его армии, потому что они должны плечом к плечу защищать общие им интересы, и просил, чтобы в качестве главного инспектора пехоты было назначено лицо

более опытное, чем эрцгерцог Рудольф. Результатом этого письма была сильная сцена между Францем-Иосифом и его сыном, который отказался добровольно уйти. Драма, разыгравшаяся в Мейерлинге, вероятно, не без влияния этих обстоятельств и вызванной ими горечи, положила конец положению, грозившему крайне серьезными последствиями. Пораженный некоторой аналогией этих сведений с тем, что говорил нашему поверенному в делах г. Сеченн, я позднее предлагаю министру упомянуть о письме князя Урусова в том, которое я шлю Кантакузену, и даже сообщить ему конфиденциально копию с него. Г. Гирс одобряет эту мысль. В донесении из Белграда от 3/15 марта за № 8 г. Перспани дает отчет о своем разговоре с одним из регентов г. Грунчем о необходимости следить за тем, чтобы молодой король получил хорошее воспитание: «Грунч, вполне соглашаясь со мной и сознавая, что неудачное воспитание короля Александра могло бы бедственно отозваться на судьбе Сербии, сказал мне, что он совершенно доверяет доктору Докичу, хорошему и опытному воспитателю». — «О материнское слова! А кто же лучше ее может воспитывать сына», шипет на этом донесении государь.

Министр рано просит меня притти. Он очень озабочен. Вчера вечером Шебеко сказал ему, что известия из Швейцарии прескверные. Несомненно, речь идет о покушении на государя, и некоторые из злодеев уже скрылись неизвестно куда. Его величество сердит на нашего посланника, которому он ставит в вину недостаток энергии в предъявлении им требований.—Великий князь Сергей заезжал вчера к министру и, не застав его, отправился ждать в Зимний дворец, прося его уведомить о возвращении г. Гирса. Последний этого не сделал.—Сегодня в $11^1/_2$ час. полковник Степанов приказывает доложить о себе от имени его императорского высочества. Нелидова задержали по повелению государя, переданному непосредственно великим князем. Повидимому, его намерение заключается в том, чтобы тотчас разрешить вопрос о заседании Палестинской комиссии, а не Палестинского общества и формулировать его в протоколе, который был бы подписан великим князем, Победоносцевым, Гирсом и Нелидовым в качестве посла в Турции. Этот протокол должен был быть повергнут на благоусмотрение госу-

даря и получить резолюцию «быть по сему» или «исполнить», что санкционировало бы совершившийся факт. Этот образ действий сильно не нравится министру, и он очень жалеет, что завтра не будет доклада, во время которого он мог бы в подробности изложить этот вопрос его величеству. Во время прошедшего доклада государь среди других неприятных вещей говорил ему уже об этом собрании, высказываясь против бездействия и отсутствия доброй воли со стороны Зиновьева и бесполезности участия его и Мансурова. После отъезда Степанова г. Гирс опять просит меня подняться и говорит, что едва не потерял терпения; этот полковник приезжал приглашать его от имени великого князя на заседание комитета у его императорского высочества, прося его назначить день, и сообщил ему, что Нелидов будет принимать в нем участие, и что протокол будет подписан. Одним словом, он, пожалуй, сам того не подозревая, дает возможность ясно видеть всю интригу. Министр отвечает, что ничего не имеет в принципе против слияния Палестинских комиссии и общества, но что комитет, который великий князь желает созвать, имеет в его глазах только значение частного собрания и подготовительного обмена мыслей; что касается до слияния, он не может содействовать ему без ведома главных сотрудников и самых старых членов Палестинской комиссии, которая сама является организацией, находящейся в ведении азиатского департамента. Наконец, министр подчеркивает, что не получал по этому поводу никакого высочайшего распоряжения ни для себя, ни для посла, своего подчиненного. Он назначает заседание на четверг и повторяет, что приедет просто для совещания.

После завтрака провожу день за редактированием бумаг, которые должны быть отосланы с курьером в четверг. Посещения бедного маленького Дабижа и возвращающегося послезавтра в Пешт Сталевского. Министр пишет мне вечером, что он говорил с Зиновьевым по вопросу о Палестинской комиссии.

Среда, 22-го марта.

Чтобы оправдать Гамбургера, министр послал вчера государю всю корреспонденцию, которой за последнее время мы обменялись с нашим посланником в Берне и, между прочим, телеграмму, где последний сообщает, что грозил федеральному пра-

вительству потребовать свой паспорт в том случае, если ему останутся неизвестными захваченные у русских эмигрантов бумаги. Сегодня утром его величество возвращает это маленькое дело с пометкой, что он не видал всего этого и что, в виду значения, какое имеет это дело, он желает, чтобы все относящиеся до него бумаги были ему представлены. Государь, очевидно, забыл, что во время своего последнего доклада г. Гирс читал ему эту архиэнергичную телеграмму. Министр поручает мне написать по-французски телеграмму, которую Гамбургер мог бы в случае надобности показать президенту Союза. В очень вежливой форме я говорю в этом документе, что возможно, что нам придется по соглашению с дружескими державами возбудить серьезный вопрос о том, насколько нейтралитет Швейцарии совместим с гарантиями порядка и законности, необходимыми для благосостояния великих держав, создательниц и покровительниц свободы и нейтральности Гельвеции. Предоставляя убежище и безнаказанность преступным покушениям, направленным против социального порядка, федеративное правительство проявило бы страшное безразличие к безопасности других государств. Нимало не желая вмешиваться в те меры, которые оно сочтет нужным принять у себя, мы рассчитываем на его дружеское содействие для отыскания разветвлений в России, раскрытию которых могут способствовать произведенные в Цюрихе аресты.

Сталю в Лондон я пишу, что, даже если путешествие графа Бисмарка объясняется только мотивом личного характера, симптомы сближения между Берлином и Лондоном слишком очевидны для того, чтобы мы могли не обратить на него самого серьезного внимания. Англия едва ли свяжет себя формальным договором, но вполне возможно, что князю Бисмарку удастся добиться соглашения, предусматривающего те или другие случайности, и компенсировать, таким образом, все более и более проявляющуюся несостоятельность пресловутой лиги мира. Все наше внимание должно быть направлено на это.

Четверг, 25-го марта.

Подымаюсь к своему министру, который одобряет все, приготовленное мной к его подписи; проекты были утверждены также и государем; принесенный мной сегодня утром проект депеши Гамбургеру он приказывает тотчас переписать для под-

писи, чтобы отправить его сегодня же по почте, и в 4 часа посылает его государю. Министр обеспокоен тем, что от Долгорукого нет ответа, и мы собираемся его запросить, когда получается телеграмма с известием, что шах с благодарностью принимает разрешение императора и рассчитывает приехать на неделю со свитой в сорок человек. Обычное собрание к чаю. Вланган, которому министр ни слова не сказал об инциденте с великим князем Сергеем, уже знает, что его императорское высочество удержал Нелидова ради сегодняшнего заседания. В виду того, что у него постоянно бывает Степанов, мы с Зиновьевым склонны думать, что г. товарищ министра не совсем чужд этому делу, и высказываем после его ухода эту мысль. Около 10 час. вечера министр присылает мне записку, только-что полученную им от государя: «Прошу вас быть завтра с докладом в Аничков дворец не к 12 часам, а в 2 часа — А.». Завтра в Новодевичьем хоронят генерал-адъютанта Путятина, старого товарища моего отца. Его величество приезжает в город, чтобы отдать ему последний долг, и затем вся императорская фамилия остается в городе на 25-е.

Пятница, 24-го марта.

Государь вернул телеграмму Долгорукого с пометкой, что недельное пребывание слишком продолжительно, а свита шаха — слишком многочисленна. Его персидское величество должно ограничиться тремя днями и часть своей свиты отправить прямо. «В Европу может везти сколько хочет, но в Петербург это слишком много». Не легко довести это решение до сведения этого бедного перса, который во время всех предыдущих посещений проводил в Петербурге неделю, и которого мы так долго заставили ждать ответа. Мне кажется, что министр бледен, утомлен и что все ему надоело. Вчерашнее заседание у великого князя произвело на него тоже тягостное впечатление. Очевидно, что тут все дело в личностях, в желании избавиться от Зиновьева и Мансурова и придать больше значения этому злополучному великому князю, который в сущности ничего не понимает ни в чем, кроме мелких интриг. Составление протокола заседания поручено интригану Степанову. Сговорившийся, вероятно, заранее, Победоносцев согласен на все

и, конечно, поддерживает то, что желательно его императорскому высочеству. Министр предлагает, чтобы дела Палестинской комиссии были переданы не Палестинскому обществу, а совету этого общества. Председатель и вице-председатель будут назначаться государем так же, как и все члены совета, среди которых будет представитель министерства иностранных дел и представитель святейшего синода. Победоносцев старается наметить барона Сакена в качестве делегата от нашего министерства, но г. Гирс отвечает, что решит этот вопрос, когда это будет нужно, а в данный момент не может назвать никого.

Около 2-х часов министр уезжает с докладом, который должен состояться в Аничковом дворце. Министр возвращается около $3^1/_2$ час., когда все собрались у меня к чаю. Зиновьев подымается к нему, чтобы узнать о результатах доклада. Разговор его с министром по делам Палестины производит на него сильное впечатление. Образ действий великого князя в его стремлении устранить обоих самых старых членов комиссии, в которой он сам принимает участие не более 2 или 3 лет, в самом деле, оскорбителен и не заслуживает оправдания. При посещении выставки рыбоводства великий князь Владимир получил от одного из организаторов выставки, г. Базилевского, большую рыбу (белугу), которую его императорское высочество, сделав распоряжение о том, чтобы предварительно убедились в ее свежести, посылает в саперный батальон. По этому случаю появляется немного комичный приказ. Письмо начальника штаба батальонному командиру: «Его императорскому высочеству благоугодно было жертву эту приказать представить на съедение нижним чинам вам вверенного славного батальона». Затем батальонный командир: «С чувствами искренней радости объявляю вышеупомянутый дорогой для нас знак внимания его императорского высочества к нашему батальону, в составе которого саперы имеют счастье считать своего августейшего главнокомандующего». Это ли не великолепно! И при этом общее падение престижа. Слухи о знаменитом ужине у Кюба и якобы вынужденном и окончательном отъезде за границу великой княгини Марии Павловны все более и более распространяются. Шварц пишет мне из глуши

своего тверского имения, спрашивая, в чем дело. Еще подробность, о которой много говорят: когда великий князь Алексей, после поцелуя, данного его belle soeur, и пощечины—его брату, счел своим долгом вышвырнуть актера Гитри за дверь, находившийся на всякий случай в коридоре градоначальник Грессер хотел войти в комнату, но его императорское высочество увенчал его глубоким блюдом, полным свежей икры. Картина!

Суббота, 25-го марта.

Продолжительный разговор с моим министром, у которого сохранилось тягостное впечатление о вчерашнем докладе. Государь проявляет настойчивость в вопросе о Палестинской комиссии и вообще его величество говорит в духе совершенно противном мнению г. Гирса. Довольно грубый по природе монарх и деликатный, тонко-чувствующий и кроткий министр, очевидно, не могут действовать всегда в унисон, но сегодня мой начальник особенно этим тяготится: «Еще один — два доклада, подобных двум последним,—говорит он,—и придется уходить. Я не могу жертвовать то немногое, что мне остается еще жить, подобным неприятностям и беспрерывно работать в таких условиях. Отношения испорчены, и прежнее расположение утрачено. Я вижу это по лицам всех приближенных. Государыня также изменилась, и в последний раз за завтраком я утратил иллюзии по поводу хорошего ко мне отношения», и т. д., и т. д. Горько жалуется министр также на медлительность и на пассивное сопротивление Зиновьева, не желающего давать ход делам, если они ему не по вкусу или не от него исходят. «Он сломает шею и себе и мне—говорит г. Гирс,—потому что даже государь начинает проявлять нетерпение, видя, что его повеления не выполняются; а не могу же я ему сказать, что не в силах добиться того, чтобы мне повиновались и меня слушались». Ухожу от министра только около $11^{3}/_{4}$ час. Призвав меня сегодня, он прежде всего сказал мне, что желает меня сегодня видеть не ради дел, «но чтобы душу отвести». Таким образом, я не попадаю к обедне. У кавалергардов сегодня большой праздник, на котором присутствуют их величества; вечером они едут в театр и возвращаются в Гатчину, между тем как цесаревич остается в полку ужинать и ночует в городе. Вечерняя почта приносит нам очень

хорошую депешу от Шишкина, имевшего продолжительную беседу с шведским министром иностранных дел; последний определенно ему сказал, что между Стокгольмом и Берлином не существует никакого соглашения, и что Швеция вполне понимает, насколько для нее важно прежде всего соблюдать строгий нейтралитет. Он не отвечал в палатах на запрос г. Бекселя потому, что запрос этот был явлением необычным, которому он не желал придавать значения, чтобы не способствовать его укоренению. Не принимая на себя ответственности за эти уверения, Шишкин им верит.

Воскресенье, 26-го марта.

Государь возвращает донесение Шишкина с пометкой: «Это ясно, просто и утешительно». Поднявшись к министру, нахожу его несколько менее озабоченным и обескураженным. Вчера граф Шувалов был принят государем в прощальной аудиенции, и его величество проявил более благоразумия по поводу поездки с целью отдать визит германскому императору, не предрешая, однако, еще ничего в данный момент. Идем вместе с г. Гирсом к обедне в нашу министерскую церковь, и он говорит мне о своем желании притти на помощь семье бедного курьера департамента внутренних сношений, который недавно повесился.

Понедельник, 27-го марта.

Из Бухареста получается известие о новом министерстве Ласкар-Катаржпу, которого считают другом России. «Острый кризис в Румынии; в Вене и Берлине сильно встревожены». Государь возвращает эту телеграмму с пометкой: «Интересно, чем кончится».

Когда я прихожу к министру, он рассказывает мне по этому поводу, что во время состоявшейся в Гатчине в понедельник, 20-го, аудиенции нового румынского посланника г. Эмиля Гика, вручившего свои верительные грамоты, государь долго продержал его и говорил с ним так, что тот до сих пор не может притти в себя. Его величество энергично осуждал короля Карла, его выбор германского принца в качестве наследника; наконец,

намекая на участие короля в делах, вызвавших процесс Братнано, его величество спросил, как обстоит дело с этим процессом, а когда посланник постарался уклониться от ответа, государь прибавил: «А, там, вероятно, было слишком много навоза». Бедный Гика, совсем смущенный, пришел поговорить об этом с г. Гирсом.

Ноябрь.

Среда, 1-го ноября.

Около 11-ти часов поднимаюсь к министру. Все, написанное мной вчера, кажется мне отвратительным; беру все это опять, чтобы переделать. Министр напоминает мне о комбинации Линдена — посадить в Болгарии принца Эрнеста Саксен-Веймарского, женив его предварительно на дочери великой княгини Екатерины, и дает мне перечесть всю свою переписку с графом по этому поводу. Не могу отделаться от состояния оцепенения, рассеянности и недомогания, мешающего мне работать. С нетерпением ожидаю конца завтрака; говорю Оболенскому о том, как меня мучает та трудность, с которой я пишу, и как я страдаю, чувствуя себя так мало созданным для моей настоящей деятельности. К 2½ час. мне удается переделать проекты писем Шувалову и Лобанову и написать таковой для Икскуля. Министр их утверждает. Затем перед собранием к четырехчасовому чаю пишу еще один для Моренгейма, а также и сопроводительную записку Стаалю. Немного устал, но какое облегчение, что кончил! — Влангали, Зиновьев, затем барон Врангель, который после 6 часов решается, наконец, меня покинуть. Одеваюсь и иду наверх. Министр просил меня обедать у них сегодня, когда, два дня тому назад, я просил его уволить меня от его большого обеда в пятницу. Так как сегодня утром министр не повторил приглашения, я счел было себя свободным, но едва только спустился к себе, как получил любезную записку, напоминавшую о моем обещании. Нечего делать! Для меня пытка обедать вне дома, даже у моего министра, которого я так люблю. Гирсы одни в самом тесном семейном кругу. Ник. Карл. чувствует себя утомленным после приема дипломатов, состоявшегося в среду, но, тем не менее, он очень в духе и чрезвычайно доволен моим проектом письма Шувалову; он, право, снисходителен! Г-жа Гирс тоже сегодня принимала. Новый турец-

кий посол Гюсни-паша появился в ее гостиных; говорят, что он очень смущается. Г-жа Гирс представлялась сегодня утром двум молодым великим княгиням. Супруга великого князя Павла уже в ожидании, она очень любезна, принимает прекрасно. Жалуется немного на темную и скучную погоду, вспоминая чудное небо Эллады. Из Греции ей сообщают, что наследник цесаревич проводит там время очень приятно и весело. Министр рассказывает, что великая княгиня имеет на своего супруга хорошее влияние. На-днях, когда великий князь настолько вышел из себя, что сказал кому-то из своих слуг «дурак», молодая супруга тотчас его успокоила и попросила не позволять себе подобных резкостей. Что будет дальше? — Скромность и очарование настолько же присущи великой княгине Елизавете Федоровне, насколько их лишен ее супруг, великий князь Сергей. Она говорит, что завидует уменью принимать и поддерживать разговор, свойственному ее belle-soeur, которую мать ее, королева греческая, приучила к придворной жизни, между тем как сама она, оставшись рано сиротой при дворе своего отца великого герцога Гессенского, не могла приобрести подобного навыка. Это, впрочем, не помешало ей прекрасно принять г-жу Гирс, и министр утверждает, что она очень мило говорит и что, будучи от природы одарена изяществом и способностью тонко чувствовать, она, может быть, очень хорошо развилась бы в царствование святой и достойной государыни Марии Александровны, но совершенно не создана для легкомысленного жанра ныне царствующей императрицы, великой княгини Марии Павловны и т. д. Я думаю, что бедная женщина должна также иногда сильно чувствовать интеллектуальное, моральное и физическое убожество своего жалкого супруга. Счастье материнства, которое ожидает уже великую княгиню Александру, вызовет в ней больше зависти, чем светские и общественные таланты, которых она, по ее мнению, лишена. После обеда разговор поддерживается с большим трудом. Иногда мне кажется, что моя голова готова лопнуть. В $8^1/_2$ часов переходим в маленький кабинет министра. Он опять говорит о планах Линдена и решается написать ему с завтрашним курьером. Все мои проекты (Моренгейм и Стааль) одобрены. Очутившись дома, чувствую себя очень хорошо. Просматриваю немного полученные сегодня утром периодические журналы и с наслаждением ложусь.

Четверг, 2-го ноября.

Когда я около 11 часов прихожу к министру, он читает мне свое письмо к графу Линдену в Канштадт (Cannstadt), в котором, советуя ему быть осторожным, он в замаскированных выражениях предлагает ему подготовить пути для брака князя Эрнеста Саксонского и для возможного его избрания в Болгарии. Должен сознаться, что весь этот проект не кажется мне идеальным. Принцесса Елена согласится не легко, а даже если и согласится, то она лютеранка, старше принца и, как говорит Линден, такая «весталка», что невольно берет сомнение относительно основания династии.

Моим кандидатом продолжает оставаться князь Юрьевский. Если этот жалкий Долгорукий, только пройдя в качестве туриста через Софию, мог породить идею о выборах, что же было бы, если бы в тех местах когда-нибудь появился этот молодой князь, богач и сын царя-освободителя! И каким бы это было облегчением, если бы сын Александра II не остался в России и если бы этот единственный сын, став князем болгарским, утратил бы фамилию Юрьевского, — печальное воспоминание о старческих слабостях великого монарха. Это значило бы устранить тень, которую будущие поколения в России не преминут набрасывать и поддерживать. Молодому человеку должно быть около 18-ти лет, и он должен поступить к нам во флот. Говорят, что княгиня, его мать, только-что отстранила красивого доктора, присутствие которого в доме начинало ее компрометировать; уже делались предположения, что она за него выйдет замуж.

Так как все состояние и все связи князя Юрьевского в России, он не мог бы стоять вне русского влияния, даже если бы он этого захотел; к тому же, для начала, ему можно бы дать верного руководителя и советчика, например, Имеретинского, Оржевского, Эрпрота и т. д. (лишь бы это не был Каульбарс или какой-нибудь дурак того же калибра). По словам министра, он как-то однажды через Адлерберга зондировал в этом отношении почву у государя. Его величество сказал сначала «да», а затем «нет». Г. Гирс боится также, что другие державы не захотят признать Юрьевского под предлогом родства с царствующим домом одной из великих держав (берлинский договор); но морганатическому родству, по-моему, не может придаваться большое

значение. Присутствие Кобурга в Софии освятило обычай нарушить берлинский договор; наконец, если бы некоторые державы— а это не могли бы быть ни Германия, ни Франция, ни даже Турция, — не признали Юрьевского и если бы Австрия, Англия и Италия отозвали своих представителей из Софии (чего они, конечно, не сделают), то получилось бы только положение, аналогичное нынешнему, но благоприятное нашим интересам и нашему влиянию. Надо надеяться, что мы достаточно научены опытом для того, чтобы не повторять содеянных до нашего разрыва с Болгарией промахов. — Отправка очередного курьера.

Министр обедает вне дома. Вечером приезжает Шелкинг с экспедицией из Мадрида.

Утром Ваксель мне рассказывает, что слышал в клубе разговоры о предстоящей отставке нашего министра.

Пятница, 3-го ноября.

Подымаюсь к министру около $9^1/_2$ часов. Телеграфирую в Мадрид Горчакову, чтобы ликвидировать маленький клубный долг Шелкинга.

В 10 час. министр уезжает с докладом в Гатчину.

Министр возвращается около 5 часов и просит меня подняться; нахожу его очень утомленным; он просит меня телеграфировать Лобанову, что наследник-цесаревич выедет в воскресенье из Афин и вернется сюда через Венецию и Вену, и затем Бютцову, поручая ему испросить разрешение короля Георга на назначение Ону и прося Бютцова поспешить своим приездом сюда тотчас после вручения им своих отзывных грамот. Сойдя вниз, застаю еще Зиновьева и Влангали с Оболенским.

У Гирсов прощальный обед для князя Маврокордато. Влангали, Оболенский, Зиновьев, Таубе, Корф и мой друг Врангель из Данцига также там.

Суббота, 4-го ноября.

Государь возвратил оставленную ему вчера министром экспедицию Горчакова без всяких пометок; его величество сказал, однако, г. Гирсу, что самонадеянность князя Михаила смешна тем более, что испанская королева не скрыла от герцогини Эдин-

бургской, насколько ей надоел наш любезный представитель, который сам продолжает утверждать, что его необыкновенно ценят и что он пользуется благосклонностью двора.

Их величества были очень любезны по отношению к г-ну Гирсу. Государь желал бы, чтобы мы проявляли больше активности в Персии. Пока Зиновьев парализует всякую попытку в этом направлении. Гирс ждет с нетерпением Бютцова, чтобы, сговорившись с министром финансов, начать действовать. Его величество возвращает сообщенный нам Морпером разговор, переданный в донесении доктора Вольфа. Там есть некоторые неточности, которые государь отметил на полях, но которые не вносят больших изменений в суть дела. За завтраком Оболенский говорит мне, что вчера за обедом министр был ужасно бледен и жаловался на сильные боли под ложечкой; это меня беспокоит и очень огорчает. Только бы это не были предвестники какой-нибудь серьезной болезни.—Продолжительное посещение Константина. Он говорил министру внутренних дел Дурново о неудовлетворительном состоянии, в котором находится сельское население в Полтавской губернии: прокламации, пожары, ненависть к помещикам, разрушительные тенденции и т. д. По словам моего брата, большую роль в этом играет всеобщее обеднение. Он имел также случай говорить с генералом Ванновским, который ему, будто бы намекал на возвращение на службу. Должен сознаться, что все сообщаемое мне Константином о его беседах, по-моему, не умно и не особенно уместно. К Игнатьеву он питает далеко не нежные чувства, и даже присутствие в Киеве этого экс-друга, видимо, тягостно как для моего брата, так и для его жены. Отдавая полную справедливость заслугам моей belle soeur и качествам ее прелестных сыновей, Константин высказывается вообще против брака; кажется, он буквально изнемогает под тяжестью неприятностей, причиняемых ему управлением имениями и семейными заботами. Встреча его с отцом Иоанном. Его глубокая набожность. Он производит на меня приятное впечатление; в нем есть много хорошего, но умственно он не на высоте своих стремлений.

К чаю — Зиновьев и Вламгали. Первый, говоря о Бюлере, очень хвалит преимущества и приятные стороны поста директора московского архива, занимаемого в настоящее время Бюлером. Я чувствую в этом своего рода намек; грустные мысли

о моем дорогом министре; испытываю неприятное чувство, думая о будущем. — Около $5^1/_2$ часов иду к Никонову просить рекомендации для моего лакея, которому, кажется, придется лечь в больницу и которого я желал бы поместить в нашу общину сестер милосердия. — Возвращаясь, встречаю выходящего г. Гирса; идем вместе до Казанского собора и обратно. Он говорит, что чувствует себя лучше. Государь выражал свое удовольствие по поводу погоды; его величество предпочитает эту сырость, эти туманы и дожди, с их неразлучными спутниками—мраком и миазмами — холоду и снегу. За завтраком их величества получили телеграмму от цесаревича, сообщавшего о своем завтрашнем отъезде; в этой телеграмме его императорское высочество упоминает об отъезде на два дня императрицы Фредерики; он прибавляет: «погода холодная». Матримониальный вопрос остается окутанным глубокой тайной. Г. Гирс доверительно сообщает мне, что нашел вчера, что государыня, которая, впрочем, довольно journalière [1], очень подурнела; все недостатки ее лица выступают резче, а глаза, являющиеся ее главным украшением, теряют блеск и прежнюю форму. Сказываются 42 года ее величества. Министр соглашается с тем, что наша государыня не сохранит в старости ничего из того, что у нее было привлекательного; она не будет уметь старпться. Мы вспоминаем покойную императрицу, такую идеальную, такую элегантную, величественную и, несмотря на годы и болезнь, до конца полную очарования. В Марии Федоровне (младшей) не было никогда ничего, кроме преимуществ молодости, которую она, правда, долго сохраняла; прелесть гризетки, насмешливое, лукавое выражение, свойственное живому характеру, скорее подвижность, чем грация, но нет ничего, что могло бы импонировать, действовать на воображение, облагораживать, что чувствовалось в присутствии ее незабвенной, святой belle-mère. Стремление пленять и нравиться развило в ней способность внушать всем к ней приближающимся, что она необыкновенно добра и решительно ко всем хорошо относится; но это не мешает ее величеству вслед затем над ними смеяться и говорить о всех с ехид-

[1] Непереводимое слово, означающее внешность, склонную меняться то в лучшую, то в худшую сторону, в зависимости от самочувствия и настроения.

ством, исключающим не только всякое доброжелательство, но часто даже всякую мысль о милосердии. Увы, сладкие улыбки и симпатизирующие взгляды в большинстве случаев являются деланными; это лишь привычка, а ничуть не выражение мысли или чувства.

Воскресенье, 5-го ноября.

Около $10^1/_2$ час. министр просит меня подняться; он так добр, что дает мне прочесть возвращенный государем очень интересный документ. Это извлечение из докладов австро-венгерского консула в Бомбее, которое князь Лобанов случайно достал и переслал с последним курьером г. Гирсу. В поданной государю по этому поводу докладной записке министр писал: «Посол наш в Вене доставил мне копию с случайно попавшего в его руки донесения австро-венгерского консула в Бомбее, от 6-го января 1888 года, в коем агент этот, очерчивая положение англичан в Индии, приходит к самым неутешительным для них заключениям». Его величество на ней пишет: «Чрезвычайно интересно и назидательно для нас. Если все это по проверке окажется даже на половину верно, то мы можем совершенно изменить наш тон в переговорах с Англией по азиатским делам». Извлечение из австрийского донесения заканчивается так: «Сознавая внутреннюю свою слабость, Англия, под предлогом желания предупредить страшное кровопролитие, готова будет пойти на все возможные уступки. (Против подчеркнутых слов его величество начертал: «Этим необходимо пользоваться»). В противном же случае, первое пропущенное англичанами на индийской почве сражение будет иметь последствием общее восстание населения Индии, вследствие чего английское владычество рухнет разом, как карточный домик».

Маленькое замечание по поводу характера нашего государя: с одной стороны, он с распростертыми объятиями принимает в Берлине сэра Д. Вольфа, соглашается, повидимому, на все, выражает желание притти к соглашению, и затем, вдруг, едва

месяц спустя, говорит о том, чтобы «изменить наш тон». Это повторяется каждый раз: так было и когда государь говорил лично с болгарской депутацией, и в 1885 году в Копенгагене, с германским императором и князем Бисмарком, которых он за спиной награждает самыми оскорбительными эпитетами, а при личном свидании проявляет по отношению к ним доброжелательство, уступчивость и видимую удовлетворенность. Эта ли та прямота, та безусловная честность и та вера в свое право и свою силу, которые приписываются его величеству? Во всяком случае, при таких условиях деятельность министра иностранных дел часто очень осложняется. — Шувалов телеграфирует из Берлина, что вследствие появившихся в газетах ложных слухов, князь Бисмарк передал ему через кого-то, что в Константинополе не было никакой политической беседы, и что слово «Болгария» не было произнесено ни между султаном и императором Вильгельмом, ни между его сыном, графом Гербертом, и турецкими министрами.

«Гражданин» передает забавную подробность о пребывании германских величеств в Константинополе. Официальная турецкая газета так далеко зашла в своей любезности, что пожелала напечатать параллельно с текстом своих статей их немецкий перевод. И вот наборщики, мало знакомые с немецкой азбукой, ставят везде букву R вместо K и преображают таким образом кайзера (Kaiser) в путешествующего (Reiser).

Не получено ничего ни по почте ни по телеграфу. В 11 час. государю можно послать только одну нешифрованную телеграмму от Бютцова из Афин с известием, что цесаревич сел при чудесной погоде на «Корнилова», чтобы ехать в Венецию.

Понедельник, 6-го ноября.

День кончины императрицы Екатерины и праздник гвардейского гусарского полка. Ни Константин ни Николай, оба служившие в этом полку, не могли мне сказать, с каких пор этот военный праздник установлен в этот день. Мой beau-frère думает даже, что, вероятно, со времен Павла I, для которого, конечно, эта годовщина не являлась особенно грустной. В газетах объявлено, что завтра состоится прибытие тела и погребение княгини Вяземской. Когда около 11-ти часов я вижу моего

министра, он сообщает мне о своем намерении поехать завтра с супругой в Невскую лавру.

Газеты сообщают, что император дон-Педро, царствование которого было почти столь же продолжительно как и его жизнь, удален с престола. Надо сознаться, что подобного рода события производятся в наши дни с учтивостью, которая мало способствует престижу монархов. Когда-то они падали, как мученики после борьбы или, по меньшей мере, многих опасностей, возбуждавших больший или меньший интерес к ним. Сегодня им оплачивают место в вагоне или на пароходе, подносят, может-быть, прощальный букет супруге и, пообещав им приличную пенсию, весьма спокойно и буржуазно отправляют их на все четыре стороны [1].

Возвращая сегодня утром телеграмму нашего поверенного в делах в Рио-Жанейро, сообщающую вкратце о низложении бразильского императора, наш августейший монарх пишет на ней крупными буквами: «Прекрасно! — Вот оно либеральничанье!»

Экс-король Милан уехал из Белграда ни с чем и отправился в Париж. Королева Наталия остается в столице своего сына.

Государь возвращает вчерашнюю телеграмму графа Шувалова со следующей пометкой: «Увидим по последствиям, правда или нет». Я предлагаю министру сообщить эту телеграмму нашим послам в Вене и Константинополе. Г. Гирс одобряет эту мысль. Две интересные информации, переданные мне министром при нашем свидании утром.

Сэр Д. Вольф, по пути в Тегеран телеграфирует 30 октября/11 ноября лорду Сольсбюри: Весьма секретно.

«Считает ли ваша светлость, что я в праве по приезде в Тегеран сказать шаху, чтобы он доверил мне сущность его разговора с русским императором? Шах иногда намекал и Долгорукому и мне о существовании какого-то соглашения». Государь делает пометку: «Что за нахал!» Лорд Сольсбюри отвечает Д. Вольфу из Лондона от 31 октября/12 ноября: «Предоставляется вашему собственному усмотрению решение

---

[1] Далее следует газетная вырезка,—сообщение о низложении короля Дон-Педро, об отношении страны к этому событию и его предстоящем отъезде в Европу.

вопроса о том, что вы можете сообщить шаху». Его величество помечает: «Весьма дипломатический ответ».

Влангали пишет г. Гирсу, советуя ему благодарить сегодня в заседании Государственного Совета министра внутренних дел за распоряжения, последовавшие за последними статьями московской газеты. Статьи эти возмутительны по своему неприличию; решительно не стоит благодарить за запоздалые и, вероятно, весьма слабые меры, принятые после того, как были допущены подобные эксцессы. Я предлагаю министру приготовить вырезку, которую можно бы было показать государю во время следующего доклада, но г. Гирс замечает, что поношение дипломатии совершенно во вкусе его величества. Он не может понять, что она является одним из органов его правительства и, может-быть, наиболее зависящим непосредственно от его самодержавной власти. Для августейшего монарха дипломатия является status in statu (государством в государстве), олицетворяющим тенденции Запада, тогда как он думает заслужить популярность, проявляя дикие наклонности.

Вечером бразильский посланник г. Маседо приезжает к г. Гирсу, чтобы узнать, что происходит на его родине. Легкость, с которой произошла революция, его не удивляет. Со времени Парарской войны дон-Педро распустил все войска, сохранив только главный штаб, при чем последний недоволен тем, что не предвидится никакого продвижения по службе. Даже нет часовых перед дворцами. Император желал опираться только на любовь своего народа. Последний миролюбив, если его не тревожат, но ко всему остальному равнодушен. [1]

Вторник, 7-го ноября.

Газеты сообщают, что император дон-Педро, покидая Бразилию, принял сумму в 500.000 фунтов стерлингов и пожиз-

[1] Далее следуют две газетные вырезки:

1) телеграмма из Афин от 17 ноября, сообщающая об отъезде наследника-цесаревича в Венецию и о том, что подтверждается слух об отозвании Шакир-паши, который будет заменен Измаил-пашей или Кемиль-пашей, и

2) Из Рио-Жанейро от 17 ноября с известием об отъезде императора в Европу.

Тут же рукой Ламздорфа приписаны даты его рождения, восшествия на престол и т. д.

ненную пенсию в 90.000 фунтов ст. После этого все прошло гладко, как будто бы дело шло просто о замене чиновника. Бывали монархи казненные, сосланные, у которых вынуждали отречение, но вот первый случай императора, процарствовавшего более полу-столетия и отставленного совершенно спокойно с пенсией, без каких-либо затруднений и протестов. Это нечто новое!

Среда, 8-го ноября.

Министр едет на празднование 500-летнего юбилея существования нашей артиллерии.

Третьего дня их величества приехали в город, чтобы присутствовать на военных празднествах сегодня и завтра. Внизу издали, как карета государыни с казаками выезжает из-за решетки Аничкова дворца и направляется вдоль Невского. Великий князь Сергей захворал инфлуэнцей в Гатчине и вынужден был там слечь; он вернулся только сегодня. Отношу Вакселю на «новоселье» торт и возвращаюсь домой около 8 ч. Спокойно работаю у себя.

Четверг, 9-го ноября.

Все эти дни мой дорогой министр зовет меня обедать, но я отказываюсь под тем предлогом, что мои здесь только на несколько дней. У г. Гирса осталось очень приятное впечатление от вчерашнего праздника; все прошло очень хорошо; нашелся даже артиллерийский генерал по фамилии Бранденбург, в пространной речи доказывавший, что артиллерия процветала только при начальниках с русскими фамилиями, а что немецкие имена, с Минихом во главе, были для нее гибельны. Он имел скромность не подчеркнуть того обстоятельства, что этим великим открытием были обязаны ему, Бранденбургу, но что тем не менее порох был выдуман неким Шварцем, чистым немцем. Речь государя произвела сенсацию. Его величество очень хорошо, очень просто произнес речь, глубоко миролюбивый смысл которой был, повидимому, даже несколько затушеван в напечатанном в газетах тексте [1].

[1] Дальнейший текст перепечатан с газетной вырезки, наклеенной в дневнике Ламздорфа.

На слова его высочества августейшего генерал-фельдцейхмейстера государь император изволил ответить:

«Господа артиллеристы. Я счастлив, что могу приветствовать вас сегодня с 500-летним юбилеем дорогого всем нам дня, и счастлив, что этот редкий юбилей пришелся в мое царствование. От души благодарю вас всех артиллеристов, присутствующих и отсутствующих, настоящих и прежних, за неизменно храбрую боевую службу, и уверен, что наша артиллерия, как и вся наша армия, будет отличаться на полях сражений, как и прежде. Не дай бог, чтобы это случилось скоро, да избавит нас господь от этого тяжелого испытания; но если это случится, то я уверен, что наша храбрая артиллерия, как и все другие роды оружия, постоит за честь и славу нашего дорогого отечества, — «ура» нашей артиллерии».

Слова государя императора были покрыты громовыми перекатами «ура».

Возвращаюсь пешком до Аничкова дворца, который их величества покидают, отправляясь в Гатчину по окончании завтрака, данного в честь Московского полка, праздник которого был перенесен со вчерашнего дня на сегодня. — Маленькое совещание о шифровальной экспедиции по вопросу о судьбе Бюпа. — Приходит Зиновьев и потом, оставшись со мной с глазу на глаз, передает мне интересный разговор, который у него был с генералом Обручевым. Последний горько жалуется на министра финансов Вышнеградского, которого граф Нессельроде очень зло зовет Роберт Махерович за то, что тот отказывает в испрашиваемых главным штабом кредитах. Генерал Обручев замечает, что не особенно трудно сбалансировать бюджет, урезывая все, даже самые необходимые расходы, увеличивая налоги и пользуясь два года совершенно исключительными урожаями, как в 1887 и 1888 г.г. Ничего не делается для развития продуктивных сил страны и использования богатств страны. Но что же дальше? Между тем, новое изобретение бездымного пороха и ружей усовершенствованной системы ставят наших соседей и даже все европейские армии в столь благоприятные

условия, что, в случае борьбы, нам было бы очень трудно им противостоять. Постройка самых важных стратегических железных дорог отложена. Генерал рассчитывает, что потребовалось бы 60 миллионов для того, чтобы снабдить наши войска новыми ружьями, столько же для сооружения железных дорог вдоль западной границы, на Кавказе и пути, который соединил бы нас с Сибирью. Все необходимые расходы он исчисляет в 300 миллионов, которые могли бы быть распределены на 6 лет, по 50.000.000 в год. Начальник главного штаба в этом так глубоко убежден, что написал по этому поводу памятную записку, которая должна быть показана государю. Я себя только спрашиваю, раз современные усовершенствования боевого снаряжения будут введены, не придется ли начинать все сначала вследствие новых открытий, а потом еще и еще. Мне невольно приходит на память французская игра слов, в которой утверждается, что порох был выдуман только для того, чтобы faire des dettes aux nations (détonations) (чтобы вовлекать нации в долги) [1]. На-днях я прочел в какой-то газете, что после бездымного пороха недавно изобрели еще новый, который производит настолько густой дым, что через 10 минут всякое сражение становится невозможным; это последнее преуспеяние мне гораздо более по вкусу. Бедное человечество! Народы изнемогают под бременем труда и разоряются, чтобы уплачивать все растущие налоги, в то время как правительства изыскивают все более и более разрушительные и дорогие орудия для их массового истребления. И это называется цивилизацией и происходит в преддверии XX века!

Деревицкий приходит ко мне пить чай.

Пятница, 10-го ноября.

Зиновьев задерживает дела, касающиеся персидских железных дорог и Палестинского общества, так что министр не просил доклада в замену того, который не мог состояться в прошлый вторник, не состоится, конечно, и в будущий, потому что это день рождения государыни. Г. Гирс очень жалуется на затруднения, создаваемые ему зиновьевским упрямством и его претензиями на независимость.

[1] Непереводимая игра слов. Détonation — выстрел.

Воскресенье, 12-го ноября.

Вечером приезжает двухнедельный курьер с довольно бесцветными экспедициями. Только письмо графа Шувалова представляет некоторый интерес, так как оно лишний раз показывает, какую незначительную роль играет наш посол в своих отношениях к г. Герберту Бисмарку. Когда он попробовал заговорить с последним о довольно двусмысленных намеках в речи принца Кобургского при открытии Собрания в Софии, г. Бисмарк ему якобы ответил: «Мы не читаем речей принца Кобургского, да и кто эти выдающиеся люди, на которых он ссылается? Если это мой отец, — пусть он его назовет, и мы ему ответим». Повидимому, даже все те любезности, которые граф Шувалов так щедро расточает Бисмаркам, отцу и сыну, не особенно ему облегчают сношения с ними, поскольку речь идет о делах.

Понедельник, 13-го ноября.

Вчера государыня телеграфировала обер-гофмейстерине графине Строгоновой не приезжать к обедне в Гатчину, потому что государь настолько захворал, что был вынужден лечь в постель, а сама она также нездорова. Повидимому, вчера, вернувшись, наследник-цесаревич застал в Гатчине почти всех членов императорской семьи схватившими в большей или меньшей степени «инфлуенцу».

Малый выход, который должен был состояться завтра в Аничковом, отменен; весьма немногие получили приглашение к обедне и завтраку в Гатчине, но в числе их министра нет. Когда я подымаюсь к нему, он мне говорит, что в виду того, что государь ничего не возвратил, он не предполагает больше посылать дел в Гатчину до тех пор, пока его величеству не станет лучше.

Я приготовляю проект письма князю Лобанову по вопросу о нашем предполагаемом отношении к новому бразильскому правительству. Мы будем ждать официального уведомления и не будем торопиться с признанием республики; венский граф в очень затруднительном положении вследствие семейных уз, связующих оба царствующие дома. Для остальных послов я заготовляю просто сопроводительные письма к двухнедельной экспедиции.

Вторник, 14-го ноября.

Г. Гирс мне сообщает, что вчера в Государственном Совете ходил по рукам небольшой список приглашенных сегодня в Гатчину лиц и что все были удивлены тем, что его не было в их числе; факт тот, что он замечает перемену в отношениях к нему царской семьи, особенно государыни; он думает, что изменились они с осени 1886 г., когда мы ездили в Брест и когда, возвращаясь из-за границы, после своего свидания с князем Бисмарком в Фридрихсруэ, он отнесся неодобрительно к знаменитой телеграмме, посланной государем в его отсутствие принцу Александру болгарскому. Министр, впрочем, говорит, что сам государь не изменился, что он попрежнему добр и продолжает относиться с тем же доверием и расположением, но что в обращении государыни нет прежней непринужденности, — она уже не говорит, как когда-то, с чисто дружеским доверием, и вообще когда он бывает допущен в тесный домашний круг августейшей семьи, прежней близости уже нет.

Министр одобряет все мной написанное; таким образом, я покончил с тем, что должен был заготовить к отправке курьера в четверг и с письмом от имени его величества, о котором просила государыня.

Среда, 15-го ноября.

Вчера государь не выходил из своих покоев и не присутствовал ни в церкви ни за завтраком, но его величеству лучше, и он вернул сегодня утром большую часть представленных на его усмотрение бумаг. — Спустившись от министра около $11^{3}/_{4}$ ч., заготовляю телеграмму Ону, чтобы сообщить ему, что приказ о назначении на пост посланника в Афинах только-что подписан.

Четверг, 16-го ноября.

Двухнедельный курьер уезжает. Государь запиской просил г. Гирса приехать с докладом в Гатчину завтра, в пятницу. Сегодня утром г. Гирс был у великого князя Сергея, чтобы дать ему прочесть две очень хорошо написанные телеграммы Нелидова, в которых он доказывает невозможность настаивать перед иерусалимским патриархом на допущении духовенства нашей

миссии в Палестине к еженедельным службам у гроба господня. Представитель Палестинского общества г. Хитрово, желая быть приятным его высочеству, усердствует и требует от его святейшества невозможного. — Перед обедом у Оболенского барон Корф, который с Третьяковым и Хомяковым подал через комиссию генерала Рихтера прошение о поддержке со стороны правительства и гарантировании 100.000.000 франков для постройки железной дороги через Персию к Индийскому заливу. Было условлено, что вопрос этот будет рассмотрен комиссией из нескольких министров, но Зиновьев, который против сооружения каких бы то ни было железных дорог в Персии, затягивал это дело и только теперь приготовил, наконец, пространную памятную записку, которую он предлагает повергнуть в качестве докладной записки на воззрение государя.

В этой записке есть совершенно правильные суждения, но, к счастью, министр говорит Зиновьеву представить ее самому в комиссию, а сам только обращается письменно к государю, испрашивая разрешения созвать таковую. Корф рассказывает Оболенскому, что министр путей сообщения Гюббенет, большой сторонник этой постройки, сказал государю, что дело не подвигается вперед вследствие медлительности и недоброжелательства со стороны министерства иностранных дел; его величество, говорят, очень рассердился. Повидимому, в этом желают усмотреть только новое доказательство создаваемых постоянно Зиновьевым затруднений и слабости г. Гирса, который будто бы не может добиться, чтобы тот его слушался. — Положение становится серьезным и может, действительно, плохо кончиться.

Пятница, 17-го ноября.

Министр просит меня зайти к нему около $9^1/_2$ часов. В его маленькой приемной застаю барона Брунста; последний только-что приехал в Петербург с принцем Луи-Наполеоном, который хочет поступить в Россию на военную службу и просит разрешения представиться государю. В 10 часов министр уезжает в Гатчину.

Министр возвращается около 5 часов и тотчас посылает за мной. Я замечаю с его стороны жест неудовольствия при

виде идущего за мной Зиновьева; жду поэтому, пока тот удалится, и тогда министр мне рассказывает, что доклад был очень неприятен. Государь еще не вполне поправился; он довольно горячо высказался против медлительности в деле персидских железных дорог и против Зиновьева. Повидимому, министр путей сообщения, действительно, настроил его величество в этом вопросе против министерства иностранных дел. Наконец, государь назначил в эту комиссию, которая будет заседать под председательством Абазы, г. Гирса, генерала Ванновского, Обручева, министра финансов, министра путей сообщения и государственного контролера г. Филиппова. Его величество не желал, чтобы туда был допущен Зиновьев, и министру с трудом удалось добиться разрешения на это, в виду занимаемого Зиновьевым поста директора азиатского департамента и его знакомства с местными условиями, как бывшего посланника в Персии, что может быть полезно для дела. Г. Гирс назвал, между прочим, Островского, но государь это отклонил, сказав: «Он ничего общего с этим делом не имеет». Кажется, министр государственных имуществ теперь в немилости вследствие инцидента с великим князем Владимиром и другими неоправившимися государю обстоятельствами. — Завтракая с царской семьей, после доклада г. Гирс нашел, что государыня была не особенно оживлена; она сказала, что была больна. Цесаревич очень мил; его отношения с родителями — отношения взрослого молодого человека; государь с ним шутит, но обращается с ним, как со взрослым мужчиной, а уже не как с юношей. — У Гирсов вечер; первая из трех пятниц, на которые были приглашены дипломатический корпус и общество. Я не иду. Приотворяя от времени до времени дверь на главную лестницу, вижу, как поднимаются разряженные фигуры, производящие забавное впечатление. Около 11 часов ко мне приходит Деревицкий и говорит, что наверху, на вечере, кажется, не очень-то оживленно.

Суббота, 18-го ноября.

Поднявшись около 11 час. к своему министру, застаю его менее озабоченным, чем вчера. Он еще не говорил с Зиновьевым; я позволяю себе посоветовать ему откровенно ознакомить его с положением вещей. Самое неприятное было бы, если бы

его величество считал, что директор департамента вторгается в пределы компетенции министра и над ним, так сказать, господствует. Рассказываю г. Гирсу все, что слышал по этому поводу. — Празднуют юбилей Рубинштейна. Торжество должно состояться в час в зале дворянского собрания. Вчера, за завтраком, государь сказал министру: «Я надеюсь, что вы не поедете» и смеялся над этой церемонией. Не пощадил его величество и тех из членов императорской фамилии, которые, по его мнению, приняли в чествовании слишком большое участие. «Сашн», — прозвище великой княгини Александры Иосифовны, — поручила своему сыну Константину вручить государю записку, в которой она старалась доказать, что для Рубинштейна пенсия в 3.000 рублей в год крайне недостаточна, раз Чайковский, его ученик, получает столько же. «Я ответил: во-первых, Чайковский не ученик Рубинштейна, во-вторых, я его считаю выше Рубинштейна, в третьих к назначенной пенсии прибавлять не желаю, и—трах, трах—разорвал бумагу». Государь смеется также над великой княгиней Екатериной и ее дочерью, наделенной прозвищем «Tienchen», которые раньше обыкновенного вернулись из-за границы, чтобы принять участие в юбилее великого музыканта. Министр заметил, что я не был вчера у него на вечере, и просит притти сегодня обедать.

«Гражданин» набрасывается на эксцессы в праздновании юбилея Рубинштейна. Слушая вчера нашего государя, министр был опять поражен идентичностью его речей с тем, что пишется в газете князя Мещерского. Наиболее точные сведения о том, что происходит при дворе, получаются тоже через «Гражданина», тогда как граф Воронцов не утруждает себя осведомлением тех, кто имеет на это право.

Министр опять получил письмо от Франца, который, повидимому, шантажирует, а между тем, вся семья, кажется, интересуется его судьбой. Полученная тотчас после обеда записка от генерала Ванновского подтверждает факт заказа в Париже ружей новой системы. По этому поводу г. Гирс говорит мне, что кроме 300.000.000 руб., испрашиваемых начальником главного штаба Обручевым на вооружение, бездымный порох и стратегические железные дороги, министр путей сообщения просит еще 600 миллионов руб. на сооружение новых железных дорог, и т. д.

Итак, вот расходы на миллиард; а наш бюджет только-что пришел в некоторое равновесие, и разменный курс стал повышаться.

Воскресенье, 19-го ноября.

Государь возвратил подписанным письмо на русском языке (по данному мною совету), которое, вместе с жетоном в память о последнем свидании, будет отвезено императору Вильгельму графом Кутузовым, возвращающимся завтра в Берлин.

Понедельник. 20-го ноября.

Вижу своего министра, который все это время тоже не совсем хорошо себя чувствует. У него неприятности по поводу принца Луи-Наполеона, который должен завтра представляться их величествам; судя по словам сопровождающего его высочество барона Брунста, произошло недоразумение, и принц желает занять в нашей армии положение, которое военный министр не решается за ним признать.

После 4-часового чая Зиновьев говорит мне о проекте железной дороги Корф-Третьяков-Хомяков; план кажется ему невыполнимым, потому что англичане не могут на него согласиться; по его мнению, шах не имеет достаточной для этого власти над Белуджистаном, и все представленные этими господами планы и расчеты сделаны при полном незнакомстве с местными условиями. Зиновьев, однако, тоже признает необходимость предуказанной государем комиссии и сожалеет даже о том, что министр намеревается ждать для этого приезда Бютцова.

Вторник. 21-го ноября.

Их величества в городе по случаю праздника Семеновского полка; еще вторник без доклада, и министр думает не испрашивать такового на этой неделе.

Греч приходит со мной посоветоваться по поводу противоречивых телеграмм относительно женитьбы наследника. Недавно телеграфировали из Берлина, что скоро из Венеции, во время проезда через этот город наследника и императрицы Фредерики, будет объявлено о помолвке цесаревича с принцессой Марга-

ритой Прусской, но вслед затем сообщали из Парижа, что эта принцесса невеста старшего сына наследного датского принца. Вчера телеграммой также из Парижа сообщалось, что великий князь помолвлен с принцессой Уэльской Мод, а теперь на бирже получена телеграмма из Берлина, передающая как верное и почерпнутое из хорошего источника известие, о данном нашим государем согласии на брак цесаревича с принцессой Маргаритой. Последнее известие повело за собой подъем курса наших бумаг. Если просто отметить только это повышение на бирже, не упоминая о причине, последует понижение, а затем нападки на наше агентство. — Я спрашиваю г. Гирса, каково его решение по этому вопросу, на что он мне тотчас отвечает: «Наш долг — изъять эту телеграмму: будь, что будет!»

Среда, 22-го ноября.

Мой министр рассказывает мне, что был у Швейница, который только-что приехал настолько больным, что был вынужден лечь в постель; тем не менее, он дал знать г. Гирсу, что с нетерпением ожидает свидания с ним и будет ему очень рад, так как имеет сообщить «только хорошие вести». Бисмарк в восторге от своего разговора с императором и настроен самым благоприятным образом; вообще появление нашего государя произвело наилучшее впечатление; его прямота и крайняя откровенность (размышления на эту тему) успокоили умы и покорили все сердца. Пребывание Вильгельма II в Константинополе лишено какого бы то ни было политического значения. Наконец, можно быть уверенным, что Бисмарк надолго отвлечен от всяких предприятий в области внешней политики, так как он будет всецело поглощен борьбой с социализмом, развитие которого в Германии принимает внушительные размеры. Швейниц замечает, что следует желать, чтобы великий канцлер жил и продолжал свою деятельность, потому что только он пользуется достаточным престижем, и ему одному по плечу задача противостоять этой грозе и бороться с этим угрожающим всякому социальному порядку бичом. Предстоящие в германском парламенте дебаты будут иметь огромное значение. — Между прочим, Швейниц говорил г. Гирсу, что германский император и императрица не слишком довольны своим пребыванием в Афинах. В Пирее они ждали

более часа, чтобы их приехали встретить; между тем известие о прибытии эскадры должно было быть получено своевременно. Постоянно проглядывали датские тенденции королевской фамилии. Забывая о долге гостеприимства, говорили между собой по-датски, и добрая и кроткая императрица Августа-Виктория, наконец, заметила им однажды, что понимает немного этот язык. По этому поводу г. Гирс замечает мне, что в семье нашего императора также стали в семейном кругу говорить иногда по-датски. Хотя Швейниц и высказывает мнение, что наша императрица, конечно, благоразумнее членов своей семьи, она-то именно и является наиболее датчанкой и хранит в душе все обиды и всю ненависть своей маленькой родины. Но крайности датского патриотизма в Афинах показались тем более неуместными и смешными, что вся эта семья Гольштейнов-Глюксбургов с королевой, урожденной принцессой Гессен-Кассельской, по существу немецкая и принята Данией, за неимением лучшего, в сущности недавно. Швейниц совершенно не касается щекотливого вопроса проектов брака нашего цесаревича с принцессой Маргаритой Прусской; не упоминает он также и о возобновлении наших секретных соглашений. Я говорю министру, что если князь Бисмарк действительно так поглощен внутренними делами и борьбой с социализмом, то это благоприятный момент для возобновления нашего тайного соглашения 1887 года без статей протокола, вымышленных Шуваловым, и замены их более определенными действиями Германии в целях восстановления законного порядка в Болгарии и удаления Кобурга. Министр собирается навещать иногда больного Швейница и мало-по-малу навести на разговор по поводу возобновления нашего трактата.

Четверг, 25-го ноября.

Министр послал великому князю Сергею на прочтение депешу Нелидова по поводу палестинских дел; великий князь был, повидимому, очень этим тронут и ответил очень дружеской запиской, в которой его императорское высочество, между прочим, пишет: «Я уверен, что при вашей доброте ко мне больше не будет никаких недоразумений с Палестинским обществом, и дела пойдут прекрасно».— Г. Гирс прибавляет: «и как легко вести дела по-дружески, тогда как Зиновьев их обострял». По этому поводу министр рассказы-

вает мне нечто, что меня удивляет и огорчает, а именно, что благодаря Зиновьеву из посольского архива в Тегеране и здесь из департамента исчезли все документы, из которых явствовало, что заслуга достигнутых на Востоке результатов отнюдь не принадлежит ему одному. В том числе и посланная ему г. Гирсом летом 1881 г. инструкция, в которой ему предлагалось настаивать на уступке Саракса, что по заявлению Зиновьева, было недостижимо; позднее всю заслугу этого он приписал себе.

Зиновьев приходит к чаю рано и рассказывает мне, что министр государственных имуществ г. Островский болен грудной жабой, и что последствием этой болезни скоро будет полная потеря работоспособности. Звезда его померкла в глазах государя, то же произошло и с Победоносцевым, который, повидимому, был сильно скомпрометирован найденными в бумагах покойного адмирала Шестакова письмами. Весь этот центр интриг, столь могущественный два года тому назад, — державшиеся друг за друга Катков, Толстой, Островский, Победоносцев, Делянов, с присными,—понемножку теперь распадается. Россия от этого ничего не теряет.

Пятница, 24-го ноября.

Придя к министру, узнаю, что он видел Цанкова и получил не особенно утешительные сведения о том, что делается в Болгарии. Нелады между Кобургом и Стамбуловым, повидимому,— притворство; сторонники примирения с Россией начинают падать духом. Они надеялись, что свидание в Берлине будет иметь какие-либо реальные последствия. Пока болгарский заем, кажется, котировался на австро-венгерской бирже. Цанков настаивает на указании кандидата для замены, в случае надобности, князя Кобургского; он говорит, что в стране невозможна никакая серьезная агитация до тех пор, пока нельзя назвать кандидата. Министр ему ответил, что в данный момент мы этого сделать не можем, и что надо, чтобы болгары сами постарались ввести у себя опять порядок. Г. Гирс продолжает думать о принце Саксен-Веймарском с женитьбой его на дочери великой княгини Екатерины.

Суббота, 25-го ноября.

Вечер у графини Клейнмихель. Ола и Гирсы туда едут. Около 10 часов министр присылает мне написанный Зиновьевым проект депеши барону Икскулю при следующей записке: «Будьте

*

добры прочесть прилагаемый проект депеши и возвратить мне его завтра утром. Я остался очень доволен посещением д-ра Лейдена, который пробыл у меня целый час».

Этим проектом сообщается барону Икскулю, что итальянский поверенный в делах приезжал просить ответа императорского правительства на сообщение римского кабинета относительно конвенции, заключенной итальянским правительством и эфиопским королем Менеликом. Все державы, в том числе и наши друзья французы, приняли это сообщение к сведению; между тем, Турция еще не высказалась, и мы не видим необходимости этого делать. Мы не находим возможным даже просто поставить в известность о его получении, не оговорив, что сохраняем за собой на случай надобности свободу действий.

Открытие нового и первого элеватора на Морском канале Невы. Гюббенет сказал на банкете: «Петр Великий открыл окно в Европу; сегодня мы открываем к ней ворота».

Воскресенье, 26-го ноября.

Когда министр спрашивает моего мнения о вчерашней депеше, я признаюсь ему, что мне немного совестно, что Зиновьев вынужден писать по вопросам общей политики, намекаю также и на реформу Северного агентства, которая, повидимому, совершается без моего ведома.

Вернулся около $1^1/_2$ часов. Оболенский возвращается только около 2-х и тогда у меня подают завтрак.

Я передаю ему вкратце свой утренний разговор с министром. Он отвечает несколькими банальными фразами. Выход во дворце ему понравился. У государя были темные круги под глазами и усталый вид. Государыня в платье со шлейфом из золотого сукна, обшитом темным мехом, усыпанная драгоценными камнями, выглядела очень хорошо. Великая княгиня Елизавета Федоровна, единственная, кроме ее величества, дама императорской фамилии, в платье с розовым вышитым шлейфом, была необыкновенно красива и интересна. Сын великого князя Михаила, великий князь Сергей, приносил присягу. Около 3-х часов заходит на минуту Зиновьев; он имеет озабоченный вид. Министр присылает мне телеграмму эрцгерцога Альберта, который титу-

лует себя кавалером ордена св. Георгия, государь намерен ему ответить. Я тотчас заготовляю этот ответ, и его посылают в Аничков до большого обеда в Зимнем дворце.

Понедельник, 27-го ноября.

Только что я оделся, как в 11 часов за мной присылает министр. Он держится как-будто бы немного натянуто; говорит о полученных вчера таких бесцветных экспедициях и просит меня написать письма: князю Лобанову по поводу болгарского займа и Кодебу относительно итальянского соглашения с королем Менеликом, которое французы нашли нужным просто принять к сведению.

Позавтракав с Оболенским, я принимаюсь за письмо к князю Лобанову относительно котировки на венской бирже болгарского займа, которую мы не можем рассматривать иначе, как новое нарушение установленного берлинским договором порядка вещей и противоречие с часто повторявшимися заверениями Кальноки о его стремлении к тому, чтобы узы доверия и добрососедских отношений с Россией стали еще теснее. Посылаю этот проект министру.

Принимаюсь опять за работу и к 9 часам оканчиваю проект письма Кодебу, чтобы сказать ему, что, предоставляя г. Спюллеру судить о мотивах, побудивших его принять к сведению итальянские сообщения относительно соглашений с королем Менеликом, мы в принципе не разделяем его точки зрения. Основавшись в Массуа, итальянцы могут распространить свое влияние, если не господство, на местности, непосредственно связанные с французскими интересами.

Очевидно, что наши друзья французы, так хорошо бомбардировавшие весной в Таджуре Ашинова и его безобидных товарищей, теперь сговорились с итальянцами и за тарифные таможенные и др. льготы дали им полную свободу действий в Абиссинии. Думаю, что если когда-нибудь Обок и Таджура окажутся включенными в область экспансии Италии в Африке, покровители и сторонники предприятия Ашинова опять яростно набросятся на наше бедное министерство. — Г. Спюллер обратил внимание Кодебу на усердно производимые в английских арсеналах вооружения. Важная дружеская услуга. Можно подумать, что

мы этого не знали, и что вотированные парламентом огромные кредиты могли пройти незамеченными. Министр возвращает мне мои оба проекта, написав на них: «очень хорошо»; при моем настроении в данную минуту, это меня также смущает: мне кажется, что он из деликатности стесняется вносить в них изменения, между тем как написанное мной кажется мне с некоторых пор отвратительным.

Княгиня Трубецкая жалуется на то, что была по-просту ограблена своими beau-frères Дурново и Всеволожским, которые в прошлом году в ее отсутствие, прежде чем прошло 6 недель со дня кончины ее матери, опустошили кассы и поделили все оставшееся после покойной. Она указывает также на сидящего по другую сторону стола графа Павла Толстого-Голенищева-Кутузова, как на разбойника, который однажды тоже ее обобрал. Славная компания! И это называется аристократия! Картинка нравов: княгиня Трубецкая начинает процесс и основывает свои претензии на том, что ее брат в сущности не является Белосельским; последнему при помощи своих друзей Черевина и компании удается замять этот скандал запрещением по высочайшему повелению принимать какие-либо прошения от княгини; затем семейство этим пользуется для того, чтобы ее тихонько обобрать под тем предлогом, что она немного ненормальна.

Вторник, 28-го ноября.

В первый раз со времени возвращения государя, министр едет в Гатчину во вторник. Подымаюсь к нему в $9^1/_2$ час. Он уезжает в 10 часов очень недовольный предстоящим путешествием.

Придя в 4 часа к чаю, Зиновьев мне рассказывает, что министру государственных имуществ Островскому, повидимому, плохо: помимо грудной жабы, у него воспаление легких. На прошлой неделе Зиновьев обедал у него в очень интересном обществе. Государственный контролер Филиппов сказал ему по секрету, что в глазах государя кредит Вышнеградского несколько пошатнулся. В сущности в настоящий момент его величество не питает ни к кому особого доверия. В нем все более и более развивается самодержец, а может быть и возрастает уверенность в собственной непогрешимости, которая рано или поздно роковым образом

приведет к крупным ошибкам. И никого среди окружающих его, кто был бы в состоянии иногда наставить его, чтобы он мог подумать, понять и хоть отчасти увидеть истину. Их величества не любят ни разговоров, ни благодетельного общения с серьезными, образованными и развитыми людьми. Их сфера — общие места, анекдоты, смешные словечки. Чтобы нравиться при этом Дворе, быть к нему близким и пользоваться благосклонностью, требуется совсем особый ценз. Противно, но весело! — как говорят немцы [1]. — Министр возвращается около 5 часов и тотчас присылает за мной; мы подымаемся с Зиновьевым, но последний останавливается в приемной; вероятно, он в прошлый раз заметил жест министра. Г. Гирс прежде всего говорит мне, что государь вполне одобрил мои проекты писем Лобанову и Кодебу. Он застал государя опять очень плохо настроенным в отношении к германскому императору. Последний прислал ему со Швейницем прекрасную фотографию, изображающую его приезд в Берлин; государь делает гримасу по поводу приема Швейница и говорит: «Я уже имею эту фотографию». Затем министр сказал государю, что мы несколько дней тому назад изъяли биржевую телеграмму, сообщавшую о помолвке наследника-цесаревича с принцессой Маргаритой Прусской. «Еще бы, — говорит его величество, — ничего подобного нет и это произвело бы самое дурное впечатление в России». Между тем г. Гирс только-что видел в гостиной своей жены флигель-адъютанта, начальника канцелярии императорской главной квартиры графа Олсуфьева, когда последний выходил с совещания с министром финансов о необходимости для его ведомства кредитов. — «Устройте свадьбу наследника цесаревича с Маргаритою Прусскою, — ответил ему г. Вышнеградский, — и я вам обещаю какие угодно кредиты». И в самом деле, как только распространяется этот слух, наш курс подымается пропорционально тому, насколько придается значения источнику, из которого он исходит.

Среда, 29-го ноября.

Министр просит меня подняться около 11 час. Государь только-что возвратил несколько бумаг и, между прочими, депешу № 153-й

[1] Kodrich, aber lustig.

г-на Нелидова из Константинополя от 21 ноября/3 декабря 1889 г., в которой этот посол пишет: «Гадбан-эффенди, бывший турецкий комиссар в Софии, продолжающий по приказанию султана следить за ходом болгарских дел, возымел мысль о необходимости создать в княжестве какой-нибудь орган власти, который призван был бы сам собою стать во главе правления и позаботиться о будущем, как только престол окажется незанятым. Таковым органом Гадбан предполагает поставить Совет или нечто в роде Собрания именитых людей, составленный из всех бывших министров, председателей Собрания и кассационных судов и священноначальников (епископов). Уже по конституции, регентство выбирается из первых двух категорий, чтобы состав регентства и Собрания, а равно и выбор князя не был изъявлением воли одной партии. Представителем этого Собрания должен быть, по мысли Гадбана, экзарх. Чтобы не оказалось слишком много членов в Совете, — ограничить права на заседания в нем занятием должности министра, например, шестью месяцами» [1]. — Нелидов думает, что мысль Гадбана может быть использована, по при двух условиях, — чтобы она держалась в тайне до тех пор, пока не будет разработана и предварительно хорошо изучена, и затем, «чтобы предложение преобразования конституции исходило отнюдь не от него, дабы его не могли впредь обездоверить под предлогом русской интриги». — Против этих слов государь пишет на полях: «Это во всяком случае». Вверху депеши его величество сделал следующую пометку: «пусть пробует, только нам вмешиваться не нужно».

При этом государь высказывается против мысли Цанкова о выставлении кандидатуры принца Георгия Максимилиановича, — «это Цанков от себя придумал», и говорит, что, впрочем, сам герцог никогда на это не согласился бы. Напротив, его

[1] В подлиннике под строкой, но без отметки, куда относится: «Гадбан предлагает проповедовать эту мысль и распространять в народе».

величество одобряет и находит практичной мысль графа Линдена достигнуть согласия Германии и Австрии, а также и влиятельных болгар на избрание принца Эрнеста Саксен-Веймарского, не давая им понять, что мы осведомлены об этой кандидатуре и сочувствуем ей, а затем, когда он будет избран, женить его на принцессе Елене, дочери великой княгини Екатерины.

Министр опять нездоров; ночью вновь появились боли под ложечкой, и это несколько нарушило предписанное ему Лейденом спокойствие. Он так откровенно рассказывает мне о своем докладе, прибавляя, что не скажет о нем ни слова никому другому, что я прямо тронут. Он жалуется на утомление от работы, которую не делает Влангали и которую ему приходится выполнять при помощи тягостных объяснений с Сакеном; «а между тем я теперь должен избегать неприятных разговоров, раз мне необходимо позаботиться о своем здоровье». Английский посол Мориер сказал недавно, шутя, Влангали: «Вы, г. статс-секретарь, лентяй». Слушая министра, я думаю, что теперь не время говорить ему о моих сомнениях.

Четверг, 30-го ноября.

Прихожу к министру, который сообщает мне, что вчера, принимая графа Волькенштейна, он довольно резко говорил с ним о котировке болгарского займа и об австрийских демонстрациях в пользу незаконного правительства княжества. Он говорил также французскому послу о легкости, с которою французское правительство первое поспешило принять к сведению соглашение Италии с Менеликом; это вопрос принципиальный, и мы не можем поступить, как французы, и признать без оговорок вторжение итальянцев в Абиссинию. Сегодня, однако, появился новый циркуляр римского кабинета относительно распространения итальянского протектората на соседние с Таджурой и Обоком местности, откуда французы весной сочли нужным силой выбросить Ашинова и его товарищей. «Мы не видим ничего неудобного в том,—прибавляет г. Гирс,—чтобы, не будучи тут нисколько заинтересованы, на этот раз первыми принять к сведению итальянское сообщение без всяких оговорок». Г. Лабуле умоляет министра подождать и дать ему время снестись с Парижем. — Г. Гирс ему ничего не обещает и говорит смеясь: «предоставьте же нам удовольствие этой маленькой мести».

Г. Гирс встревожен состоянием здоровья Швейница, которое Лейден признал серьезным. Министр желал бы начать переговоры о возобновлении.

Декабрь.

Пятница, 1-го декабря.

Г. Гирс очень озабочен тем, что во вторник посоветовал государыне читать мемуары графа Рошешуара. До того он видел в них только очень интересные отрывки, а вчера, просматривая сам всю книгу, нашел там почти оскорбительные для памяти императора Александра I и членов императорской фамилии места, а также почти неприличные любовные истории. Министр упрекает себя в этой неосторожности и замечает, что даже в отношениях между частными лицами подобную рекомендацию книги, в которой так плохо отзываются о близких родственниках, нельзя было бы истолковать иначе, как в дурную сторону. Я предлагаю министру разъяснить государыне этот инцидент через вернувшегося вчера из-за границы брата Оболенского; г. Гирс очень охотно принимает этот способ выйти из затруднения.

Министр решился поместить сегодня утром в «Journal de S.-Petersbourg» статью, излагающую нашу точку зрения на недавний болгарский заем, который только-что котировался на венской бирже [1].

Суббота, 2-го декабря.

Когда я подымаюсь к министру, он, улыбаясь, говорит мне: «А вы вчера опять не захотели притти»; я признаюсь ему, что вчера был совсем болен, нездоров и сегодня. У меня, действительно, сильная головная боль и сердечное недомогание. Вчера г. Гирс принимал турецкого посла, который пожелал его видеть. В надежде путем перлюстрации узнать что-нибудь о миссии Гюсни-паши, министр назначил ему 3 часа, но к этому сроку ему ничего не удалось почерпнуть из наших перлюстраций. Турецкий посол прежде всего сообщил, что имеет конфиденциаль-

[1] Приложена газетная вырезка, приводящая условия болгарского займа и подчеркивающая бесцеремонность, с которой князь Кобургский и болгарское правительство обращаются с имуществом княжества, нисколько не считаясь с заключенными ранее обязательствами.

ное поручение от великого визиря поговорить без ведома оттоманского министра иностранных дел и г. Нелидова с г. Гирсом о болгарских делах. Проявляемая по отношению к нелегальному правительству и совершенным им разнообразным беззакониям терпимость внушила ему чувство такой независимости, что оно забыло все свои обязательства и становится в глазах Порты опасным. (Г. Гирс ему замечает, что мы это ему постоянно повторяем). Теперь султан поручил великому визирю позондировать почву у г. Гирса по поводу соглашения между Турцией и Россией. Одним из самых крупных затруднений в настоящий момент является отсутствие кандидата, который мог бы, в случае надобности, заменить Кобурга. Возможно даже, что у султана таковой имеется в виду, но его величество желал бы предварительно сговориться вообще по болгарскому вопросу, и великий визирь подает мысль послать в Константинополь кого-нибудь, кто бы мог там оставаться в качестве частного лица, туриста, и сноситься с ним непосредственно, помимо посольства; он прибавляет, что всякие последовательные переговоры с последним бывают тотчас же замечены, комментируются и возбуждают соревнование, тогда как следовало бы обсудить и подготовить выход из болгарских затруднений под покровом глубочайшей тайны. Министр отвечает, что не может сказать ничего определенного, не испросив повелений императора. Посол спрашивает, не может ли г. Гирс увидать его величество ранее вторника. Эта поспешность и вся эта комбинация довольно любопытны. В Константинополе не очень любят Нелидова, а может быть, и предпочитают вести переговоры с кем-нибудь кто был бы менее знаком с местными условиями. Не является ли это также следствием германских внушений? Связанный по отношению к Австрии, Бисмарк, которому надоел этот источник болгарских осложнений, мог возыметь мысль подготовить выход, инициатива которого исходила бы из Константинополя. Возможно, что во всем этом некоторую роль играют также путешествия Радовица в Берлин и происходившие между немцами и турками объяснения. Во всяком случае не следует сразу же обескураживать визиря; лучше посмотреть, что из всего этого выйдет. Я говорю министру, что можно бы было, пожалуй, воспользоваться проездом через Константинополь вновь назначенного послом в Афины г. Ону и поручить ему войти в сношения с великим визирем. Министр отвечает, что ему тоже приходила в голову эта мысль,

но он желает пока сохранить все это дело в строжайшей тайне и повергнуть его во вторник на усмотрение государя.

Понедельник, 4-го декабря.

Подымаюсь к министру; он говорит мне, что не испрашивал доклада, думая, что последний может состояться завтра, потому что заупокойное служение по императоре Николае I и цесаревиче Николае будет вероятно совершено в Гатчине. Последнее время мы так мало получаем по почте и по телеграфу, что посылаемые государю, а следовательно, и возвращаемые им пакеты весьма мало объемисты. В полученном сегодня из Гатчины конверте есть приложенная к донесению Шевича из Токио докладная записка, на которой находим довольно любопытные пометки.

Против слов: «чувствуя себя не в силах сладить с оппозициею, японское правительство начинает испытывать на себе неудобство необдуманно введенных в стране преобразований» (иначе говоря конституции), его величество пишет: «Еще бы»; затем на полях против того места, где министр предлагает даровать, при условии, если и другие державы сделают то же, просимую японским правительством милость: «ходатайство японского кабинета, домогающегося нашего согласия на отсрочку применения подписанного 27-го минувшего июля трактата о торговле и мореплавании», государь пишет: «Я думаю, во всяком случае, и нечего нам ждать, что скажут другие». Итак, постоянное стремление его величества нисколько не считаться с другими державами заставляет его даже упускать из вида неоспоримые права России на положение наиболее благоприятствуемой державы.

Ссылаясь на недомоганье, отклоняю визит Деревицкого; приготовляю проект письма Нелидову, о котором просил сегодня утром министр, по поводу сделанных здесь за последнее время любопытных расшифрований документов, которыми обменивался берлинский кабинет с германским представителем в Константинополе. Наконец, тотчас по получении бумаг для государя, около 11-ти часов, ухожу и ложусь, крайне усталый, но немного более спокойный.

Вторник, 5-го декабря.

Г. Гирс едет с докладом в Гатчину с поездом в $10^1/_2$ часов. Он обедал вчера с графом Ник. Игнатьевым у княгини Лизы Трубецкой; последняя говорила ему о своих симпатиях и политических взглядах, первый—о своем пребывании в Риме и о необходимости отвлечь Италию от тройственного союза, что, по его мнению, совершенно нетрудно.

Министр возвращается около 5 часов. Зиновьев тотчас же идет наверх; жду, чтобы г. Гирс за мной послал, что он и делает весьма скоро. Он говорит, что государь как-будто бы очень сочувственно отнесся к предложению Гадбана, — лишь бы только мы не были скомпрометированы, — и собирается писать в этом смысле Нелидову. Предложения великого визиря возбудили большой интерес; его величество жалеет, что Бютцов уже уехал и что нельзя им воспользоваться; проезд Ону явился бы также хорошей оказией, но турки будут бояться его основательного знакомства с местными условиями. Государь во всяком случае против того, чтобы посылки в Константинополь производились помимо обычного пути,—посольства, или тайного агента; он думает, что было бы лучше всего, если бы г. Гирс предложил визирю сноситься прямо с ним в Петербурге при посредстве Гюсни-паши. Для вручения присланной императором Вильгельмом фотографии, Швейниц будет принят в частной аудиенции в Аничковом дворце завтра, в среду, 6-го, в три часа дня. Министр поручает мне написать по этому поводу кому следует.

Четверг, 7-го декабря.

Мой министр, которого я вчера не видел целый день, просит меня подняться около 11 часов. Он чувствует себя слабым и не в своей тарелке; между тем своим докладом третьего дня он остался доволен, и Швейниц приезжал его благодарить за высокомилостивый прием, оказанный ему вчера государем в Аничковом дворце. Во вторник их величества говорили г. Гирсу комплименты по поводу его письма к бывшему итальянскому послу в Петербурге графу Гренни, который прислал ему через Извольского только-что выпущенную им брошюру об итальянской политике. Краткое изложение содержания этой брошюры и письмо

г. Гирса были напечатаны в нескольких иностранных газетах и произвели, повидимому, сенсацию, особенно в Германии, где газеты старались даже внушить мысль о том, что письмо г. Гирса апокрифическое. Враг всякой рекламы и всякого шума, он был сначала этим недоволен; но я сейчас же подумал, что у нас это письмо может произвести лишь очень хорошее впечатление. В высших сферах это решительно так.

Сегодня, просматривая «Гражданин», я был поражен, до какой степени этот инспирированный орган нашей прессы, на который даже в Гатчине смотрят, как на представителя «хорошего направления», ультра-консервативен. Это опять проявилось в восхвалении учреждения «участковых начальников» и в доказательство важности хорошего выбора на эти должности, он, повидимому, забывает, что 10 лет тому назад самодержцем в России был Александр II, отец ныне царствующего государя. Сравнивая людей, имеющих либеральные тенденции, с пьяницами, он советует послать их проспаться!

Все это довольно интересно, как знамение времени.

Брат Оболенского предупредил государыню о сомнениях г. Гирса по поводу мемуаров графа Рошешуара; ее величество не говорит, читала ли она их, но отклоняет предложение министра представить ей на прочтение выдержки из них.

Пятница, 8-го декабря.

Когда я прихожу к г. министру, он мне сообщает, как самую строгую тайну, что вчера вечером министр финансов приезжал советоваться с ним относительно новой конверсии, которую он производит с банком Ротшильда. А именно, речь идет о конверсии 7-го 5%-ного займа 1862 г. Опубликование о нем должно непременно появиться в Берлине, Париже, Лондоне и Амстердаме не позднее 20 декабря/1 января 1889—1890 г., и Вышнеградский просит поручить это своевременно сделать нашим посольствам, храня до тех пор все дело в строжайшей тайне. Операция эта обещает быть очень выгодной и уменьшит платимые ежегодно проценты на 500.000 руб. В смысле политическом она будет неприятна французам, которые желали бы монополизировать в свою пользу все финансовые сделки с Россией; но министр еще раз высказывает г. Вышнеградскому свое убеждение в том, что он совершенно

прав, не ставя себя в зависимость ни от берлинской, ни от парижской биржи, а пользуясь их конкуренцией, побуждающей их предлагать нам все более и более выгодные условия. Г. Гирс отдает справедливость энергии и искусству, проявленным министром финансов; по его мнению, г. Вышнеградский соединяет в себе практическое понимание русского рынка с очень серьезной эрудицией в области математики и финансовых наук; при этом он неутомим. и все крупные комбинации, которые должны сохраняться в тайне, обычно намечаются и формулируются им самим, а затем переписываются пользующимся его доверием вице-директором департамента; никому другому о них неизвестно ни слова до момента опубликования.

Говоря о современном положении вещей, министр упоминает о причинивших ему столько забот болгарских делах; я напоминаю ему его намерение заговорить с генер. Швейницем о возобновлении наших тайных соглашений и спрашиваю его, нельзя ли, исключив входящий в состав трактата ненужный протокол, сговориться на каком-нибудь modus prudenti, придающем практическое значение поддержке, которую Германия обязалась нам оказывать в целях восстановления нашего влияния в Болгарии. Г. Гирс намеревается безотлагательно заняться этим важным делом, но не знает, что лучше,—осведомиться ли предварительно о намерениях государя по поводу условий возобновления, или сначала подготовить почву со Швейницем.

В разговоре мы вспоминаем различные фазы болгарского вопроса с 1886 г. Министр полагает, что отношение к нему государыни, некогда столь доброжелательное, изменилось с тех пор, как после своего возвращения из-за границы и перед нашей экскурсией в Брест в августе 1886 г., он не мог одобрить знаменитой телеграммы принцу Александру Баттенбергскому; он подозревает, что наша государыня принимала значительное участие в ее злополучной редакции, и ему кажется, что с этого момента она и изменилась по отношению к нему. Теперь нет ни прежней доверчивости, ни прежней непринужденности. Увлеченный разговором, министр не замечает, что уже $12^1/_4$ ч. Мы вместе сходим с лестницы в то время, когда Шварц звонит у моей двери.— Собрание к чаю. Бестактность со стороны Никонова, который просит Зиновьева заняться исследованием по истории дипломатических сношений. Когда они уходят, я даю ему это понять.

Оболенский обедает у Зиновьевых, возвращается оттуда около 9 час. и опять уезжает. Ложусь около двенадцати. Сегодня утром министр немного жалуется на интриги Влангали и Зиновьева: «Приходится от своих остерегаться».

Суббота, 9-го декабря.

Мой министр встает поздно, и я вижу его только мельком. В числе возвращенных государем бумаг есть перлюстрированная телеграмма сэра Др. Вольфа к Сольсбери, на которой его величество сделал пометку, показывающую, что он желал бы ускорить отъезд Бютцова в Тегеран.

По моем возвращении — собрание к чаю; я избегаю Ону; всякая новая встреча и какой бы то ни было разговор мне тягостны. — Зиновьев говорит мне о нелепости и невозможности проекта железной дороги Корф - Третьяков - Хомяков, которому покровительствует министр Гюббенет и которым интересуется государь. По его мнению, в наших интересах нам следует противиться всякому железнодорожному строительству в Персии; у нас есть обязательство шаха не допускать таковой еще в течение 4 лет; он думает, что по истечении срока этого обязательства можно будет добиться его продления, или, путем устрашения, заставить персидское правительство не строить никакой железной дороги. В принципе, подобное требование по отношению к независимому государству кажется неслыханным и невозможным на продолжительное время, но некоторые доводы Зиновьева по поводу затруднений и неудобств, которые повлекла бы за собой постройка железных дорог в Персии, повидимому, совершенно справедливы.

Воскресенье, 10-го декабря.

В качестве очередного курьера приезжает Столыпин и вручает лично мне экспедицию, которую я спешу внести в книгу и послать министру, едущему около 9 часов в театр. Экспедиции не содержат в себе ничего особенно интересного.

Понедельник, 11-го декабря.

Министр скучал вчера на представлении «La Camaraderie» и плохо провел ночь; вижу его позднее обыкновенно. Вчерашние экспедиции бессодержательны. Мы говорим о том, что сле-

дует на них ответить. Эта двухнедельная корреспонденция во время общего затишья настоящего момента представляет иногда некоторые затруднения.

Шварц приходит завтракать со мной и Оболенским. Он каждый день бывает в театре и недавно пришел в ужас, видя, как в императорской ложе три великих князя, судя по описанию, сыновья великого князя Михаила, толкали друг друга. Он говорит также о бывшей дебютантке кордебалета Лабунской, молодой девушке лет 19—21, которую генерал Черевин рекомендовал и устроил в качестве любовницы наследника-цесаревича. Она якобы получает 18.000 руб. в год и вызывается во дворец по мере надобности. Впрочем, за ней наблюдают, и она хорошего поведения. Эти заботы благородного Черевина еще улучшили, повидимому, его положение при дворе. Итак, он предается неисключительно культу Бахуса!

После чая иду около 5 часов за покупками в косметический магазин на Казанской; на обратном пути встречаю на Невском, близь дома Строгановых, наследника, которого сначала в темноте не узнаю. Он едет в элегантой коляске на паре вороных лошадей, с кучером в красной казацкой форме на козлах. Великий князь в форме гвардейских гусар и очень представителен; держится он очень прямо и производит хорошее впечатление. Я его давно не видал и в первый раз встречаю его в такой обстановке одного, как взрослого.

Оболенский возвращается так поздно, что я ложусь, не дожидаясь его. Он сказал министру, что, по словам его брата гофмаршала, государь будет завтра в городе на празднике Финляндского полка, поэтому мой министр не заказывает экипажа в Гатчину и решается завтра туда не ехать.

Вторник, 12-го декабря.

Придя около 11 часов к министру, нахожу его несколько обеспокоенным тем, что в пакете с возвращенными государем бумагами нет ничего относительно доклада, который должен был состояться сегодня. Его величество возвратил телеграмму Хитрово от 10 декабря, гласящую: «В Болгарии готовятся в ближайшем, повидимому, будущем важные события»,—с пометкой: «Желаю им от души полного

успеха». На донесении № 65 князя Лобанова из Вены от 7/19 декабря, в котором наш посол дает отчет о своей беседе с Кальноки по поводу котировки болгарского займа в Вене и Пеште, государь написал: «Весьма слабое и неправильное объяснение Кальноки». — Граф Кальноки сказал: «В начальный период болгарских осложнений русское правительство само было того мнения, что державам следовало бы поддерживать сношения с фактически существующим правительством в Софии; отношение России изменилось, наше — осталось прежним, и я не могу усмотреть никакого, ни прямого, ни косвенного, несоответствия с Берлинским договором в заключении займа и его котировке на бирже» и т. д. и т. д. Князь Лобанов ответил, что к каким бы аргументам ни прибегал граф Кальноки, они не могут изменить нашего отношения, и что для Австрии самым важным должно бы быть стремление не производить своим образом действий неприятное впечатление на Россию, а стараться упрочить с ней отношения, основанные на доверии; это для Австрии важнее, чем ее отношения к Болгарии.

На депеше из Вены № 67, от 7/19 декабря 1889 г., государь пишет: «Я думаю, что это заключение Лобанова совершенно верно» против слов: «Я, конечно, не решусь пытаться проникнуть в намерения берлинского кабинета в виду той или другой политической возможности, но одного взгляда на карту достаточно, чтобы видеть, что в силу своего географического положения Богемия является самым верным оплотом Австрии против поглощения ее дружеской союзницей. С этой точки зрения, все, что благоприятствует германизации этой провинции, в принципе должно быть по вкусу Германии, и, напротив, все, что идет с ней вразрез, должно ей быть в высшей степени антипатично. К этому надо прибавить, что Богемия с Моравией, населенной тоже славянами, является самой промышленной и самой богатой частью австро-венгерской империи. Германский посол князь Рейс очень резко нападает на графа Таафе, который не противодействует пробуждению национального чувства в чехах, стремящихся добиться для Богемии особого положения в монархии. Он (князь Рейс) даже широко поощряет германскую оппозицию». Князь Лобанов помнит, как император Вильгельм обращался с графом Таафе во время своего приезда год тому назад в Вену и замечает: если последний заслужил

такую немилость со стороны Германии, очевидно, что последняя очень сильно заинтересована в том, чтобы остановить националистическое движение в Богемии. — Министр одобряет мысль написать князю Лобанову в духе императорских пометок и затем барону Моренгейму,—чтобы сказать наше последнее слово в деле итало-эфиопского соглашения. Я предлагаю сослаться на недавно полученную депешу Нелидова, который очень справедливо заметил, что если бы нам представился случай войти в сношения с Абиссинией, православной страной, которая не раз стремилась завязать с нами отношения, то простое сообщение римского кабинета о том, что агенты короля Менелика были вынуждены обстоятельствами подписать за «Эфиопию» (?) обязательство прибегать в своих сношениях с другими державами к посредству Италии, не могло бы служить для нас препятствием.

Во время отсутствия посла, Кодебу писал в одном из своих писем, что в данный момент парижский кабинет не проявляет прежнего благоговения к политике России.

Против этих слов его величество не сделал никакой пометки.

Государь не приехал в Петербург; его величество нездоров и остался в Гатчине. Государыня и цесаревич присутствовали на празднике Финляндского полка.

Мой министр написал извинительную записку и послал ее в Гатчину с фельдъ-егерем в 4 часа.

Среда, 15-го декабря.

Газеты печатают телеграмму императора Финляндскому полку, которая несколько поражает своей редакцией: «Поздравляю от души лейб-гвардии Финляндский полк с праздником. В отчаянии, что мое нездоровье не позволяет мне лично это сделать и лишает меня удовольствия быть на празднике. Мысленно со всеми чинами полка. Пью за здоровье финляндцев. Александр». «Восторженное, долго не смолкавшее «ура» и звуки гимна «боже, царя храни» сопровождали чтение высокомилостивого приветствия».[1]

«Отчаяние» — не слишком ли это сильно? И затем: «Мое нездоровье» и «пью за здоровье»! В прежние вре-

[1] Газетная вырезка.

мена, конечно, нашелся бы кто-нибудь в роде графа Адлерберга, Милютина и т. п., чтобы не допустить чего-либо подобного.

Министр просит меня подняться около $11^1/_2$ час. Застаю его вполне успокоившимся относительно того, что вчера он не поехал на доклад. На возвращенной сегодня утром его извинительной записке государь написал: «Я так скверно себя чувствую, что не был бы в состоянии выслушать доклад и поэтому ничего не дал вам знать». Но мне кажется, что во всяком случае следовало предупредить министра о прибытии или неприбытии в Петербург и о том, состоится ли доклад, или нет. Ведь г. Гирс узнал случайно, что государя вчера ждали в столице,—полковые праздники не входят в сферу нашей компетенции.

Министр финансов уведомил моего министра о том, что проект конверсии, о котором шла речь несколько дней тому назад, сорвался; окончательного соглашения с Ротшильдом не достигнуто.

Четверг, 14-го декабря.

Государю, говорят, лучше, но это повторение инфлуэнцы было очень мучительно, особенно вследствие сильных болей в ногах. Ежедневная работа с министром очень непродолжительна, потому что г. Гирс с супругой едут на панихиду по княгине Трубецкой.

Пятница, 15-го декабря.

Министр передает мне письмо великого герцога Веймарского к государю; его величество желает иметь ответ, который я тотчас заготовляю.

Во время собрания за чаем в 4 часа Влангали мне рассказывает, что слышал от министра внутренних дел г. Дурново подтверждение того факта, что по вечерам на Александровской колонне появляется светящееся Н, которое возбуждает все больше и больше внимания и рассматривается некоторыми слоями населения, как предзнаменование нового царствования в новом году. Он приписывает это явление отблеску одной из букв фамилии «Сименс», выгравированной на стекле электрического фонаря. Спиритические круги пользуются этими обстоятельствами, чтобы

внушить легковерным, что Наполеон I протестует против памятника, воздвигнутого в память его поражений. Бодиско так поддался этой мистификации, что чуть не сошел с ума.

Суббота, 16-го декабря.

Министра вижу поздно, потому что он был очень утомлен вчера своим блестящим вечером.

Ужасно грустно; иду в Исаакиевский собор и слушаю часть вечерни; возвращаясь, вижу, действительно, на Александровской колонне свет, который имеет очертание французского N, когда подходишь со стороны Исаакия, и русского Н, если смотреть со стороны Певческого моста. Нужно, однако, быть предупрежденным, чтобы это заметить.

Воскресенье, 17-го декабря.

Когда я около 11 часов подымаюсь к министру, он передает мне телеграмму бразильского императора из Порты от 16/28 к государю; «Императрица бразильская скончалась. Д. Педро д'Алькантара». Его величество на ней пишет: «приготовить ответ. Несчастный!» В этих словах сказался хороший семьянин. Потеря трона вызвала не особенно милосердную критику; а горе семейного траура заставило заговорить сердце.

Сегодня утром Оболенский мне рассказывает, что было крайне бурное заседание в Академии Художеств, из которой только-что удален конференц-секретарь Исеев за неправильности в счетах. Августейший президент великий князь Владимир был, повидимому, вне себя; он кричал, изорвал свой носовой платок и, назвав профессора Якоби и . . . . . [1] «крамольники», хотел тут же без всякой пощады выгнать их без прошения из Академии, основываясь на дошедших до него слухах, что якобы эти профессора на своих лекциях проявляли пагубные и социалистические тенденции. Затем великий князь разрешил г. . . . . [1] подать прошение об отставке в виду его долголетней службы (более 30 лет), но не изменил своего

[1] Пропуск в подлиннике.

решения прямо уволить проф. Якоби. Чтобы знать, насколько строгость эта является обоснованной, надо бы было ознакомиться с самой сущностью всего дела, но на первый взгляд кажется, что великие князья должны бы прежде всего относиться построже к себе в интересах престижа и монархического принципа, столь горячими защитниками которых они себя иногда проявляют.

Между прочим, Нечаев-Мальцев рассказывает Оболенскому, что несколько дней тому назад к нему приезжал генерал Черевин с просьбой выручить состоящего при государыне князя Ивана Голицына, дав ему взаймы 50.000 рублей, и что он, Нечаев-Мальцев, отказал. Видимо, Голицын опять по-уши в долгах; но каковы разнообразные функции Черевина!

Понедельник, 18-го декабря.

Возвращаемся с министром к вопросу о секретных соглашениях, и он решается повергнуть этот важный вопрос завтра, во время своего **доклада**, на усмотрение государя, если настроение его величества окажется к тому благоприятным. Г. Гирс просит меня прислать ему секретный договор и мою записку по поводу условий возобновления. Позавтракав с Оболенским, я перечитываю свою записку от 6 августа, при чем несколько переделываю конец, высказываясь в том смысле, что ненужный протокол должен быть заменен отдельным соглашением о modus prudenti, в силу которого, принятое согласно II статьи Германией обязательство признать и поддерживать наше преобладающее влияние в Болгарии приобрело бы практическое значение. Послав в запечатанном конверте договор и мою записку министру, который должен вернуться из Государственного Совета, иду сделать некоторые покупки и отдать несколько визитов.

Вторник, 19-го декабря.

Около $9^1/_2$ час. я у министра, который в 10 час. уезжает на железную дорогу, отправляясь в Гатчину с **докладом**. Г. Гирс имеет озабоченный вид, и эти поездки теперь ему тягостны.

Министр возвращается из Гатчины около 5 часов и просит меня подняться. Он передает мне секретный договор 1887 г. и мою записку по поводу его возобновления; ему удалось говорить о них с государем. Его величество всецело одобрил мысль

возобновления договора без протокола, только ему было бы желательно, чтобы г. Гирс не брал на себя в этом отношении инициативы и во всяком случае, чтобы он с этим делом не спешил. «Времени у нас еще довольно, подождите до апреля, а там за два или три месяца до окончания срока трактата можно будет заговорить со Швейцарцем». Это хорошо. Таким образом, министр может подготовить путь и даже постепенно найти благоприятный случай. Я высказываю опасение, что если мы будем очень медлить, Шувалов нас опередит и опять приготовит нам какую-нибудь статью в роде пункта о «ключах от дома». По словам г. Гирса, ему удалось сегодня так хорошо переговорить с государем, что его величество, как ему кажется, вполне за возобновление в такой форме, как это изложено в моей записке. Министр очень утомлен своей поездкой и в виду того, что приходит Зиновьев, я удаляюсь с полученными бумагами.

В тот момент, когда я в $7^1/_2$ час. собираюсь ехать на железную дорогу, меня задерживает записка от министра; последний просит написать Горну об изъятии одной телеграммы из завтрашнего номера газеты.

Среда, 20-го декабря.

Я до глубины души взволнован в тот момент, когда меня зовут к моему дорогому министру; последний заявляет, что имеет сообщить мне нечто в высшей степени интересное, просит только держать это в тайне. Третьего дня, в понедельник, 18 декабря, г. Гирс поехал на заседание Государственного Совета, совершенно не подозревая того, что там должен был обсуждаться чрезвычайно важный вопрос. Он сидел между г. Победоносцевым и гр. Деляновым; оба расшипались, уговаривая его голосовать за проект, который должен был быть внесен на рассмотрение совета министром внутренних дел г. Дурново. Проект этот касается законоположений, долженствующих установить порядок пересмотра и кассации приговоров участковых начальников. Министр внутренних дел желает, чтобы, в случае жалобы на действия этих новых чиновников, вопрос о кассации подлежал бы рассмотрению при закрытых дверях в административном порядке особой инстанции, представленной губернатором, вице-губернатором и еще несколькими чиновниками. Ввести

это уклонение от гласного судопроизводства на путь нового междуведомственного (intermédiaire) учреждения, повидимому, очень трудно; с точки зрения права, оно является совершенной аномалией, отдавая помещиков и сельское население во власть произвола, который будет тем более тягостен, что в большинстве случаев их дела и жалобы будут рассматриваться чиновниками, лишенными какой-либо юридической подготовки.

Старый граф Делянов, стремящийся петь в тон настроению данного момента и говорящий с некоторых пор только в том духе, что «нам нужна палка», горячо ратует в пользу проекта г. Дурново. Что касается Победоносцева, он сообщает министру, что государь желает, чтобы этот проект прошел, что его величеством приняты в этом отношении вполне определенные решения, и прибавляет конфиденциально, что он, Победоносцев, пожелал непременно принять сегодня участие в обсуждении Государственного Совета потому, что ему было поручено поддержать проект министра внутренних дел; последний должен бы быть перенесен в общее собрание Совета, потому что, при предварительном рассмотрении его в подлежащих департаментах, он не мог быть принят благодаря меньшинству 9 голосов против 13-ти. Г. Гирс видит, что адмирал Посьет исчезает в начале заседания под тем предлогом, что «дело до меня не касающееся». Он говорит своим соседям, что предпочел бы последовать этому примеру или воздержаться от голосования, так как он недостаточно знаком с вопросом, но что, раз необходимо высказаться, он может это сделать только в согласии с тем, что ему подскажут его совесть и то впечатление, которое он вынесет из дебатов. После того, как министр внутренних дел изложил свой проект, берет слово недавно приехавший на несколько дней из деревни бывший министр юстиции граф Константин Пален и, несмотря на свой неправильный русский язык и чисто немецкое произношение, с увлекательным красноречием доказывает безрассудство проекта: «Я, как верноподданный моего государя, не могу говорить против моей совести, и этот негласный разбор жалоб, приносимых на участковых начальников, вернул бы нас к времени, когда какой-нибудь секретарь решал и подносил дело к подписи людей, которые ничего о нем не знали. Такой закон пал бы пятном на священное

имя к а с у д а р я и на его ц а р с т в о в а н и е» и т. д. и т. д. Одним словом, с образцовой откровенностью и прямотой старый государственный деятель говорил, как истинный «б а р и н». После него высказался в том-же смысле М . . . . . [1] и, наконец, министр юстиции г. Манассеин в очень спокойной, очень умной, логичной и ясной речи показал, насколько проект министра внутренних дел трудно выполним, не соответствует духу наших судебных установлений, являющихся одной из славных страниц царствования Александра II, и в сущности бесполезен, в виду того, что, благодаря введенным два года тому назад ограничениям гласности судопроизводства, правительство имеет право закрывать двери суда каждый раз, как сочтет это нужным, при публичных заседаниях, а также допускать только желательное ему число свидетелей. Речь эта производит сильное впечатление и уясняет вопрос даже для тех, которые были с ним недостаточно знакомы. Наступает момент голосования. Г. Гирсу кажется, что, когда государственный секретарь подошел к наследнику-цесаревичу, сидевшему между председателем совета великим князем Михаилом и великим князем Владимиром, его высочество слегка покраснел, на мгновение задумался и голосовал, не посоветовавшись и не обменявшись ни словом со своими дядей и дедом. Когда очередь доходит до моего министра, он высказывается за мнение министра юстиции, т.-е. на стороне меньшинства, голосовавшего в департаментах против проекта г. Дурново. Победоносцев и Делянов горячо протестуют, но г. Гирс им замечает, что не может голосовать в противоречии с впечатлением, вынесенным им из дебатов, на которых только-что присутствовал. Когда результат голосования становится известным, оказывается, что 22 человека высказались согласно с меньшинством в департаментах, и только 20 — за одобрившее проект г. Дурново большинство. Итак, в общем собрании проект министра внутренних дел, о котором было известно или предполагалось, что он одобряется государем, не мог пройти вследствие большинства в о д и н голос и это был, может-быть, голос наследника престола, потому что он голосовал с теми 21-ним, которые отвергли проект. Эффект необыкновенный! Сильное впечатление. Великие князья Михаил и Владимир, бывший министр

[1] Пропуск в подлиннике.

юстиции Набоков и даже такие люди, как Абаза и Сольский, сочли нужным голосовать за. Узнав о неожиданном решении цесаревича, некоторые как-будто бы сконфужены и стараются оправдаться тем, что вопрос якобы не имеет большого значения; к довершению всего по окончании заседания наследник подходит к графу Палену и говорит ему комплименты по поводу произнесенной им прекрасной речи. При этом рассказе меня охватывает волнение, такое волнение, что я чувствую, как у меня сжимается горло и подступают слезы. Какое счастье, если этот молодой великий князь обладает характером, имеет уже свои личные мнения и мужество их поддерживать, и особенно, если он доступен тому, что справедливо, честно, смело и бескорыстно. Г. Гирс говорит, что положительно считает его таковым, и что Россия будет многим обязана моему старому другу Хису, который неустанно стремился внушить своему августейшему ученику чувства моральной независимости и благородства и выработать в нем твердость характера. Слава богу!

Уезжая из совета, г. Гирс встретил Палена и сказал ему смеясь: «Неисправимый либерал». Граф спросил его, за кого он голосовал, но министр ответил только: «Ничего не знаю».

Г. Гирс признается, что вчера, отправляясь в Гатчину, он был немало озабочен. Не раз в тех случаях, когда в Государственном Совете голоса по интересовавшим государя вопросам разделялись, государь проявлял сильное раздражение против тех, кто был в оппозиции. На этот раз министр нашел монарха очень грустным, задумчивым и почти унылым; его величество не сказал ни слова о заседании Государственного Совета, но выслушивал доклад с таким грустным видом, что министр был прямо огорчен. В этом настроении государь и выслушал очень внимательно доклад по поводу возобновления нашего тайного договора и принял согласное с нашими желаниями решение. По окончании доклада, когда министр хотел откланяться, государь с минуту поколебался, затем пригласил его, как всегда: «Не хотите ли с нами завтракать?» По пути в столовую г. Гирс узнает, что нет решительно никого, кроме царской семьи и дежурного флигель-адъютанта великого князя Сергея Михайловича. Последний обычно весел и шутит, но в этот день ему не по себе, его видимо что-то беспокоит; в доме чувствуется гроза. Государь входит и направляется в покои государыни, которая

тотчас затем выходит с взволнованным и слегка раскрасневшимся лицом. У детей тоже очень огорченный вид. Немного позднее приходит великий князь Георгий. Садятся за стол, но цесаревич еще не появляется; наконец, входит великий князь, обычно приходящий во-время, до появления их величеств; он занимает место около г. Гирса, сидящего по правую руку государыни. Министру показалось, что уходивший на минутку перед тем, как сесть за стол, великий князь Георгий ходил за цесаревичем. Все признаки бурной семейной сцены и порожденной ею неловкости побуждают г. Гирса стараться поддержать разговор, но тучи не рассеиваются, и всем не по себе. Вдруг государь начинает яростно бомбардировать цесаревича хлебными шариками (его величество имеет иногда обыкновение во время семейных обедов бросать ими в сидящих за столом и приговаривает: «а что», «вот тебе» и другие шутливые замечания). Лед как-будто растаял, проглянуло солнце, все присутствующие чувствуют облегчение. Снова водворяется хорошее настроение. Как только встали из-за стола, государь уходит в свой кабинет, государыня тоже прощается с г. Гирсом, который видит, как наследник направляется в кабинет своего августейшего отца. Он чувствует, что это делается с целью примирения, и спрашивает себя, каков будет результат. Дай бог, чтобы молодой человек не пошел ни на какой компромисс со своей совестью, и чтобы отец, посердившись за несогласное с ним мнение, сумел бы отнестись с уважением к тому, что сын его не боится иметь собственное суждение. В его власти затем разрешить вопрос согласно своей самодержавной воле.

Рассказ г. Гирса меня сильно взволновал; никто лучше его, этого добросовестного, честного государственного деятеля и нежного, образцового отца семейства не мог бы передать всех оттенков обеих сцен — в Государственном Совете и у семейного очага государя. Так хорошо, так отрадно видеть и слышать нечто подобное в наш безобразный, мелочный век.

Четверг, 21-го декабря.

Министр просит меня подняться ранее 11-ти часов. Он говорит мне о вчерашнем приеме дипломатов. Волькенштейн как-будто бы разделяет его мнение о несвоевременности котировки болгарского займа на бирже в Вене и в Пеште; он напоминает

по этому случаю министру, как два года тому назад, встревоженный оборотом, который принимали наши отношения с Австрией, он высказал опасение, как бы дело не дошло до войны, и г. Гирс ему тогда ответил: «Я не думаю, чтобы дошло до войны, но мы сильно рискуем тем, что мир у нас будет неприятный!» Это было почти пророчество.

Приезжает министр финансов и прерывает нашу беседу; он со мной очень любезен.

На возвращенных сегодня утром донесениях Нелидова от 12/24 декабря государь сделал некоторые пометки. На депеше № 168, передающей подробности предложения Гадбана относительно Болгарии, против слов: «Гадбан предполагал «совокупными настояниями великих держав заставить Фердинанда и Стамбулова с ними согласиться.» По моему мнению, дело представлялось бы этим путем еще менее исполнимым». Его величество помечает: «Да». На депеше № 169, в которой дается отчет о беседе Нелидова с великим визирем: «о намерении болгарского правительства захватить железную дорогу Белово-Мустафа-паша, т.-е. всю часть восточных железных дорог, проходящую через Восточную Румынию, его величество помечает: «Не вследствие ли этого разговора с Нелидовым обратился верховный визирь с предложением о Болгарии через своего посла у нас?»

Министр опять меня просит подняться к нему; он говорит, что г. Вышнеградский читал ему свой доклад государю по поводу бюджета на 1890 г. и советовался с ним в части, затрагивающей вопросы политики. Они решают характеризовать ее между прочим как «спокойную политику». Это употребленное г. Гирсом прилагательное очень понравилось министру финансов, утверждающему, что он не желает употреблять слова «мудрая» в виду того, что наш августейший Юпитер считает и так себя слишком умным, и т. д. Это не мешает ему, однако, закончить свой доклад самыми смиренными и самыми горячими комплиментами по адресу его величества. Однако отчет, действительно, блестящий; достигнутые в прошлом году результаты и предвидения на будущий год очень удовлетворительны. Министр финансов желал бы иметь к 29-му французский перевод этого замеча-

тельного труда и обещает нам прислать один экземпляр 24-го. Предлагаю для этой работы Деревицкого и уславливаюсь с ним по этому поводу. Обедаю один. Вечером занимаюсь у себя.

Пятница, 22-го декабря.

Поднявшись к министру, предлагаю ему слово «quiète», чтобы перевести дословно прилагательное «спокойная», которым министр финансов хотел характеризовать нашу политику. Известие о рецидиве инфлуэнцы у государя, повидимому, понемногу распространилось. К нам со всех сторон обращаются за сведениями. Сегодня утром его величество возвращает телеграмму шаха по этому поводу с пометкой: «Приготовьте ответ: откуда они взяли, что я болен?» Я предлагаю небольшой успокоительный циркуляр нашим представителям.

Государь возвращает сегодня утром также депешу из Афин от 26 ноября, в которой наш поверенный в делах сообщает о неблагоприятном впечатлении, произведенном письмом герцога Спартского к берлинскому муниципалитету в ответ на полученные его королевским высочеством поздравления. «Принц Константин в письме горячо благодарил берлинский муниципалитет за его пожелания и обещал всегда разделять радости и горе берлинских жителей!» Его величество пишет на полях против этих строк: «Лишняя совершенно фраза»; затем дальше, против слов: «Злополучное письмо это было составлено бывшим воспитателем, теперешним гофмаршалом принца г. фон-Лидерсом и послано без ведома короля»,— его величество делает пометку: «Это меня не удивляет, я знаю этого Лидерса давно и считаю его весьма вредною личностью при наследнике греческом».

Еще раз сказывается германофобия нашего государя.

В то время, как я вечером занимаюсь у себя, получается известие о том, что погребение бразильской императрицы состоится завтра, и министр просит меня тотчас телеграфировать нашему посланнику в Лиссабоне, что ему поручается быть представителем их величеств во время церемонии.

Суббота, 23-го декабря.

Министру очень неприятны попытки нашего Никонова пригласить сегодня вечером на концерт великую княгиню Александру Георгиевну.

Вечером устраиваемый г-жей Гамбургер и Никоновым в залах министерства концерт в пользу Красного Креста. Г. Гирс присылает мне доклад г. Вышнеградского, который надо перевести, и я тотчас же передаю его Деревицкому. Оболенский возвращается довольно поздно и отправляется на концерт.

Воскресенье, 24-го декабря.

Получены двухнедельные экспедиции очень бесцветные; впрочем, для ответов мне достаточно будет приготовить сопроводительные письма к составленному Михаилом Гирсом политическому бюллетеню конца года. Вношу в книгу экспедиции в состоянии такой рассеянности, что забываю сделать обычные надписи на обложках. Я так потрясен всеми волнениями и так утомлен, что испытываю ужасное чувство настоящего рамолисмента. Возвратившийся не слишком поздно Оболенский застает меня в этом состоянии. Министр пишет мне, что г. Вышнеградский не нуждается больше в переводе своего отчета, и я тотчас же предупреждаю об этом Деревицкого, чтобы остановить его работу. Прощаюсь со своим Ола и, совершенно разбитый, ухожу около 11-ти часов.

Вторник, 26-го декабря.

Министр едет в 10 часов в Гатчину; это последний доклад в этом году. Подымаюсь, чтобы с ним повидаться, поблагодарить его и поздравить по случаю дня рождения г-жи Гирс, которая, по его словам, нездорова.

Министр возвращается около 5-ти часов. За обедом только мы двое, г. Крупенский и один офицер. Перед самым обедом получаются отчаянные известия, а затем весть о смерти старой императрицы Августы; мы передаем их по телеграфу в Гатчину.

Сегодня утром государь возвратил телеграмму Нелидова от 23 декабря/4 января, в которой наш посол замечает, что немцы подчеркнули, что для Турции важно, наказав примерно Мусс (Mousse), дать Сольсбери оружие для отражения атак, подгото-

вляемых Гладстоном в связи с армянским вопросом. Его величество сделал на ней следующую пометку: «Это знаменательный факт, доказывающий, как Германия дорожит министерством Сольсбери».

Среда, 27-го декабря.

По словам министра, он нашел вчера, что их величества очень озабочены скверными известиями об императрице Августе, не потому, чтобы ее кончина была для них особенно тяжелой утратой, а из-за траура как-раз во время праздников; спрашивают себя даже, как и в каких туалетах устраивать уже назначенный в день нового года выход. Кажется, по этому поводу даже немного посмеялись над покойной монархиней, и государь высказал, между прочим, мысль, что старый император король Вильгельм должен был беситься на небесах по поводу того, что его благородная подруга еще живет, в то время как его уже около двух лет как нет в этом мире.

Четверг, 28-го декабря.

Уезжает двухнедельный курьер. Это — Корф. Пишу ему прощальное письмо. Шувалов телеграфирует из Канн, что болен и не может ехать в Берлин на похороны. Государь делает пометку: «и нет особенной нужды». Его величество не принимает этого события особенно трагически; он, однако, послал сочувственные телеграммы и отправляет также великому герцогу Веймарскому телеграмму, которую я позволил себе представить министру. Вчера г. Гирс должен был обратиться к его величеству с запиской, чтобы: «напомнить о предположении вашего величества отправить ваш фотографический портрет юному сербскому королю — который просил об этой милости». Сегодня его величество присылает портрет с подписью при записке на имя г. Гирса, в которой пишет: «Посылаю при этом мою рожу». Какова скромность! Министр просит меня спрятать как можно дальше этот оригинальный автограф.

Пятница, 29-го декабря.

Погребение императрицы Августы назначено на после-завтра и, по предложению министра послать кого-нибудь в Берлин.

государь решает, что поедет фельдмаршал великий князь Михаил, который приходится покойной племянником. Он этим очень доволен, иначе там не было бы никого, кроме поверенного в делах, даже графа Кутузова, военного, который тоже в отсутствии.

Суббота, 30-го декабря.

Государь возвращает сегодня утром донесение Нелидова № 174 относительно путешествия лейтенанта Машкова в Абиссинию и фантастических планов войти в сношения с королем Менеликом. Его величество пишет на сопроводительном письме г. Гирса: «Окончательно решим, что делать, выслушав самого Машкова и обсудив хорошенько этот вопрос».

Воскресенье, 31-го декабря.

Обедаю один. Вечерня в министерской церкви. По возвращении — записка от министра, который спрашивает мое мнение относительно ответа, который он рассчитывает дать Нелидову, в предположении, что Ону будет говорить о делах с великим визирем. Г. Гирс предлагает ему не показывать последнему, что он в курсе дела этих переговоров до того, как тот окончательно не выскажется. Г. Гирс прибавляет: «Не доставите ли вы нам удовольствие притти поужинать с нами сегодня, чтобы встретить новый год? Будем в семейном кругу». Пишу ему, что благодарю и принимаю приглашение, после чего получаю еще записку: «благодарю вас за то, что приняли наше приглашение на сегодняшний вечер»; он поручает мне также предложить Оболенскому к нам присоединиться.

В $11^1/_2$ ч. подымаюсь наверх. Около 12 садимся за стол. Семейство, адъютант Кантакузен и Дубенский. Садясь, министр говорит: «Это, вероятно, моя последняя встреча нового года» и прибавляет: «в этой квартире». У меня больно сжалось сердце; угрызения совести, невероятная грусть. Возвращаюсь в $12^1/_2$ ч.

1890 г.

Январь.

Понедельник, 1-го января.

Встретив новый год со своим дорогим министром и его семьей, возвращаюсь к себе около часа. Приготовляю ответные телеграммы на принесенные государю поздравления. Оболенский возвращается поздно, и завтрак подают только около 2 часов. Выход был, повидимому, очень блестящий. Вместо маленькой Петровской залы, между Гербовой и Фельдмаршальской, которая предназначалась когда-то для дипломатического корпуса, иностранные представители были на этот раз собраны в Георгиевском, иначе говоря, Тронном зале. Много городских дам; великолепные туалеты. Вернувшись около 6 часов, нахожу целый букет поздравительных телеграмм от большинства европейских монархов и в том числе от германского и австрийского императоров, на которые его величество просит приготовить ответы. Обедаю один. Написав все проекты, посылаю их около $7^1/_2$ ч. министру; он мне их тотчас же возвращает для представления их государю, но я знаю, что Оболенский не любит, чтобы отправка производилась без него, а он обещал сегодня вернуться рано. Он, однако, запаздывает, что меня крайне беспокоит. Вчера вечером их величества перенесли свою резиденцию в Петербург; в Гатчину дела посылались два раза в сутки: в 4 часа дня и во всякое время ночью для фельдъегеря, выезжающего с первым утренним поездом, — теперь же порядок упрощается. Однако, на время пребывания двора в Аничковом дворце для меня лично создается очень неприятное положение: — находиться между министром, который, не имея возможности учесть ни поступления телеграмм,

ни вызовов его к государю, не может сообразоваться с часами, и директором, который обычно удаляется с 5 часов, не сообщая о том, когда он предполагает вернуться. Мне постоянно говорят, что, зная о наших хороших отношениях, г. Гирс, обращаясь ко мне, всегда совершенно спокоен за то, что все будет сделано так, как если бы князь Оболенский сам был тут; последний же, не только не чувствует ко мне за это какой-либо признательности, но часто бывает со мной резок и, вместо того, чтобы сказать мне «merçi», дает мне понять, что он недоволен моим вмешательством.

Вторник, 2-го января.

Еще и еще поздравительные телеграммы, присланные государем с надписью: «Приготовить ответ».

Министр просил вчера у его величества разрешить ему не являться сегодня с докладом, за неимением дел, долженствующих быть представленными на высочайшее рассмотрение. Иду сделать еще несколько визитов в ответ на полученные вчера поздравления и кстати зайти к маленькому Вестману из Константинополя, остановившемуся у своего beau-frère'а генерала Спюллера на Фонтанке. Вижу издали, как из-за решетки Аничкова дворца выезжает 4-х-местная карета с гайдуком государыни на запятках; их величества с августейшими детьми и вся императорская фамилия едут в Мариинский театр смотреть из партера генеральную репетицию или, вернее, первое представление нового балета «Спящая красавица», которое состоится специально для высочайших особ.

Среда, 3-го января.

Вечером приготовляю письмо Стаалю в Лондон, чтобы изложить ему нашу точку зрения на англо-португальский спор. Барон Марокетти сообщает о предстоящем путешествии принца Неаполитанского на Кавказ, а может быть, и дальше в наши восточные провинции. Министр посылает это письмо государю, который возвращает его со следующей пометкой: «Милости просим. Предупредить об этом министров военного и внутренних дел, а также князя Дондукова-Корсакова». Приготовляю в этом смысле ответное письмо нашему послу в Италии.

Четверг, 4-го января.

Когда я прихожу к министру, он мне рассказывает, что вчера, во время приема дипломатов, говоря со Швейницем об англо-португальском споре, он подчеркнул несправедливость резкого образа действий лондонского кабинета и указал на ту опасность, которой, в связи со столь энергичными действиями, предпринятыми в самом же начале нового царствования, может подвергнуться монархический принцип в Португалии, Испании, а может быть, и далее; посол на это ему заметил: «как странно, что и Бисмарк вынес аналогичное впечатление», и прочел г. Гирсу телеграмму старого канцлера, который, опасаясь возможности свержения монархий в Португалии и Испании и отголосков этого в Италии, очень встревожен всем происходящим. При этом, всячески щадя кабинет Сольсбери, он не хочет заходить слишком далеко.

Принимаюсь опять за мой вчерашний проект, чтобы тщательнее разработать его в части, посвященной вопросам монархического принципа.

Пятница, 5-го января.

Министр доволен моим проектом письма Сталю и хочет послать его государю.

Суббота, 6-го января.

Говорят, что государь плохо выглядит; он бледен и желт, но, несмотря на просьбы окружающих, его величество непременно пожелал выйти на «Иордань».

Приехавшие третьего дня герцог и герцогиня Эдинбургские помещены на сей раз в Аничковом дворце; доказательство большой близости. Придя около 3-х часов к чаю, Вламгали рассказывает о том, что делается в Академии Художеств. Повидимому, там уже с давних пор происходили невероятные хищения и беспорядки. Секретарь Исеев произвел дележку, и полагают, что недружелюбное к себе отношение профессора Якоби он возбудил тем, что не соблюл желательной для того пропорции. Последний задержал посылаемый за границу компрометирующий вексель, который он и передал товарищу министра двора Петрову, как доказательство совершенных хищений. Пользующийся покрови-

тельством и полным доверием вел. князя Владимира Исеев постарался придать всей этой грязной истории социалистическую окраску; отсюда ярость его императорского высочества, который во время заседания Академии до такой степени вышел из себя, что закричал: «вон доносчика», и выгнал Якоби. Последний отправился с жалобой к г. Петрову; тот успокоил его, сказав, что так как профессором Академии его назначил государь, то он и не может быть отставлен великим князем без высочайшего на то соизволения. Тем временем граф Воронцов в один день устроил назначение графа Бобринского вице-президентом, а графа Толстого секретарем Академии; сделал он это, не спросив мнения великого князя, который был этим очень уязвлен и утверждает, что с таким же отношением ему пришлось столкнуться в военном ведомстве со стороны военного министра и начальника штаба гвардии.

Все это наводит на мысль о том, как хорошо делают великие князья, когда держатся в стороне от всяких дел. Князь Александр Барятинский, бывший в немилости со времени курьезного эпизода 22 июля 1884 г., представлялся на-днях их величествам, чтобы принести извинения. Повидимому, за него ходатайствовал принц Уэльский во время пребывания в Копенгагене. Барятинский опять уехал за границу.

Воскресенье, 7-го января.

Обедня в министерстве после свидания с моим министром. Он передает мне перлюстрацию телеграммы английского посла в Константинополе к лорду Сольсбери в Лондоне. Радовиц[1] конфиденциально уведомил меня о том, что его превосходительство сообщил частным образом султану, что известие о том, каким образом был оправдан преступник Манса, раздражило Бисмарка; канцлер желает, чтобы его императорское величество был предупрежден о возможных для Турции последствиях в том случае, если бы это вызвало возбуждение общественного мнения в Англии в направлении, неблагоприятном для нынешнего кабинета его величества. Император делает следующую пометку: «Как снюхались каналья».

[1] Германский посол в Константинополе.

Тотчас после чая министр присылает мне экспедиции из Вены и Рима, привезенные его племянником Кантакузеном. Вечером приезжает двухнедельный курьер. Занимаюсь внесением в книгу и прочтением всей корреспонденции, готовясь на нее отвечать. Часть ее посылается в тот же вечер в Аничков так же, как и телеграмма барона Икскуля, подтверждающая известие о смерти герцога Аостского, бывшего испанского короля.

Понедельник, 8-го января.

Занимаюсь ответами на экспедиции Лобанову, с которым граф Кальноки неожиданно вновь заговорил о болгарском займе. Я пишу, что он хорошо сделал, не вступая в полемику, а лишь констатировав, что мы остаемся при своем мнении и во всяком случае считаем, что Австрия напрасно умножает причины разногласия между нашими правительствами вместо того, чтобы стараться их сглаживать. Наша точка зрения на англо-португальский спор; письмо, написанное г. Стаалю в Лондон, вследствие шагов, предпринятых португальским посланником по отношению к г. Гирсу. Письмо Икскулю, который переслал интересную брошюру о финансах Италии бывшего министра финансов г. Мальяни, доказывающего, что вот уже несколько лет, как Италия разоряется на вооружение; пусть этот труд откроет королевскому правительству глаза на опасности и неудобства той политической системы, которой оно за последние годы придерживалось (тройственный союз — вооруженная с головы до ног лига мира). Распоряжения, сделанные в виду предполагаемого путешествия принца Неаполитанского. Для трех остальных послов заготовляю письма, извещающие их о получении экспедиций и сообщающие о посылке им литографированных дел за две недели.

Министра вижу только около 12-ти. Он не слишком утомлен и очень доволен своим вчерашним балом для подростков.

Вторник, 9-го января.

Утром государь возвращает привезенное воскресным курьером письмо барона Моренгейма от 4/16 января. В тексте: «в виду того, что первоисточником всех слухов о якобы существующих между Россией и Францией разногласиях явились некоторые

немецкие газеты и «Journal de Genève» и, в сущности, никаких более серьезных оснований они под собой не имеют, я всячески успокаиваю бедного Спюллера, который, по собственному его выражению, совершенно выведен из состояния равновесия», его величество подчеркнул слова: «и, в сущности, никаких более серьезных оснований они под собой не имеют» и написал на полях: «В этом у меня сомнения». Поднявшись к министру, обращаю его внимание на эту пометку, которой он не заметил, и говорю, что, по-моему, в связи с этим для барона Моренгейма недостаточно простого сопроводительного письма, и что во время своего сегодняшнего доклада г. Гирс мог бы узнать сущность сомнений его величества. Напоминаю также ему о том, что в понедельник 15/27-го день рождения императора Вильгельма; в прошлом году в Аничковом дворце состоялся завтрак для посла, и от имени государя и цесаревича императору Вильгельму были отправлены поздравительные телеграммы. Министр очень благодарит меня за это напоминание, имея в виду, что, помимо сегодняшнего доклада, у него не будет случая обстоятельно поговорить об этом с его величеством.

Без четверти двенадцать министр уезжает в Аничков дворец. Он возвращается около 3-х часов и тотчас за мной присылает; он в восторге от своего доклада. Полный успех относительно празднования 15-го. Будет завтрак с музыкой, хотя этот день и не воскресный; будут приглашены Швейниц и Вилльом. Его величество изъявил полное согласие на то, чтобы цесаревич послал поздравительную телеграмму, и просит прислать ему для подписи обе телеграммы 14-го вечером. Несколько позже, когда г. Гирс предупреждает об этом наследника, его императорское высочество благодарит его и говорит: «Ах, да, пожалуйста, пришлите телеграмму; вы их всегда так хорошо составляете, с таким тактом». Что касается пометки на письме Моренгейма, то оказывается, что государь считает Спюллера руссофобом. Фрейсине также изменил свое отношение. Генерал Ванновский жалуется, что французские военные власти, пообещав нашему военному агенту образец бездымного пороха, теперь отказываются его дать. Отношение республиканского правительства, заигрывающего с немцами и стремящегося сблизиться с Италией, совсем уже не так благо-

приятно для России. Его величество замечает: «Их нужно щукнуть», на это министр отвечает: «Да, ваше величество, но нам не надобно портить нашего положения, которое лучше теперь, как при каком-либо государе». Г. Гирс не упускает при этом случая напомнить, что во время кампании Каткова против него он, как и всегда, был того мнения, что нам не следует вполне полагаться на французов. Гамбетта, Клемансо и К° были всегда враждебно настроены по отношению к монархической, самодержавной, набожной и православной России. Под влиянием страха перед Германией они из расчета льнули к нам, но, в сущности, парижский кабинет имел постоянно целью поссорить нас с Берлином, заставлять нас таскать для него каштаны из огня и лишь стремился пускать нам пыль в глаза очень шумными, но более нас компрометирующими, чем искренними проявлениями своих чувств. Тем не менее, г. Гирс остается верен своей системе не ссориться с Францией и не подавать даже и виду, что между нами может произойти охлаждение. В целях поддержания равновесия мы должны сохранить возможность опираться на этот мнимый союз и на эти мнимые симпатии. «Да, вся нация за нее», замечает его величество (?). Следует, во всяком случае, постараться использовать испытываемый Спюллером и парижским кабинетом страх перед неодобрением его поведения за последнее время парламентской оппозицией и ее прессой. Предлагаю министру переделать в этом именно смысле письмо барону Моренгейму.

За семейным завтраком после доклада министр встречается с герцогиней Марией Александровной Эдинбургской и ее супругом; это воскрешает тон прежних лет. Она приветствует министра с дружеской непринужденностью, которая сообщается и другим. Повидимому, государь очень сблизился со своей сестрой. Указывая ей ее место, он говорит, смеясь: «Иностранная принцесса, сюда», и прибавляет: «только не приставай к Николаю Карловичу с назначениями и перемещениями молодежи». Разговор касается всего персонального состава посольства в Лондоне. Анекдоты о Крупенском. Герцогиня положительно умна и с характером; она заставила своего супруга отказаться от многих уклонений с правильного пути и имеет хорошее влияние на государя. Во время своего пребывания здесь летом, видя, что министр встре-

вожен пежеланием его величества отдать визит императору германскому, она сказала г. Гирсу: «Подождите, я постараюсь вам помочь», и министр считает вероятным, что она оказала влияние на принятое впоследствии решение. Государыня делает гримасу и ничего не отвечает на просьбу министра принять графиню Сан-Миггоэль и княгиню Гика — жен португальского и румынского посланников, которые еще не были приняты. Г. Гирс слышал, что они решили в случае, если бы им пришлось представляться на большом придворном балу 14-го, там не появляться под предлогом болезни, и надо сознаться, что они были бы в праве это сделать. Недавно ее величество приняла 70 городских дам и только жены иностранных представителей вынуждены ждать.

Судя по заметке в «Новом Времени», судьба происходивших недавно в Государственном Совете прений решена. Как и следовало ожидать, государь утвердил мнение меньшинства, но ничего не известно о том, как собственно этот вопрос был урегулирован и как уладилось дело с мнением наследника-цесаревича.

Вечером составляю новое письмо барону Моренгейму. Нимало не возбуждая подозрения хотя бы о малейшей перемене в наших добрых отношениях с Францией, мы можем и должны дать понять республиканскому правительству, что от нас не ускользнуло некоторое несоответствие его образа действий [1] с горячими проявлениями чувств со стороны нации.

Февраль.

Пятница, 2-го февраля.

Мой министр встает поздно; вижу его только после 11-ти часов и не попадаю к обеду. Английский военный агент Гербет (Herbette), кажется, вел себя очень плохо при своем посещении Москвы и побил везшего его на вокзал извозчика: генерал-губернатор князь Долгоруков пишет г. Гирсу негодующее письмо. Герцогиня Эдинбургская просит, чтобы дело

[1] Следует газетная вырезка на русском языке о реформе местного самоуправления.

это было улажено без шума, дабы не обидеть королевы. Герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий венчается сегодня, с согласия своей матери великой княгини Екатерины, с г-жей Вонлярской, которая получает титул графини Карловой.

Суббота, 3-го февраля.

На площади опять парад. Возвращаясь в 12 часов от своего министра, вижу прибытие государя, который затем с многочисленной свитой проезжает перед войсками. Начинается прохождение войск, и только тогда со стороны Миллионной, с гайдуком на запятках, появляется карета снова опаздывающей государыни. Экипаж ее величества должен проехать сквозь свиту для того, чтобы достигнуть собственного подъезда, перед которым стоит государь.

Воскресенье, 4-го февраля.

После обеда прибывает двухнедельный курьер; вскрываю экспедиции, заношу их в книгу и посылаю г. Гирсу. Пока я одеваюсь, он еще раз присылает спросить у меня, еду ли я на бал, или он может прислать мне бумаги. Мое намерение выехать в свет положительно кажется моему дорогому шефу невероятным. На бал попадаю только около $9^1/_2$ часов, уже после того, как состоялся выход императорской фамилии.

Я поражен бледностью нашего августейшего монарха. У него восковой цвет лица с желтоватым оттенком. Неужели это все еще последствия его «инфлюэнцы»? Государыня в светло-желтом туалете с диадемой, украшенной бирюзой и бриллиантами. Ее величество была очень любезна с княжной С. Она сказала ей, что заметила ее на репетиции спектакля в Эрмитаже и спросила, напомнили ли ей эти красивые декорации Москву. Государыня и великая княгиня Елизавета Федоровна принимают участие в танцах. Наследник не вырос, не пополнел и не похорошел. Он настолько теряется в толпе, что его трудно различить в общей массе. Я не нахожу, чтобы выражение его лица было очень симпатичным. Большой чувственный рот, вздернутый нос, в глазах что-то жесткое, насмешливое и высокомерное, а в общем ничего величественного. Гусарский офицерик недурен собой, но в общем банален и незначителен. Надеюсь.

что он, тем не менее, одарен всеми качествами сердца, характера и ума, которые ему приписываются.

Понедельник, 5-го февраля.

Чувство утомления и нервное состояние. Это, якобы великолепное зрелище придворного бала осталось у меня в памяти калейдоскопом какого-то более или менее отвратительного безобразия. Привезенные вчерашним курьером экспедиции не очень интересны; требуются, однако, ответы в Берлин, Вену и Париж.

Март.

Четверг, 1-го марта.

Провожу день за чтением данного мне вчера министром первого тома мемуаров короля Станислава-Августа Понятовского. Это чтение меня очень увлекает. Молодость Понятовского; его путешествия в Саксонию, Пруссию, Австрию, Францию, Англию и Нидерланды. Он дает прекрасные портреты. Фридриху Великому он не польстил; Мария, Терезия и Кауниц — прелестны. Людовик XV. Мария Лещинская. Георг II. Английские нравы. Положение вещей в Польше в момент его возвращения. Политические партии, семейные интриги, частные сеймы, польские нравы.

Пятница, 2-го марта.

Возвращаю министру I том мемуаров Понятовского, он мне дает II. Последний чрезвычайно интересен. Его приезд в Россию к его другу Уильяни, великобританскому послу в С.-Петербурге. Любовь к Екатерине, в то время еще молодой великой княгине. Бестужев и Нарышкин, способствующие их отношениям. Великолепно очерченные портреты императрицы Елизаветы, будущего императора великого князя Петра и Екатерины. Написанный в 1756 году по рассказам тысячи очевидцев исторический обзор со времени царствования Петра Великого. Интересные и новые подробности. Двор, общество того времени. Как только остаюсь один, не могу ни на минуту оторваться от этой книги и кончаю ее к вечеру, ни разу не выйдя из дома.

Суббота, 5-го марта.

Впечатление от мемуаров Понятовского настолько сильно, что он как бы совершенно переносит меня в ту эпоху; решаюсь оставить у себя книгу до завтра и сделать из нее несколько выписок.

Придя к министру, благодарю его за то, что он дал мне эту книгу и отзываюсь о ней с увлечением. Шувалов сегодня снова уезжает в Берлин. Он вчера представлялся государю и всячески добивался возобновления действий по протоколу, столь неуместно добавленному им к тайному договору 1887 года. Министр доволен тем, что он уезжает и предпочитает посылать ему инструкции в Берлин, чем входить с ним в обсуждение здесь.

Перед обедом получаю странное письмо от злополучного Дризена, служившего ранее у нас в министерстве и удаленного за целый ряд некрасивых поступков; 5 лет тому назад он состряпал пожалование ордена св. Екатерины тетке государыни, принцессе Ангальт-Бернбургской. Г. Гирс поручил тогда мне, как директору канцелярии, довести до сведения этого господина о неудовольствии его величества и об отказе послать его в качестве курьера, с каковой целью он предлагал свои услуги, желая отвезти принцессе орденские знаки. Оказывается, что он для путевых издержек занял деньги у камергера ее высочества; сей камергер шумно требует этих денег, и негодяй Дризен призывает меня в качестве свидетеля, утверждая, что он якобы читал мне письма, которыми камергер вызывал его к принцессе, чем, по его мнению, и объяснялась выдача ему полученных им денег. Я положительно не помню подобных писем, да и не имел бы, впрочем, никаких оснований с ними знакомиться. Тем не менее, это меня смущает, и я провожу вечер, отыскивая в старых письмах 1884—1885 г.г. каких-либо следов переписки с бароном Дризеном. Наконец, получив через полицию его адрес, посылаю ему часов в 10 несколько резкую записку, в которой отклоняю всякое с своей стороны свидетельство по его частным, совершенно меня не касающимся делам. Роясь в старых письмах, нахожу одно интересное послание г. Сергея Татищева, написанное в августе 1885 г., незадолго до того времени, когда он присоединился к Каткову в его кампании против министра; в этом письме он просил меня передать по случаю смерти Наташи Гирс

его соболезнования моему шефу, которого он превозносил до небес: «как русский, глубоко преданный своему государю и своей родине, я не могу упустить естественного, хотя и печального случая выразить свое глубокое почтение государственному деятелю, сумевшему среди самых тяжелых условий сохранить для России блага мира, одновременно продолжая высоко держать знамя ее чести».

Жаль, что я забыл об этом письме, которое следовало бы противопоставить последовавшим вслед за тем подлым нападкам «Московских Ведомостей».

Воскресенье, 4-го марта.

Придя утром к министру, показываю ему найденное вчера письмо Татищева; говорю также и о полученном от Дризена. Граф Николай Комаровский и его претензии получить сразу назначение на пост консула в Рагузе. Среди возвращенных государем бумаг перлюстрированная телеграмма Гюсни-паши в Константинополь, в которой он дает отчет о своей беседе с г. Гирсом касательно критских дел. Министр высказал удовлетворение по поводу того, что за последнее время на острове не произошло ничего неприятного, Гюсни же приписывает ему фразу в роде следующей: «под сенью покровительства султана царит полнейшее спокойствие». Г. Гирс пишет на полях: «этого я никогда не говорил». Государь делает пометку: «Подслуживается подлец». — Это резко, но характерно. У его величества, повидимому, врожденное отвращение к лести. Обедня в министерской церкви. Опять принимаюсь за выписки из мемуаров Понятовского, которые хочу кончить до прибытия вечерней почты. Около 7 часов приезжает очередной курьер; вскрываю и вношу в книгу экспедиции. Наибольший интерес представляют, бесспорно, донесения графа Муравьева, продолжительное молчание которого нас удивляло. Мне кажется, что содержание его писем, которые я переписываю, в виду их важного значения, должно бы было быть передаваемо хотя бы вкратце по телеграфу со дня его первого разговора с князем Бисмарком 26-го февраля. Вместо этого он ограничился тем, что телеграфировал о поздравлениях канцлера, что же касается происшедшей между ними крайне существенной по своему зна-

чению беседы, то о ней он написал лишь 2 марта с двухнедельным курьером.

Очень секретное письмо графа Муравьева из Берлина от 21/4 марта, 1890 г., полученное в С.-Петербурге в воскресенье 4/16 марта.

«Князь Бисмарк приезжал ко мне в посольство 26 февраля/10 марта, чтобы просить меня повергнуть к стопам нашего августейшего монарха его почтительнейшие поздравления. Канцлер был в кирасирской форме при знаках ордена св. Андрея Первозванного. Сказав мне о цели своего посещения, он сел против меня и начал так: «В мои годы невозможно следовать по пути, избранному моим монархом. Он дает невыполнимые приказания и считает себя Фридрихом-Вильгельмом I. Я не могу на закате своих дней скреплять своей подписью мероприятия, коих не одобряю. Поэтому я решил совершенно удалиться от дел и остаться простым зрителем происходящего. Я сделал бы это тотчас, но не хочу дать повода думать, что меня испугали выбранные в рейхстаг «свиньи». Я хочу говорить перед новым рейхстагом, а затем уйду».

«Я заметил канцлеру, что решение это произведет тягостное впечатление на привыкшую к его политической линии страну и возбудит в ней опасения за будущее. «Я это знаю — возразил князь, — это мешает мне спать по ночам, но я не могу поступить иначе, особенно после того, как мои коллеги, министры, совершенно от меня отвернулись, дабы сохранить свое положение. Я один даю советы своему молодому королю, который принимает их не охотно, а прислушивается к мнению лиц, совершенно незнакомых на практике с делами, в роде наставника Гинтцпетера или какого-нибудь ничтожного подпоручика. Я не мог помешать опубликованию положения о рабочих и о предстоящей конференции. Мне удалось только внести некоторые изменения в редакцию этих документов, которые носили сначала слишком несерьезный и поэтичный характер».

«Пользуясь наступившим молчанием, я напомнил канцлеру, что еще не так давно он сам желал найти применение труда тысячи рабочих, которым грозила голодная смерть от безработицы.

— «Да,—ответил он,—именно об этом и следовало бы думать, а уменьшать число рабочих часов для женщин и детей значит

вмешиваться в личные дела каждого из них, и мой юный монарх увидит, что это не только не вызовет с их стороны восторга, а, напротив, они будут недовольны тем, что будущее не сдержит ни одного из расточаемых им теперь обещаний».

«Коснувшись вопроса урегулирования и уравнения заработной платы в разных странах, я спросил князя, не думает ли он, что Франция и Англия, например, сочтут для себя выгодным стремиться к тому, чтобы продукты германского производства, вопреки вздорожанию их, вследствие повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, могли бы попрежнему неизменно конкурировать на различных рынках с французскими и английскими товарами.

«Канцлер лукаво улыбнулся и дал мне ясно понять, что не ожидает никаких практических результатов от конференции. Перед отъездом он сказал мне, что так как его монарх, конечно, гораздо могущественнее его, — то он вынужден уступить этому могуществу и совершенно удалиться от дел. На другой день, когда я, по повелению его императорского величества и согласно предписания вашего превосходительства, поехал благодарить канцлера за поздравление, князь, сказав мне, что он глубоко тронут милостивым к нему отношением нашего августейшего монарха, возобновил вчерашний разговор: «Вы не поверите, — сказал он, — насколько мне трудна и утомительна работа с моим молодым монархом. Он то и дело заговаривает о делах, которые требуют рассмотрения и затем сами собою отпадают. Он все боится, что я недостаточно посвящаю его в дела. Я не привык к такому положению вещей. При моем старом короле я многие дела решал сам, сообщая ему лишь результат их. Теперь я вынужден обсуждать малейшие подробности. Есть немецкая баллада, кончающаяся следующими словами: «Sieben Jahre habe ich die Last getragen, — jetzt kann ich es nicht mehr» [1]. А я нес свое бремя четыре раза семь лет и больше не в состоянии.

«Ваше превосходительство изволите заметить, что речь канцлера в этот день имела несколько иной оттенок, чем то, что он говорил накануне. Это объясняется тем, что накануне князь Бисмарк был под впечатлением пожалования министра Беттихера

[1] Семь лет нес я это бремя, но теперь больше этого делать я не в состоянии.

кавалером ордена Черного Орла, — пожалования для канцлера тем более неприятного, что Беттихер, бывший прежде в числе людей ему преданных, от него отвернулся и, по выражению самого князя, пожертвовал и им, и интересами партии, став бортом за новые идеи, дабы сохранить свое положение. В тот же вечер канцлер имел свидание с императором, который был по отношению к нему, повидимому, благосклонен, чем и объясняется несколько более умеренный тон речей следующего дня. Следует ли заключить из признаний князя Бисмарка, что он в скором времени совершенно удалится в частную жизнь? Слушая его, становишься склонным это думать. С другой стороны, он уже не в первый раз ставит дела под угрозу своей отставки. Он это делал даже столько раз, что то, что здесь именуется «Kanzler Krisis» (канцлерский кризис), очень напоминает басню о пастухе, овцах и волке. Как и в басне, угрозы часто не существующей опасности приводят к тому, что ей начинают верить лишь тогда, когда уже нельзя ее предотвратить. В конце концов, то же может случиться и на сей раз. Отставка канцлера, действительно, носится в воздухе».

Личное письмо графа Муравьева:

«Будучи достаточно близко знаком с семейством Бисмарка, считаю долгом вскрыть перед вами истинную подоплеку этого дела, могущую служить дополнением к моему очень секретному письму от сегодняшнего числа. По сведениям, почерпнутым из верного источника, канцлер, хоть он и считает несовместимым со своим достоинством оставаться у дел, все же изыскивает всевозможные способы сохранить свое влияние и свое положение. До сих пор ему еще не удалось разрешить этой задачи. Его семья, во главе с княгиней Бисмарк и их двумя сыновьями, уговаривает его удалиться, в уверенности, что силой вещей он вскоре снова станет у власти в положении победителя. Этот маневр сопряжен с риском, опасность коего канцлер сознает, ибо он гораздо лучше их, и особенно лучше своего старшего сына, отдает себе отчет в современном положении вещей в Берлине и т. д. Император Вильгельм очень ревниво относится к своей власти и любит констатировать свою силу, как он это доказал речью

произнесенной им недавно в отеле «Kaiserhof» на банкете, данном в честь его бранденбургским провинциальным собранием».

Понедельник, 5-го марта.

Возвращая посланные ему вчера вечером бумаги, государь просит составить ему телеграмму с выражением сочувствия князю Черногорскому по случаю кончины княгини Зорки Карагеоргиевич, о которой его величество только-что узнал. Заготовляю эту телеграмму и подымаюсь к министру. На письме Муравьева государь сделал пометку: «Мне все-таки не верится, чтобы Бисмарк ушел». Таково же и наше впечатление; князь сохранит за собой, вероятно, руководство внешней политикой.

После завтрака обмениваюсь визитными карточками с Александром; затем набрасываю проект ответа барону Моренгейму, который написал нам длинное письмо по поводу перемены министерства во Франции, и Шувалову. После собрания за 4-часовым чаем в обществе Влангали, Зиновьева, Никонова и Нонина — недомогание и такое сильное утомление, что чувствую себя почти неспособным к продуктивной вечерней работе. Так как Оболенский меня предупредил, что вернется сегодня очень поздно, я собираюсь лечь около 11 часов; в этот момент дежурный чиновник присылает мне только-что полученную из Берлина телеграмму с пометкой: «строго личная». В виду обстоятельств данного момента и завтрашнего доклада решаюсь сам ее расшифровать и сижу над этой работой до 3 часов ночи. Вот эта телеграмма: расшифрована ночью с понедельника 5/17 марта на вторник 6/18 марта, для доклада.

Секретная телеграмма графа Шувалова:

Берлин, 5/17 марта 1890 г.

Строго личная.

«Утром, по моем приезде сюда, канцлер обратился ко мне с просьбой уделить ему сегодня же несколько минут. Я застал его в состоянии крайнего возбуждения. Из нашего разговора выяснилось, что отставка его и его сына принята императором,

и что с часу на час следует ожидать ее официального оформления. Несогласие в мнениях императора и его канцлера по внутренним вопросам распространилось и на внешнюю политику, по поводу которой взгляды их совершенно за последние дни разошлись. По словам князя, император ставит ему, между прочим, в упрек проводившуюся им до сих пор руссофильскую политику, а также то, что канцлер систематически скрывал от него опасность военных мероприятий, якобы принимаемых нами в течение уже стольких лет, и их угрожающий по отношению к Германии характер. Для Бисмарка очевидно, что в настоящий момент по вопросам внутреннего управления император Вильгельм находится под влиянием великого герцога Баденского, а в сфере внешней политики на него оказывает воздействие Вальдерзее или какой-либо другой генерал. Раздражение канцлера так велико, что я спрашиваю себя, не заставляет ли оно его слишком мрачно смотреть на положение, которое создастся в связи с его отстранением от дел. Я задаюсь также вопросом, не является ли утверждение Бисмарка, что причиной его ухода служит, между прочим, то обстоятельство, что император считает его руссофилом, лишь своего рода маневром, имеющим целью вызвать с нашей стороны демонстрацию, которую он мог бы использовать как доказательство того, что только он один является гарантией добрых отношений между нашими государствами. Вчерашнее объяснение между императором и канцлером имело решающее значение. По моему мнению, не может быть и речи о примирении. Донесение о нашем разговоре получите со специальным курьером. Приложу к нему письмо канцлера к Вильгельму I от 1877 года, которое князь просит представить на рассмотрение нашего августейшего монарха. Мне кажется, что до выяснения этого положения требуется величайшая бдительность и осторожность».

Вторник, 6-го марта.

Встаю ранее 8 часов, чтобы переписать эту важную телеграмму, и посылаю ее в запечатанном конверте министру. Он просит меня подняться; застаю его очень озабоченным. Мы условливаемся сохранить эту телеграмму в строжайшей тайне и никому не сообщать ее содержания. Тотчас же заготовляю проект ответа, который министр увозит с телеграммой к докладу.

Вот он: «Серьезное значение сообщенного вами вчера по телеграфу известия очевидно. Положение требует, как вы говорите, величайшей бдительности и крайней осторожности. Наш августейший монарх очень сожалел бы об удалении князя Бисмарка от дел. Передайте последнему выражение нашей симпатии, не упуская, однако, из вида, насколько важно не задеть при этом самолюбия императора Вильгельма». По отъезде министра иду, как всегда во время доклада, помолиться в Казанский собор и, позавтракав с Оболенским, в ожидании возвращения г. Гирса, принимаюсь за переделку моего проекта письма Шувалову. Он возвращается около 3-х часов и тотчас же присылает за мной. Телеграмма произвела на государя чрезвычайно сильное впечатление; его величество, кажется, искренне обеспокоен и огорчен уходом Бисмарка и опасается даже, чтобы конец нашей телеграммы не был слишком осторожен. Как же это, «не упуская из вида, насколько важно», и т. д. Шувалов тогда ничего не сделает. Все же конец остается без изменения; зашифровываем с Оболенским телеграмму и отправляем ее. В то время, как я еще нахожусь у министра, приезжает Лобанов; ему, кажется, досадно, что его заставили несколько минут подождать.

Вечером мне присылают из цензуры телеграммы агентства Вольфа, передающие содержание статьи «Nazionalzeitung», судя по которой, можно предположить, что князь Бисмарк может еще остаться у власти. Из опасения перед неопределенностью положения, которое явилось бы последствием его ухода, приходится этого желать. Кончаю свои проекты писем, которые должны быть отправлены с курьером в среду. Вручая сегодня утром государю телеграмму Шувалова, министр говорит его величеству, что я расшифровал ее ночью, и содержание ее известно мне одному. Его величеству приходит блестящая мысль пригласить завтра на частную аудиенцию генерала Швейница.

Среда, 7-го марта.

Частные телеграммы сообщают о более чем вероятной отставке князя Бисмарка;[1] министр решается сообщить полученную третьего

[1] В дневнике вклеена газетная вырезка, сообщающая о том, что отставка имперского канцлера уже совершившийся или, во всяком случае, неизбежный факт, а отставка Герберта Бисмарка императором якобы

дня телеграмму Влангали и Зиновьеву. Он в восторге от нашей ответной телеграммы и говорит мне, что все, кому он ее показывал, одобряют ее. В письме графу Шувалову мы поручаем ему выразить Бисмарку сожаление государя и прибавляем, что его величество надеется, что канцлер переменит свое решение.

Константинопольская почта приносит письмо Нелидова с отчетом о его беседе с великим визирем; последний, повидимому, отнесся сочувственно к нашим предположениям по поводу выбора нового болгарского князя, но он считает совершенно невозможным добиться удаления Кобурга и восстановления законного порядка, не прибегая к услугам Стамбулова, являющегося господином положения; в виду этого я предлагаю министру телеграфировать нашему послу в Константинополь, что мы не встречаем препятствия к тому, чтобы Порта прибегла к этой мере, если она считает ее наиболее действительной. Вечером государю посылается проект телеграммы в этом именно смысле.

Утром государь принимает в частной аудиенции германского посла, который сегодня уезжает в Берлин, чтобы присутствовать при Ordensfest.

Итальянцы желали бы быть представителями Менелика на противорабовладельческих конференциях в Брюсселе. Мы телеграфируем Урусову. В виду того, что договор Италии с Менеликом состоялся без нашего согласия, мы отказываемся признать протекторат Италии над «Эфиопией».

Четверг, 8-го марта.

Государь возвращает одобренным проект телеграммы Нелидову. Министр мне рассказывает, что во время его последнего доклада его величество сообщил ему под величайшим секретом, что ген. Черевин докладывал ему об установившемся соглашении между молодым Карагеоргиевичем, служащим в кавалергардском полку, и Стамбуловым, который готов содействовать вступлению Карагеоргиевича на княжеский престол в Болгарии, если только государь соизволит на это согласиться. Его величество ответил, что ничего не имеет против этого. Признаюсь,

не принята. Тут же заметка, что часть нового моста императора Вильгельма обрушилась вследствие взрыва газа. Рукой графа Ламздорфа приписано в скобках «предзнаменование».

*

мне эта комбинация совсем не нравится. Возможно, что это не более, как попытка играть политическую роль, к чему близкостоящие к нашему государю генералы, как Рихтер и Черевин, часто стремились, а может быть Стамбулов вступил косвенно в переговоры с князем Карагеоргиевичем, желая нас скомпрометировать в глазах Австрии и Турции или усилить свое влияние в стране путем устрашения русскими интригами. Полагаю, что, прежде чем допустить какую-либо перемену нынешнего режима и согласиться на свержение Кобурга, Стамбулов, конечно, захочет обеспечить себе, насколько это возможно, безопасность со стороны нового князя; но сильно сомневаюсь в том, чтобы он думал именно о Карагеоргиевиче. Следовало бы проявить тут большую осторожность и держаться совершенно в стороне или воспротивиться этой кандидатуре. Я советую министру сообщить это князю Лобанову, который завтра будет принят государем, а в конце недели возвращается на свой пост.

Послал телеграмму Нелидову. Отправка очередного двухнедельного курьера.

С часу на час ждем известий из Берлина. Действительно ли Бисмарк окончательно уйдет? Как обстоит дело с переговорами, которые, по высочайшему повелению, должен был, по возвращении в Берлин, начать Шувалов, чтобы выяснить, будут ли и каким образом возобновлены наши тайные соглашения.

Пятница, 9-го марта.

После обеда приезжает специальный курьер, о котором нас предупреждал Шувалов, и привозит два очень интересные письма:

Строго личное письмо графа Шувалова из Берлина от 6/18 марта 1890.

«Думаю, что моя вчерашняя секретная телеграмма изумила вас не менее, чем был удивлен я сам, передавая вам только-что перед этим сказанные мне канцлером слова. Тотчас по приезде я отправился к князю Бисмарку, который просил меня об этом и настаивал на своем желании видеть меня непременно в тот же день. «Итак, все кончено,—сказал канцлер, протягивая мне руку,— роль моя, как политического деятеля, сыграна. Мой сын и я уходим, наша отставка принята...»

«Под сильным впечатлением этого сообщения, я не скрыл от князя, насколько я поражен этим окончательным решением, осо-

бенно после нашего последнего разговора, из которого можно было заключить, что подобная развязка возможна, но не неизбежна.

— «Что делать,—ответил князь,—во время вашего отсутствия произошли важные события. Мне пришлось выдержать нелегкую борьбу, и—признаться ли вам в этом — я вынужден был защищать свои взгляды не только лишь в области внутренней политики, — осуждению его величества подверглась также и моя внешняя политика. Пока дело касалось только внутренних вопросов, я еще мог уступать; я готов был даже помогать своему государю на том пути, на который он вступил, чтобы избавить его от разочарований, но мои враги напали на меня в области политики внешней, которой я руководил 28 лет, и, повидимому, в глазах императора информация нескольких, ничего дальше своего носа не видящих, консулов и фантастические представления нескольких генералов с Вальдерзее во главе возымели большее значение, чем моя долгая служба и мой 28-летний опыт». «Верите ли, — продолжал князь, — что император упрекал меня, между прочим, в том, что моя политика по отношению к России была слепа, что я держал его в неведении относительно серьезности ваших военных мероприятий за последние годы и их угрожающего для Германии характера».

«Император сказал, что Бисмарк допустил настоящий «Aufmarsch» России против Германии [1].

— «Что мне делать перед лицом подобных инсинуаций?—продолжал князь. — Могу только начать укладываться, как вы можете в этом убедиться, если пожелаете взглянуть в соседнюю комнату. В общих чертах моя политика была всегда одна и та же. Взгляните, вот собственноручно мной написанное в 1877 году письмо. Я обращался к своему старому королю и высказывал ему мою точку зрения на то, как нам следовало держаться во время вашей последней войны. Некоторые места этого письма не представят никакого интереса для вашего императора, но я предпочитаю повергнуть его на воззрение его величества в его неприкосновенной полноте. Я прошу, чтобы с ним ознакомились только

[1] Когда государь возвратил это письмо, мы нашли на полях против части его со слов «Верите ли» следующую сделанную государем пометку: «Как согласить это со словами императора? Не понимаю».

ваш государь, г. Гирс и вы, после чего вы мне его вернете, не правда ли, так же конфиденциально, как я вам его даю» [1].

— «Правда, я уклонился от линии своего поведения, когда в 1879 г. князь Горчаков принял по отношению к Германии угрожающую позицию, что подтверждалось целой серией полученных мной в то время писем. Тогда я добился заключения договоров сначала с Австрией и позднее с Италией. Но что в сущности гарантируют эти договоры указанным государствам? Их сохранение, их существование и ничего более. По существу они являются чисто оборонительными. Я не строю себе никаких иллюзий на счет значения этих союзов, при которых вся тяжесть обязательств ложится, главным образом, на Германию, так как она одна достаточно сильна, чтобы противостоять в будущем возможным случайностям. Италия, — вы знаете, что там происходит. Существующий там порядок может быть каждый день опрокинут революцией. Австрия в соединении с Россией и с Германией—вот комбинация, в пользу которой, как вы знаете, я всегда работал. Соглашение трех монархий, образующее плотину против надвигающихся социализма и революции, со всех сторон угрожающих Европе. Но что может сделать одна Австрия, находящаяся постоянно под угрозой расчленения, которое явилось бы неминуемым последствием отделения Венгрии с преобразованием ее в государство. Остаются наши две страны. Чего мог я бояться со стороны России? Как я говорил вам во время нашей последней беседы, я вполне понимаю, что если бы мы роковым образом оказались втянутыми в войну с Францией, то, в случае нашего успеха, Россия в известный момент сказала бы нам: «стой!», и мы бы остановились. Между тем Россия, без сомнения, возобновила бы свою деятельность на Ближнем Востоке. Что нам было до этого? Мы признаем ваши права в Болгарии, и даже если бы вы дошли до Константинополя, нас это также

---

[1] С этого документа была снята копия для нашего секретного архива; в сущности письмо это не заключает в себе ничего особенно нового. Сочувствие нашим поражениям под Плевной (письмо из Варзина от 11 августа 1877 г., проект европейского выступления по отношению к Порте, в целях воспрепятствования зверствам; намерения предоставить полную свободу действий Александру II; продолжать неизменно придерживаться доброжелательного нейтралитета. Критика имевших место военных действий. [*Сноска подлинника.*]

не касалось. Таковы принципы и идеи, которыми я до сих пор руководился, в силу которых я был сторонником дружеского согласия с Россией. Я всегда стоял бы за это, если бы оставался у власти. Мне, ведь, конечно, не приходилось опасаться взятия вами Кёнигсберга или аннексирования наших польских провинций!»

«Канцлер продолжал и далее в этом же тоне, но я избавляю вас от подробностей, которые привели бы меня к повторениям.

«Я не скрыл от канцлера, что все, что мне привелось выслушать, произведет, без сомнения, тягостное впечатление на моего государя; что мне трудно понять и даже уловить значение и смысл упреков, которые делал ему его император относительно миролюбивого и корректного характера его политики по отношению к России; что, по-моему, обвинения императора Вильгельма находятся в полном несоответствии с выражениями дружбы, которые его величество столько раз лично высказывал нашему августейшему монарху; что, в конечном итоге, не следует удивляться, если, в виду подобных откровенных признаний, мы займем еще более сдержанную и выжидательную позицию, ибо как могли бы мы примирить опасения перед «Aufmarsch'ем» России с мирными заверениями, которые неоднократно так благородно и так торжественно высказывались нашим государем как императору Вильгельму, так и ему, канцлеру...

«Заканчивая это донесение, хочу еще пояснить кое-какие свои соображения, высказанные мной по существу моей секретной и строго личной вчерашней телеграммы. Мое предположение, что Бисмарк мог преднамеренно рисовать в самых мрачных красках последствия его отставки, объясняется воспоминанием об одном, до некоторой степени аналогичном разговоре с князем, происшедшем еще при жизни императора Фридриха, когда он приезд и прием в Берлине князя Баттенберга сделал вопросом существования кабинета. В данном случае, сказал я себе, канцлер так же, как и тогда, подчеркивает свои чувства, свое отношение в прошлом к России, чтобы вызвать с нашей стороны сожаления по поводу возможности исчезновения его с арены политической жизни. Если изволите припомнить, откровенные признания князя вызвали с вашей стороны письмо от 31 марта 1888 г., которое он использовал для того, чтобы показать императору Фридриху, сколь сильное сожаление вызвала бы с нашей стороны какая-либо пере-

мена в германской политике. Я и подумал, что канцлер желает прибегнуть к подобному же средству, чтобы удержаться у власти. Но есть ли основания ожидать, что средство это окажется столь же действительным при настоящей конъюнктуре? В этом позволительно усомниться.

(Против этих слов император сделал пометку: «Очень может быть»).

«Что бы ни говорил князь Бисмарк, я думаю, что решение императора Вильгельма расстаться со своим канцлером принято в гораздо большей степени из-за расхождения их взглядов на внутренние вопросы, чем по соображениям, касающимся внешней политики. Раздражение князя, — даже допуская, что он говорил без какой-либо задней мысли, — показалось мне настолько сильным, что могло легко заставить его преувеличить влияние, оказываемое на императора в сфере внешней политики теми, кого он называет своими врагами, и влиянию которых он приписывает то, что отставка его была принята.

(Против этих слов государь написал: «Полагаю, что это так».)

«Вы знаете, многоуважаемый Николай Карлович, что я, с своей стороны, при настоящих условиях, всегда смотрел на Бисмарка, как на огромную гарантию поддержания мира, ибо я убежден в том, что он искренне стремился бы устранить все, что могло бы создать опасные для наших государств трения. В силу этого я, естественно, глубоко сожалею об его отставке и о том, что вместе с ним исчезает уравновешивающая сила, способная до некоторой степени регулировать внезапные, произвольные, не поддающиеся учету решения юного монарха».

(Против этих слов государь пишет: «Да»).

«В этом-то и заключается серьезность положения. Поэтому я могу только повторить заключительные слова моей телеграммы, вполне совпадающие с той фразой, которую я нахожу и в вашей шифрованной телеграмме, полученной мною сегодня: «будем осторожны, будем бдительны и, держась в стороне, будем наблюдать за грядущими событиями. Примите» и проч.

P. S. Вопреки распространившемуся в городе слуху о том, что граф Герберт Бисмарк остается во главе министерства иностранных дел, я, кажется, могу утверждать, что он настоит на своей отставке».

При письме графа Шувалова получена от него собственноручная личная записка, помеченная «Берлин, 7/19 марта 1890 г.».

«Расставшись с вами несколько дней тому назад, я не предполагал, что мне придется так скоро прибегнуть к небольшому формату для того, чтобы дополнить мое очень доверительное письмо. Все здесь происходящее более чем странно, и невольно спрашиваешь себя, нормален ли молодой император? Разрыв монарха с канцлером — совершившийся факт, и многочисленные визиты его величества и других важных особ на Вильгельмштрассе, конечно, не изменят решения князя. С какою, в сущности, целью канцлер посвящал меня в государственные тайны, мне неизвестно, но первое впечатление внушило мне те соображения, которые я позволил себе присоединить к своей секретной телеграмме и сегодня к письму.

«Я переношусь мысленно к кризису, имевшему место два года тому назад, когда император Фридрих старался реабилитировать князя Баттенберга; тогда наша поддержка была, конечно, очень нужна Бисмарку для укрепления его временно пошатнувшегося положения. Но что могли бы мы сделать теперь? Разлад между императором и канцлером настолько велик, что было бы, может-быть, несвоевременно слишком определенно проявлять симпатию министру, пострадавшему, по его словам, за слишком сильную к нам симпатию. Лучше всего нам было бы выждать разрешения кризиса и воздержаться до поры до времени от проявления какой-либо инициативы. Конечно, я хотел бы поговорить о некоторых вопросах, которые мы подняли в Петербурге, и с которыми, не правда ли, нам следовало бы теперь несколько повременить. Расставаясь с князем, я, однако, не премину напомнить ему о нашем интимном разговоре, содержание коего изложено мною в памятной записке, которую я имел честь вам вручить; я не скрыл от него, как нежелателен для нас возможный переворот в германской политике в тот именно момент, когда, как с его, так и с нашей стороны, было достигнуто полное согласие относительно пользы возобновления договора, столь, повидимому, соответствующего условиям и потребностям обоих наших государств.

«Его молчание, подкрепленное жестом сожаления, показало мне, что передо мной был уже не имперский канцлер, а будущий обитатель Варзина.

«Еще два слова. Если допустить, что, говоря о возникших между ним и его государем несогласиях в области иностранной политики, князь Бисмарк все-таки искренен, спрашивается, на каких струнах играли клеветники канцлера для того, чтобы возбудить подозрения императора Вильгельма по отношению к нам, подозрения, вылившиеся в характерное слово «Aufmarsch». Передвижения наших войск за эти последние годы почти прекратились; о них перестали говорить, и привыкли к нашей открыто проводившейся дислокации. Не повлияли ли на странно возбужденный мозг молодого императора наши приготовления к большим осенним маневрам и разносимые не в меру усердными царедворцами недоброжелательные комментарии к ним.

Примите» и проч.

Чтение этих двух писем произвело на меня глубокое впечатление. Как уехать отсюда в такой момент? Посылаю письма министру.

Возвращаясь домой, встречаю на лестнице отправляющихся в театр г. Гирса с семейством; сегодня утром министр звал меня в свою ложу смотреть мейнингенскую труппу но я отклонил приглашение. Г-жа Гирс упрекает меня за то, что я их забываю и никогда к ним не захожу; министр ее прерывает и отводит в сторону, чтобы передать мне письма графа Шувалова, которые и на него произвели сильное впечатление; он не хочет отсылать их государю до завтрашнего дня.

По возвращении в свой кабинет узнаю, что из Берлина только-что получена длинная телеграмма; дежурный чиновник Столыпин приносит ее мне; она начинается словами: «строго личная». Это шесть листов шифра, к которым скоро присоединяются еще шесть листов продолжения. Сажусь тотчас за работу. Вернувшийся около 11 часов Оболенский немного мне помогает, и когда министр возвращается из театра, я решаюсь, в виду важности известий, пойти прочесть ему расшифрованную первую половину. Заканчиваем расшифрование около $2^1/_2$ часов. Оболенский уходит, а я проверяю и переписываю текст, чтобы иметь возможность послать его рано утром министру.

Вот эта строго личная телеграмма, отправленная графом Шуваловым из Берлина сегодня утром, т.-е. в пятницу, 9/21 марта 1890 года.

«Германский император пригласил меня к себе сегодня, в 8 часов утра, и сказал мне следующее: «Я желаю лично вам ска-

зать то, что прошу передать императору, которого люблю и уважаю; он всегда был так добр ко мне, что я спешу довести до его сведения о создавшемся вследствие последних событий положении. К своему большому сожалению я был вынужден расстаться с канцлером; истинная причина этого — состояние его здоровья. По словам его врача, продолжение работы грозила бы ему нервным расстройством. Вот уже несколько месяцев, как я предвижу эту развязку, но теперь положение стало таково, что я не мог больше ждать; возвращая ему свободу, я, так сказать, его спасаю. Я желал бы, чтобы ваш император знал, что, кроме некоторых разногласий по внутренним вопросам, которые я приписываю крайне возбужденному настроению канцлера, ничто, абсолютно ничто не изменилось в направлении нашей внешней политики, которую я вел и решил проводить дальше. При моем восшествии на престол меня обвиняли в честолюбивых замыслах и мечтах о славе. Все это неправда; я желаю единственно мира во внешних сношениях и порядка внутри. Герберт Бисмарк сказал мне, что у вас был с его отцом разговор касательно возобновления секретного договора, и что ваш император, как и я, сочувствует возобновлению нашего соглашения; Герберт прибавил, что в виду последних событий вы не намерены больше продолжать своих переговоров. Я был бы вынужден крайне об этом сожалеть и прошу вас сказать вашему императору, что, с своей стороны, я твердо придерживаюсь наших обязательств; я готов их возобновить в полном соответствии с желаниями его величества. Политика наша не была ведь его политикой, т.-е. Бисмарка, — это была политика моего деда и осталась моей. Воспитанный в его школе, научившись работать в его министерствах, я ему глубоко благодарен, и если мы расстаемся, то это происходит по причинам, которые я вам только-что объяснил. Повторяю, ничто не изменилось в моей внешней политике. Я говорю с вами, как с послом российского императора, моего друга. Я рассчитываю на вас, прося вас точно передать его величеству мои чувства, которые остаются неизменными». Я ответил его величеству: «Я, действительно, сказал графу Бисмарку, что решил в виду недавних событий прервать начатые несколько дней тому назад переговоры с его отцом; в виду коренного изменения в положении вещей и смены лиц, мое желание предварительно ориентироваться было совершенно естественным. Поэтому-то я глав-

ным образом и решился просить новых инструкций, прежде чем продолжать столь внезапно прерванные событиями переговоры. Я прибавил, что могу подтвердить его величеству полное соответствие во взглядах между ним и моим августейшим монархом, и выразил уверенность в том, что только-что слышанные мною слова доставят удовольствие моему государю». Его величество продолжал: «Я не сомневаюсь в том, что происходящие теперь у меня в Берлине совещания с корпусными командирами породят злонамеренные толки. Мы обсуждали с ними некоторые вопросы, касающиеся организации вооруженных сил страны; истинной же целью этих собраний является принятие повсеместных военных мер в целях немедленного удушения социалистических эксцессов, в случае возникновения таковых. Возбуждение велико. Социалисты образуют государство в государстве. Массы боятся социалистов, или нигилистов, называйте их как хотите, поэтому я должен быть в состоянии полной готовности на случай надобности. В принципе я желал бы удержать Герберта Бисмарка. Об его уходе я сожалел бы еще больше потому, что он породил бы новое недоброжелательное истолкование моих намерений. Вы принадлежите к числу его друзей,—посоветуйте ему не поступать безрассудно, чем он повредил бы и мне и себе; к тому же, оставаясь на своем месте, он даст мне возможность сохранить связь с его отцом, который, отдохнув и успокоившись, снова явился бы драгоценным советником в серьезных случаях». Опускаемые мной здесь подробности следуют письмом, в том числе несколько дружелюбных слов императора по поводу его планов поездки в Россию. Полагаю, что ответная телеграмма, которую я мог бы показать его величеству от имени нашего августейшего монарха, была бы вполне своевременной».

Суббота, 10-го марта.

Встав, тотчас же посылаю эту длинную телеграмму министру, который просит меня подняться к нему еще до 10 часов; немедленно посылаем государю оба полученные вчера письма графа Шувалова и расшифрованную ночью телеграмму. Министр ждет князя Лобанова, который был принят вчера в прощальной аудиенции и уезжает сегодня в Берлин и Вену. Г. Гирс ожидает, что государь возвратит нам тотчас же эти важные документы, и поручает мне заготовить проект ответной телеграммы, о которой просит

Шувалов. Пишу, не откладывая, этот проект и тотчас по отъезде князя Лобанова отношу его министру. Вот его текст:

«Графу Шувалову в Берлин.

«Строго личная. Государь император с чувством живейшего удовлетворения изволил ознакомиться с содержанием поручения, возложенного на вас императором Вильгельмом, который в настоящее время уже должен был бы получить при посредстве генерала Швейница красноречивое подтверждение неизменного расположения нашего августейшего монарха. Государь поручает вам выразить его императорскому величеству его благодарность и сказать ему, что он ни одной минуты не сомневался в неизменной преданности германского монарха, его друга и союзника, принципам и традициям славного прошлого, которые являются лучшим залогом мира и благоденствия в будущем. Государь очень расположен возобновить наш тайный договор, и я не премину вас немедленно снабдить подробными инструкциями по этому вопросу».

Министр одобряет этот проект, но считал бы нужным дождаться возвращения посланных государю сегодня утром бумаг для ознакомления с пометками на них его величества. Г. Гирс говорит мне, что хотя он лично и не видал генерала Швейница после данной тому в среду аудиенции, но австрийский посол, провожавший своего германского коллегу на вокзал, приезжал передать от имени генерала Швейница, что последний был в восторге от оказанного его государем приема и беседы с его величеством. Он прибавил, что столь благосклонные слова государя императора явились для него как бы целительным бальзамом среди жестоких волнений, совершающихся событий.

Лобанов уезжает в Берлин, где рассчитывает провести два дня, прежде чем возвратиться к своему посту в Вене. Министр просит его дать, со своей стороны, также понять Шувалову, что в случае возобновления нашего секретного договора дополнительный протокол явился бы совершенно лишним. Лобанов, повидимому, вполне разделяет его мнение. Он не слишком доволен своей прощальной аудиенцией. Государь не только не коснулся щекотливого вопроса о возможности кандидатуры князя Карагеоргиевича, но и вообще очень мало говорил о делах.

День проходит в ожидании пакета с возвращаемыми его величеством бумагами. Наконец, в $11^1/_2$ часов я решаюсь напи-

сать несколько слов министру, чтобы предложить ему послать государю, не откладывая далее, проект ответной телеграммы; он дает свое согласие, но в момент отправки приезжает фельдъегерь, и г. Гирс приходит ко мне вскрыть пакет. Над посланной сегодня утром длинной телеграммой графа Шувалова его величество пишет:

«Чего-либо более удовлетворительного нельзя было и ожидать. Увидим впоследствии, все ли будет так, как говорит император. В настоящую минуту это очень успокоительно». Затем, в конце, против слов, которыми граф Шувалов просит ответной телеграммы, его величество начертал: «Это можно, составьте».

Несмотря на то, что уже 12 часов ночи, мы тотчас посылаем государю проект, который он через час возвращает одобренным. Министр получает его в постели, но присылает мне его лишь на другой день, рано утром.

Воскресенье, 11-го марта.

Около 11 часов подымаюсь к министру. Оборот, который принимают дела, действует на него успокоительно; я предлагаю ему послать, не откладывая, графу Шувалову обещанные ему инструкции по вопросу о возобновлении нашего тайного договора; я постараюсь их приготовить к докладу во вторник, и, в случае высочайшего одобрения, специальный курьер мог бы их отвезти в среду или в четверг в Берлин. Г. Гирс согласен, что это следовало бы сделать. Обязанности курьера могли бы быть возложены на уезжающего на-днях за-границу редактора «Journal de S.-Petersbourg» Горна, который и озаботился бы их доставкой. — Пропускаю обедню, чтобы зашифровать одобренную телеграмму, где идет речь о тайном договоре, и к двенадцати часам дня телеграмма готова и отправлена.

После завтрака с Оболенским визит Деревицкому.

Вечером пишу инструкции графу Шувалову и посылаю их министру.

Понедельник, 12-го марта, утром.

Г. Гирс одобряет мой проект, и я провожу день за перепиской его в форме доклада, чтобы министр мог завтра повергнуть его с прочими делами на рассмотрение его величества.

Сильное возбуждение и нервное состояние затрудняют для меня работу.

Вечером заседание Исторического общества в Аничковом; г. Гирс туда едет. Заготовляю для него письмо к кн. Бисмарку.— Телеграмма от Шувалова, сообщающая, что император Вильгельм был очень тронут нашей вчерашней телеграммой.— Получается письмо Шувалова от 9/21 марта.

Ночью раздумываю о том, не следует ли, в случае одобрения государем инструкции графу Шувалову, телеграфно предупредить об этом посла для ускорения дела. Вчера вечером специальный курьер из Берлина привез нам от графа Шувалова письмо от 9/21 марта 1890 г. В сущности он лишь воспроизводит посланную им тотчас после аудиенции у императора Вильгельма телеграмму. Новыми в ней являются некоторые комментарии нашего посла, как-то: «в разговоре с императором Вильгельмом я, конечно, умолчал о сделанных мне князем Бисмарком откровенных признаниях, изложенных в моем письме от 6/18 марта и в памятной записке от 15/27 февраля. Полагаю, что если бы я этого не сделал, моя сдержанность показалась бы ему более естественной, но подумайте о том, какой скандал явился бы последствием такой совершенно недопустимой с моей стороны нескромности,—не так ли? Что бы ни говорил император, он, несомненно, относится в настоящий момент с большим недоверием к Бисмаркам, как к отцу, так и к сыну,—возможно, что его пугают выпады канцлера, который, как говорят, последние дни высказывается очень резко; возможно, что и корректный тон его объясняется его желанием несколько смягчить производимое ими впечатление. Трудно разобраться в этой сети интриг, опутывающей событие огромного значения; я предпочитаю не углубляться в него и ограничиться сказанными мне по этому поводу словами его величества».

И затем в конце:

«Не хочу запечатывать письма, не высказав в заключение некоторых личных соображений по поводу столь трудного положения, созданного важными событиями последних дней.

«1) Не подлежит сомнению, что неоднократные откровенные сообщения князя Бисмарка расходятся с уверениями императора Вильгельма. Бывший канцлер утверждает, что был по-просту уволен, между тем как его монарх говорит только о состоя-

нии здоровья своего бывшего советника и как-будто бы сожалеет о причинах, заставляющих его с ним расстаться. Это, пожалуй, можно бы объяснить тем, что, говоря о своей линии поведения, обе стороны допускают некоторое преувеличение. Канцлер — в силу раздражения, вызванного тем, что, по его словам, за кулисами к нему часто относились с недостаточным уважением, император — из опасения перед тем впечатлением, которое могла бы произвести по всей Европе кажущаяся легкость, с которой он расстался с таким крупным государственным деятелем.

«2) Подобное же несоответствие между утверждениями князя Бисмарка относительно намерений императора Вильгельма о направлении внешней политики Германии, с одной стороны, и положительными уверениями, вытекающими из слов его величества, — с другой. Не желая отнестись с недоверием к впечатлению, вынесенному князем из замечаний, сделанных ему его монархом при обсуждении некоторых его взглядов по вопросам внешней политики, я затрудняюсь, однако, предположить, чтобы император Вильгельм действительно думал об изменении направления политики своего деда, которую, как он мне сказал, некоторые неправильно называли «бисмарковской политикой».

«Следует скорее предполагать, что его величеству крайне желательно сохранение наилучших отношений с Россией; доказательство тому я склонен видеть в той поспешности, с которой он заговорил со мной о возобновлении нашего тайного договора, возможно, из опасения, как бы то, что было мной сказано графу Бисмарку, в виду неопределенности положения, и что последний не замедлил ему передать, не знаменовало бы собой перемены в намерениях нашего августейшего монарха, вызванной только-что происшедшей серьезной переменой.

«3) Полагаю, что следовало бы, может-быть, воспользоваться этим настроением императора Вильгельма и поспешить окончательно оформить продление нашего соглашения. Не следует ли с этой целью сейчас же снабдить меня инструкциями и полномочиями для переговоров с новыми лицами, которые будут на то уполномочены германским кабинетом, так как я сомневаюсь в том, чтобы г. Бисмарк еще долго оставался во главе министерства.

«4) Может-быть, в виду происшедших перемен, его величество император счел бы своевременным разрешить мне непо-

средственно приступить к возобновлению существующего договора, а также дополнительного протокола, одним словом, всего. Лица, которые могут быть уполномочены на ведение со мной переговоров, не в курсе состоявшихся между нами три года тому назад соглашений; поэтому готовность с нашей стороны что-либо изменить или выпустить в прежних условиях может их удивить и повести к неправильному толкованию. Не лучше ли бы было нам остаться в настоящий момент при точном сохранении акта договора, предоставив другим инициативу внесения каких-либо возможных изменений. Я, кажется, уже развивал эту точку зрения во время нашей последней беседы в Петербурге.

Примите» и проч.

Здесь еще раз сказалось странное упорство графа, с которым он стремится сохранить нелепый протокол, которым он снабдил наш тайный договор 1887 г. Но предшествующий параграф (3) в достаточной мере подчеркивает необходимость действовать без промедления, и поэтому, мне кажется, было бы очень полезно успокоить нашего посла, объявив ему сегодня же по телеграфу о том, что он в скором времени получит инструкции о том, в каком духе они будут составлены.

Вторник, 15-го марта.

Сообщаю этот план г. Гирсу, он его одобряет; тотчас же составляю телеграмму, переписываю ее в форме проекта, и, отправляясь к государю с докладом, министр увозит ее вместе с проектом инструкций и последним письмом графа Шувалова.

Заходил в Казанский собор; после завтрака ждал возвращения г. Гирса. Он приезжает около 3-х часов и тотчас присылает за мной. Его величество оставил все бумаги у себя, чтобы прочесть их не спеша, и мой министр, кажется, этим озабочен; он просил государя сообщить ему, если возможно, его решение до вечера, чтобы иметь возможность без промедления отправить графу Шувалову инструкцию со специальным курьером в четверг. Таким образом, день проходит в ожидании. Придя сегодня утром к г. Гирсу, застал его в очень грустном настроении. «У меня очень натянуты нервы,—говорит он мне;—всю ночь меня преследовали кошмары, которые предвещают мне обыкновенно какую-нибудь крупную неприятность».—Среди возвращенных государем

бумаг он показывает мне полученные его величеством по почте из-за границы угрожающие письма; они написаны красными чернилами, которые как бы должны изображать кровь. Везде митинги и шумные собрания протеста против суровых мер, применённых к некоторым ссыльным в Сибири. Иностранные газеты с явным удовольствием помещают ужасные описания таковых. У нас — университетские беспорядки, которые начались с Москвы, а затем распространились и далее. В Петербурге масса арестов. Ходят слухи о сильном брожении даже среди военных. Говорят, что один скомпрометированный офицер застрелился, и министр внутренних дел Дурново признавался Вламгали в том, что он не знает, что делать, не чувствует себя в силах бороться с этими обстоятельствами и мечтает только о том, чтобы покинуть свой пост и вернуться к управлению благотворительными заведениями, которое ему было перед тем поручено. Министр рассказывает мне, что вчера вечером в Аничковом дворце во время заседания Исторического общества он тоже очутился в затруднительном положении. Великий князь Владимир, имеющий скверную привычку говорить очень громко, спросил его при государе о мемуарах Попятовского. Услыхав это, г.г. Половцев и Вламгали подошли к нему, и первый попросил позволения взглянуть на эту рукопись; теперь же, истолковав молчание государя, как «знак согласия», он просит г. Гирса дать ему ее. Сегодня утром министр представил этот щекотливый вопрос на усмотрение его величества, и государь подтвердил ему свое распоряжение никому не показывать и не предоставлять на прочтение мемуаров Попятовского. Еще вопрос, требующий большой осторожности: великий князь Михаил, фельдмаршал, председатель Государственного Совета и дядя его величества, настоятельно просит, чтобы ему показали донесения из Берлина по поводу отставки князя Бисмарка. Но посольство, по своему обыкновению, не доставило никаких удобопоказываемых и официальных документов; у нас есть только строго личные письма графа Шувалова, которых нельзя никому показать вследствие заключающихся в них откровенных признаний и государственных тайн. Вчера Оболенский и я пробовали составить извлечения из них и скомпилировать текст, который мог бы в крайнем случае быть послан великому князю и послужить затем для циркулярного сообщения нашим посольствам. Министр повергает сегодня утром просьбу великого князя Михаила

на усмотрение государя, но его величество ему говорит: «Писем показать невозможно, — я даже Владимиру ничего об этом не сообщаю. Великий князь еще бы ничего, но если Ольга Федоровна узнает, так раструбит», и т. д. Одним словом, как и следовало предвидеть, государь ни мало не расположен осведомлять даже самых главных великих князей; однако, его величество говорит: «Можно бы составить бюллетень и сообщить в. к. Михаилу Ник[олаевичу]»; на этом решении и останавливаются. Министр говорит, что он еще раз заверил государя, что в министерстве лишь я один посвящен в эти секреты. Государь сказал: «ну, да, конечно». Таким образом, в случае какой-либо нескромности со стороны министра или Шувалова, вся ответственность падает на меня.

Государь возвращает, наконец, бумаги, повергнутые сегодня утром на его рассмотрение. Его величество одобрил все. Телеграмма может быть зашифрована и отправлена завтра, в среду, 14-го утром. Затем мне остается только переписать ее и представить на подпись министру с одобренными инструкциями графу Шувалову. Вот текст этой телеграммы и этих инструкций:

Телеграмма графу Шувалову в Берлин из С.-П.
От 1 марта 1890 г.

«Утвержденные сегодня нашим августейшим монархом инструкции будут вам посланы послезавтра, в четверг. Государь остался при своем решении возобновить без изменений самый договор и упразднить дополнительный протокол к нему, не соответствующий более настоящему положению вещей. По примеру имевшего место в 1884 г. возобновления, можно бы ограничиться обменом подписанных в Берлине деклараций, которые затем были бы ратифицированы императорами. Подробности в экспедиции, которая будет вам вручена в субботу утром».

Очень секретные инструкции графу Шувалову. Утверждены 13 марта 1890 г. его величеством императором.

Строго личные.

«Из моей телеграммы от 11-го сего марта вы уже знаете, что наш августейший монарх с чувством живейшего удовлетворения ознакомился с тем, что вам поручил ему передать император Вильгельм.

«Политическая программа, имеющая целью прежде всего сохранение мира во внешних сношениях и обеспечение порядка внутри страны, в виду полного ее соответствия видам и принципам его величества, не может не вызывать самого горячего сочувствия с его стороны; поэтому его величество от души присоединяется к выраженному вам императором Вильгельмом желанию закрепить при помощи возобновления заключенного в 1887 г. тайного договора существующее между обоими монархами благодетельное согласие.

«Государь император находит, что положения этого договора с такой точностью определяют основы нашего соглашения с Германией, что, при продлении срока его действия, нет надобности вносить в него какие-либо изменения. Что касается дополнительного и очень секретного протокола, подписанного того же числа и являющегося частью вышеуказанного договора, то, в виду того, что все три пункта его не могут иметь применения при настоящем положении вещей, его величество предпочитает, чтобы они были опущены.

«Таким образом, наш августейший монарх желает, чтобы вы приступили вновь к внезапно прерванным вследствие отставки князя Бисмарка переговорам о возобновлении тайного договора 1887 г., кроме приложенного к нему добавочного протокола.

«Вам известны соображения, в силу которых государь император предпочитает заключение договоров с точным определением срока их действий. Важное преимущество этого рода соглашений заключается в том, что ими облегчается при соблюдении основных принципов, его последующее развитие сообразно обстоятельствам каждого данного момента и условиям, в которых находятся, при истечении каждого срока, договаривающиеся стороны.

«Его величество не имел бы, однако, ничего против установления срока более продолжительного, чем тот, который был принят до сих пор, и вы уполномочиваетесь возобновить тайный договор на пять лет, считая со дня истечения срока его действия, т.-е. с 6/18 июня 1890 г. [1]

«Подобно тому, как это было сделано в 1884 г., это возобновление нашего тайного договора с Германией могло бы быть

[1] В проекте срок, на который может быть возобновлен договор, не был указан. Государь вставил красным карандашом «5». (Прим. Ламздорфа).

совершено путем обмена декларациями, написанными приблизительно по образцу прилагаемого проекта. [1]

«Декларации эти должны бы были быть подписаны в Берлине, как и договор 1887 года, затем ратифицированы императорами, после чего мог бы состояться обмен.

«Благоволите приступить к обсуждению этих вопросов с г. министром иностранных дел и, как только придете с его превосходительством к соглашению, поставить меня о том в известность, дабы я мог без замедления доставить вам полномочия, необходимые для подписания вышеупомянутых деклараций.

«В виду того, что император Вильгельм сам выразил нам желание «возобновить соглашение совершенно соответственно желаниям нашего августейшего монарха», — можно предположить, что в ходе наших переговоров не встретится никаких затруднений.

Примите» и проч.

Среда, 14-го марта.

Поднявшись к своему министру, нахожу его очень довольным тем, что вопрос об инструкциях графу Шувалову улажен, и что его величество сам указал цифру «5» как срок, на который может быть возобновлен тайный договор. После завтрака переписываю инструкции для подписи и присоединяю к ним также собственноручно мной написанные приложения. После 4-часового чая, по уходе присутствовавших на нем, мне приносят строго личную телеграмму из Берлина. Будучи долее не в состоянии оставаться в насыщенной табачным дымом атмосфере моего кабинета, я пользуюсь остающимся до обеда получасом, чтобы подышать немного свежим воздухом и взглянуть — не пошел ли лед на Неве. — Погода прекрасная. Вернувшись, спешно обедаю, чтобы пойти в нашу министерскую церковь на «мефимоны». Озабоченный лежащей в кармане телеграммой, возвращаюсь ранее окончания службы, около $7^1/_2$ час., и принимаюсь за расшифрование. Министр между тем возвращает мне подписанными инструкции графу Шувалову, которые должны быть отосланы

[1] Я прилагаю к проекту и к инструкциям проект полной декларации. (Прим. Ламздорфа.)

завтра утром. — Телеграмма графа Шувалова все изменяет; вот текст ее:

«Берлин, 14/26 марта 1890 г.»

«Строго личная. Вчера я имел последний официальный разговор с графом Бисмарком, который остается еще в течение двух дней и будет затем заменен Альвенслебеном. Я сказал графу, — он уже знал это через императора, — что жду ваших инструкций для возобновления. На это Бисмарк мне ответил, что он подал императору мысль предоставить вашему превосходительству и генералу Швейницу заключить этот акт в С.-Петербурге. Бисмарк мотивирует эту мысль тем, что в виду полного незнакомства с этим вопросом всех тех, кому придется вести переговоры после него, было бы лучше, по его мнению, сосредоточить переговоры в руках лиц, уже принимавших в них участие с той и другой стороны и хорошо знакомых с положением. Бисмарк прибавляет, что император в принципе разделяет эту мысль, и что генерал Швейниц ее тоже одобряет. Не имея ничего возразить на это рассуждение, я только сказал, что доведу до вашего сведения все вышесказанное. Вашу вчерашнюю телеграмму получил, но не предприму никаких действий до окончательного решения вопроса о том, будет ли приступлено к возобновлению здесь или же в С.-Петербурге».

Только-что я послал эту телеграмму министру, как он просит меня зайти; к моему удивлению, он в восторге. Он говорит, что здесь, со Швейницем, ему будет очень легко все уладить; что это оградит нас от хитростей Шувалова и его попыток отличиться, и что он, г. Гирс, будет очень горд подписать договор в той форме, которая придается ему теперь. Все это прекрасно, но, признаюсь, у меня создалось менее благоприятное впечатление. Очевидно, что-то неладно, и я спрашиваю себя, не лучше ли бы было послать тем не менее Шувалову инструкции, обратив его внимание на то, что срочность отправки их вызвана нашей готовностью пойти навстречу выраженному императором Вильгельмом желанию. Независимо от того, где будет заключен договор, в Берлине ли, или в Петербурге,—он все равно не мог бы остаться неизвестным стоящим у власти лицам по ведомству министерства иностранных дел; перемену можно было предвидеть и проявляемая теперь нерешительность просто странна, чтобы не сказать больше. Министр, однако, хочет тотчас же

послать эту телеграмму государю, приложив к ней следующий ответ:

«В виду основательности соображений в пользу возобновления нашего секретного договора в С.-Петербурге, государь против этого не возражает. Во избежание промедлений, было бы желательно, чтобы Швейниц приехал снабженный полномочиями, которые давали бы ему право подписать заявление о возобновлении».

На другой день, рано утром государь возвращает этот проект с надписью: «ч и т а л», означающей одобрение.

Четверг, 15-го марта.

Зашифровываю эту телеграмму и отправляю ее. Подымаюсь к своему министру. Он думает, что перенесение сюда переговоров о возобновлении устроено Шуваловым, недовольным тем, что не пожелали сохранить его дополнительного протокола; вероятно, эта внезапная перемена вызвана отправленной 13-го вечером телеграммой, и министр говорит, что, давая ему совет ее послать, я действовал как бы под влиянием истинного вдохновения. Он предполагает приостановить пока отправку уже подписанных инструкций и дать уезжающему сегодня Горну лишь свое письмо Бисмарку; письмо самого Бисмарка, присланное Шуваловым, и сопроводительное письмо к нему, а также записку, которой он предупреждает посла о том, что, в виду одобрения государем плана о подписании возобновления договора в Петербурге, он не посылает ему инструкций, о коих была речь, хотя они одобрены и уже подписаны его величеством.

Газеты полны подробностями отставки князя Бисмарка, получившего титул герцога Ланенбургского и звание фельдмаршала германских армий. В сущности, титул этот лишь пустой звук по сравнению с тем ореолом, которым окружено имя Бисмарка; что же касается до маршала, то за этим чувствуется влияние генерала Бум и герцогини Гергольдштейнской. Бывшему канцлеру приписывают следующую остроту: он якобы сказал, что его государь желал, вероятно, сделать chassé-croisé, назначив своего лучшего генерала канцлером, а его преобразив в генерала.

Пятница, 16-го марта.

Лаконические телеграммы графа Шувалова сообщают, что Швейниц выезжает завтра в Петербург, что Каприви назначен министром иностранных дел и что, в виду отклонения Альвенслебеном предложения занять пост государственного секретаря по иностранным делам, на эту должность намечается баденский посланник в Берлине барон Маршаль; в этом усматривают доказательство усиления влияния великого герцога Баденского.

Воскресенье, 18-го марта.

Утром работа у министра. Обедня в министерской церкви. Телеграмма Адлерберга, совсем больного и рамоли, сообщающая об его отъезде в Лондон и помолвке с графиней Маргаритой Толь.

Около $6^1/_4$ час. приносят шифрованную телеграмму из Берлина, начинающуюся словами: «строго личная». Подымаюсь к министру и предлагаю заняться вместо обеда этой телеграммой; он настаивает на том, чтобы я остался. Обедали в семейном кругу; в качестве гостьи — одна добрейшая г-жа Менде; скучища страшная, чувствую себя совсем больным, настроение очень грустное. Ухожу ранее 8 часов, чтобы вскрыть привезенные двухнедельным курьером экспедиции. В них нет ничего особенного. Вернувшийся из Берлина в Вену князь Лобанов имел краткое свидание с графом Кальноки. Австрийский министр был, казалось, озабочен берлинскими событиями, но это не помешало ему восхвалять царствующий в Болгарии порядок и возобновить уверения в том, что если другие державы признают принца Кобургского, то и Австрия, конечно, сделает то же. От Шувалова — только небольшая записка от 16/28 марта следующего содержания: «Дорогой Н. Карл. Отпустить при настоящих обстоятельствах курьера с пустыми руками было бы странно, если бы не оживленная секретная корреспонденция и телеграфные сообщения, которые за последние дни по мере возможности ставили вас в известность о всех быстро следовавших друг за другом событиях. Что касается дальнейшего, то выезжающий завтра генерал Швейниц передаст вам лично дополнительные подробности, ожидать которых от меня вы уже не имеете основания. Позволяю себе по этому поводу просить вас соблюдать

даже со Швейницем некоторую осторожность касательно моих последних экспедиций. Хотя я и довольно откровенно говорил с ним о положении дела, поскольку оно выяснилось из переговоров, центром которых теперь явится Петербург, я, однако, умолчал о крупных противоречиях между словами князя Бисмарка и тем, что я позднее слышал из уст императора Вильгельма о дальнейшем направлении германской политики. Что касается выступающих на арену новых деятелей, я не могу о них сказать многого; однако, я с величайшим вниманием отметил некоторую уклончивость генерала Швейница при нашей беседе о долженствующих быть призванными к деятельности лицах и уловил как бы тень опасения, чтобы эти, столь внезапно появившиеся и могущие также внезапно исчезнуть, личности, в момент когда им придется принять на себя обязательства на продолжительный срок, не оказались бы лишенными той смелости, которой обладал бывший канцлер. Не окажет ли настроение новых деятелей некоторое влияние на ход предстоящих вам переговоров?

Благоволите принять» и проч.

Внеся экспедиции в книгу, принимаюсь тотчас расшифровывать строго личную телеграмму графа Шувалова из Берлина, от 18/30 марта 1890 года.

«Швейниц уехал вчера вечером. Последний разговор с ним подтверждает переданное мной в письме от 16 марта впечатление. Он не снабжен полномочиями, потому что, по его словам, только-что получившие свое назначение лица еще недостаточно знакомы с положением для того, чтобы теперь же давать свои подписи в делах, ответственность за которые пала бы исключительно на них. Допуская, что и за этими утверждениями генерала Швейница не скрывается задней мысли, я полагаю, что дело затянется; в таком случае я буду еще иметь случай говорить с вами о нем во время моего следующего приезда. Пока я еще не вошел в сношения с новым персоналом».

Посылаю все эти бумаги министру, который вскоре мне их возвращает для отправки их государю. Г. Гирс едет на вечер

Понедельник, 19-го марта.

Говорим с министром по поводу письма и телеграммы Шувалова; я вынес впечатление, что этот посол прибег к какой-

нибудь интриге или, с досады на то, что его злополучный протокол аннулируется, а, может-быть, в целях задержания переговоров до его приезда в Петербург, сделал какую-либо оплошность. Во всем этом есть что-то странное. Министр рассчитывает повидаться со Швейницем сегодня же, вечером, тотчас по его приезде, и надеется, что все при этом выяснится; я настоятельно советую ему иметь это свидание до завтрашнего доклада. Провожу день за составлением ответов на полученные экспедиции в виду того, что курьер уезжает в четверг; работаю с большим трудом.

Швейниц у министра и покидает его лишь около 12 часов ночи. Я жду, предполагая, что он, может-быть, пожелает ознакомиться с каким-нибудь секретным документом. Таким образом, ложусь довольно поздно, страшно утомленный.

Газеты печатают очень любопытные подробности о внушительных овациях, которыми сопровождался отъезд Бисмарка из Берлина и его приезд в Фридрихсруэ. Так, кажется, никогда не провожали ни монарха, ни государственного деятеля. Наши посланники в Мюнхене, Штуттгарте и Дрездене пишут, однако, что симпатии к железному канцлеру в этих частях Германии не столь велики. Массы будто бы находят, что он свое уже сделал, и доверие, которое питали к своему канцлеру, померкло перед верой в юного императора. Даже в Берлине среди стоящих у дел людей говорили: «Мы уважали князя Бисмарка, но не особенно его любили». Кроме того, многие и, между прочими, находящийся в настоящий момент здесь генерал Вердер говорят, что сожаление об уходе Бисмарка-отца может быть компенсировано радостью, что уходит Бисмарк-сын.

Повидимому, последнее время князь канцлер плохо владел собой: уходя с первого собрания конференции рабочих, он громко сказал: «blech, blech, blech» (вздор и т. д.);[1] а на одном обеде, где император Вильгельм предавался своей страсти ораторствовать и произносил речь, шедшую вразрез с его мнениями, Бисмарк якобы сначала жестикулировал своей вилкой, а затем стучал ею по столу, чтобы заглушить голос монарха, которого он в интимных разговорах награждал всевозможными эпитетами. Не отказываясь прямо от только-что полученных титулов, он делает вид, что их игнорирует; говорят даже, что он воспользуется ими лишь

[1] Слова в скобках в подлиннике по-русски.

для того, чтобы путешествовать инкогнито. Но среди всех этих толков и слухов есть один, заслуживающий внимания. Отвечая одному высокопоставленному лицу, приезжавшему в Гамбург приветствовать его по случаю его прибытия в Фридрихсруэ, князь Бисмарк, якобы сказал, что не исключена возможность его появления когда-нибудь вновь в парламенте; затем, беседуя о рабочем вопросе, он, говорят, заметил, что стачки не являются наибольшим злом, потому что их можно избежать, но что если предприниматели окончательно надут духом и покинут свои предприятия, тогда создастся действительная опасность. Эти слова в пользу предпринимателей, в разгар страстной деятельности в интересах рабочих, оказали сильное действие; говорят, что в некоторых местах рабочие корпорации попятились своп требования и воспротивились манифестациям, подготовлявшимся в целях поддержания еще новых требований.

Злая острота, привезенная приехавшим из Берлина адъютантом графом Келлером: говорят, что в то время, когда Бисмарк уже собирался удалиться от дел, кто-то обратился к нему с ходатайством, на что канцлер ему якобы ответил: «Обратитесь к кому-нибудь другому, я, теперь, как г. Гирс, не могу уже больше ничего сделать». Возможно, что это выдумано Шуваловым и Муравьевым, которые в расточаемых ими любезностях по отношению к Бисмаркам дошли до низости и до угодничества. У нас есть документальные доказательства того, какое огромное значение придавал канцлер тому, чтобы г. Гирс оставался на своем месте вследствие оказываемого им на дела благотворного влияния. Это единственный иностранный министр, которого посетил Бисмарк, приехавший специально для этого в 1885 г. в Франценсбад; позднее же, когда г. Гирс, возвращаясь в Россию, был проездом в Берлине, Бисмарк пригласил его со всем семейством к обеду. При этом произошла довольно характерная сцена. Бисмарк был болен и лежал перед обедом на кушетке, разговаривая с г. Гирсом. Докладывают о принце Вильгельме (нынешнем императоре); г. Гирс предлагает удалиться, тем более, что в соседней комнате уже слышатся шаги его императорского высочества. «Ничего подобного,—говорит ему Бисмарк,—ему нечего делать, а мы говорим о серьезных делах», и он приказывает не принимать принца, возвышая при этом голос настолько, чтобы быть услышанным через открываемую лакеем дверь.

Нет, впрочем, ничего невозможного в том, что Шувалов, с его коварством польского шляхтича и своей угодливостью, заронил с тех пор некоторые сомнения в уме Бисмарка, и что, с другой стороны, последний рассчитывал на более деятельную поддержку со стороны России. Отношения, существующие между г. Гирсом и императором не могли вполне соответствовать его желаниям.

Апрель.

Воскресенье, 1-го апреля.

Министр рассказывает мне, что граф Шувалов, заезжавший к нему не надолго, вчера к концу дня, говорил ему, что Каприви произвел на него самое приятное впечатление; новый канцлер поручил ему засвидетельствовать г. Гирсу его глубочайшее почтение и передать уверения, что он сделает все в интересах поддержания наилучших отношений между Германией и Россией. Говоря о князе Бисмарке, он якобы сравнил своего предшественника с атлетом, держащим на голове и в каждой руке по земному шару; он, Каприви, удовольствуется и тем, если ему удастся удержать в руках хотя бы два из них. Шувалов уверяет, что теперь обнаруживается много интриг и мелких проделок Бисмарка, а что Каприви производит впечатление прямого, честного человека, с которым нам будет гораздо легче ладить. Наш посол думает только, что не следует торопить Швейница и затрагивать в данный момент вопрос о возобновлении нашего тайного договора. Г. Гирс дает мне присланный ему вчера государем третий том мемуаров Понятовского. Получаю по городской почте обращение, озаглавленное: «Воззвание учащейся молодежи к русскому обществу». Документ этот объясняет волнения, только-что имевшие место в университетах и других заведениях,—он составлен в очень умеренных выражениях и заключает в себе много верного.—Масса назначений при дворе. Сын министра Константин—камер-юнкер. Говорят, что выход сегодня, ночью, был блестящий. Следовавшая под руку с цесаревичем за их императорскими величествами королева эллинов была в национальном костюме; говорят, что она еще очень интересна, несмотря на то, что сильно располнела.

Вторник, 3-го апреля.

Мой министр едет около 12 час. в Аничков дворец с докладом. В 2 часа на маленькой площади перед Салтыковским подъездом Зимнего дворца смотр новобранцам, по окончании которого двор отбывает в Гатчину после беспрерывного трехмесячного пребывания в городе.

Среда, 4-го апреля.

Встаю в 6 часов утра и принимаюсь за работу. — Проект письма Лобанову. Если Кальноки высказывает столь сильную уверенность в сохранении хороших отношений между Австрией и Германией, то и мы не имеем ни малейшего повода питать какие-либо опасения касательно наших отношений с берлинским кабинетом. — Кризи спрашивал, повидимому, у графа Корнаш, считает ли он безусловно необходимым единодушие держав в вопросе о признании принца Кобургского болгарским князем; князь Лобанов замечает, что, согласно Берлинского договора, на это требуется лишь согласие Порты. Я привожу текст пункта III, заключающего в себе условие, что князь будет свободно избран и утвержден Портой с согласия держав. Утверждение со стороны сюзерена, конечно, необходимо, но мы не можем предоставить признание князя болгарского исключительно его одобрению и должны настаивать на условии обязательности согласия держав, особенно, когда речь идет о мнении России, в виду того, что непризнание за ней права на преобладающее влияние в Болгарии было бы совершенно незаконно. — Проект письма барону Моренгейму. Одобрение г. Рибо; несколько слов по поводу проявления уважения и симпатии к императору и России, которые так часто приходится слышать нашему послу. — Итальянская путаница по вопросу о представительстве Менелика на противорабовладельческой конференции в Брюсселе. Проект письма барону Икскулю относительно путешествия принца Неаполитанского: г. Стааль — о признаках сближения между Германией и Англией, о приезде принца Уэльского в Берлин и предполагаемом путешествии императора Вильгельма в Дармштадт, где находится королева Виктория.

Иду к министру, который мне рассказывает, что вчера, за завтраком, их величества были очень любезны. Государыня

говорила с ним о пожаловании его сыну Константину звания камер-юнкера. Гирсы приписывают это Оболенскому и мне.

Граф Шувалов, с которым министру удалось иметь более продолжительное свидание, сообщил ему новые подробности о происходящем в Берлине. Он говорит, что теперь обнаруживается масса интриг (козни) Бисмарков, и что нам будет, вероятно, гораздо легче сговариваться и действовать согласно с Капривн и Маршалем. Но он думает, что новый канцлер не решится возобновить наш секретный договор. Бисмарки стремились, повидимому, воспользоваться этими переговорами, как средством удержаться у власти; видя, что маневр этот им не удается, они, вероятно, первые отсоветовали возобновлять сношения и даже, может-быть, доказывали невозможность какого-либо тайного договора при современном режиме. Наш посол уверен, что никакое примирение между императором Вильгельмом и Бисмарками невозможно. Смещенный канцлер и его сын утратили всякое самообладание; граф Герберт дошел до того, что в разговоре с графом Шуваловым назвал своего монарха «Schurke» (негодяй).

Только-что приехавший сюда наш посланник в Гамбурге, граф Кассини, утверждает, что в сфере своей деятельности он уже имел возможность отметить, какой огромный вред причинила Германии отставка канцлера. Он уверен, что провозглашенные молодым императором намерения разрешить социальную проблему лишь пробудят неутолимые желания и страсти и никого не удовлетворят. По его словам, Вильгельм II чувствует, что здоровье его подтачивается неизлечимой болезнью, предвидит, что царствование его будет непродолжительно, и хочет во что бы то ни стало завоевать себе видное место в истории. Под влиянием этого нездорового честолюбия он с большой стремительностью предпринимает одну реформу за другой и, не выяснив результатов одного проекта, переходит к другому. Все это роковым образом должно вести к путанице. Престиж Германии уже пострадал, и серьезные люди далеко не спокойны за будущее.

Лишнее основание для нас держать себя тихо, приводить в порядок финансы, вооружаться и во всех отношениях готовиться. С тех пор, как мы искренне стали на эту точку зрения, как постоянные подзигательства Каткова и его жалких сателлитов перестали возбуждать внимание наших соседей, они при-

нялись за саморазрушение. Трилистник лиги мира, каждый листочек которого поражен, сильно рискует скоро увянуть, в то время как Россия в своем неизменном спокойствии становится все более и более внушительной. — «Друзья у себя заварят кашу, которую, пожалуй, и втроем не расхлебаешь; мы же тем временем свои дела настроим и в подходящую минуту покончим не только с болгарскими проказами, но решим, бог даст, и более важные вековые вопросы».

Четверг, 5-го апреля.

Министр пишет графу Линдену, предлагая ему не заниматься в данный момент матримониальными проектами принца Веймарского, а направить свои усилия на подготовление для него почвы, в виду возможных выборов князя Болгарского. Пишу несколько слов Фредериксу, чтобы передать ему просьбу г. Гирса доставить это послание по назначению.

Воскресенье, 8-го апреля.

Мой министр нездоров и утомлен; меня это очень огорчает и беспокоит. Он ждет князя Дабижу, которого должен благословить, и затем собирается ехать на свадьбу графа Шувалова, сына посла, с графиней Воронцовой-Дашковой.

Понедельник, 9-го апреля.

Нахожу министра в негодовании по поводу лживой и полной низких инсинуаций статьи Цион а, только-что появившейся в «Новом Обозрении». Я советую министру послать через Северное Агентство небольшую телеграмму с опровержением и пишу маленькую заметку, которую можно было бы послать барону Моренгейму в Париж. Командир конногвардейского полка генерал Блок рассказывал г. Гирсу некоторые забавные подробности о пребывании наследника 25-го марта на полковом празднике. В виду того, что в этом году день этот совпал с вербным воскресеньем, государь выразил желание, чтобы все празднество было закончено до двенадцати часов ночи. Было поэтому решено заменить ужин обедом. Наследник присутствовал на нем в качестве конногвардейца, но, будучи увлечен забавными и грубоз-

ными рассказами окружавших его молодых офицеров, его императорское высочество, не взирая на то, что генерал Рихтер несколько раз напоминал ему о позднем часе, болтал и смялся с офицерами до двух или трех часов ночи, в то время как генералы, старые и бывшие конногвардейцы, с трудом боролись со сном. Это доказывает, с одной стороны, любовь молодого человека к развлечениям и его чувственные наклонности, с другой — его большую независимость. Странное противоречие: с одной стороны, его держат как ребенка, у него нет ни двора, ни даже адъютанта, медлят с его женитьбой и избегают относиться к нему серьезно, как к наследнику престола; с другой — предоставляют ему предаваться всем своим наклонностям; полная свобода в смысле издержек, удальства и т. д.

Морской министр очень конфиденциально сообщает г. Гирсу проект маршрута предполагаемого большого путешествия наследника цесаревича и его брата великого князя Георгия. Их императорские высочества имеют отплыть в сентябре 1890 г. и возвратятся лишь в октябре 1891 г. Они посетят Константинополь, Грецию, Иерусалим, Индию, Китай; из Владивостока отправятся в Сан-Франциско, Нью-Йорк и т. д. Маршрут этот плохо составлен. 40 дней в Индии, — недурно! Вообще создается впечатление, будто бы желают потратить как можно больше времени. И что за мысль в этом возрасте удалить наследника престола более чем на год и послать его странствовать по заморским странам в то время, когда он еще совсем не знает России. Г. Гирс хочет поговорить об этом завтра с государем. Он недоумевает, чем можно объяснить это путешествие, — не кроется ли за этим какой-либо зарождающейся любви? Молодой великий князь оказывал, повидимому, заметное предпочтение своей тетке Елизавете Федоровне; зимой они в тесном семейном кругу ставили некоторые сцены из «Евгения Онегина», но прежде на это смотрели скорее, как на экзамен по русскому языку для великой княгини. Наследник часто бывал также у молодых Трубецких; княгиня, урожденная Долгорукая, очень красива и, казалось, очень ему нравилась, но она скоро ожидает первого ребенка, и ничто не указывало на слишком нежную склонность.

Такому хорошему отцу семейства, как государь, обожающему своих детей, будет, конечно, очень грустно расставаться на такой долгий срок со своими старшими сыновьями. Императрица.

может быть, сама того не сознавая, утешится до некоторой степени тем, что, оставаясь лишь с младшими детьми, она будет чувствовать себя моложе, так как присутствие тех ее старит. Во всяком случае все это странно.

Также является вопрос, кто может сопровождать великих князей? Генерал Данилович слывет за старую бабу, человека ограниченного, не пользующегося ни престижем, ни влиянием. К Хису в высших сферах относятся, как уже ни к чему не способному животному. Просматривая списки всех нынешних генерал-адъютантов, не находишь никого, кто представлял бы что-либо из себя как личность. Уж не жалкому ли пьянице Черевину, совершенно некультурному, лишенному всякого морального чувства, умственно неразвитому, поручат руководство этим путешествием? Все возможно при этой манере смотреть на жизнь, как на оперетку Оффенбаха.

Какой контраст с былыми временами; я вспоминаю чудные письма императрицы Марии Федоровны старшей к императору Николаю I, когда он, будучи великим князем, в первый раз расстался с ней в 1814 году, отправляясь под эгидой моего деда в Париж к Александру I. Позавтракав с Оболенским, иду говорить с Гречем о телеграмме касательно статьи Цион а.

Вечером Греч приносит мне проект телеграммы, по-моему, хорошо составленной.

Вторник, 10-го апреля.

7-го, после родов великой княгини Александры Георгиевны, двор вернулся в город, чтобы присутствовать на свадьбе Воронцовых; он пробудет в Петербурге до 13-го. Доклад происходит в Аничковом дворце после завтрака у великого князя Владимира, сегодня день его рождения. Государь утомлен, министр тоже не в ударе. Коснувшись проекта великокняжеского путешествия, г. Гире видит, что разговор этот его величеству неприятен, однако, замечает, августейшему монарху, что 40 дней для Индии — это слишком много: в случае торжественного приема, связанного с большими расходами, было бы неделикатно и невозможно сделать пребывание там столь продолжительным. Отклонить же его было бы несовместимо с престижем, которым должен быть окружен наследник русского престола. Что касается возможности появиться там инкогнито, то это могло бы вызвать

ложные толки и вообще было бы мало понятно. Это путешествие за океан кажется государю отнюдь не таким странным, как г. Гирсу, впрочем, его величество говорит, что маршрут, конечно, должен быть изменен. Я поздравил министра, так как сегодня день его свадьбы. Затем не без труда решился сделать неизбежный визит г-же Гирс. Она принимает меня очень сердечно. Она, как всегда, говорит о своих огорчениях, связанных с нелюбезностью императорской фамилии и в особенности государыни. На свадьбе Воронцовой и Шувалова ее величество ограничилась тем, что протянула ей руку, не сказав при этом ни слова, и т. д. Подумать только, что это может причинять столько забот, почти горя.

Четверг, 12-го апреля.

Вчера вечером министр написал государю, испрашивая у него экстренную аудиенцию. Его величество примет его сегодня, в 12 часов. Г. Гирс показывает мне иллюстрированную телеграмму германского военного агента Йорка Вартенбурга о том, что последний получил и переслал в Берлин важный документ из нашего главного штаба. В виду того, что необходимо чрезвычайно тщательно и с соблюдением строжайшей тайны проследить и выяснить все, касающееся этого важного открытия, г. Гирс счел нужным лично получить распоряжения государя. Его вчерашние беседы с Швейницем и Морнером были не из приятных. Английский военный и германский морской агенты должны уехать, потому что оба скомпрометировали себя покупкой планов, проданных этим несчастным моряком Шмидтом. Уезжая в Аничков дворец, министр пишет мне записку, приглашая меня присутствовать сегодня на обеде, который он дает Шуваловым (я отклоняю приглашение, мотивируя отказ тем, что никогда не имел счастья быть представленным графине и имею удовольствие быть совершенно забытым графом). И действительно, последний как-будто бы дуется на меня и даже не завозит мне карточек, о чем, я, впрочем, нисколько не жалею.

Пятница, 13-го апреля.

После полкового праздника, происходившего сегодня по случаю дождя в манеже, двор отбыл в Гатчину. Следовательно, наши пакеты, отправляемые государю, должны будут заготовляться к определенному часу. Это обычно упрощает дело.

Суббота, 14-го апреля.

С благодарностью возвращаю министру третий том мемуаров Понятовского. Они мне показали Екатерину II в новом свете. Вчера министр послал перлюстрированную телеграмму германского генерального штаба к графу Йорку-Вартенбургу от 11/23 апреля следующего содержания: «Важный документ №...» будет отправлен вам сегодня вечером с курьером. Генеральный штаб». Около № его величество поставил красным карандашом «13» и написал: «Нельзя ли постараться разобрать, какой №. Я думаю, что должно быть № 13». После того, как шифровальный отдел нашел возможным подтвердить это предположение, государь приписал на том же документе: «Если это № 13, то нет сомнения, что Йорк выкрал из главного штаба расписание № 13 (т.-е. последнее, самое новое) мобилизационное расписание». Его величество сказал министру, что в это дело, требующее особой осторожности, не должен быть посвящен никто, кроме генерала Грессера, и что последнему, не сообщая ему об источнике наших информаций, необходимо поручить следить за приезжающим сегодня германским курьером и за Йорком для того, чтобы знать, кому будет передан полученный им пакет. Во время нашего разговора вижу подъезжающего Грессера.

Министр просит меня подняться еще раз и сообщает, что генерал Грессер чуть-было не заставил выкрасть у Йорка привезенный им вчера пакет, что было бы лишним. Главный интерес заключается не в самом документе, а в вопросе о том, через кого он мог его получить.

Просьба Италии допустить Менелика, как предполагаемого императора Эфиопии, на брюссельскую конференцию. Проистекающая из этого путаница также очень озабочивает г. Гирса.

Воскресенье, 15-го апреля.

В 7 часов вечера в качестве очередного курьера приезжает Ваксель. Самым интересным документом из привезенных им в экспедициях является письмо графа Муравьева из Берлина. Покидая этот город, князь Бисмарк сравнил грандиозные овации, которыми его провожали, с похоронами по первому разряду. Выражение это, кажется, более верно, чем предполагал сам

*

отставной канцлер. Его как-будто уже забывают и почти о нем не говорят. Занятая им в последнее время позиция, его жалобы на проявленную по отношению к нему неблагодарность, вынужденную отставку и т. д., — все это ему повредило; было бы лучше, если бы он, как ему это предлагал его государь, ушел добровольно в виду расстроенного здоровья. При настоящих условиях борьба эта послужила на пользу императору; тот факт, что он оказался в состоянии удалить подобного слугу и обойтись без него, способствовал поднятию его престижа. Двумя реальными последствиями этого события являются: децентрализация управления, нити которого теперь в руках императора, и значительное ослабление влияния прессы, которой князь Бисмарк пользовался с искусством виртуоза. Генерал Каприви, государственный секретарь Маршаль и граф Берхем оказывают наилучший прием графу Муравьеву; последний сказал ему, что его дверь открыта для него круглые сутки, и что вообще нашему послу будет предоставлена полная возможность в любой час совершенно свободно сноситься с германским правительством.

В официальном мире Берлина и особенно в министерстве иностранных дел все, кажется, в восторге от ухода графа Герберта Бисмарка; его характер и манера себя держать были, повидимому, невыносимы.

Князь Лобанов пишет из Вены, что граф Кальноки кажется вполне спокойным за продолжение добрых отношений с Германией или делает вид, что это так. Между тем, подтачивающие Австро-Венгрию социалистическое и националистическое движения, с одной стороны, и крайне печальное финансовое и экономическое положение Италии, с другой, не предвещают тройственному союзу ни долголетия, ни значительного влияния.

Понедельник, 16-го апреля.

Подымаюсь к министру. Он, так же, как и я, находит, что наиболее интересным документом в полученных вчера экспедициях является письмо Муравьева. Но граф Шувалов возвращается сегодня к своему посту, поэтому писать ему не приходится. Что касается отправляющегося в четверг курьера, то можно будет ограничиться отправкой литографированных дел с приложением сопроводительных писем.

Вторник, 17-го апреля.

Государь пишет несколько слов министру, прося его отложить сегодняшний доклад до 11 часов завтрашнего дня. Мы думаем сначала, что это вызвано панихидой по покойном государе, так как это день его рождения, но позднее выясняется, что в Царском Селе большой военный праздник, на котором присутствует двор.

Среда, 18-го апреля.

Будучи приглашен на доклад к 11 часам, мой бедный министр должен ехать в Гатчину с поездом в 9¼ час. Он возвращается оттуда около 6-ти часов; кажется, доклад прошел на этот раз довольно бесцветно [1].

Телеграфные донесения.

Северное Агентство.

Кёнигсберг, среда, 14 мая; вечером.

На торжественном обеде император пил за процветание Восточной Пруссии, при чем сказал: «Я желаю, чтобы провинция избегла войны. Но если бы, по воле провидения, император был вынужден защищать границы, шпага Восточной Пруссии сыграла бы в борьбе с врагом ту же роль, как и в 1870 году» [2].

Последние телеграммы.

Северное Агентство.

Кёнигсберг, пятница, 16 мая; вечером.

(Кратко передается содержание тоста императора Вильгельма на другом обеде, где он ручался в том, что всякий, кто пожелал коснуться Восточной Пруссии, нашел бы его твердым как «бронзовая скала»; он желает сохранения мира и может этого достигнуть, имея за собою достаточную для этого армию.)

Воинственные речи молодого германского императора и полное молчание берлинского кабинета касательно возобновления

---

[1] Далее в оригинале пропуск — 50 чистых страниц; после этого перерыва дневник возобновляется следующими ниже газетными вырезками.

[2] Далее следует известие о железнодорожной катастрофе в Диршау.

наших тайных договоров наводят на размышления. Министр, повидимому, не желает возбуждать об этом разговора со Швейницем и не решается поручить Шувалову выяснить положение с канцлером. В воскресенье, 13 мая, очередной курьер привозит от нашего посла в Берлине письмо от 11/23 мая, в котором, донося об обеде, данном им канцлеру и прусским министрам, Шувалов восхваляет генерала Каприви: «Генерал держится просто, — пишет граф, — он очень сдержан, и то немногое, что он говорит, вполне соответствует установившейся за ним репутации искреннего и вполне порядочного человека. Говоря о своем предшественнике, канцлер несколько раз намекнул на свое искреннее желание точно следовать в делах внешней политики намеченной князем Бисмарком линии».

И далее: «Произнесенные в Кёнигсберге речи вызывают оживленную критику и порицаются всеми здравомыслящими людьми, даже в официальных столичных кругах. Все осуждают этот пылкий темперамент, готовый по любому поводу закусить удила».

Затем, в конце письма: «Очень жаль, что не могу вам сегодня сообщить более интересных фактов. При Бисмарке мне было легче заводить разговоры на интересующие нас темы, лозунгом же данного момента является величайшая сдержанность; поэтому не судите меня за то, что и я с своей стороны придерживаюсь этой, столь определенно выявленной линии поведения».

Мне кажется, однако, что «намеки» генерала Каприви давали нашему послу превосходный повод к тому, чтобы позондировать его мысли и выяснить важный вопрос возобновления тайных соглашений. Я приношу министру письмо к графу Шувалову, которое он помечает 16-м мая и которое очередной курьер увозит в четверг, 17-го, в Берлин.

Вот это письмо: «Дорогой граф, экспедиция, которую вы изволили доверить нашему очередному курьеру, мной получена и была мной представлена на рассмотрение государя. В личном письме от 11/23 сего месяца вы изволите сообщать, что более близкое знакомство с германским канцлером только подтвердило вынесенное вами в начале этого знакомства благоприятное впечатление. Лишнее вам говорить, как сильно это нас порадовало. Сдержанность, которую вы считаете должным соблюдать

в ваших отношениях с новыми государственными людьми, конечно, предуказывается условиями данного момента, но раз генерал Каприви дал вам понять, что «искренне желает точно следовать в делах внешней политики намеченной князем Бисмарком линии», — невольно спрашиваешь себя, каковы те важные причины, которые мешают ему до сих пор заняться важным вопросом возобновления нашего тайного договора, срок коего истекает через три недели.

Вам известно, что мы совершенно не желали брать на себя инициативу переговоров по этому поводу, но после всего, что было вам сказано императором Вильгельмом и что его величество так торжественно поручил вам передать нашему августейшему монарху, настоящее молчание германского правительства совершенно непостижимо. Идя навстречу выраженному вам горячему желанию, государь соизволил распорядиться без промедления препроводить вам необходимые инструкции и полномочия для возобновления приостановившихся после отставки князя Бисмарка переговоров. Сделанное вам берлинским кабинетом предложение перенести эти переговоры в Петербург не встретило с нашей стороны возражений; мы сочли также естественным, что призванным к делам правления новым лицам потребовалось время для ознакомления с вопросами, которые предстояло обсуждать; но с тех пор прошло уже более двух месяцев; из моих же конфиденциальных бесед с генералом Швейницем для меня ясно, что он еще не получил предписания приступить со мной к обсуждению вопроса о нашем тайном договоре.

Государь полагает, что вы, со свойственным вам умением, выясните причины этого таинственного молчания.

Среди данных вам императором Вильгельмом заверений одним из наиболее важных явилось утверждение, что германская политика была и будет всегда политикой монарха, а не канцлера. Чем объясняется в таком случае то, что удаление князя Бисмарка могло повлиять на высочайшие решения, которые вам привелось слышать, и притом в самой категорической форме, из уст самого императора Вильгельма?

Это является гораздо более опасным и более знаменательным симптомом, чем произнесенные в Кенигсберге речи, которым мы не придаем большого значения. Мы не особенно стремимся

к продлению наших тайных соглашений с Германией, но полагаем, что она достаточно ценит хорошие отношения с Россией для того, чтобы желать их упрочения и сохранения хотя бы основных положений существующего между обеими соседними империями соглашения.

Примите и проч...»

Получив это письмо вечером 18 мая, граф Шувалов поспешил на него ответить по телеграфу следующее:

Секретная телеграмма графа Шувалова, из Берлина от 19/31 мая 1890 г.

«Со времени отставки Бисмарков и перенесения переговоров в С.-Петербург, против которого мы не возражали и мысль о котором была одобрена Швейницем (телеграмма от 14 марта), я не могу говорить об этом с Каприви. Не сомневаюсь в том, что Швейниц может дать желательные разъяснения, потому что перед его возвращением к своему посту я уполномочил его передать Каприви мою беседу с германским императором. Мне известно, что он это сделал. Если ваше превосходительство предпочтет, чтобы тайна эта была выяснена мной, я могу обратиться непосредственно к Каприви и откровенно просить его объяснить мне странное противоречие между слышанными мной из уст германского императора словами и поведением его правительства в настоящий момент. В таком случае благоволите сообщить мне, должен ли я говорить лично от себя или от вашего имени и, в последнем случае, — ссылаюсь на последние строки вашего письма, — в какую форму вы желали бы облечь сохранение основных положений существующего между обеими империями соглашения, если продление договора не состоится».

Мне кажется, что телеграмма эта служит подтверждением того, что я предвидел в марте. В качестве «смелого рыцаря», испортив при уходе Бисмарков положение дела, Шувалову пришло в голову взвалить ответственность на г. Гирса перенесением переговоров в Петербург. С этого момента успех их был ему уже нежелателен, а теперь он совсем от них отрекается, принимая вид дурачка или обиженного. Я советую министру немедленно ответить телеграммой, проект которой он везет к докладу в Гатчину в понедельник, 21 мая. Проект этот следующий:

«По приезде сюда Швейниц подтвердил, что новый канцлер, как мы это уже знали через вас, может дать ему полномочия

на возобновление тайного договора лишь после того, как ознакомится с этим вопросов. Последующие мои беседы со Швейницем доказывают, что он до сих пор не получил никаких инструкций на этот счет. Разъяснение всему этому может быть получено только в Берлине и, в виду того, что император Вильгельм обратился непосредственно к вам, прося вас возобновить прерванные отставкой Бисмарка переговоры, то, конечно, вы лично, скорее, чем кто-либо, могли бы получить от генерала Каприви объяснение по поводу несоответствия между выраженными вам его величеством чувствами и намерениями и теперешними колебаниями его правительства. Если бы продление наших соглашений казалось берлинскому кабинету невозможным, он должен бы был предложить какой-либо иной способ констатировать сохранение основ соглашения; не нам брать на себя в этом деле инициативу. Следовательно, и форма такого подтверждения может быть определена лишь по взаимному соглашению после вашего объяснения с канцлером».

Государь принимает министра в понедельник, в духов день (вторник, 22 — день кончины покойной императрицы Марии Александровны). Его величество чувствует себя утомленным после обедни, доклад непродолжителен; проект, однако, ему представляется, и он его одобряет, заметив лишь, что Шувалов должен говорить не лично от себя, а от имени министра. Г. Гирс просит, однако, разрешить ему не отправлять этой телеграммы до предстоящего ему в среду, на его еженедельном приеме, свидания со Швейницем. Позднее телеграмма остается не посланной.

Среда, 23-го мая.

Германский посол, действительно, приезжает к министру и привозит длинную депешу от канцлера Каприви, в которой излагаются мотивы, препятствующие Германии возобновить заключенный с Россией 6/18 июня 1887 г. секретный договор. Министр утомлен и с нетерпением ожидает переезда на свою дачу в Финляндию; последнее время он как бы испытывает некоторое замешательство, всякий раз, как ему приходится касаться со мной этого вопроса; содержание своего разговора с генералом Швейницем он передает мне только на другой день утром, в четверг, 24-го, перед отъездом из города в свою летнюю резиденцию. Г. Гирс

говорит, что пришлет мне из Реттиярви подробное донесение об этом разговоре, которое просит меня представить государю. В понедельник, перед его отъездом в Гатчину, я позволил себе ему напомнить, что мы еще не получили извещения о том, что канцлер Каприви будет сопровождать своего императора во время назначенного на это лето путешествия его в Россию, и что, может быть, через Швейницa или Шувалова следовало бы послать ему приглашение. Министр нашел эту мысль справедливой и высказал ее государю; получив высочайшее разрешение, он, к счастью, имел возможность сделать это в начале визита Швейницa, когда случайно разговор коснулся предполагаемого путешествия Вильгельма. Чтение ноты генерала Каприви имело место позднее, и после него было бы уже трудно передавать приглашение. Это совершенно определенный отказ возобновить наше соглашение, но приведенные мотивы так мало убедительны, и даваемые им объяснения настолько неудовлетворительны, что они произвели на министра крайне неприятное впечатление; признаюсь, что мое еще более тягостно. На выраженное г. Гирсом удивление по поводу принятия такого решения после всего того, что в дни отставки Бисмарков было сказано императором Вильгельмом Шувалову, германский посол отвечает: «Поверьте мне, вы не должны придавать такого значения этим словам; какую пользу принес бы договор при таких условиях?» Затем он заметил, что новый канцлер потому против нашего тайного договора, что он «не желает, чтобы думали, что он в заговоре с Россией против Европы». Министр ему очень хорошо ответил: «А между тем, состоя в лиге с другими державами, вы не боитесь, что могут подумать, что вы в заговоре против России». Впрочем, Швейницу поручено передать тысячу заверений в миролюбии и желании жить в дружбе; он прибавляет, что когда министр познакомится с генералом Каприви, он убедится, что с таким прямым и порядочным человеком можно всегда сговориться и быть совершенно покойным даже и без письменных соглашений.

Мы, конечно, не можем подать и вида, что мы испытываем какое-либо беспокойство или хотя бы неудовольствие в связи с отказом Германии, но в общем их образ действий в этом вопросе не только не успокоителен, но даже не корректен. Надо признаться, что мы во всяком случае могли бы достигнуть

более приличных результатов. Я чувствую себя оскорбленным, хотя и не несу никакой ответственности. Вместо телеграммы, заготовленной 21-го, мы посылаем Шувалову в Берлин следующую: «Четверг, 24 мая 1890 г. — Швейниц получил, наконец, инструкции, но они гласят, что, не желая какой-либо перемены в добрых отношениях с Россией, Германия отказывается от наших тайных соглашений. Подробности через курьера».

Министр с семейством уезжает с часовым поездом на дачу, в Финляндию; г. Гирс получил разрешение государя оставаться там безвыездно в течение месяца или 6-ти недель, чтобы пить воды. В министерстве полная дезорганизация. Влангали поручено как бы управление министерством, но без докладов государю; таким образом, бумаги, чтобы попасть на рассмотрение его величества, должны пройти через Реттиярви. Пока посылка курьеров в Финляндию в неопределенном положении, потому что находится в зависимости от соглашения между теми, кто имеет пакеты для отправки их министру, т.-е. между товарищем министра, который ко всему относится с любительским равнодушием, и моим милым Оболенским, который часто отсутствует; при этом ни тот, ни другой не в курсе многих серьезных дел, которыми особенно интересуется г. Гирс. Все это сулит хорошенькие порядки. Последние дни невозможно было говорить с министром о том, как бы все это урегулировать: утомленный, обессиленный и рассеянный, он совершенно не мог отнестись к этому внимательно. Я ужасно огорчен и делюсь своим беспокойством с моим другом Иониным; он признается мне, что тоже очень поражен, видя «общее расслабление» механизма нашего бедного министерства.

Суббота, 26-го мая.

Только в субботу, 26 мая, Влангали и Оболенский решаются, наконец, — и то по моей просьбе, — отправить к министру курьера; «докладную записку» с отчетом о своем разговоре в среду, 23-го, со Швейницем министр присылает мне только в воскресенье 27-го; вот она: «Перед самым отъездом моим в Финляндию посетил меня германский посол и сделал мне следующее доверительное сообщение: все, что я ему высказал относительно прервания наших разговоров, вследствие удаления от дел князя Бисмарка, было им в точности передано генералу Капрови.

В ответ на это канцлер пишет ему, что он ничего не изменит в отношениях Германии к России. Политика его будет всегда проста и прозрачна и не даст повода ни к какому недоразумению, — беспокойству или недоверию. Он думает, что такая политика несовместима с какими-либо секретными соглашениями. По мнению генерала Каприви, значение подобных договоров зависит от поддержки, которую им придает общественное мнение, а таковой поддержки в настоящее время не существует. «Вам небезызвестно, — сказал мне генерал Швейниц, — какой протест возбудил во всей русской печати слух, пущенный недавно венским корреспондентом, о тесном сближении, имеющем последовать между Россией и Германией. Каприви думает, что при таком направлении нельзя быть уверенным в том, что условия трактата будут в точности исполнены, а если бы к тому секретный договор получил огласку, то Европа, и в особенности Германия, потеряли бы всякую веру в прямодушие его политики, чего, повидимому, он весьма опасается.

Германский канцлер представил императору Вильгельму донесение ген. Швейница, весьма обстоятельно излагающее мои с ним объяснения, по поводу прекращения переговоров о секретном трактате. Его величество убедился будто бы в справедливости мнения ген. Каприви, выразив притом твердую волю и впредь неизменно сохранить вполне дружеские отношения к России, не заключая, однакоже, с нами формального трактата».

Я ответил генералу Швейницу, что не премину повергнуть на высочайшее воззрение вашего величества настоящее его сообщение, присовокупив, что доводы, приводимые германским канцлером, мне кажутся мало убедительными. Отношения взаимной дружбы между нашими правительствами, сказал я, действительно сохранялись незыблемо в течение весьма продолжительного времени и в отсутствии какого-либо между нами формального договора. Но за последнее время обстоятельства изменились. Германия связала себя союзами с другими державами и составила так называемую «лигу мира», могущую, при известных обстоятельствах, принять характер вовсе не мирный и совершенно несогласный с добрыми отношениями нашими с Германией. При этих условиях, на мой взгляд, мнение князя Бисмарка о желательности обеспечить от всяких случайностей договорным путем взаимные наши интересы, имело свое основание. Мы

нисколько не настаиваем, заметил я, на возобновлении соглашения; но я не могу скрыть моего удивления, что возражения генерала Каприви были признаны достаточными, чтобы отменить лично заявленную императором готовность продолжать действие нашего секретного договора.

Осмеливаюсь высказать мнение, что о содержании сообщения генерала Швейница следует поставить в известность графа Шувалова, поручив ему, нисколько не настаивая на возобновлении договора, изложить германскому канцлеру наш взгляд на этот вопрос. Я не замедлю представить на высочайшее воззрение вашего величества проект инструкции нашему послу в Берлине по означенному предмету [1].

Гирс.

Реттиярви, 26 мая 1890 г.

Эта «докладная записка» возвращается его величеством во вторник, 29 мая, со следующей надписью: «Я лично очень рад, что Германия первая не желает возобновлять трактата, и не особенно сожалею, что его более не будет. Но взгляды нового канцлера на наши отношения довольно знаменательны. Мне кажется, что Бисмарк был прав, говоря, что политика императора переменится с его, Бисмарка, уходом» [2].

Я писал министру, прося разрешения уехать в отпуск в начале июня. Состояние моего здоровья этого настоятельно требует, и я совершенно не вижу возможности что-либо здесь делать. Вышеприведенную «докладную записку» г. Гирс присылает мне при следующем письме: «17 июня 1890 г. Дорогой граф. Прилагаю при сем мою «докладную записку», которую прошу вас препроводить в отдельном конверте государю. Она может послужить вам основой для тех двух секретных писем Шувалову, которые вам придется составить. Если вы их пришлете мне во вторник, я возвращу их вам в среду, но в таком случае как устроить, чтобы они отправились с курьером в четверг? Само собой разумеется, что я ничего не имею против того.

[1] В оригинале на полях против последнего абзаца красными чернилами написано: «Хорошо».

[2] Эта надпись в оригинале — красными чернилами.

чтобы вы уехали на шесть недель; прошу вас только устроить как-нибудь отправку двух вышеупомянутых писем Шувалову. Нет необходимости в том, чтобы они непременно были посланы 31 мая. Нельзя ли задержать на несколько дней курьера? Но в таком случае пришлось бы посвятить в эту тайну (А. Е.) Влангали.

Ваш Гирс.

Посылаю «докладную записку» в отдельном конверте государю и принимаюсь за составление двух писем Шувалову. В день отъезда г. Гирса я предлагал ему сообщить в одном из них нашему послу разговор министра с генералом Швейницем, а во втором поручить ему выяснить с берлинским кабинетом положение, созданное отсутствием какого-либо соглашения с нами. Утратит ли теперь свое значение соглашение, достигнутое нами по балканским вопросам? Если нет, то можно было бы, по крайней мере в той или другой форме, констатировать сохранение основ нашего соглашения относительно болгарских дел, закрытия проливов и т. д. План этот был одобрен, но надо было еще посмотреть, что нам напишут из Берлина.

В воскресенье 27 мая очередной курьер привозит нам два личные письма графа Шувалова, одно 25 мая/4 июня, другое от 25 мая/6 июня 1890 г., оба собственноручные. Первое от 24 мая/5 июня 1890 г.

«Я желал бы, не дожидаясь ответа на мою секретную телеграмму от 19/31 мая, поделиться с вами своими впечатлениями от вашего строго личного письма от 16-го мая. Когда было решено перенести наши переговоры в Петербург, что совпало с отставкой Бисмарков, генерал Швейниц находился в Берлине, и мы с ним долго конфиденциально беседовали о причинах этой перемены. Как я имел честь сообщить вам лично, тогда речь шла только о том, чтобы дать призванным к делам правления лицам время ознакомиться с этим вопросом, а также, по словам Бисмарка, сохранить дело в тайне, избегая, елико возможно, увеличивать число посвященных. Я не только сообщил генералу Швейницу сущность моего разговора с императором Вильгельмом, но и настаивал на том, чтобы он передал его новому канцлеру, тем более, что до тех пор генерал Каприви ни словом его не коснулся. Мне хотелось, чтобы Швейниц был обо всем

осведомлен хотя бы перед своим отъездом. — Должен сказать, что во время моего свидания со Швейницем, после его беседы с Каприви, он имел довольно неуверенный вид, хотя и не дал мне повода ожидать полного снятия этого вопроса с очереди. Я слишком хорошо знаю характер Швейница, чтобы предположить, что он мог согласиться на перенесение переговоров, зная, что здесь уже было принято решение их вообще не продолжать. Несмотря на всю осторожность, с которой он высказывал свои соображения, я чувствовал во время нашего разговора, что он предвидит некоторые затруднения со стороны новых стоящих у власти лиц, но отсюда еще очень далеко до царящего в настоящий момент молчания.

Как вы совершенно верно изволили заметить, было бы очень желательно найти разгадку этой тайны, перед лицом которой мы стоим вот уже два месяца. Перенесение переговоров в Петербург лишало, разумеется, меня возможности касаться этого вопроса с Каприви, поэтому я и позволил себе просить в своей секретной телеграмме инструкций, прежде чем затронуть с германским канцлером этот щекотливый вопрос. Последнее меня нисколько бы не затруднило, если бы перенесение переговоров не было уже совершившимся фактом, но при настоящем положении вещей предлагаемые мной лично Каприви вопросы имели бы вид простого любопытства с моей стороны; напротив, говорить от вашего имени было бы, конечно, наиболее удобным, однако, не скрою от вас, что здесь это могло бы быть истолковано в том смысле, будто Швейницу не удалось достигнуть соглашения с вами. В виду этого я начну действовать лишь по получении ваших инструкций.

Мои многочисленные письма и устные беседы, которые я не раз имел честь вести с вами во время моего последнего пребывания в Петербурге, избавляют меня от необходимости вновь излагать вам создавшееся положение, но признаюсь вам, что в глубине души я его объясняю следующим образом. Заключение нашего секретного договора вдвоем с Германией явилось только следствием тайного договора, заключенного шесть лет тому назад втроем. Видя, что мы порвали с Австрией, князь Бисмарк, конечно, мог счесть удобным подписать с нами договор, шедший, может-быть, вразрез с некоторыми секретными статьями его договора с Веной (кто нам поручится, что подобные статьи

не существуют, хотя бы, например, в форме «d'un double fond» (двойного дна)? Мы слишком хорошо знаем характер бывшего канцлера, чтобы допустить, что его могли удержать от этого соображения порядочности. Руководствуясь исключительно интересами данного момента, он не предавал значения препятствиям, которые могли бы быть воздвигнуты на его пути его политической совестью. Как вам известно, если бы он остался у власти, секретный договор, горячим сторонником которого он явился, был бы возобновлен. С Каприви совсем не то. Будучи человеком мало знакомым с дипломатическими ухищрениями, одаренный сердцем солдата, каким здесь любят его изображать, этот министр, уважающий прежде всего имперскую конституцию и сознающий всю лежащую на нем перед государством ответственность, испугался двойной игры, которую, в случае подписания нашего договора, ему пришлось бы вести по отношению к Австрии, на союз с которой он, очевидно, смотрит серьезнее, чем его предшественник. Невольно приходят на память слова Каприви о том, что предшественник его был в состоянии жонглировать одновременно многими шарами, между тем как он почтет себя счастливым, если справится с двумя.

Если рассуждения мои правильны, то в них и заключается, вероятно, разгадка этой тайны; ясно, что мотивы Каприви не могли бы быть нам сообщены; возможно, что этим и объясняется хранимое им молчание. Слышанные мной из уст самого императора слова, а именно, что «германская политика есть политика ее монарха, а не канцлера», не уменьшают, по моему мнению, вероятности моих предположений, так как если судить по тому, что я слышу о Каприви, он скорее покинул бы свой пост, чем принял бы участие в деле, не согласующемся с его убеждениями.

Тем не менее, я все же думаю, что канцлер искренне желает сохранить наилучшие отношения с Россией, а может быть, и готов категорически высказаться в этом смысле в форме, которую предстояло бы в таком случае найти. Последнее было бы тем более важно, что получение подобных заверений со стороны Каприви явилось бы для нас почти равнозначным возобновлению наших соглашений, которыми мы в сущности не особенно дорожим.

Благоволите принять и проч...

25 мая/6 июня.

P. S. Письмо это было уже написано, когда пришла ваша вчерашняя секретная телеграмма. Тем не менее я посылаю эти строки, так как они могут несколько дополнить данные, объясняющие отказ, о котором вы мне сообщаете.

Второе собственноручное письмо, скорее записка, от 25 мая/6 июня.

Граф Шувалов просит указать точно числа предполагающихся в Красном Селе маневров и предлагает устроить приезд императора Вильгельма в наиболее удобный для нашего государя момент.

Затем он прибавляет: «Не сочтете ли вы нужным выразить в той или иной форме желание видеть у нас генерала Каприви? По моему мнению, присутствие его желательно; это спокойный и серьезный человек, который понравился бы нашему августейшему монарху, а его врожденная скромность может ему помешать появиться, не зная, приятно ли его присутствие» и т. д.

Я уже обращал на это внимание министра перед его докладом 21 мая. Высказываемое графом Шуваловым в конце письма предположение, что канцлер Каприви «готов, может быть категорически высказаться в смысле сохранения наилучших отношений с Россией», совпадает с тем, что я думал. Принимаюсь писать оба письма и третье барону Моренгейму по специальному вопросу; но для того, чтобы курьер мог выехать хотя бы в пятницу, я должен завтра послать министру проекты и копии их для подписи, и все это должно быть сделано лично мной, потому что никто не посвящен в эти секретные дела. — По возвращении черновиков и подписанных экземпляров мне предстоит удовольствие переписать их еще раз для того, чтобы препроводить в форме доклада государю.

Первое письмо графу Шувалову, которое я помечаю 29 мая, является просто несколько более подробным переводом на французский язык докладной записки касательно беседы со Швейницем. Второе, помечаемое 30-м мая 1890, гласит следующее:

«Ваши личные письма от 24 мая/5 июня и от 25 мая/6 июня были мною получены после того, как я писал вам, доводя до вашего сведения о сделанных мне перед тем генералом Швейницем сообщениях. Предположения ваши касательно отказа Гер-

мании от нашего секретного договора не расходятся с заявлениями и заверениями, переданными мне от имени канцлера Каприви. В конечном итоге возможно, что разгадка заключается просто в том, что Германия чувствует себя при настоящем положении вещей достаточно спокойной для того, чтобы не испытывать больше потребности добиваться гарантий нейтралитета России ценой условий, являющихся в общем выгодными почти исключительно для нас одних. Мы нимало не склонны сомневаться в искренности выраженного как императором Вильгельмом, так и его канцлером желания неизменно поддерживать с Россией наилучшие отношения, но я, как и вы, считаю, что было бы очень желательно достигнуть того, чтобы генерал Каприви в той или другой форме высказался в этом смысле. Не найдете ли вы возможным подать ему мысль об обмене нотами, заключающими в себе заявление, что, не возобновляя заключенного в 1887 году тайного договора, срок которого скоро истекает, обе державы желают подтвердить существующие между ними вполне дружеские отношения, при чем констатируют сохранение основ своего соглашения как по вопросам, касающимся Балканского полуострова, так и непарушимости принципа закрытия Босфорского и Дарданелльского проливов.

Если бы мысль эта была встречена сочувственно, мы легко могли бы сговориться о подробностях редакций подобных нот и немедленно ими обменяться. В виду того, что заверения императора Вильгельма были сделаны лично вам, вы, конечно, более чем кто-либо можете подчеркнуть необходимость примирить эти заверения с последовавшим ныне отказом возобновить секретный договор. Это столь же важное, сколь и требующее большой осторожности выступление будет вам облегчено вашей опытностью и вашим умением вести дела.

Что касается вопроса о том, когда именно будут назначены маневры в Красном Селе, наш августейший монарх уже говорил об этом с полковником Вильмомом и сообщит о своем решении тотчас после того, как оно будет принято.

Перед нашей последней беседой с генералом Швейницем я имел случай сказать ему несколько слов о желательности присутствия нового канцлера в свите германского императора во время предстоящего приезда его величества в Россию. Наш августейший монарх был бы рад познакомиться с генералом

Каприви, и мы предполагаем, что пребывание его здесь может иметь только наилучшие результаты.

Примите и проч...» [1].

Посвящаю все утро понедельника, 28 мая, этой работе, потому что с уезжающим в 4 часа курьером мне необходимо отправить мои приготовленные к подписи проекты и полученные вчера от графа Шувалова письма (см. выше 24-е и 25-е мая).

Среда, 29-го мая.

Министр возвращает мне оба проекта подписанными [2], прося возможно скорее препроводить их в форме доклада государю вместе с письмами Шувалова от 24-го и 25-го мая. Г. Гирс горячо благодарит меня за то, что я устроил отъезд очередного курьера в пятницу. Он подписал также письмо барону Моренгейму по вопросу о торговых конвенциях, заключенных большинством держав с болгарским правительством; мы предоставляем французам полную свободу поступить так же.

Государь возвращает все три проекта утвержденными в четверг, 31-го, утром, так что едущий на этот раз в качестве очередного курьера мой племянник мог бы даже выехать в обычный день, если бы можно было рассчитывать на такую быстроту.

Июнь.

Пятница, 1 июня.

Племянник мой уезжает в качестве курьера и увозит оба письма и маленькое собственноручное письмо графу Шувалову, который должен их получить на другой день, т.-е. завтра вечером. Ответ на них последует лишь через неделю. Тем време-

---

[1] На возвращенном государем утвержденном им докладе на полях сделана следующая надпись «Самое удобное, если бы он приехал 3 или 4 августа нашего стиля». Пометка эта передается 2 июня 1890 г. по телеграфу в Берлин.

[2] Второе письмо Шувалову возвращается без подписи; я исправляю эту маленькую рассеянность министра, подписавшись за него.

*

нем происходит осложнение: возвращаемые государем пакеты отосланы им товарищу министра, совершенно не знакомому с порядком строго личной переписки. Только этого не хватало, чтобы завершить царящую в наших делах путаницу. Обычно присылаемые государем министру конверты подавались мне, я их вскрывал и, вынув оттуда очень секретные бумаги, передавал остальные директору канцелярии, который и распределял их. Основываясь на том, что он как бы управляет министерством, Вланган написал несколько слов, повергая на воззрение государя кабинетное письмо, которое он, бог знает для чего, приказал написать по-немецки и по-французски; император подписал французский экземпляр и приказал следующий ответ заготовить по-русски; но, с этого дня, 4 и 5 июня, пакеты адресуются Вланган и доставляются прямо к нему на квартиру.

Я собирался уехать с Оболенским в субботу, 9-го, но затем, в виду того, что Вланган ужасно хочется ехать в Финляндию, а сделает он это только в том случае, если я останусь в городе и, с другой стороны, в виду приезда ожидаемого в воскресенье, 10-го, курьера, который, вероятно, привезет строго личные ответы Шувалова, решаюсь свой отъезд отложить еще на несколько дней.

В воскресенье, 10-го июня, очередной курьер привозит строго личное письмо графа Шувалова из Берлина от 8/20 июня 1890 г. Посол пишет: «После внимательного ознакомления с вашими письмами от 29, 30 и 31-го мая (собственноручная записка), я продолжаю мысленно взвешивать все за и против того, чтобы в настоящий момент предпринимать какие-либо шаги с целью побудить генерала Каприви подтвердить письменно выраженное нам его государем и им самим намерение поддерживать с Россией самые дружеские отношения».

Мотивами отказа он признает: 1) «простоту» и «прозрачность», 2) настроение общественного мнения и 3) серьезное сближение с Англией, подтверждающееся недавней уступкой Гельголанда. Он думает также, что, в виду некоторого улучшения в отношениях с Францией, Германия не так уже нуждается в нашем нейтралитете.

«Если приведенные мною выше доводы покажутся вам основательными, то не считаете ли вы, что мы рисковали бы потерпеть неудачу, начиная переговоры с целью возместить наш дого-

вор обменом нот, констатирующих сохранение основ прежнего соглашения?

Вам известно, что я был бы горячим сторонником всякого выяснения, которое могло бы тем или иным способом обеспечить нам со стороны Германии благоприятную для наших интересов политику; но, спрашиваю еще раз, можно ли ожидать, чтобы на другой же день после чего-то, имеющего характер нарушения договора, Германия оказалась склонной письменно подтвердить то, от чего она накануне отказалась. Кроме того, разве этот обмен нотами не был бы обменом теми секретными документами, существование которых не вяжется со взглядами Каприви? Не говоря уже о том, что настойчивость с нашей стороны легко подала бы повод думать, что мы слишком дорожим соглашением, в котором нам было отказано и которое мы в конечном итоге не особенно ценим. Этого и я боюсь.

Ясно, что в случае, если бы мне не удалось сговориться с канцлером, то факт этот, вместо того, чтобы подготовить почву перед его приездом в Россию, закрыл бы, так сказать, дверь перед всеми благодетельными последствиями, которые могут и, без сомнения, будут иметь ваши с ним беседы. Если сам по себе приезд Каприви в Петербург может быть рассматриваем как шаг, имеющий целью подтвердить намерение продолжать наилучшие с нами отношения, то естественно надо допустить, что канцлер будет иметь случай развить перед вами свою политическую программу.

Я не думаю, чтобы промедление представляло какую-либо опасность. Менее чем через два месяца вы увидите канцлера в Петербурге. Там, под покровительством императора, вам легко будет судить о том, насколько и в какой форме было бы возможно восстановить желательное соглашение.

Все это, конечно, только мои личные соображения. Мне кажется, что положение настолько важно и требует такой осторожности, что я невольно думаю о пословице, которая говорит: «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Само собой разумеется, что в случае, если бы вы нашли мои соображения недостаточно убедительными, всегда будет можно, не нанося этим никакого ущерба нашим интересам, точно выполнить окончательные инструкции, которые вы бы мне в таком случае дали.

Конечно, я не говорю здесь о том случае, если бы генерал Каприви прямо или косвенно взял на себя инициативу беседы со мной.

Примите» и проч....

(1/13 июня Шувалов писал, прося отпуска с первых дней июля и спрашивая, может ли он и должен ли быть в Петербурге во время приезда сюда императора Вильгельма).

Я нахожу приведенное выше письмо смешным и почти постыдным. Надавав всяческих обещаний, взявшись за все и все запутав, наш посол не умеет найти способа выяснить вопроса о том, чего мы должны ждать со стороны Германии после отказа возобновить тайный договор, которым почти в течение 10 лет определялись наши отношения. Предоставляя г. Гирсу все выяснить и ограничиваясь с своей стороны как бы соглашающимся на все молчанием, он называет это расчищать почву ко времени приезда канцлера Каприви в Россию — обычная шуваловская манера. Я прямо возмущен. Провожу почти бессонную ночь, обдумывая ответ. В понедельник, 11-го, утром, еду с 9-часовым поездом в Реттиярви с этим строго личным письмом и наскоро набросанным ответом. В Белоострове встречаю возвращающегося в город Влангали; завтракаю в Выборге; в 2 часа приезжаю в Юстилу, где беру почтовый экипаж и в $3^1/_2$ час. приезжаю в Реттиярви к Гирсам, страшно усталый, и с такой мигренью, что едва могу повернуть голову. Однако, в виду того, что министр вынес от письма Шувалова то же впечатление, что и я, и одобрил мой проект ответа, лишь несколько смягчив его, сажусь тотчас же его переписывать в форме доклада, чтобы увезти его с собой и тотчас по возвращении в Петербург отправить государю при записке от г. Гирса.

Вот этот проект: «Только-что получил ваше строго личное письмо от 8/20 июня и хочу, не откладывая, ответить на соображения, которыми вы изволили со мной поделиться. Мы нисколько не скрывали от себя всей щекотливости шага, который вам предстояло предпринять по отношению к канцлеру Каприви, но, принимая во внимание, что в своем письме от 24 мая/5 июня вы выражали убеждение в том, что «канцлер искренне желает сохранить наилучшие отношения с Россией, а может быть, и готов категорически высказаться в этом смысле в форме,

которую предстояло бы в таком случае найти», — наш августейший монарх счел, что после того, что произошло в Берлине при выходе в отставку князя Бисмарка, вам было бы легче всех найти форму, в которую могли бы быть облечены уверения генерала Каприви, которые вы, казалось, считали «почти равнозначными возобновлению наших секретных соглашений».

Что касается до момента, наиболее подходящего для того, чтобы вызвать подобные заявления и заверения, не подлежало, повидимому, сомнению, что таковым являлся именно момент отказа от договора, расторжение которого последовало при несколько странных условиях. Не следовало, я полагаю, слишком останавливаться и настаивать на формальных подробностях, но было, казалось, вполне естественным побудить берлинский кабинет, при выражении им его взгляда в настоящий момент на наш договор 1887 года, констатировать сохранение наших добрых отношений и его верность основным и наиболее существенным принципам наших соглашений по вопросам Балканского полуострова и проливов.

Таков был бы во всяком случае лучший способ расчистить почву перед приездом в Россию нового германского канцлера.

Приезд этот, бесспорно, может быть во всех отношениях очень полезен, но мне кажется, трудно было бы при этом возвращаться к разговору о нашем тайном договоре, если ничего не было об этом сказано при истечении его срока.

Тем не менее, все же, если вы не считаете возможным рассчитывать на категорическое выражение в той или другой форме со стороны Германии дружеского ее отношения к России, осторожнее, конечно, воздержаться от всякого выступления в этом смысле в беседах с канцлером Каприви; во всяком случае приходится очень пожалеть, что ваши первоначальные предположения на этот счет не оправдываются.

Примите» и проч....

Министр прилагает к этому проекту записку к государю следующего содержания:

«Повергая у сего на высочайшее воззрение секретное письмо графа Шувалова и проект моего ответа, осмеливаюсь выразить мнение, что излагаемые ныне нашим послом соображения и выводы не соответствуют данной ему инструкции и даже

несколько противоречат взглядам, изложенным в предыдущих его письмах.

Гирс.»

11 июня 1890 г.

Пообедав наскоро у Гирсов, я, в сопровождении министра, уезжаю в Юстилу, где сажусь на отходящий в 8 часов вечера в Выборг пароход.

Так как министр просил меня написать еще письмо князю Лобанову, почти не сплю в Выборге, который покидаю в 8 час. утра. Приехав в 12 час. дня в министерство, отправляю очень секретный пакет и в тот же вечер уезжаю в отпуск, потому что далее ждать не в силах.

Только по своем возвращении в июле узнаю об участи этих бумаг. Государь вернул их со следующими пометками:

На «докладе»: «Приготовьте ответ Шувалову в смысле моих замечаний и отметок на письме посла». На записке министра: «Я скорее склоняюсь к выраженному мнению Шувалова. Мне кажется, что раз Германия не желает возобновлять наше секретное соглашение, то достоинство наше не позволяет нам запрашивать, почему и отчего. — Увидим, когда будет сюда император и Каприви, в чем дело. Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовым ко всяким случайностям».

Отметок на письме графа Шувалова три: отмеченная мной красным на вышеприведенной копии и две против пропущенных мной слов, в которых перечисляются мотивы, вызвавшие, по мнению Шувалова, отказ от нашего договора; вот они: Против слов: «Генерал Каприви полагает, что сближение между Германией и Россией не гармонировало бы с общественным мнением у нас, и вообще он сомневается в ценности договоров, не основанных на истинном выражении чувств наших. Отсюда страх, который ему внушает возможность разглашения наших секретных соглашений». — «Это более чем справедливо». (Замечание, которое идет вразрез с тем, что говорил государь во время первых объяснений Шевича, по его возвращении в Берлин.) Затем против слов: «Разве уступка Гельголанда,

столь же важная, сколь и неожиданная, как признак сближения, так же, как и сделанные одновременно Англии значительные уступки в Африке, не является очевидным доказательством постоянных стараний со стороны обоих государств, направленных к укреплению между ними близких и дружеских отношений?» — «Да.» — Согласно этому высочайшему повелению г. Гирс телеграфирует графу Шувалову из Ретиярви: «Государь одобряет выраженное вами в строго личном письме от 8 июня мнение», и посылает на воззрение государя написанный его сыном следующий новый проект письма: «Я не преминул повергнуть на воззрение государя ваше строго личное письмо от 8/20 июня, и наш августейший монарх одобрил вашу точку зрения касательно уничтожения нашего секретного договора с берлинским кабинетом. Его величество полагает, что раз германское правительство не желает возобновления этого договора, то было бы несовместимо с нашим достоинством и возвращаться к этому вопросу, потому что, как вы изволили заметить, малейшая настойчивость с нашей стороны могла бы подать повод думать, что мы дорожим соглашением, в котором нам отказывают. С другой стороны, без сомнения, было бы важно констатировать, каковы намерения берлинского кабинета по отношению к нам в настоящий момент, и возможно, что, в связи с предстоящим приездом императора Вильгельма и его канцлера, нам представится к тому случай. Тогда мы будем знать, как отнестись к положению, которое может принять серьезный оборот в силу происшедшей в германской политике очевидной перемены, одним из главных симптомов которой является отмечаемое вами сближение с Англией. Считаю также своим долгом довести до вашего сведения, что государь считает справедливым мнение генерала Каприви относительно секретных договоров, имеющих значение только в том случае, если они основываются на истинном выражении чувств наций.

Примите» и проч...

Этот проект г. Гирс отсылает государю при следующей записке: «Принимаю смелость повергнуть у сего на высочайшее воззрение измененный согласно указаниям вашего величества проект секретного письма к графу Шувалову.

Гирс.»

14 июня 1890 г.

Эти бумаги возвращаются: доклад — с одобрительной пометкой: «Читал», а записка с надписью: «Только что был у меня граф Кутузов (генерал, состоящий при особе германского императора) и передавал мне свои впечатления; они неутешительны и не успокоительны. Нервность императора усиливается с каждым днем, неустойчивость его характера и убеждений поражает всех близких к нему, а постоянное усиленное вооружение армии придает всему этому еще более тревожное положение. — А».

Таким образом, через три дня после моего отъезда, министр посылает графу Шувалову измененное письмо, проект которого был утвержден, а вскоре после этого наш посол в Берлине покидает свой пост и отправляется в отпуск почивать на своих лаврах.

Министр не счел возможным оставить нашего посла в Вене князя Лобанова в неизвестности относительно отказа Германии от наших тайных соглашений и сообщил ему об этом в личном собственноручном письме от 27 июня/9 июля. Князь Лобанов ответил следующей запиской от 5/17 июля: «Тысячу раз благодарю вас за строго конфиденциальное сообщение. Отказ Германии возобновить наши соглашения — чрезвычайно важное событие. Кальноки не сделал мне никогда ни малейшего намека на эти соглашения; но, в виду того, что отношения между Веной и Берлином принимают все более и более интимный характер, я всегда думал, что они были ему небезызвестны, и теперь мне кажется очень вероятным, что возобновление их не состоялось по просьбе Австрии, чем она обеспечивает себе помощь со стороны Германии при всех возможных случайностях, — нападаем ли мы на нее, она ли решится напасть на нас. Последнее, конечно, мало вероятно; но, с другой стороны, пребывать неустанно в состоянии вооружения настолько тяжело, что нельзя ни за что отвечать. Посылаю вам сегодня просьбу об отпуске. Само собой разумеется, что при малейшей надобности я всегда готов вернуться к своему посту», и т. д. «Самый сердечный привет. — Л.»

Во вторник я уезжаю из Петербурга.

---

[1] Записок за июль и август не имеется. (Прим. ред.).

Сентябрь.

Воскресенье, 9-го сентября.

Около 11 часов приезжаю в Петербург; на вокзале меня встречает Ваксель с славным курьером Федоровым, который берет на себя попечение о моем багаже. Ваксель сообщает мне обо всем, что произошло за время моего отсутствия. Министр с семейством возвратился вчера в город. Очередной воскресный курьер привез из Берлина ответ графа Муравьева на наше последнее строго личное письмо, но он остался у министра. Завтракаю с Оболенским, который скорее удивлен моим скорым возвращением, чем рад ему. Мой министр ездил в 12 часов со всей семьей в монастырь св. Сергия; вижу его только после возвращения, около 5 часов. Он говорит мне о письме Муравьева; последнее мало его удовлетворило вследствие неискусной настойчивости, с какой тот добивался от канцлера Каприви письменного ответа. Наш поверенный в делах оказался в этом вопросе не на высоте положения.

Министр озабочен путешествием наследника в Константинополь и Иерусалим. Г. Гирс изложил государю в записке свой взгляд на неудобство появления его императорского высочества в Турции в момент патриаршего кризиса в православной церкви. Турки использовали бы приезд великого князя для того, чтобы выставить его, как доказательство одобрения со стороны России; с другой стороны, каково будет положение наследника цесаревича перед лицом закрытых церквей и законных требований духовенства. Его величество сделал на записке министра следующую пометку: «Я совершенно разделяю ваше мнение», но вопрос о плане путешествия остался невыясненным. Г. Гирс рассказывает мне, что Шувалов распустил при дворе и в обществе слух, будто бы в Нарве, во время приезда императора Вильгельма, г. Гирс просил его, Шувалова, представить его германскому канцлеру, против чего граф якобы протестовал, заметив нашему министру, что не ему, а графу Каприви надлежит просить разрешения быть ему представленным. Я уже слышал это перед своим отъездом. Оказывается, что это ложь и новая каверза нашего посла, кажущегося таким рыцарем. Г. Гирс, видя ни с кем незнакомого Каприви блуждающим в замешательстве в момент его приезда в Нарву, сказал просто Шува-

лову: «Познакомьте его со мной», потому что, конечно, именно он, наш посол в Берлине, должен был озоботиться о том, чтобы представить вновь прибывшего министру.

Г. Гирс очень добр и, кажется, доволен, что я опять тут. Семья его через несколько дней едет за границу. Он говорит, что послал письмо графа Шувалова императору в Польшу, но что оно будет скоро возвращено.

Понедельник, 10-го сентября.

Министр присылает за мной довольно рано в виду того, что турецкий посол Гюсни-паша дал знать, что приедет за ответом на приглашение султана великому князю; я советую министру сказать послу, что он еще не имеет ответа от государя, но что это колебание его не удивляет в виду отношения турецкого правительства к православному духовенству в Константинополе, и при этом высказать ему свое мнение по этому поводу; давая затем в письме государю точный отчет об этом разговоре, министр имел бы случай вернуться к щекотливому вопросу о плане путешествия цесаревича и доставить косвенно его величеству аргументы для противодействия довольно, как говорят, настойчивому желанию его августейшего сына, которого он лично не желал бы огорчать.

Государь возвращает письмо графа Муравьева, привезенное очередным курьером в воскресенье, 2-го сентября, в день моего отъезда. Письмо это из Берлина от 31-го августа/12 сентября 1890 г. и гласит следующее:

«С последним курьером я имел честь получить депешу от 19-го августа и строго личное письмо, в котором ваше превосходительство изволили передать мне повеление государя императора прочесть депешу генералу Каприви. Из вышесказанного письма я усмотрел, что, предписывая мне попытаться получить от канцлера ответ с сообщением о том, что он принял к сведению содержание документа, ваше превосходительство желали избежать проявления мною при этом какой-либо заметной настойчивости. Исходя из проявленного прежде генералом Каприви нерасположения давать что-либо в письменном виде и предвидя, следовательно, возможность отказа, который в таком случае относился бы к императорскому министерству, я, во избежание этого, счел более удобным действовать в этом случае от своего

имени; при этих условиях отказ относился бы ко мне. Чтобы не придавать заранее моей беседе с канцлером слишком большого значения и не вызвать этим с его стороны подозрительного к ней отношения, я не поехал к нему на другой день по получении экспедиции, а обратился к нему с просьбой назначить мне день, в который я мог бы исполнить личное к нему поручение вашего превосходительства. Он тотчас же приказал передать мне, что примет меня в понедельник, 27 августа/8 сентября, в 2 часа. Выслушав очень внимательно прочтенное мною донесение, он сказал, что оно очень верно воспроизводит в главных чертах его разговор с вашим превосходительством, и просил меня передать вам его искреннюю признательность за сообщение этого документа. Я воспользовался этой минутой, чтобы сказать ему, что, будучи впервые уполномочен сделать ему политическое сообщение, я был бы ему очень благодарен, если бы, в виду моего скромного положения временного поверенного в делах, я получил от него несколько им написанных строк, которые дали бы мне возможность показать министру, что я хорошо выполнил его поручение. «Зачем, я нахожу это вполне ненужным, — сказал мне канцлер, — я твердо решил ничего не писать; вам было поручено прочесть мне донесение, которое я признаю очень верно воспроизводящим те политические взгляды, которыми мы обменялись с г. Гирсом; вы это сделали, но обращаться к вам с каким-либо письменным заявлением, — нет, я не так силен в политике, как жонглировавший одновременно пятью шарами князь Бисмарк; но я человек добросовестный, и вы можете положиться на мою добросовестность».

«Видя, что генерал Каприви придает такое значение даже просьбе, с которой я к нему обратился лично от себя, я сказал ему, что, сожалея в своих личных интересах об его отказе, я считаю необходимым констатировать, что ваше превосходительство мне этого не поручали».

«Я это знаю,—ответил мне канцлер,—г. Гирс не мог бы вам поручить обратиться ко мне с такой просьбой, потому что я говорил ему не раз, что решительно отказываюсь давать что-либо письменно касательно нашего обмена мнений по политическим вопросам». Пометка г. Гирса: «Тут какое-либо недоразумение, потому что о письменных обязательствах не было у нас речи».

«Я собирался встать, когда генерал Каприви, заговорив по-немецки, сказал:

«Живя много лет в Берлине, вы лучше кого-либо другого знаете, с какими серьезными внутренними затруднениями приходится бороться правительству. Затруднения эти громадны, и если бы наш монарх даже жаждал триумфов, то, сглаживая эти трудности, он пожал бы на этом поприще лавры, которые увенчали бы его царствование, как бы продолжительно оно ни было, бо́льшей славой, чем та, которую он мог бы стяжать победами, одержанными на поле брани. Поэтому мы прежде всего желаем мира,— вы можете быть в этом уверены».

«Я счел нужным ответить генералу, что, с своей стороны, не в качестве дипломата, потому что такого поручения я не имею, а как русский и просто как частное лицо, я могу его уверить, что партии, якобы желающей, по словам некоторых германских газет, войны, у нас не существует, что он очень заблуждается, считая, как и многие здесь, что есть течение нашего общественного мнения, которое враждебно Германии, и что, напротив, желания всей России в этом вопросе, как и во всех остальных, совершенно совпадают с высочайшей волей нашего августейшего монарха сохранить мир на благо и процветание его подданных.

«Имею честь и т. д.

Муравьев».

Вкладываю это письмо в дела строго личные, хранящиеся в порученном моим попечениям очень секретном архиве.

Вторник, 11-го сентября.

Поднявшись к министру, говорю с ним о письме Муравьева. Итак, наш тайный договор с Германией окончательно погребен. Муравьев оказался неискусен; он не сумел получить чего-нибудь в роде письменной расписки в получении, и раз он видел невозможность этого легко и просто достигнуть, зачем было настаивать, а не удовольствоваться принятием к сведению довольно категорических заявлений канцлера, сказав ему, что он передаст их императорскому правительству.

Я позволяю себе посоветовать г. Гирсу сказать германскому поверенному в делах графу Пурталесу, который является

persona grata у канцлера, что он вполне удовлетворен переданными ему заявлениями графа Каприви и сожалеет об излишнем и неуместном усердии Муравьева.

Ноябрь.

Пятница, 2-го ноября.

Сегодня утром государь присылает министру запечатанный пакет с собственноручной надписью: «Хранить в государственном архиве и не вскрывать без особого моего повеления. 2 ноября 1890 г.». Это первый случай в это царствование. Министр думает, что это какое-нибудь семейное дело.

В 4 часа к чаю собираются Вламгали, Зиновьев и Никонов. Последний читает нам циркулирующие в последнее время в городе стихи на путешествия наших министров, предпринятые этой осенью; их приписывают сенатору Б. Барыкову; другие уверяют, что автор — какой-то лицеист; во всяком случае они достаточно характерны для того, чтобы их сохранить, — вот они:

Всероссийское эхо после объезда министров в сентябре 1890 г.

Весь сентябрь министры
Рыщут, очень быстры,
С края и до края
Все обозревая.
Вышел для вельможей
Промысел отхожий,
При больших прогонах,
В даровых вагонах!
Царские им встречи,
С хлебом-солью речи,
Флаги, иллюминации,
Чуть не коронации.
А народу, поглядишь,
Из объезда вышел шиш,
Иль быть может хуже, —
Скрутят еще туже.
Но, чтоб зря нам не гадать,
А наверно уж сказать,
Ждать иль нет успеха,
Спросим лучше эхо:

Что у вас министры были? — были.
Нужды ваши рассмотрели? — ели.
Какже с ними поступили? — пили,
Справедливо и умно ль? — ноль.
Вышнеградский приезжал? — жал.
Кризис общий разобрал? — брал.
Много ль дал вам на бакшиш? — шиш.
Чем же кончил разговор? — вор.
Как нашли вы контролера? — ёра.
Ну, а прокурор небес?[1] — бес.
Просвещенью есть успех? — эх.
А в хозяйстве и лесах? — ах.
Разве так Островский плох? — ох.
О Ванновском какой слух? — ух.
Сделал ли что Гюббенет? — нет.
Так все вышло ерунда? — да.
Ждать ли на весну их? — ну их!
Так не принимать их? — мать их!
Что вы? цыц! кричать ура? — ура!
. . . . . немчура! — ура!

Говорят, что бедный сенатор пострадал за свой поэтический юмор. Ему только-что отказано в продолжении аренды, о котором он просил. Бедняга. Вот теперь он скажет: «ух, ох и ах».

Суббота, 3-го ноября.

Министр просит меня посмотреть, нельзя ли подобрать материалы для политического бюллетеня; мы так давно не посылали таковых нашим представителям.

Воскресенье, 4-го ноября.

Встаю только около 9-ти часов. Министр просит меня подняться около 11-ти. С пометкой: «Я ничего не слышал об этом займе. Мин. финансов ничего не предпринимал что-либо подобное теперь» — (текстуально — государь возвратил телеграмму Моренгейма, не советующего делать новый предполагаемый заем в 400 миллионов франков, который рассматривается вообще, как слишком дорогой.

[1] Победоносцев.

Существуют опасения, что публика во Франции устала от слишком частых и быстро один за другим следующих займов. Неужели Вышнеградский зашел так далеко, что осмеливается предпринимать подобные меры без ведома монарха-самодержца. Мой министр в затруднении, но хочет, однако, предупредить своего коллегу министра финансов о том, что государь видел телеграмму нашего посла в Париже.

Министр посылает государю письмо и данную ему Морнером памятную записку по поводу наших дел с Персией. Англичанам, повидимому, очень неприятно только-что подписанное Бютцовым соглашение, в силу которого шах обязался в течение 10 лет не допускать никаких железных дорог в Персии, а по прошествии этого времени сговориться с ними о дальнейшем, а они хотят, по крайней мере, добиться обязательства соглашения после 10 лет трех держав—России, Персии и Англии. Итак, даже этот небольшой, чисто отрицательный успех наших дипломатических стараний в Персии возбуждает зависть.

Министр обращает мое внимание на замечательную речь, произнесенную недавно в парижской палате депутатов во время обсуждения бюджета министерства иностранных дел молодым депутатом по фамилии Делькассэ. Столь же сдержанно, как и красноречиво он доказывает, что уступки в Египте, сделанные безвозмездно Англии Францией, не могут привести ни к какому полезному для первой из этих двух наций сближению. Он приходит к выводу, что единственно практичным и реальным союзом является союз между Россией и Францией, основывающийся не на письменных соглашениях, а на общности интересов. Германия заключила союз с Австрией против России и с Италией против Франции, но эта лига бессильна перед моральным единением Франции и России, сохраняющих в сознании своей силы незыблемое спокойствие. Наконец, он доказывает, что различный образ правления нимало не препятствует франко-русскому соглашению. Обе происходившие между нами в этом столетии войны относятся как раз к эпохам, когда во Франции была монархия. Наполеон I стремился к всемирной империи, а Наполеон III преследовал мелкие династические интересы. Республика более дорожит истинными интересами страны; он призывает последнюю к политической солидарности и возможно более тесному единению с Россией.

Пересылая нам газетную вырезку, воспроизводящую речь г. Делькассэ, наш посол в Париже прибавляет: «не забыть этого имени». Глубокое впечатление, произведенное красноречием молодого депутата, предвещает ему, повидимому, блестящую будущность.

Понедельник, 5-го ноября.

Отношу министру написанную мной для политического бюллетеня небольшую программу в 26 пунктах; он ею очень доволен и хочет поручить своему сыну тотчас за нее приняться. Наш последний бюллетень был от 26 декабря 1889 г., — таким образом, приходится делать краткий обзор политики почти за целый год. Превосходные известия из Афин по поводу пребывания там наследника. Его императорское высочество не пожелал продлить своего пребывания в Вене. сделать визит князю Черногорскому, и не подумал посетить итальянский двор; мы везде ссылались на невозможность вносить какие-либо изменения в маршрут, в котором каждый день был учтен, и вот теперь он две недели веселится в Афинах, не осматривая даже самых интересных достопримечательностей Греции. Всегда и прежде всего удовольствия, без каких-либо стеснений, в семейном кругу. по-буржуазному.

Г. Гирс видел в государственном совете г. Вышнеградского и говорил с ним о телеграмме Морентейма. Министр финансов просит на нее ответить: «В виду состояния денежного рынка, министр финансов на этих днях, еще до получения вашей телеграммы, отказался от операции немедленного займа, о чем и уведомил французский синдикат, возвращая ему свободу действий и оставляя таковую и за собой».

Итак, серьезные шаги с целью заключения займа были, повидимому, все-таки предприняты без ведома государя.

Лондонскому банкирскому дому Беринга угрожало банкротство, но, кажется, наши вклады в полной безопасности. Найдут способ ликвидировать. Говорят, что это опять непобедимое могущество Ротшильдов, сокрушающее единственный дом Беринга, достаточно сильный и солидный, чтобы с ними соперничать; а между тем, на-днях, соглашаясь на настоятельную просьбу министра финансов пожаловать орден одному из Ротшильдов, государь начертал: «Хорошо, но последний раз для жида».

Вторник, 6-го ноября.

В $8^1/_4$ часов министр присылает мне полученную ночью и только-что ему поданную «срочную» телеграмму: квартирмейстер Петров сообщает ему из Гатчины: «его императорское величество выезжает сего числа в Царское Село», — и только; от государя — ничего. Г. Гирс мне пишет: «Право, я не знаю, что мне делать после этой телеграммы». Я отвечаю ему, что в пакете с возвращаемыми его величеством документами, который приносят обычно около 9 часов, будут указания относительно следующего доклада, но я ошибся. Около 9 часов министр мне пишет: «Пакет от государя получил, в нем нет никакого распоряжения». Я отвечаю, что в таком случае наш августейший монарх, очевидно, предполагает, что Гирс условился по этому поводу во время прошедшего доклада, и что, следовательно, больше нечего предпринимать; но надо сознаться, что это неделикатно и нелюбезно по отношению к министру, человеку пожилому, который в конечном итоге не обязан знать, в какое время государь отправляется на праздник гусар и угодно ли ему будет, несмотря на это, принимать, или он пожелает отложить работу до другого дня.

Среда, 7-го ноября.

Около $10^1/_2$ часов подымаюсь к министру. Возвращая препровожденные вчера на его воззрение бумаги, государь не дает никаких указаний относительно будущего доклада; его величество одобряет сказанное г. Гирсом Морнеру.

«Вполне одобряю высказанное вами Морнеру. Допустить Англию вмешиваться в наши переговоры с Персией значило бы испортить все дело». Между тем, перлюстрированная новая телеграмма великобританского поверенного в делах в Тегеране лорду Сольсбери в Лондон дает нам понятие о том, насколько сильна тревога, причиняемая нашим соглашением с Персией. Этот поверенный в делах предлагает своему правительству просить концессию на все трамваи с правом изучать почву в течение 10 лет; в этом же документе он признает, что право навигации по Карун довольно призрачно, так как для того, чтобы производить ее по всему течению, тре-

буются крупные издержки, и т. д. Министр читает мне только-что им полученное из Парижа письмо от его сына; повидимому г-жа Гирс дала Моренгеймам и Кодебу уговорить себя сделать визиты г-жам Варпо, Рибо и Фрейсине под предлогом не создавать благоприятной почвы для носящихся слухов о якобы питаемой г. Гирсом антипатии к Франции.

Ни одна французская газета не упоминает об этих визитах и не говорит о том, были ли они отданы. Г. Морепгейм желает доказать, что он единственный творец франко-русского сближения, и внушить убеждение, что г. Гирс предан Германии. Министр замечает по этому поводу, что эта легенда кажется ему даже полезной, и что он не видит никакой надобности противодействовать ее распространению. Французы добиваются хороших с нами отношений и будут вынуждены делать это и впредь, так как они нуждаются в поддержке дружески к ним расположенной России, но, чтобы жить в мире и не возбуждать тревоги в других, мы должны находить до поры, до времени соответствующий modus vivendi по отношению к Германии и лиге. Сдержанность г. Гирса отнюдь не служит препятствием к дружеским проявлениям со стороны французов и в то же время не нарушает доверчивого спокойствия немцев.

Генерал Сильверстов, бывший когда-то помощником генерала Мезенцева, убит в Париже; предполагают, что это политическая месть; мы уже отвыкли от подобных ужасов.

Пятница, 9-го ноября.

Подымаюсь к министру. Он говорит мне о том, как надоедают ему по средам дипломатические приемы, — когда-то на них обсуждались самые интересные политические дела, а теперь иностранные дипломаты утомляют его мелкими вопросами, подлежащими скорее компетенции департаментов.

Стремление иностранных представителей сговариваться прямо с министрами. Прежде им это никогда не удавалось, но большинство наших нынешних государственных министров настолько незначительны, как личности, и им так льстит обращение к ним дипломатов, что они на это идут. Г. Гирс таких коллег не одобряет.

У нас будет новый греческий посланник вместо г. Рангабэ, назначенного в Берлин. Последний, человек очень умный и хорошо

знающий Восток, уверяет г. Гирса, что болгары продолжают крепко держаться за Россию, и что влияние и эксплоатация Австрии не могут долго длиться. Он прибавляет, что венский кабинет это сознает и, разочаровавшись в выгодах тройственного союза, как-будто уже ищет способа сближения с Россией. Возможно, что со временем мы могли бы на это пойти при условии удаления принца Кобургского и восстановления нормального порядка вещей в Болгарии. Опыт учит, и в случае восстановления наших отношений с Болгарией мы прибегали бы к иным средствам, чтобы приобрести их расположение. Государь возвращает телеграмму Бютцова из Тегерана от 6 ноября с пометкой: «этому не верю», против слов: шах объяснил мне, что едва ли будет возможно избегнуть подтверждения англичанам прежнего обещания касательно железных дорог на юге; но как до заключения соглашения с нами, так и при подписании оного, он заверил меня, что, кроме этого, никакого нового обязательства не будет им дано.

На донесении нашего поверенного в делах в Буэнос-Айресе г. Богданова от 29 сентября 1890 г., за № 87, изображающего положение вещей в Аргентинской республике в самых мрачных красках: «Безумная погоня за наживой, горячечная спекуляция, взяточничество, мошенничество и воровство,—вот выдающиеся черты государственной жизни Аргентинской республики за последние 4 года. Политических партий было две: обкрадывающие и обкрадываемые; раздражение достигло крайних пределов, и вспыхнула революция 14/26 июля, прозванная экономическою»,—его величество пишет: «Молодцы республиканцы. Свободные граждане. Действительно, полная свобода, и результаты блестящие».

Суббота, 10-го ноября.

Вижу министра ненадолго. Он вчера обедал в клубе с некоторыми своими коллегами и другими высокопоставленными лицами; интересные разговоры и воспоминания; некоторые утверждали, что как ни строг был император Николай I, его

менее боялись, чем Александра II, который, несмотря на свою крайнюю доброту, бывал иногда ужасно вспыльчив.

Воскресенье, 11-го ноября.

Министр возмущен Зиновьевым. Получив от нашего посла в Константинополе громовую, но совершенно справедливую бумагу по поводу действий одного из агентов Палестинского общества, министр решил прочесть ее великому князю Сергею и посоветовать ему ознакомиться с этим делом подробнее, обратившись с этой целью к Зиновьеву, как начальнику азиатского департамента. Последний, всегда такой несговорчивый и не желавший ничего сделать для упрощения и продвижения дел, при одной мысли притти в соприкосновение с его императорским высочеством, стал очень покладист и со слезами на глазах начал уверять в своей полной готовности. Вечно это крайнее честолюбие парвеню; эта потребность выдвинуться, стараться все приписать себе. Получил бог знает как звезду ордена почетного легиона. Все эти аллюры и жалкое тщеславие вызывают в моем министре отвращение.

Обедня в министерской церкви. Завтракаю с Оболенским. Читаю экспедицию из Афин, в которой говорится о замене кабинета г. Трикупа кабинетом Делиани. В 8 часов — прибытие очередного курьера. Во всех экспедициях идет речь главным образом о вопросах внутренних. Даже почти болезненная деятельность императора Вильгельма поглощается новыми школьными законами и установлением тарифов. Князь Лобанов подтверждает известие о существовании проекта поездки в Россию эрцгерцога Франца-Фердинанда-Эсте, предполагаемого наследника австро-венгерского престола.

Довольно интересное донесение от графа Сакена из Мюнхена по поводу пребывания там канцлера Каприви, который высказывался в самом миролюбивом тоне. Судя по тому, что слышал граф Сакен, он сохранил самое лучшее воспоминание о своем пребывании в России и обо всем сказанном ему государем, и о том, как правильно г. Гирс якобы характеризовал Вильгельма II: «он хороший военный, но не воинственен». Генерал Каприви, повидимому, неохотно ездил в Италию, но он был к тому вынужден, чтобы удержать г. Криспи на месте: «В сущ-

ности мне ему нечего сказать, и он не может мне сообщить ничего нового», — заметил, как говорят, канцлер. Что касается тройственного союза, то он не проявил себя его фанатиком, но высказал мнение, что «раз имеешь обязательства, то надо их выполнять». Генерал Каприви утверждает, что его монарх очень прогрессирует, и надеется, что склонность последнего к бесполезным речам и постоянным путешествиям в процессе этого совершенствования несколько уменьшится. Что касается князя Бисмарка, то новый канцлер его серьезно осуждает. Он говорит, что за последнее время князь проявлял так много произвола и держал себя так вызывающе по отношению к монарху, что являлся вопрос: император или канцлер.

Скончался голландский король Вильгельм II. Государь присылает телеграмму царствующей королевы Эммы, и я заготовляю от имени их величеств ответ.

Понедельник, 12-го ноября.

Очень любезной телеграммой хедив уведомляет государя о благополучном прибытии в Каир наследника цесаревича и великого князя Георгия. Провеселившись две недели в семейном кругу в Афинах, ничего не осмотрев в Греции, они взяли с собой принца Георга, сына их эллинских величеств, моряка, как говорят, очень высокого, красивого и необыкновенно веселого. Таким образом, с точки зрения представительности, это невыгодно для наших великих князей, особенно для наследника, который мал ростом, некрасив и не величествен. Королева Виктория решила, что к этому молодому принцу, хотя он и моряк действительной службы, будут относиться в Индии и во всех великобританских владениях, как к королевскому сыну.

Государь возвращает часть полученных вчера и посланных вечером в Гатчину экспедиций. К одному из донесений Кодебу, написанному, к счастью, на русском языке (посол Моренгейм только-что уехал в отпуск) приложена «Записка российского генерального консула в Париже по поводу убийства генерал-лейтенанта Селиверстова»; на этом написанном по-французски документе государь сделал следующую пометку: «Это уж чересчур глупо, — русский генеральный консул пишет донесение русскому же послу по-французски.

Ничего подобного с другой нацией не может случиться». Итак, вся наша нация в немилости.

Вторник, 15-го ноября.

Около $9^1/_2$ часов подымаюсь к министру, который собирается ехать в Гатчину. Мы просматриваем подготовляемые им к докладу бумаги. Военный министр и генерал Рихтер уверяли его вчера, что только-что умерший нидерландский король не был шефом ни одного русского полка. Я справился в альманахе Гота и в «Памятной книжке» и показываю министру, что покойный был шефом 5 киевского гренадерского полка, и, следовательно, согласно принятому обыкновению, депутация от этого полка должна отправиться на похороны. Г. Гирс записывает эту подробность в свою памятную книжку, намереваясь сообщить об этом государю. Итак, мы, штатские, лучше осведомлены, чем военные верхи. Подымаюсь на минуту к Оболенскому, чтобы передать ему несколько оставленных министром бумаг; последний поручает мне вскрыть ожидаемый от государя пакет и доставить Сакену повеления его величества относительно наложения траура.

Пишу проекты писем пяти послам для посылки их с курьером в четверг. Прощальный визит Сазонова, уезжающего в четверг в Лондон.

Никонов, Влангали и Зиновьев приходят в 4 часа к чаю. Министр возвращается из Гатчины около $5^1/_2$ часов. Я не иду наверх, обедаю один и затем тотчас сажусь опять к письменному столу, чтобы составить проект письма нашему поверенному в делах в Афинах по поводу нового кабинета Делиани и пребывания в Греции наследника цесаревича и великого князя Георгия.

Министр одобряет мои проекты; я даю переписать письмо Бахметеву и сегодня же вечером посылаю его на подпись к г. Гирсу, чтобы оно могло пойти с завтрашней почтой.

Четверг, 15-го ноября.

Около 11 часов я у министра. Во вторник, во время доклада у государя, он затронул щекотливый вопрос об удалении барона Икскуля, нашего все более и более слабеющего представителя в Риме.

Наскоро пишу письмо Стаалю, о котором просил министр финансов, для того, чтобы поставить нашего посла в известность о предпринимавшихся Ротшильдом по отношению к Вышнеградскому шагах в пользу евреев и по вопросу о большой демонстрации, которая должна вскоре состояться в Лондоне в виде протеста против преследований, которым якобы подвергаются в России сыны Израиля. Успеваю кончить, и письмо идет с дневной почтой.

Пятница, 16-го ноября.

В обычный час виделся со своим министром. Ехать в Гаагу на похороны нидерландского короля назначен великий князь Алексей. Телеграфируем Кайнисту подробности.

Суббота, 17-го ноября.

Утром приносят записку от министра с просьбой составить письмо с выражением сочувствия; оно сегодня же должно быть представлено на подпись государя, так как завтра великий князь Алексей повезет его в Гаагу. Очень спешу, сильное удушье. Вижу на минуту министра; он едет к великим князьям Алексею и Сергею.

Воскресенье, 18-го ноября.

Возвратясь около $3^1/_2$ часов, застаю входящего ко мне Зиновьева и вижу на столе письма от княжны и от Попова. Зиновьева сменяет Оболенский. Он с восхищением рассказывает мне о своем вчерашнем посещении устроенной принцем Ольденбургским бактериологической станции, где только-что произведен опыт впрыскивания изобретенного Кохом средства. Он рассказывает мне также, что московский генерал-губернатор князь Долгоруков обратился к министру внутренних дел с просьбой об отмене разрешения или даже предписания генерала Костанда солдатам присутствовать при ежегодном торжестве в память изгнания французов в 1812 году, мотивируя свое ходатайство деликатностью по отношению к французам, особенно в виду предстоящей французской выставки в Москве. Г. Дурново доложил об этом государю, но его величество рассердился и заметил: «Жаль, что князь Долгоруков мне это сам не сказал, я бы

его осадил. Это он выдумал, только чтобы сделать неприятность Костанди». Повидимому, маленький сатрап первопрестольной начинает раздражать государя.

Понедельник, 19-го ноября.

Около 11 часов меня просят к министру. Г. Гирс вручает мне только-что присланный ему государем 8-й том мемуаров короля Станислава-Августа Понятовского. Значит, их действительно 8. Министр так любезен, что дает мне только-что вышедшую и присланную ему товарищем министра внутренних дел генералом Шебеко «Хронику социалистического движения в России в 1878—1887 годах».

Вторник, 20-го ноября.

Видел на минуту своего дорогого министра, который уезжает с докладом в Гатчину. Захожу к Оболенскому, чтобы передать ему некоторые бумаги и, между прочим, письмо Стааля по поводу подготовляющихся в Лондоне демонстраций с выражением сочувствия евреям в России и опасений Ротшильдов, чтобы это не вызывало усиления репрессий по отношению к их единоверцам. Государь пишет на полях: «Это неправда, но мы ровно никакого внимания на их митинги не обратим». Я нахожу, что это значит смотреть на вещи вполне правильно и с большим достоинством.

Среда, 21-го ноября.

Около 11-ти часов вижусь со своим дорогим министром, который говорит мне о вечере у английского посла и о завтраке в Гатчине вчера после доклада. Их величества были чрезвычайно милостивы и любезны; они чувствуют себя несколько одинокими со времени отъезда молодых великих князей. Повидимому, чета Шереметевых (Владимир Алексеевич и Елена Григорьевна, урожденная Строганова), поселенная несколько дней тому назад в императорской резиденции, — в большой милости. Государь и государыня сегодня в городе по случаю полкового праздника; ожидается также прибытие герцога Спартского, который приезжает, чтобы представить свою молодую супругу своей бабушке, великой княгине Александре Иосифовне.

Четверг, 22-го ноября.

В среду, во время приема дипломатов, Швейниц произвел неприятное впечатление на министра; он начинает держать себя пренебрежительно, жалуется на нашу прессу. Не следует больше относиться к нему, как прежде, дружески. Забавный проект Никонова об устройстве для служащих чего-то в роде приемного покоя в служебное время, кажется, близок к осуществлению. В прошлом году этот же самый Никонов протестовал против ежегодного расхода в 300 рублей на медикаменты, необходимые для всей нашей команды сторожей, курьеров и т. д. и их многочисленных семей; теперь он предоставляет полную свободу расходовать деньги на устройство этого оригинального лазарета для служащих в служебное время, чтобы оправдать существование второго врача, протеже г-жи Икскуль, а следовательно, и Вангали. Все это некрасиво. При поддерживаемых этими господами порядках пришлось бы немало потрудиться, чтобы привести все в надлежащий вид. Меня это, в сущности, совершенно не касается, но вызывает во мне отвращение. Около $11^1/_2$ часов — у министра; он едет в голландскую церковь, чтобы присутствовать при заупокойном служении в связи с похоронами нидерландского короля.

После ухода Шварца вижу Вакселя, с которым говорю, может быть, с излишней откровенностью, чересчур резко критикуя при этом недобросовестные начинания Никопова; позднее упрекаю себя в этом, тем более, что не успел даже ему объяснить, в чем дело.

К чаю, около 5 часов, приходит один Зиновьев. Он в восторге от принятого на себя шахом обязательства не допускать при своей жизни в Персии никакого вида железных дорог, ни паровой, ни конной тяги.

Зиновьев рассуждает так: «мой малый интерес должен мне быть дороже больших интересов других, — на Востоке принципы не применимы, там должно руководствоваться только оппортунизмом», а он того мнения, что всякая железная дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской. Поэтому остается только желать продления жизни его величества Насср-эддина и думать о том, как бы устроить так, чтобы со временем ему наследовал тот из претендентов на персидский престол, который будет наиболее сговорчивым.

Пятница, 23-го ноября.

Начинаю составлять в виде памятной записки хронологическое извлечение из труда генерала Шебеко. Около 11 часов меня просят к моему дорогому министру; последний говорит мне о письме, которое он собирается писать г. Нелидову. Перлюстрации телеграмм турецкого посла убедили нас в том, что он имеет несчастную привычку представлять своему правительству все происходящее в совершенно ложном свете. Он всегда хочет внушить ему, что все в этом лучшем из миров идет наилучшим образом. Передавая свою беседу с Зиновьевым по поводу патриаршего кризиса, он опять уверял Порту, что мы в восторге, в восхищении и благодарны за оборот, который приняло это дело, при этом он обошел молчанием все, о чем мы просили, поддерживая требования греческого духовенства. Результатом явилось расхождение с тем, что говорил наш посол в Константинополе, и путаница, навлекшая на Гюсни-пашу некоторое предостережение; да послужит ему этот урок на пользу. Второе дело, в pendant к этому, инцидент с Палестинским обществом. Несколько лет тому назад с большим трудом получив для этого общества разрешение Порты производить на приобретенной близ храма земле раскопки, наш посол формально заявил и обещал оттоманскому правительству, что раскопки эти ни в каком случае не приведут к постройке новой церкви. Раскопки, о которых идет речь, были предприняты в связи с предположением, что здесь находились ворота древней иерусалимской стены, через которые проходил наш господь, неся свой крест на Голгофу. Предположение это оспаривалось с точки зрения как археологической, так и исторической, но прокурор святейшего синода г. Победоносцев конфиденциально высказал когда-то следующую мысль: «нам выгодно иметь свою святыню». Он не видел никакой необходимости в том, чтобы проверять и исследовать вопрос с точки зрения достоверности, что служит хорошим мерилом его религиозных чувств, а также и не постеснялся вызвать на этой жгучей почве целую бурю соперничества и борьбы со всеми другими культами. До сих пор, однако, формальное обязательство не воздвигать никакой церкви исполнялось, ограничились постройкой сооружения с целью ограждения и предохранения самой территории раскопок. И вдруг этой

осенью привозятся образа, целый иконостас и другие украшения, могущие быть использованы только для церкви и церкви русской, потому что это образа православных святых, не признаваемых греческой церковью. Желая проверить происходящее, наш консул отправляется туда; его впускают не без труда и заявляют ему, что если он будет вмешиваться в это дело, то больше его совсем впускать не будут. Он доносит обо всем послу; тот шлет громовую бумагу в министерство. Здешние члены Палестинского общества и г. Победоносцев уверяют, что все это лишь выдумки нашего консула; наконец, желая выяснить все обстоятельства дела, прежде чем докладывать о нем государю, г. Гирс сам едет на-днях к председателю общества великому князю Сергею и доводит до его сведения содержание полученной от г. Нелидова бумаги. Тогда его императорское высочество признается, что, действительно, была речь о том, чтобы воспользоваться предполагаемым проездом великого князя цесаревича через Константинополь и при посредстве наследника российского престола просить у султана разрешения устроить русскую церковь в Иерусалиме, в лоне греческой церкви, даже не предупредив об этом патриарха; по приезде цесаревича в Иерусалим должно было состояться освещение церкви. Возможно, что цесаревич оказался бы настолько рассудительным, что не взял бы на себя столь неудобной миссии; государь же вообще когда-то предупреждал князя Барятинского: «Не слушайте брата Сергия», но его величество не знал, в какую неосторожность хотели вовлечь молодого наследника. Я решаюсь высказать, что министру следовало бы при случае на это указать, не останавливаясь перед теми неприятными для виновных лиц последствиями, которые это могло бы повлечь за собой.

Великий князь Сергей простак, совершенно безответственный, но он окружен мелкими честолюбивыми и беспокойными интриганами, которые непременно запутают дела в Иерусалиме, где всякий, даже не имеющий большого значения, вопрос может иметь неисчислимые последствия.

Я слышал, что г-жа Шереметева-Строганова попробовала при государе высказываться против посольства в Константинополе, но его величество заставил ее замолчать, сказав, что она вмешивается в дела, которые ее не касаются. Рассказываю это министру; ему это нравится, как новое доказательство того,

насколько наш монарх прогрессирует в умственном отношении и в смысле приобретения опыта.

В 4 часа к чаю приходят Влангали и Никонов. Зиновьев не появляется; я советовал министру устроить ему при посредстве Степбока свидание с великим князем Сергеем; маленький Степанов, член Палестинского общества, постарается этому помешать.

Суббота, 24-го ноября.

Вернувшись в $10^1/_2$ часов, вижусь с министром. Он рассказывает мне, между прочим, о смешном qui pro quo со звездой Почетного легиона, полученной Зиновьевым, вследствие предположения французского посла, что он мог иметь влияние в деле взятого нами на себя третейского суда между французами и голландцами. Завтракаю с Оболенским.

Отправляюсь навестить Деревицкого. В 4 часа к чаю приходит Влангали, а затем и Зиновьев. Последний третьего дня обедал у министра государственных имуществ Островского с министрами — внутренних дел Дурново и финансов Вышнеградским. Разговор коснулся слухов о создании министерства земледелия. Все три министра высказываются определенно против этой идеи и даже смеются над ней. Вышнеградский, между прочим, рассказывал, что у него был один землевладелец и говорил о настоятельной потребности в специальном министерстве для руководства агрикультурой и поддержания наиболее существенных интересов деревни; министр финансов якобы ответил: «Да ведь министру земледелия нечего будет делать», на что помещик возразил: «ну так он по крайней мере нами займется». Но это «нами», т.-е. землев. адельцы и сельские хозяева великой России, не представляют, повидимому, чего-либо важного в глазах наших министров-чиновников и спекулянтов выскочек.

Воскресенье, 25-го ноября.

Приходит Гундобин и опять заводит речь о выдуманном Никоновым устройстве «приемного покоя». Это измышление просто возмутительно, потому что оно поглотит от 2 до 3 тыс. руб., которые придется урвать у действительно нужного для того, чтобы устроить новую комнату для отдыха и курения, которая будет скорее вредна.

Вижу министра только на короткое время; он чувствует себя нехорошо и, кажется, встревожен состоянием здоровья своего брата Федора Гирса. Около $11^1/_4$ часов иду в Исаакиевский собор. 3° мороза и от времени до времени идет небольшой снег, но нет и признака санного пути. Обедня для меня пропала; в голове вертится дело «приемного покоя» Никонова. Спрашиваю себя, не должен ли я указать министру на это злоупотребление и посоветовать ему подвергнуть этот вопрос рассмотрению совета министров. Я уверен, что Оболенский, Зиновьев а также, вероятно, и Сакен выскажутся против новой залы для отдохновения в служебные часы и так же, как и я, найдут, что если имеются свободные суммы, то нужно их употребить в пользу команды и бедных детей наших сторожей и курьеров.

Завтракаю с Оболенским, которому говорю о предприятии Никонова-Влангали; он разделяет мое мнение и находит, что мы должны предупредить министра.

Влангали и Зиновьев сходятся у меня к чаю в тот момент, когда прибывает очередной курьер. Оболенский вскрывает экспедиции.

Продолжаю свои извлечения из хроники генерала Шебеко и занимаюсь экспедициями, которые министр поручает мне препроводить государю.—Их величества прибыли сегодня, вечером, в Аничков дворец.

Понедельник, 26-го ноября.

Спокойное, мирное душевное настроение; я не решусь говорить сегодня министру против проектов Никонова-Влангали. Около $10^1/_2$ часов меня просят к г. Гирсу; застаю его готовым ехать в Зимний дворец на выход по случаю праздника св. Георгия. Он передаст мне для прочтения несколько бумаг и, между прочим, докладную записку, которую только-что прислал ему министр финансов вследствие многознаменательной на ней пометки государя. Оказывается, что по совету военного агента в Константинополе, поддержанному нашим послом, военный министр счел нужным сделать доклад его величеству, в котором испрашивал разрешения приобрести 88.000 турецких железнодорожных акций, которые могли бы быть куплены между 23 ноября и 12 декабря этого года. Предупрежденный генералом Ванновским и очень этим проектом встревоженный,

г. Вышнеградский приезжал вчера совѣтоваться с г. Гирсом о томъ, какимъ образомъ этому воспрепятствовать. Министръ посовѣтовалъ ему тотчасъ написать государю и изложить ему откровенно свою точку зрѣнія. Впрочемъ, вслѣдствіе полученныхъ отъ г. Нелидова (нашего посла въ Константинополѣ), денеш, г. Гирсъ имѣлъ случай обсуждать съ государемъ этотъ вопросъ съ политической точки зрѣнія и увѣренъ, что государь не согласится на испрашиваемое военнымъ министромъ пріобрѣтеніе.

Г. Вышнеградскій послѣдовалъ этому совѣту. В своей «докладной запискѣ» онъ констатировалъ, что «бюджетъ 1891 г., вѣроятно, удастся привести к равновѣсію, но, между тем как расходы, прогрессивно растущіе в силу вводимых во всех отраслях государственного управленія улучшеній, могут принести свои плоды только со временем, настоятельная необходимость перевооруженія арміи, воссозданіе нашего флота и устройство стратегических желѣзных и шоссейных дорог в ближайшіе годы потребуют себе, несомненно заключенія займов в значительных размерах. К сему присоединяется, — прибавляет г. Вышнеградскій,— вопрос об упрочении нашей денежной единицы; без разрешенія сего вопроса правильное экономическое развитіе народной жизни в Россіи совершенно невозможно, и потому задача сія высочайшею вашего императорского величества волею поставлена на первый план в числѣ цѣлей, к каким должно стремиться финансовое управленіе. Между тем и эта цѣль, для которой нынѣ прокладываются пути и подготовляются средства, потребует также в свое время обращенія к кредиту». Прибѣгать при этих условіях к займу в 100.000.000 франков в цѣлях покупки турецких желѣзнодорожных акцій представляется крайне вреднымъ, говоритъ в заключеніе министръ; это помѣшало бы достиженію намѣчаемых цѣлей, создало бы затрудненія на пути заключенія гораздо болѣе необходимых займов, и, сверх того, пріобрѣтая права на турецкіе желѣзные дороги, мы возбудили бы подозрѣнія и интриги со стороны других европейских держав, что поколебало бы европейскій мир и сдѣлало бы окончательно невозможным успѣх наших финансовых проектов, — «породило бы сомнѣнія в прочности

мира, которым благодаря вашему императорскому величеству пользуется Европа, и может окончательно помешать тем целям, которые поставлены деятельности правительства волею вашего императорского величества».

«По долгу верноподданного, министр финансов приемлет смелость все сие повергнуть на высочайшее вашего императорское величество воззрение».

Министр финансов *Иван Вышнеградский*».

Государь возвратил ему этот документ со следующей пометкой: «Совершенно согласен с вашим мнением и нахожу весьма странным пускаться нам в такие рискованные и дурные предприятия» (текстуально)[1]. «С.-Петербург 25 ноября 1890 г.»

Оболенский возвращается с выхода только около $1^1/_2$ час., и мы, таким образом, завтракаем довольно поздно. Оболенского просят к министру; он говорит г. Гирсу о проектах Никонова об устройстве приемного покоя; позднее за 4-часовым чаем узнаю от Зиновьева, что г. Гирс запрашивал по этому поводу Никонова, и последний так огорчен тем, что его проекты не встречают одобрения, что говорит даже об отставке и т. д. Мне жаль огорчать Никонова, но разве это не доказывает, что все у нас сводится главным образом к вопросам самолюбия, а не действительной пользы.

Около $8^1/_2$ час. подымаюсь к министру; он дает мне некоторые указания относительно того, что, по его мнению, следует написать с отправляющимся в четверг курьером. — Оболенский возвращается не очень поздно, и я ему сообщаю переданное мне Зиновьевым по поводу Никонова.

Вторник, 27-го ноября.

Видел своего дорогого министра; в момент своего отъезда в Гатчину он казался очень озабоченным. А между тем сегодня его доклад не должен бы вызывать в нем тревоги.

---

[1] Пометка Ламздорфа.

Среда, 28-го ноября.

По моем возвращении — продолжительное посещение Гундобина; он, кажется, в восторге от того, что проект Никонова пошатнулся, но я говорю с ним откровенно на тему о крайнем самолюбии, которое я замечаю в нем самом.

Около 11 часов меня просят к министру. Г. Гирс рассказывает мне, что в понедельник на заседании Государственного Совета немножко потешались над министром народного просвещения, поздравляя его с сильной пространной речью германского императора против увлечения классицизмом. Бедный старый граф Делянов был поставлен в тупик, но изо всех сил старался защищаться. Он дошел до утверждения, что, подкапываясь под изучение латинского и греческого языков, являющихся основой всего прекрасного на земле. Вильгельм II вызовет крушение германской империи.

Вечером он написал г. Гирсу, прося доставить ему в оригинале текст речи, напечатанной в «Staats-Anzeiger», который мы ему и послали.

Вчера в Гатчине за завтраком, после доклада, тоже говорилось об этой речи; наш августейший монарх горячо нападал на своего германского коллегу (думаю, что ему следовало бы сказать брата) и так увлекся, что, в качестве аргумента в защиту необходимости мертвых языков, сказал: «Да посмотрите, все порядочные люди классики», — на что государыня не без лукавства заметила г. Гирсу: «а ни он сам, и никто из его семьи не изучал латыни». — Это было уморительно. Великий князь Алексей вернулся из своей поездки в Гаагу, куда он ездил для выражения соболезнования, и вчера являлся в Гатчине в полной парадной форме. Он остался завтракать и очень забавлял их величеств и г. Гирса своими рассказами. — Он умен, очень хорошо рассказывает и обладает в высокой степени даром смешить. Государь его, кажется, очень любит. Маленькая королева Вильгельмина произвела на великого князя приятное впечатление; он говорит, что она очень мила. На обратном пути он останавливался на несколько часов в Берлине и был как нельзя более сердечно принят императором Вильгельмом, который сам его встретил, а затем и проводил на железную дорогу. Состоялся большой завтрак в Потсдаме, а затем ката-

лись по парку в экипаже à la russe, запряженном подаренной Вильгельму II государем тройкой; бородатый кучер был так хорошо одет по-русски, что можно было ошибиться.

«Гражданин» в резкой передовой статье нападает на речь германского императора против классицизма; удивительно, до какой степени его направление соответствует всегда тому, чего желают в высших сферах.

Вернувшись к себе, успеваю написать еще до завтрак проекты писем Стаалю и сопроводительных записок к делам, отправляемым послам в Берлин, Париж и Рим. В это время полного политического затишья сказать им приходится не многое. Позавтракав с Оболенским, опять принимаюсь за работу и до собрания к четырехчасовому чаю заканчиваю проекты писем князю Лобанову и графу Каннисту, — последнему запрос по поводу дипломатического представительства, имеющего быть учрежденном при новом великом герцоге Люксембургском.

Четверг, 29-го ноября.

Мне представляется случай говорить с ним о проекте Никонова, и я высказываю мнение, что, вместо того, чтобы устраивать комнату для консультаций в служебное время и допускать туда только чиновников, следовало бы употребить свободные деньги на устройство хорошего приемного покоя для наших курьеров, сторожей и их семей; чиновники могли бы также им пользоваться, но не в короткий промежуток времени, посвящаемый службе. Небольшой лазарет внутри департамента не замедлил бы стать новой комнатой для курения и разговоров: с таким же основанием можно бы было в таком случае устроить зал для гимнастики или что-нибудь в этом роде. Министр разделяет мое мнение и собирается поговорить с Никоновым и со своим товарищем. — Сойдя вниз, узнаю через Вакселя, что Никонов очень огорчен тем, что его проект вызвал протесты, и мне жаль, что я причинил ему неприятность; мне не хотелось бы никого огорчать, но как можно сводить все к вопросам самолюбия.

Вернулся к чаю; Вланган и Зиновьев; пишу несколько любезных строк Никонову, прося его не сердиться на меня за то, что у меня при всяких обстоятельствах только одно мнение, хотя бы оно и шло вразрез с моими самыми искренними чувствами дружбы и симпатии.

Пятница, 30-го ноября.

Г. Гирс виделся с турецким послом, который, подслащивая запутанные фразы посылаемых им султану и Порте телеграмм, вводит их в заблуждение и усложняет дела.

Министр опять говорил со мной о проектах Никонова; он настолько убежден в справедливости приведенных ему Оболенским, Зиновьевым и мной замечаний, что не испытывает никаких колебаний; но я говорю ему, что было бы жаль огорчить Никонова, самолюбие которого, повидимому, сильно задето, и следовало бы постараться использовать его умение в этой области в целях создания хорошего санитарного учреждения для низшего персонала министерства.

Вернувшись к себе, получаю мило написанное письмо от Никонова, который, кажется, был тронут тем, что я вчера ему написал; пишу ему еще несколько сердечных строк.

Декабрь.

Воскресенье, 2-го декабря.

Около $11^1/_4$ часов меня просят к министру, который встал поздно и в прекрасном настроении. Рассказываю ему слышанное от Гундобина и недавно приехавшей жены д-ра Данилова о творимых в нашем посольстве в Тегеране злоупотреблениях.

Понедельник, 3-го декабря.

Нахожу в газете заметку. [1] Это наводит меня на мысль о том, что мне как-то на днях говорил Зиновьев; положение дел в Болгарии таково, что нет никакой надежды на его изменение в ближайшее время; Россия не может дуться бесконечно, это означало бы играть очень неблагодарную роль, чтобы не сказать смешную.

---

[1] Следует вырезка из русской газеты, повидимому, «Нового Времени», цитирующая стамбуловскую газету «Свобода»; последняя заявляет, что питавший прежде к России чувства преданности болгарский народ теперь вынужден смотреть на нее как на врага.

Он, Зиновьев, не допускавший в эпоху миссии Каульбарса иной программы, кроме «полного и безусловного повиновения болгар», спрашивает себя, не следует ли поискать какой-нибудь увертки, благодаря которой мы могли бы, не поступаясь слишком нашим достоинством, признать Фердинанда Кобургского и возобновить с княжеством нормальные отношения. Я думаю, что, конечно, было бы желательно проявить больше логики в наших отношениях к освобожденному русской кровью народу и тем или другим способом вернуться в Болгарию, изгнание из которой приводит в восторг наших противников, но как это сделать? Было бы крайне трудно вызвать и довести до благополучного конца какую-нибудь демонстративную просьбу болгарского народа, обращенную к нашему государю.—Женитьба принца Кобургского на православной принцессе: дочери князя Черногорского или какой-либо другой? — Согласно конституции наследник обязан быть православным, но и он, и старушка Клементина, его мать, не легко поступятся своими ультра-католическими убеждениями. Это тупик. Не прав ли я был тысячу раз, думая когда-то, что удаление принца Баттенбергского, которого мы так яростно добивались, было непростительной ошибкой; тем более непростительной, что мы не сумели даже своевременно выйти из этого положения, когда было еще так легко это сделать. — Зачем было противиться законному и даже благоприятному для России избранию принца Вальдемара Датского. Это был благоприятный момент, чтобы вернуть опять в Болгарию наших агентов, вступить в свои права или, скорее, не вступать на тот ложный путь, по которому мы шли прежде, а приобрести правильное и разумное влияние. Принц мог позднее отказаться и не ехать в Болгарию, но мы бы там опять водворились и, принимая это избрание, как свидетельство уважения всей нации к нашему царствующему дому, мы могли бы восстановить с ней дружеские отношения, которые дали бы нам возможность направлять последующие выборы.

Наш генеральный консул в Адрианополе Лишин являлся в министерство и говорил г. Гирсу, что в настоящее время в Болгарии царит образцовый порядок, и что страна процветает. Мирный, ленивый и поглощенный исключительно своими материальными интересами народ должен себя спрашивать, почему Россия так противится режиму, значительно поднявшему

благосостояние болгар. Князь и все правительство целиком в руках Стамбулова, первоклассного администратора. Стамбулов боится, как бы, в случае примирения с Россией, не пострадала его шкура, и такового не желает, но он обладает огромным преимуществом перед всеми своими соотечественниками, которые могли бы явиться его преемниками: он патриот. Будучи хорошим политиком, он умеет пользоваться несогласиями между великими державами, чтобы от каждой из них получить возможно больше для своей родины; он подбирает все, что можно взять; сам он лично миллионер, но он не продавал и не был бы способен продать независимость родины или поступиться тем, что считает связанным с ее истинными интересами. Те же, кто явился бы ему на смену, были бы, вероятно, к услугам того, кто больше даст. — Граф Дмитрий Капнист, наш бывший старший советник, которому Оболенский сообщил написанную Иониным в 1888 г. записку по поводу нашей последней турецкой войны, прислал из Ялты моему другу небольшую, не лишенную интереса, заметку об этом труде; Оболенский дает мне ее прочесть. Он утверждает, что Берлинский договор был для нас лучше, чем С.-Стефанский, который обижал греков и сербов в интересах Болгарии, отделенной от наших границ румынской Добруджей.

Но начатая с недостаточными силами война не могла дать вполне удовлетворительных результатов. Если бы изумивший турок и всю Европу переход через Балканы мог повлечь за собой энергичное и непрерывное продвижение вперед, мы могли бы быть в Константинополе и овладеть Босфором, прежде чем было бы сорганизовано какое-либо сопротивление. Но с недостаточными, выбившимися из сил и пораженными болезнями армиями, которые мы держали перед С.-Стефано, когда англичане стянули в проливы внушительный флот, а Австрия могла каждую минуту ударить нам во фланг, — нельзя было ничего сделать.

По мнению Капниста, восточный вопрос сводится к обладанию входом в Черное море; два укрепленных пункта по обе стороны Босфора нас вполне удовлетворили бы. Пусть Константинополь станет свободным городом, пусть Дарданеллы перейдут в руки того из народов Балканского полуострова, которому удастся ими завладеть, — какое нам до этого дело; «ключ от нашего дома» был бы у нас в руках. Но чтобы этого достигнуть,

нам нужен могущественный союз в Европе; будучи изолированы и противопоставлены всем западным державам, мы ничего не добьемся. Паскевич говорил когда-то, что дорога в Константинополь ведет через Вену; Каннист полагает, что с тех пор история изменила этот путь: теперь надо итти через Берлин. Он уверяет, что только у одной Германии нет прямых интересов на Ближнем Востоке; восторжествовав над Францией в 1870 г., она порвала англо-французское соглашение, которое всегда было нам враждебно в Турции, а ее борьба с Австро-Венгрией ослабляла нашего самого ярого противника на Балканском полуострове. Без поражений в 1866 и в 1870 годах наша война 1877 г. была бы невозможна. Таким образом, граф Каннист резюмирует свою политическую программу в двух следующих пунктах: 1) соглашение и разумный союз с Германией и 2) обладание входом в Черное море и в Босфор. — Все остальное имеет для нас второстепенное значение.

В том, что говорит наш бывший коллега, есть много верного.

Вторник, 4-го декабря.

Около 10 часов мой министр уезжает с докладом Гатчину.

Он возвращается около 6 часов и просит меня подняться, чтобы передать мне несколько бумаг из своего доклада «к исполнению». Он рассказывает, что их величества были необыкновенно милостивы и любезны; за завтраком зашла речь о назначенной на завтра генеральной репетиции новой оперы Чайковского «Пиковая дама». Узнав, что г. Гирс ничего не предпринял для получения ложи, государыня говорит ему: «В таком случае я приглашаю вас приехать с семейством», государь добавляет приглашение и от себя, говоря, что место всегда найдется. Тотчас по возвращении в город министр предупреждает об этом запиской директора театров, который оставит ему на завтрашний вечер ложу. — Мой превосходный начальник, образцовый семьянин, очень, кажется, доволен этим любезным вниманием со стороны их величеств и тем удовольствием, которое оно доставит его семье; я этому тоже очень рад. — Он приглашает меня остаться обедать, но я отказываюсь.

Четверг, 6-го декабря.

Мой массажист, человек простого происхождения, не хочет верить, чтобы двор был вчера вечером в театре. — «Не по православному, говорит он, накануне Николина дня торжественная всенощная, и все театры заперты». Святейший синод установил недавно специальные молитвы о благополучном путешествии наследника цесаревича, которые должны читаться на всех службах, а накануне дня его ангела и покровителя России, в то время, как церкви наполняются молящимся за всенощной народом, их величества с августейшим семейством и ближайшими к ним лицами заставляют открыть театр, чтобы присутствовать при генеральной репетиции оперы Чайковского «Пиковая дама». Мой министр вернулся под тяжелым впечатлением и всю ночь не мог сомкнуть глаз. Спектакль длился с 7 до $11^1/_2$ час. — Певец Фигнер опоздал и приехал на 10 минут позднее их величеств. — Дурацкое либретто, музыка мало доступна; на сцене несколько раз поются заупокойные молитвы.

Высочайшие особы, как всегда в подобных случаях, занимают со свитой места в партере; ложи были розданы некоторым привилегированным приглашенным. Принц Николай Насаусский, приехавший утром для того, чтобы известить о восшествии на престол своего брата, великого герцога Люксембургского, сидит среди членов императорской фамилии; министр, однако, замечает, что их величества с ним ни разу не заговорили. — Государь пожимает руку капельмейстеру Направнику и любезно благодарит артистов.

Несмотря на сильное утомление после бессонной ночи, министр долго со мной беседует, сообщая конфиденциально мне некоторые и секретные вопросы, о которых была речь во вторник на его докладе. Государь решился отозвать из Рима нашего посла, бедного старичка барона Икскуля, рамолиссмент которого становится все более и более очевидным. Просили его жену подать ему мысль просить отставки. Его величество, несмотря на свое желание действовать возможно более деликатно, ни в каком случае не соглашается назначить посла членом Государственного Совета, говоря, что это была бы «пощечина» этому учреждению.

Нашему маленькому товарищу министра Вланган удалось, повидимому, при посредстве г-жи Шереметевой-Строгановой и другими окольными путями получить согласие государя на назначение его в Рим, так что его величество поручал даже г. Гирсу предупредить своего товарища о возможности в близком будущем исполнения его желаний. — Г. Гирс предпочел бы оставить Вланган здесь вследствие его отрицательных заслуг и не открывать пока перед ним римских горизонтов, тем более, что, по его мнению, на пост посла в Италии должен бы был быть назначен г. Нелидов; с 1886 г. султан всеми возможными способами просит освободить его от последнего. Государь признает, что трудно долее навязывать турецкому правительству посла, который ему так антипатичен: «Что же, они, наконец, прямо станут просить об его отозвании».

Однако, когда министр высказывает мысль о том, чтобы послать Нелидова в Рим, мысль эта, повидимому, не очень нравится государю. Г. Гирс не затрагивал еще щекотливого вопроса замены Нелидова в Константинополе. Его мечта отделаться от Зиновьева, хотя, говорит он, было бы несправедливо дать ему место посла после того, как он здесь вносил во все только путаницу. Но отъезд его был бы так благодетелен: «все христосоваться станут» на Востоке, и все дела примут более благоприятный оборот, между тем как в деятельности азиатского департамента можно будет восстановить порядок. Но, замечает министр, очень трудно будет получить на это высочайшее соизволение. Его величество теперь очень невысокого мнения о Зиновьеве: он находит его не довольно представительным и не одобряет его манеры писать: «мне иной раз приходится два три раза перечитывать проекты телеграмм, чтобы их понять. Я ставлю себя на место того, кто получает подобную инструкцию. Это не ясно». А Зиновьев так горд, так горд тем, как он пишет. Государыня его совсем не выносит, а что касается великого князя Сергея, то Зиновьев, являвшийся недавно по распоряжению министра его высочеству, говорил мне, вернувшись, что разговор их был очень дружеский и носил с той и другой стороны примирительный характер, но что он еще не смеет надеяться на какие-либо практические результаты. А пока, как узнал позднее г. Гирс, великий князь после этого разговора не мог думать

ни о чем другом, чувствовал себя совсем больным и заявил, что предпочтет скорее все бросить, чем быть вынужденным иметь дело с человеком, держащим себя так авторитетно и так невозможно, как Зиновьев. Г. Гирс тоже разделяет это мнение, а, между тем, этот бедный Иван Алексеевич в сущности хороший человек; очень жаль, что ему так вредят некоторые слабости честолюбивого выскочки. Государь назвал, повидимому, г. Гирсу нескольких кандидатов на пост товарища министра на случай, если бы Влангали уехал в Рим; но все эти кандидаты совсем не по вкусу министру. В будущий вторник он попробует еще раз вернуться к вопросу о назначении Нелидова в Рим и Зиновьева в Константинополь. Министр просит меня не передавать никому этого разговора, — «даже Оболенскому, говорит он, — я никому не сказал о нем ни слова, но хотел сговориться с вами».

Проявляемые моим дорогим начальником по отношению ко мне дружба и доверие особенно заметны и трогательны со времени моего возвращения осенью; я ему за это бесконечно признателен и когда вспоминаю, что не всегда умел ценить его доброту, или подумаю о возможности с ним расстаться, сердце мое обливается кровью.

Вчера мы послали их величествам первые фотографии, сделанные в Каире во время пребывания там цесаревича. Г. Гирс говорит, что трогательно видеть, с какой любовью и интересом государь и государыня следят за путешествием их сына. Схожу вниз около 12¼ часов, но бывший у зубного врача Оболенский запаздывает, не предупредив меня, и возвращается только в 1 час. Ожидание это приводит меня в нервное состояние; подавляю свое дурное настроение, когда он, наконец, приезжает.

Суббота, 8-го декабря.

Министр с супругой собирается ехать в Гатчину на обед в честь принца Насаусского; он просит нас узнать по телефону, в каком туалете должна быть г-жа Гирс; иду сговориться с Оболенским, который, вернувшись вчера ранее обыкновенного, чувствовал себя простуженным; сегодня его недомогание усилилось.

Зиновьев приходит к 4-часовому чаю; он советуется со мной по поводу записки, составленной им на основании доста-

вленных министерством внутренних дел данных; последняя должна быть сообщена Швейцарии. — Повидимому, Болгария становится притоком самых ярых русских нигилистов и террористов, присутствия коих на своей территории не считают возможным допускать ни Франция, ни Швейцария, несмотря на их республиканские правительства. Больше того, — бежавшие преступники, явные пропагандисты терроризма, получают хорошо оплачиваемые места, несут даже обязанности школьных учителей; один из таковых заведует химическим кабинетом, где работает в течение нескольких часов в день вне всякого контроля и получает все требующиеся им вещества. Запрошенный по этому поводу Стамбулов, говорят, ответил, что смерть Александра III могла быть для Болгарии только желательной, так как его величество является единственной причиной ее ненормального положения. Он прибавил с иронией, что широкое гостеприимство, которым пользуются в России болгарские эмигранты, обязывает княжество из благодарности открывать также двери русским эмигрантам. Все эти сведения получены министерством внутренних дел от наших тайных агентов, которые проявляют сильную тревогу по поводу все увеличивающегося скопления в Болгарии наших анархистов-террористов и их допускаемой, почти поощряемой деятельности. Одно время думали, что Бодлевский, убивший недавно в Париже генерала Селиверстова, укрылся тоже там; но не подлежит, кажется, сомнению, что он уехал в Америку. — Министр поручил мне приготовить циркуляр по поводу того, что делается в Болгарии, для рассылки его в четверг всем нашим представителям. — Право, грустно и унизительно быть вынужденным жаловаться другим державам и взывать к их вмешательству в целях воздействия на это, созданное Россией, государство.

Если бы, вместо того, чтобы сентиментальничать на почве нововизма и разыгрывать в угоду славянофильским утопиям роль бескорыстия в сфере действительно русских интересов, мы хорошенько бы поразмыслили перед войной 1877 г., следовало бы, создавая Болгарию, поделить Румынию между Австрией и нами. Когда-то подобное соглашение с венским кабинетом при поддержке Германии было возможно. Бог знает, представится ли еще и когда подобная возможность. — Этот злосчастный С.-Стефанский договор, отдавший Добруджу Румынии и отде-

ливший нас от освобожденной нашей кровью страны, был настоящим предательством России. Право, надо быть недалеким и до глупости простодушным, чтобы основывать свою власть и свое влияние на одних только узах благодарности. И еще какой благодарности? Попробуйте убедить кого-либо в том, что Россия вела разорительную, стоившую 100.000 жизней войну исключительно для того, чтобы освободить этих несчастных братушек, которые десять лет спустя ясно ей доказали, что они такое. Очевидно, что одновременно стремились елико возможно усилить свое влияние на Балканском полуострове, но, как и всякий не вполне законный и добросовестный поступок, это должно было роковым образом завести нас в тупик. Казалось, что мы обманываем Австрию, но при этом мы не обеспечили себе никакой поддержки и даже не подготовили достаточных средств. Что касается до населяющих полуостров национальностей, мы обидели греков и сербов в пользу болгар, а затем оттолкнули от себя последних, дав им хорошо почувствовать, что освободили их не ради их прекрасных глаз, а для того чтобы ими пользоваться в своих интересах. — Ждите после этого их благодарности и рассчитывайте на нее, как на главный, если не единственный, способ оказывать влияние!

Понедельник, 10-го декабря.

Меня рано просят к министру, который готовится к заседанию Государственного Совета; перечитываем вместе часть доставленного, наконец, его сыном политического бюллетеня.

Около 4-х часов появляется ненадолго один Зиновьев. Министр, г-жа Гирс и Влангали в Гатчине на обеде в честь генерала Верспика, приехавшего оповестить о вступлении на нидерландский престол королевы Вильгельмины.

Вторник, 14-го декабря.

Перед отъездом в Гатчину мой министр дает мне еще несколько листков из бюллетеня. — В пакете, возвращенном вчера вечером государем, есть донесение графа Шувалова из Берлина от 7/19 декабря за № 54; против слов: «решимость

юного императора ниспровергнуть систему существующего школьного образования, если и удовлетворяет некоторых, зато многие пожимают плечами, высказывая глубокое недоверие к педагогической подготовленности 30-летнего преобразователя на почве народного образования, — его величество делает пометку: «Это всего более меня поражает. Смелость, переходящая в нахальство!» — можно бы подумать, что это замечание относится к пожимающим плечами, но нет, наш августейший монарх называет нахалом именно своего германского августейшего брата. — Надо сознаться, что сей юный монарх ни перед чем не останавливается: «Sic volo, sic jubeo!» [1].

Министр говорит, что вчерашний обед в честь голландского посольства вполне удался. Дамы были в трауре. Г. Гирса очень расспрашивали о подробностях торжественного празднования в воскресенье, 7 декабря, 50-летнего юбилея существования англо-американской церкви.

Среда, 12-го декабря.

7-го декабря, на юбилее англо-американской церкви, общиной торжественно был пропет национальный гимн, и устами главного пастора выражена благодарность за свободу, которой пользовался их культ в течение полустолетия, на что г. Гирс счел нужным ответить и очень любезно поблагодарил присутствующих. Министру была вручена «резолюция» общины, которую он поверг на воззрение его величества; государь повелел благодарить министра Соединенных Штатов и общину за выраженные чувства. Таким образом, все, казалось, прошло превосходно, но оказы-

[1] Против этих строк в подлиннике наклеена следующая газетная вырезка на французском языке: «Германия. По закрытии школьной конференции император пожаловал министру народного просвещения и культуры г-ну Геслеру свой портрет. Под портретом монарх написал свое имя и слова: «Sic volo, sic jubeo», он подчеркнул значение этой надписи, выразив свое удовольствие по поводу того, что принятые конференцией резолюции соответствуют его повелениям и выраженным им желаниям. Берлинский корреспондент кельнской газеты, комментируя эту надпись, говорит, что она не имеет характера цезарского императива, а что император желал только дать понять, что он решил везде и всегда всей силой своей воли поддерживать то, что он признал правильным и полезным».

вается, что ни одна из русских газет не сочла нужным перепечатать статью «Правительственного Вестника», описывавшую это торжество. Это красноречивое воздержание явилось, вероятно, следствием вечной ненависти к иноверцам.

Эти дни холоднее, и я не выхожу; к отправке курьера в четверг приготовили сопроводительный циркуляр к написанному Михаилом Гирсом политическому бюллетеню за истекший год и заметку о поощрении, которое наши эмигрировавшие в Болгарию анархисты встречают со стороны местных властей.

Пятница, 14-го декабря.

Проходя в свой второй кабинет и видя перед окнами дворцовую площадь, думаю о драме, разыгравшейся на ней в этот день 65 лет тому назад. — В обычный час подымаюсь к своему министру. Возвращенные государем бумаги интересны. — Наш посол в Лондоне предлагал в случае приезда в Россию делегатов от юдофильского митинга в Лондоне провести грань между достойными уважения личностями лорд Мис (Meath) и сэр Д. Пиз (Pease) и их миссией и, оказав им лично любезный прием, отказаться видеть в них депутатов и не принимать той петиции, которую им поручено отвезти государю. Мы приготовили вчера нашему покладистому послу следующую телеграмму: «В случае приезда в С.-Петербург лорда Миса и сэра Пиза отделение личностей от их делегатских миссий недопустимо. В виду того, что миссия их всем известна, они вовсе не могли бы быть приняты государем».

Возвращая утвержденным этот проект, государь пишет на полях: «Я нахожу, что даже в случае их приезда сюда и министрам не следовало бы их принимать, так как это будет все-таки некоторое удовлетворение для них, а это вовсе не желательно». — Посылаем г. Сталю вторую телеграмму, чтобы довести до его сведения это высочайшее решение.

Но самым любопытным документом среди бумаг, возвращенных сегодня утром государем, является вырезка из появившейся недавно маленькой мизерной газетки, называющейся «Русская Жизнь». Эта вырезка, повергнутая на воззрение его величества, вероятно, ведомством по делам печати министерства

внутренних дел, положена сверху всех других бумаг; на ней государь написал: «Эта статья так хороша, что можно было бы прямо дать ее, как инструкцию, посланнику нашему в Тегеране. Именно этими соображениями я желал бы, чтобы руководствовался Азиатский департамент». Вот эта статья [1].

И эту болтовню наш августейший монарх желает возвести на степень политической программы.

Когда около 4-х часов Зиновьев приходит ко мне пить чай, я спрашиваю у него, что он об этом думает, но, к моему удивлению, он в восторге от того, что государь упомянул о вверенном ему Азиатском департаменте, как о независимой единице. Суета сует — всегда и везде!

---

[1] Приложена газетная статья, устанавливающая следующие положения: 1) Персия фактически может быть вполне доступна влиянию только России; 2) англичане могут этому противодействовать только подкупом персидских властей, что и делают очень усердно, но без особых результатов; 3) мы должны стремиться сохранить исключительно наше влияние в этой стране. В заключение — строки, подчеркнутые чернилом: «Наши представители в Персии должны поэтому зорко наблюдать за всеми подкупами, ведущимися во вред России, противопоставляя этим последним не подкуп безличных и корыстных министров шаха, а свое «veto», которое одно, без всякого золота, если будет поддержано твердо авторитетом России, достаточно для того, чтобы парализовать козни врагов» — и дальше — «Им (представителям России) поэтому и надо держать «честно и грозно» русское знамя на Востоке, не давая ослабеть тому престижу России, который создан ценою права, а не подкупом и тайной интригой». (Пометка императора «да» и «совершенно верно».)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаза, Александр Аггеевич (1821—1895) — государствен. деятель. В 1871 г. — госуд. контролер; в 1874 г. — председатель департамента экономии Госуд. Совета. В 1880 году в течение пяти месяцев министр финансов, после чего до 1892 г. — председатель департ. экономии — 8, 222, 250.

Абдуррахман (род. в 1830 г.) — эмир Афганистана. Получал субсидию от Англии и воздерживался от сношений с Россией. В 1885 г. имел с последней столкновение, окончившееся уничтожением афганского отряда под Кушкой — 114, 115, 119, 137.

Августа-Виктория — см. Виктория-Августа.

Августа, Мария-Луиза-Катарина, германская императрица (1811—1899) — дочь велик. герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха и вел. кн. Марии Павловны, жена короля-императора Вильгельма I — 17, 151, 254, 255.

Адан, Жюльета Ламбер (род. в 1836 г.) — французская писательница и обществ. деятельница; имела политический салон; с 1879 г. издавала журнал «Nouvelle Revue» — 150.

Адлерберг, Александр Владимирович (1818—1888) — мин. импер. двора (1872—1881) — 5, 33, 45, 134, 154, 208, 244.

Адлерберг, Екатерина Николаевна — графиня, статс-дама при имп. Марии Федоровне, кавалерственная дама — 21.

Адлерберг, Николай Николаевич — в звании камер-юнкера, первый секретарь русского посольства в Лондоне — 37, 296.

Акинфиева — 42.

Алеко-паша (Александр Богоридес или Богоридес) — генер.-губ. восточн. Румынии, одно время кандидат на болгарский престол — 72.

Александр — сын короля сербского Милана и королевы Наталии. После отречения Милана с 1889 г. — король Сербии — 199.

Александр — см. Оболенский Александр.

Александр Баттенбергский (1857—1893) — второй сын принца Александра Гессен-Дармштадтского, племянник Александра II. В 1879 г. избран князем Болгарии, присягнул конституции княжества [Тырновская конституция]. По смерти Александра II, совершил государств. переворот и отрекся от конституции, которую восстановил в 1883 г. 21 августа 1886 г. вынужден был отречься от престола. Встретив противодействие со стороны Александра III к водворению его вновь на болгарский престол, в 1886 г. уехал в Дармштадт, женился на бывш. придворной певице Иоанне Лейзингер и принял титул графа фон Гартенау — 16, 22, 23, 25, 33, 35, 46, 49, 60, 61, 69, 89, 96, 98, 149, 161, 226, 239, 279, 281, 303, 357.

Александр I, Павлович (1777—1825) — русский император, царствовал с 1801 г. — 34, 234, 305.

Александр II (1818—1881) — старший сын Николая I. Царствовал с 1855 по 1881 г. — 160, 238, 249, 278, 341.

Александр III (1845—1894) — второй сын Александра II, царствовал с 1881 по 1894 г. — 202, 243, 330, 363.

Александра Георгиевна — дочь короля Георга греческого, жена великого князя Павла Александровича — 207, 254, 305.

Александра Иосифовна (род. в 1830 г.) — вел. кн., вдова вел. кн. Константина Николаевича — 15, 77, 139, 223, 346.

Алексей Александрович (1850—1908) — вел. кн., четвертый сын Александра II, с 1881 г. генерал-адмирал, член Госуд. Совета — 3, 93, 106, 143, 204, 345, 354.

Алиса-Елена Гессенская, Александра Федоровна — дочь великого герцога гессенского Людвига IV и принцессы Алисы великобританской, внучка королевы Виктории, впоследствии русская императрица, жена Николая II. До восшествия на престол — принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса — 85, 103, 106, 110, 112, 126, 129, 139, 153.

Алиханов, Максут — лезгин, офицер русской службы, участник хивинской и турецкой войн и туркменских походов. При его содействии мерво-текинцами была в 1885 г. выставлена милиция, участвовавшая в поражении афганцев при Кушке — 188.

Альберт-Фридрих Рудольф (1817—1898) — эрцгерцог австрийский, старший сын эрцгерцога Карла. После австро-прусской войны был назначен председателем преобразовательной комиссии и главным инспектором войск — 186, 228.

Альвенслебен, Фридрих Иоганн (род. в 1836 г.) — граф, немецкий дипломат. В 1872 г. был советником посольства в Петербурге; в 1876 г. генеральн. консул в Бухаресте, в 1879 г. посланник в Дармштадте, в 1882 г. — в Гааге, в 1884 г. — в Вашингтоне, в 1888 г. — в Брюсселе, или Альвенслебен, Константин (1809—1892) — прусский генерал — 294, 296.

Ангальт-Бернбургская, Фредерика (1811—1902) — тетка Марии Федоровны, сестра короля датского Христиана IX, вдова последнего герцога Ангальт-Бернбургского, урожденная принцесса Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург — 267.

Ангулемская герцогиня, Мария-Тереза-Шарлотта (1778—1851) — дочь Людовика XVI и Марии Антуанеты, жена Луи Антуана де-Бурбон, герцога Ангулемского, деятельнейшая роялистка — 42.

Андраши, Юлий (1823—1890) — венгерский государственный деятель — 160.

Андрие — суфлер — 73.

Анненкова — сестра Акинфиевой — 42.

Аостский герцог Амадей I (1845—1890) — второй сын итальянского короля Виктора-Эммануила, король испанский. Отрекся от престола в 1873 г. и жил в Италии, как принц корол. дома с титулом герцога Аостского — 261.

Аргиропуло, Кимон Эммануилович — русский министр-резидент в Черногории — 15.

Аризугава — принц и принцесса японские, боковая ветвь японского императорского дома — 182.

Арсеньев — 57.

Ашинов, Николай Иванович — бывший купец, именовавший себя «вольным казаком». После неудачи затеянной им Абиссинской экспедиции 1889 г. взят в плен французами и передан в Россию.

где и был интернирован под надзор полиции — 105, 108, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 143, 145, 146, 147, 148, 150, 157, 168, 174, 175, 229, 233.

Багговут, Карл Федорович — ген.-лейт., комендант гатчинского дворцового управления — 21.

Баденский — вел. герц. — 175, 273.

Базилевский — 203.

Балабанов — 118.

Баранов, Николай Михайлович (1837—1901) — ген.-лейтен. Во время войны 1877—1878 г. командовал пароходом «Веста», был под судом и вышел в отставку. С 1885 г. нижегородский губернатор — 132, 133.

Барыков, Федор Лаврович — сенатор (по второму департаменту) — 335.

Барятинская (Бетти), Елизавета Александровна, княгиня, статс-дама импер. Марии Федоровны, кавалерственная дама, или Барятинская, княгиня, Елизавета Дмитриевна — в той же должности — 21, 45.

Барятинский, Александр — 260.

Барятинский, возможно, князь Владимир Анатолиевич — начальник императорской охоты, в должности егермейстера, ген.-майор — 19, 348.

Баттенберг — см. Александр Баттенбергский.

Бахметев — 344, 593.

Бексель — 158.

Белосельские — кн. ст. и мл. — 93, 145, 154, 230.

Беляков — 109.

Бендерев, Анастасий Федорович — болг. полит. деятель, (род. в 1859 г.). В 1879 г. состоял в свите имп. комиссара Дондукова-Корсакова; по окончании русской оккупации был адъютантом военного министра. В 1880 г. поступил в Николаевскую академию генер. штаба и вышел из нее с чином капитана. Был одним из главных участников переворота 8 августа 1886 г. (свержение Александра Баттенбергского) — 5, 13.

Бенкендорф, Александр Константинович — граф, церемониймейстер, первый секретарь русского посольства в Вене — 124.

Бересфорд Чарльз-Уильям де ла Пор, (род. в 1846 г.) — англ. моряк. В 1874—89 гг. был членом нижней палаты. С 1886 по 1888 г. занимал в кабинете Сольсбери должность лорда адмиралтейства. В 1889 г. вышел из парламента и вновь поступил на действительную службу во флоте — 120.

Беринг — лондонский банкирский дом — 338.

Берхем — граф — 95, 98, 308.

Беттихер, Карл-Генрих (род. в 1833 г.) — немец. госуд. деятель. С 1880 по 1897 г. прусский государственный министр и статс-секретарь департамента внутренних дел — 270, 271.

Бирон, Эрнст-Иоганн (1690—1772) — герцог Курляндский — 21.

Бисмарк, Герберт — старший сын канцлера — 58, 195, 201, 213, 219, 274, 280, 283, 284, 298, 302, 308.

Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898) — князь, известный госуд. деятель Германии, крайний консерватор, имперский канцлер со времени утверждения Германской империи. В 1890 г. вышел в отставку — 10, 12, 15, 19, 23, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 39, 40, 44, 49, 50, 52, 53, 57, 58, 61, 63, 78, 80, 81, 91, 104, 108, 111, 113, 114, 120, 121, 131, 132, 144, 149, 152, 160, 162, 163, 167, 172, 174, 175, 181, 186, 189, 197, 201, 213, 219, 220, 225, 259, 260,

268, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 283, 287, 288, 290, 292, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 302, 308, 310, 311, 312, 314, 316, 317, 318, 319, 327, 333, 343.

Бистром, Родрих Григорьевич — барон, ген.-адъют., ген.-от-пифантерии — 20, 22.

Блейхредер, Гершон (1822—1893) — сын основателя банкирского дома в Берлине, Самуила Блейхредера. Пользовался особым доверием князя Бисмарка, привлекался к целому ряду финансовых операций. В 1871 г. в Версале принимал участие в определении размеров франц. контрибуции. В 1872 г. пожалован потомственным дворянством — 137.

Блок, Константин Александрович — ген.-майор, командир лейб-гвардии конного полка — 303.

Блудова, Антонина Дмитриевна (1812—1891) — графиня, фрейлина, кавалерственная дама — 154.

Блюменталь, Леонард (род. в 1810 г.) — граф, прусский генерал. Был начальником штаба кронпринца, с 1888 г., генерал-фельдмаршал — 174.

Бобринский гр., возможно, Алексей Александрович — председатель имп. Археологической комиссии, или Бобринский, Александр Александрович — и. д. хранителя имп. Эрмитажа — 260.

Богарнэ — графиня — 93, 116, 139, 140, 143.

Богданов — русский пов. в делах в Буенос-Айресе — 341.

Богданович, Евгений Васильевич (род. в 1832 г.) — служил во флоте и по мин. внутренних дел, с 1888 г. — ген.-майор; затем член совета мин. вн. дел — 10, 71.

Боднско, возможно, Константин Александрович — чиновник особых поручений при министерстве финансов — 245.

Бодлевский — 363.

Бранденбург, Николай Ефимович (род. в 1839 г.) — археолог, служил по гвард. артиллерии, в 1872 г. переведен в главное артиллерийское управление и затем назначен директором артиллерийского музея — 216.

Братиано — 206.

Бринштейн — см. Дембо Исаак.

Брок, Александра Николаевна — фрейлина при дворе Марии Федоровны — 124.

Брок, Николай Петрович — ген.-майор лейб-гвардии стрелкового полка — 124.

Брунст — барон — 221.

Буадефр, Рауль-Франсуа-Шарль де Мутон (род. в 1839 г.) — французский генерал, с 1878 г. был военным атташе в С.-Петербурге — 32.

Будберг, Мария Петровна — баронесса, статс-дама при импер. Марии Федоровне, кавалерственная дама, гофмейстерина при дворе вел. кн. Марии Павловны — 21.

Буланже, Жорж-Эрнест-Жан-Мари (1837—1891) — франц. генерал. В 1886—87 гг. воен. министр в министерствах Фрейсинэ-Гобле. В 1888 г. при содействии партии «буланжистов» выбран депутатом в Северн. департамент, в 1889 г. — выбран депутатом во многих департаментах и в том числе в Париже — 53, 63, 66, 70, 71, 75, 99, 100, 101, 104, 106, 123, 125, 165.

Бум — германский генерал — 295.

Бунге, Николай Христианович (1823—1895) — экономист и госуд. деятель. С 1880 г. — товар. министра финансов, с 1881 по 1886 г. министр финансов, с 1887 г. до смерти — председатель комитета министров — 4, 5, 26.

Бутенев, Михаил Аполлинариевич — советник русского посольства в Лондоне — 66.

Бутурлина — 100.
Бюлер, Федор Андреевич (1821—1896) с 1873 г. — директор моск. архива иностр. дел — 210.
Бюлов, Отто (род. в 1827 г.) — немецкий дипломат, представитель министерства иностр. дел — 12, 15, 19, 80, 81, 82.
Бютцов, Евгений Карлович — русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Афинах — 209, 210, 213, 224, 240, 337, 341.

Ваксель, Платон Львович — первый секретарь канцелярии министерства иностран. дел, с 1887 г. вице-директор — 50, 90, 209, 216, 307, 331, 346, 355.
Валуев, Петр Александрович (1814—1890) — граф, с 1861 г. член Госуд. Совета, с 1861 по 1868 г. мин. внутр. дел, с 1871 по 1877 г. мин. госуд. имуществ, с 1877 по 1881 г. председатель комитета министров, статс-секретарь — 119.
Вальдемар Датский — сын короля Дании Христиана IX, брат имп. Марии Федоровны — 357.
Вальдерзее, Альфред (род. в 1832 г.) — генерал германской службы. В 1881 г.—генерал-квартирмейстер, в 1888 г. назначен вместо Мольтке начальником генерального штаба — 273, 277.
Ванновская, А. И. — жена военного министра — 44.
Ванновский, Петр Семенович — генерал-адъютант, с 1881 г. управл. военным министерством, с 1 января 1882 по 1898 г. — военный министр — 8, 18, 44, 54, 57, 112, 210, 222, 223, 262, 336, 351.
Веймарский — см. Эрнест Саксен-Веймарский.
Вердер — генерал — 17, 143.
Версник — ген.-адъютант, ген.-лейтенант в отставке, состоящий при нидерландском дворе — 364.
Вестман, Александр Владимирович — в звании камер-юнкера, первый секретарь русского посольства в Константинополе — 258.
Вечера, Мария — артистка — 109, 120, 123, 178.
Видергопер — доктор при австрийском дворе — 178.
Виктория-Августа (род. 1858 г.) — дочь герцога шлезвиг-гольштейн-зондербург-августенбургского Фридриха, жена Вильгельма II — 226.
Виктория I, Александрина (1819—1901 г.), королева Великобритании и Ирландии — 120, 164, 185, 195, 301, 343.
Вилльом, Карл Александрович — германский военный уполномоченный в Петербурге, полковник, флигель-адъютант — 19, 21, 95, 98, 262, 322.
Вильгельм I, Фридрих-Людвиг (1797 — 1888) — император германский, король прусский. Царствовал с 1861 по 1888 г. — 17, 22, 23, 27, 29, 32, 33, 34, 41, 46, 49, 53, 58, 60, 61, 62, 89, 99, 151, 186, 255, 262, 269, 273.
Вильгельм II, Фридрих-Виктор Альберт (род. 1859 г.) — старший сын Фридриха-Вильгельма (имп. Фридриха III) и принцессы Виктории великобританской. Царствовал с 1888 года — 58, 89, 94, 95, 98, 105, 120, 149, 164, 167, 180, 184, 185, 186, 195, 198, 224, 225, 237, 242, 262, 271, 273, 274, 279, 280, 282, 287, 288, 291, 292, 293, 297, 298, 299, 301, 302, 309, 311, 313, 314, 316, 318, 321, 322, 326, 329, 331, 341, 343, 354, 355.
Вильгельмина, Елена-Паулина-Мария (род. в 1880 г.) — единственная дочь короля Нидерландского Вильгельма III от его второго брака с принцессой Эммой Вальдекской. После смерти отца в 1890 г. вступила на престол

Голландии под регентством матери, самостоятельно царствовала с 1898 г. — 354, 364.

Винклер — 108.

Виноградов — член Слав. ком. — 150.

Виттельсбахи — 179.

Владимир Александрович — вел. князь, сын имп. Александра II, брат Александра III (род. в 1847 г.), президент имп. Академии Художеств — 6, 20, 22, 23, 25, 67, 77, 93, 131, 141, 143, 145, 146, 177, 203, 222, 245, 249, 260, 290, 291, 305.

Влангали, Александр Георгиевич — товарищ министра иностранных дел — 8, 11, 17, 18, 21, 25, 26, 27, 28, 30, 34, 42, 45, 47, 49, 51, 56, 59, 70, 74, 82, 84, 86, 96, 99, 102, 105, 107, 116, 121, 131, 135, 142, 144, 145, 163, 170, 202, 206, 209, 210, 215, 233, 240, 244, 259, 272, 275, 290, 315, 318, 324, 326, 335, 344, 346, 350, 351, 355, 361, 362, 364.

Вогоридес, Эммануил (принц)—3.

Вогюэ, Шарль-Жан-Мельхиор, граф (род. 1829 г.) — франц. археолог. В 1853—1854 гг. и 1861—1862 гг. путешествовал для научных целей в Сирии и Палестине. В 1871—1875 гг. — посол в Константинополе, с 1875 по 1879 г. посол в Вене или Вогюэ, Мельхиор (род. в 1848 г.) — виконт, историк, дипломат, провел 7 лет в Петербурге в восьмидесятых годах — 78, 79.

Воейков — член Слав. комитета — 150.

Волькенштейн-Тростбург, граф — австро-венгерский посол при русском имп. дворе — 13, 14, 46, 106, 128, 233, 251.

Вольф, Друммонд — англ. представитель в Тегеране — 156, 168, 177, 183, 191, 209, 212, 214, 240.

Вонлярская, Наталия Федоровна — фрейлина при дворе вел. кн. Екатерины Михайловны. При замужестве с Георгием Мекленбург-Стрелицким получила титул графини Карловой — 265.

Воронцова-Дашкова — кавалерственная дама — 29, 70, 303, 306.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (род. в 1837 г.) — граф, ген.-ад., ген.-лейт., с 1881 г. — главноуправляющий госуд. коннозаводством, член Госуд. Совета, с этого же времени до 1896 г. — министр импер. двора и уделов — 55, 91, 106, 113, 119, 145, 194, 223, 260.

Врангель, Александр Егорович — барон (в звании камергера), русский генеральный консул в Данциге — 6, 206.

Всеволожский — 230.

Всеволожский, Иван Александрович — директор импер. театров — 73.

Вышнеградский, Иван Алексеевич (1831—1895) — педагог, общественный деятель. С 1884 г. член совета мин. народн. просв., с 1886 г. член Госуд. Совета, с 1 янв. 1887 г. — управляющий министерств. финансов и вскоре министр финансов. Вышел в отставку в 1892 г. — 4, 5, 26, 30, 38, 39, 50, 52, 66, 74, 115, 122, 137, 165, 176, 217, 230, 231, 238, 239, 252, 254, 336, 337, 338, 345, 350, 352, 353.

Вяземская, Мария Аркадьевна — княгиня, статс-дама имп. Марии Федоровны, кавалерственная дама — 213.

Гадбан-паша — 4, 33, 237.

Гадбан-Эффенди — турецкий комиссар в Софии — 232, 237, 252.

Гамбетта, Леон-Мишель (1838—1882) — французский госуд. деятель, адвокат. В правительстве национальной обороны был министром внутренних дел; оставив Париж, отправился в Тур, где принял на себя управление департаментами войны и финансов и стал неограниченным диктатором. Во

время франко-прусской войны проявил крайний патриотизм и даже после падения Парижа не хотел примириться с необходимостью заключения мира; декретом от 19 янв. 1871 г. хотел удалить из национ. собрания сторонников мира. По отмене этого декрета правительством, вышел в отставку. После падения коммуны, вошел снова в национ. собрание, где сделался вождем республиканской левой, основал республиканскую газету «La république française». В 1875 г. был членом палаты и председателем бюджетной комиссии, оказывая сильное влияние на французскую политику. 14 ноября 1881 г. сам составил новый кабинет министров, названный le grand ministère. Во внешней политике был сторонником сближения с Россией и стремился к заключению мира с Англией для совместного выступления против Германии — 263.

Гамбургер, Андрей Федорович — русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швейцарии (Берн), статс-секретарь — 171, 197, 200, 201.

Гамбургер — жена Гамбургера, А. Ф. — 254.

Гамбургер — пианист — 15.

Гартенау — графиня — 188.

Гартенау — см. Александр Баттенбергский — 188.

Гене, Владимир Александрович — русский генеральный консул в Неаполе — 138.

Георгий I (род. в 1845 г.) — сын короля датского Христиана IX, король греческий — 209.

Георг — второй сын короля греческого Георга I (род. в 1869 г.)—343.

Георг II, Август — король Великобритании (1683—1760) — 266.

Георгий Александрович (1871—1899) — второй сын императора Александра III — 20, 74, 251, 304, 343, 344.

Георгий Максимилианович — князь Романовский, герцог лейхтенбергский, сын вел. княгини Марии Николаевны и герц. Максимилиана лейхтенбергского, род. в 1852 г. — 232.

Георгий Мекленбург-Стрелицкий — герцог — 265.

Геппель, Владимир — чиновник особых поручений при министерстве иностранных дел — 38, 93, 106, 109, 130, 136, 143, 150, 167, 170.

Герберт, Ивор Иванович — полковник, английский военный агент — 264.

Геслер — немецкий министр просвещения и культов — 365.

Гессен-Дармштадтский — вел. герцог Людвиг IV, род. в 1837 г.— 49, 85, 113, 126, 130, 153, 207.

Гессенский, Александр — принц — 48, 89, 103.

Гефкен, Фридрих-Генрих (род. в 1830 г.) — юрист-писатель. Был профессором международного права в Страсбурге. В 1881 г. вышел в отставку и переехал в Гамбург. Был резким противником Бисмарка и нападал на его политику в германском и восточном вопросах. В 1888 г. опубликовал вверенный ему императорский дневник во время прусской войны, за что по докладу Бисмарка был обвинен в выдаче госуд. тайны и подделке госуд. документов. Освобожден от преследования решением госуд. суда в 1889 г., после чего поселился в Мюнхене — 91, 104.

Гика — жена румынского чрезв. посланника и полном. министра — 264.

Гика, Эмиль — румынский чрезв. посланник и полномочн. министр в Петербурге — 205.

Гинцпетер, Георг-Эрнст (род. в 1827 г.) — педагог, воспитатель

Вильгельма II, по вступлении коего на престол принимал участие во многих совещаниях. Написал доклад о положении горнорабочих в Прирейнской области и в Вестфалии. В 1890 г. — председатель училищной конференции по выработке новых школьных программ — 269.

Гирс — жена министра иностранных дел — 8, 46, 55, 63, 64, 74, 83, 105, 106, 141, 154, 206, 207, 254, 282, 340, 364.

Гирс, Константин Николаевич — сын министра — 300, 302.

Гирс, Михаил Николаевич — сын министра, первый секретарь русской миссии в Тегеране — 106, 125, 136, 254, 366.

Гирс, Наталия — дочь министра — 267.

Гирс, Николай Карлович (1820—1895) — русский дипломат; с 1875 г. тов. министра иностранн. дел; с 1882 по 1895 г. министр иностранных дел. Сторонник консервативной и миролюбивой политики сближения с Германией и Австрией. В болгарском вопросе поддерживал кн. Александра Баттенбергского, поскольку последний отменил тырновскую конституцию; по восстановлении Баттенбергским указанной конституции стал сторонником разрыва с Болгарией — passim.

Гирс, Николай Николаевич — сын министра, первый секретарь при русском посольстве в Париже — 77.

Гирс, Федор Карлович — член совета министра внутренних дел — 351.

Гитри — актер — 143, 204.

Гладстон, Вильям Эварт (1809—1898) — известный английский политический деятель — реформатор. Много занимался национальным и колониальным вопросами. Организовал общественное движение против Турции и туркофильской политики — 235.

Гобле, Рене (род. в 1828 г.) — франц. политич. деятель; сначала член умеренно-республиканской партии, затем — левой. В 1885 г. министр народн. просвещения, с 1886 г. — президент нового министерства и министр внутренних дел. В 1887 г. — вышел в отставку, в 1888—1889 г. — министр иностр. дел — 32, 131, 147.

Гогенлоэ, Клодвиг Карл-Виктор — кн. Шиллингсфюрст, принц Ратиборский и Корвейский (род. в 1819 г.). Был вице-президентом первого германского рейхстага в 1874 г., затем посланником в Париже. В качестве германского уполномоченного участвовал в Берлинском конгрессе 1878 г. С 1885 г. был назначен наместником Эльзас-Лотарингии; после отставки Каприви в 1894 г. занял пост германского имперского канцлера — 79.

Голицына-Борейш, Мария Александровна — обер гофмейстерина вел. кн. Елизаветы Федоровны — 141.

Голицын, Иван Михайлович — князь, гофмейстер при дворе имп. Марии Федоровны — 246.

Горн — редактор «Journal de St.-Pétersbourg» — 165, 189, 247, 286, 295.

Горчаков, Александр Михайлович — светл. князь, дипломат, русский госуд. канцлер (1798—1883). Последовательно был секрет. посольства в Лондоне (с 1824 г.), поверенным в делах во Флоренции (с 1829 г.), советником посольства в Вене (с 1832 г.), послом в Штутгарте (с 1841 г.), чрезвычайным послом при Франкфуртском бундестаге (с 1850 г.), послом в Вене (с 1854 г.), с 1856 по 1882 г. русск. госуд. канцлером и министром иностранн. дел — 42, 76, 81, 160, 278.

Горчаков, Михаил Александрович — князь, русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мадриде — 209.
Гоффекен — 104.
Гренни — бывш. итальянский посол в Петербурге — 4, 237.
Грессер, Петр Аполлонович — ген.-лейт., с.-петербургский градоначальник — 70, 204, 307.
Греч — 11, 102, 103, 114, 118, 128, 129, 134, 150, 305.
Груев — майор болгарской армии, участник переворота 8 авг. 1886 г. (свержение Александра Баттенбергского) — 5, 13, 15, 16, 18, 42, 44, 49.
Груич, Савва (род. в 1840 г.) — сербский государств. деятель. Был военным министром, затем, в 1878 г. был отправлен представителем Сербии в Болгарию, в 1882 г. в Афины, в 1885 г. в С.-Петербург. В 1887 г. снова военный министр, затем министр-президент до 1891 г., когда оставил министерство и был назначен послом в Константинополь — 199.
Гундобин — 350, 354, 356.
Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901) — ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал. Особенно выдвинулся в делах против турок. С 1883 по 1894 г. командующий войсками варшавского округа — 24.
Гюббенет, Адольф Яковлевич (1830—1899) — с 1889 по 1892 г. русский министр путей сообщения — 221, 228, 240, 336.
Гюсни-паша-Мушир — турецкий посол при имп. дворе в С.-Петербурге — 234, 237, 268, 332, 348.

Дабижа, Александр Васильевич — князь, второй секретарь русской имп. миссии в Мадриде — 30, 200, 303.
Дабижа, Аристид Михайлович — секретарь и драгоман русского имп. консульства в Рештe — 200, 303.
Данилович, Григорий Григорьевич — ген.-лейт., воспитатель великих князей Николая и Георгия Александровичей — 74, 305.
Данилов, Николай Павлович — врач при министерстве иностранных дел — 356.
Дантес, Жорж-Шарль, барон Геккерн (1812—1895) — франц. дипломат, убивший на дуэли Пушкина — 70.
Дегаев, Сергей Петрович — в 70-х годах состоял членом Центральной военной группы Народной Воли. В 80-х годах перешел на службу в охранное отделение и выдал ряд членов партии Народной Воли. В 1883 г., после убийства Судейкина, скрылся за границу. Умер в Америке в 1909 г. — 72.
Делиани (Деляниc), Николай (род. в 1844 г.) — греческий политический деятель. В 1886—1892 гг. посланник в Париже или Делиани (Деляниc), Федор (род. в 1826 г.) — греческий политический деятель, глава панэллинистической партии. В 1885—1886 гг. — министр президент. Вышел в отставку, вследствие столкновения с державами по вопросу о предъявленном его министерством требовании компенсаций за присоединение Восточной Румелии к Болгарии. В 1890 г. он сверг Трикуписа и вновь сформировал кабинет. Вторично вышел в отставку в 1892 г. — 342, 344.
Делькассэ, Теофиль (род. в 1852 г. — франц. политич. деятель — республиканец-гамбеттист. В 1889 г. был избран депутатом парижской палаты — 337, 338.
Деляновъ, Иван Давидович (1818—1897). В 1861 г. директор департамента мин. нар. просвещ., в 1865 г. присутствующий в сенате

на правах товарища министра, с 1882 по 1897 г. министр нар. просв., сторонник руссификации школ, расширения преподавания русского языка за счет древних — 195, 227, 248, 249, 354.

Дембо, Исаак (род. в 1865 г.) — революционный деятель. Перед арестом по делу скрылся в Швейцарию, где и поселился в Цюрихе под именем Бринштейна. Убит 22 февр. 1889 г. взорвавшимся снарядом при производстве опыта над снарядами для совершения террористического акта — 171.

Деревицкий, Александр Николаевич — второй секретарь канцелярии мин. иностр. дел, управляющий литографией—86, 103, 143, 218, 222, 236, 253, 254, 286, 350.

Дерулед, Поль (род. 1848 г.) — французский политик, поэт. Приобрел себе популярность своими солдатскими и военными песнями. Был председателем патриотической лиги в Париже, уничтоженной в 1889 г. французским правительством за участие в буланжистском движении. В августе 1887 г. был представителем этой лиги на похоронах Каткова, агитировал в пользу франко-прусского союза. В 1889 г. избран в Ангулеме в палату депутатов от партии ревизионистов — 150.

Дмитрий Константинович, вел. кн. (род. в 1860 г.) — сын вел. княгини Александры Иосифовны и вел. кн. Константина Николаевича — 177.

Докич — воспитатель сербского короля — 199.

Долгорукий — 208.

Долгорукий, Николай Сергеевич — князь, ген.-майор, русский чрезвыч. посланник и полномочный министр в Персии — 72, 86, 88, 152, 154, 155, 156, 157, 169, 171, 177, 178, 183, 187, 191, 193, 194, 202, 214.

Долгорукий — обер-церемониймейстер — 157.

Долгоруков, Владимир Андреевич — князь, московский генерал-губернатор, ген.-адъют., ген.-от-кавалерии — 55, 264, 345.

Дон Педро де Алькантара (1825—1891) — был провозглашен императором в 1831 г., по достижении совершеннолетия, в 1840 г., коронован. Во время революции в Рио-де-Жанейро в 1889 г. был низложен с престола и отправился в Португалию — 214, 215, 245.

Дондуков-Корсаков, князь, возможно, Владимир Михайлович — чиновник особых поручений при мин. путей сообщения или Дондуков-Корсаков Александр Михайлович — ген.-адъют., ген.-от-кавалерии, главноначальств. гражд. частью на Кавказе и команд. войск. Кавказского военного округа — 258.

Дризен — бывш. служащий мин. иностр. дел — 267, 268.

Дубенский, Александр Николаевич — полковник кавалергардского полка, адъютант велик. князя Михаила Николаевича — 256.

Дурново — 230.

Дурново, Петр Николаевич — министр внутренних дел, член государств. совета, шеф жандармов, сенатор, статс-секретарь — 21, 69, 70, 210, 244, 248, 249, 345, 350.

Дюфферин лорд (Дёфферин) Фредерик Темпль Блеквуд, маркиз (род. в 1826 г.) — английский государств. деятель, либерал. С 1879 по 1881 г. был посланником в С.-Петербурге. С 1884 по 1888 г. вице-король Индии. В 1888 г. назначен послом в Рим и получил титул маркиза Д. и графа Ава — 176.

Евгения Максимилиановна—принцесса Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, дочь герцога Максимилиана Лейхтенбергского и велкняг. Марии Николаевны, род. в 1845 г., жена принца Александра Петровича Ольденбургского — 83.

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица — 266, 307.

Екатерина Михайловна, вел. кн. (род. в 1827 г.) — жена герцога мекленбург-стрелицкого, Георга — 17, 20, 24, 110, 206, 223, 233, 265.

Елена—принцесса мекленбург-стрелицкая, дочь вел. княгини Екатерины Михайловны — 208, 223, 233.

Елена Шувалова — графиня, жена Петра Шувалова — 87, 93, 172.

Елизавета Алексеевна—жена имп. Александра I, ум. в 1826 г. — 31, 266.

Елизавета Маврикиевна саксен-альтенбургская (род. в 1865 г.) вел. княг., жена вел. кн. Константина Константиновича — 139.

Елизавета — принцесса баварская, жена австр. имп. Франца Иосифа I — 179.

Елизавета Федоровна — герцогиня гессен-дармштадтская, род. в 1864 г., великая княгиня, жена великого князя Сергея Александровича — 20, 29, 49, 83, 90, 110, 116, 126, 129, 139, 207, 228, 265, 304.

Ермак Тимофеевич — завоеватель Сибири — 143.

Жак — правительственный кандидат на выборах во Франции, противник Буланже — 104.

Жакопэ — 78.

Желябов, Андрей Иванович (1851—1881) — член Исп. Ком. партии «Народной Воли», арестован и казнен по делу 1 марта — 153.

Жомини, Александр Генрихович 1814—1888 — барон, писатель, дипломат. Старший советник министерства иностранн. дел— 11, 12, 29, 30, 33, 34, 38, 39, 40, 42, 45, 56, 59, 60, 69, 71, 75, 76, 77, 78, 95, 96, 161, 165.

Жомини — баронесса — 10, 11, 12.

Зак — 66.

Зиновьев, Иван Алексеевич (род. в 1835 г.)—дипломат, член совета мин. иностр. дел. В 1883—1891 гг. директор азиатского департамента. Работал по установлению русско-афганской границы — 4, 7, 10, 14, 16, 18, 30, 34, 38, 39, 40, 42, 49, 50, 51, 52, 54, 57, 59, 60, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 76, 77, 84, 86, 88, 90, 92, 95, 96, 97, 99, 100, 108, 110, 111, 115, 121, 123, 127, 130, 134, 135, 142, 144, 146, 147, 151, 155, 156, 157, 161, 170, 176, 182, 183, 188, 190, 191, 193, 194, 196, 197, 200, 202, 203, 204, 206, 209, 217, 218, 221, 222, 224, 226, 227, 228, 230, 231, 239, 240, 247, 272, 275, 335, 342, 344, 345, 347, 348, 350, 351, 353, 355, 356, 357, 361, 362, 364, 366.

Зорка. Карагеоргиевич — дочь князя Николая черногорского, жена князя Петра Александровича Карагеоргиевича — 272.

Игнатьева — 98.

Игнатьев. Николай Павлович (1830—1908)—граф, ген.-адъют., ген.-от-инф., член Госуд. Совета, бывш. министр внутр. дел, с 1881 по 1882 г. — 47, 70, 92, 97, 109, 117, 138, 139, 192, 210, 236.

Идслеслей, Страффорд Генри Нортскотт (1818—1887) — лорд, английский госуд. деятель, в 1886 г. министр иностр. дел — 4.

Иессен, Людвиг Петрович—старш. чиновник при канцелярии мин. иностр. дел — 80, 81, 82.

Извольский, Александр Петрович—в звании камер-юнкера, первый секретарь русской миссии в Вашингтоне, впоследствии министр иностр. дел — 106, 237.

Извольская — 19.
Измаил-паша — турецкий дипломат — 215.
Икскуль, Карл Петрович — барон, русский чрезвыч. и полномочн. посол в Риме — 30, 43, 165, 167, 196, 206, 227, 228, 261, 301, 344, 347, 360.
Имеретинский, Александр Константинович, светл. кн. (1837—1900) — ген.-адъют., ген.-от-инфант., член Госуд. Совета. В войну 1877 г. участвовал при взятии Ловчи и в штурме Плевны. С 1879 г. был начальн. штаба петерб. военн. округа — 76, 153, 208.
Иоанн (очевидно Кронштадтский) — 210.
Понин — чрезвыч. посланник и полномочн. министр в Бразилии (Рио-Жанейро) и Аргентине — 106, 272, 315, 358.
Порк фон-Вартенбург, Максим Львович — германск. военный агент, майор генер. штаба, граф — 306, 307.
Исаак-хан — 114.
Исаев, Петр Федорович — конференц-секретарь импер. Академии художеств — 245, 259, 260.
Исидор — митрополит новгородский, с.-петербургский и финляндский, первоприсутствующий в синоде — 10, 146.
Итманс — комический артист — 20.

Кальноки, Густав-Зигмунд (1832—1898) — граф, австрийский госуд. деятель. В 1880 г. — посол в С.-Петербурге. С 1881 г. министр австро-венгерской монархии. Способствовал сближению Австрии с Россией — 13, 32, 37, 102, 127, 148, 149, 164, 166, 189, 196, 229, 242, 261, 296, 301, 330.
Кантакузен — князь, племянник Н. К. Гирса — 190, 256, 261.
Кантакузен, Григорий Львович — был советником русского посольства в Лондоне, с 1885 г. переведен советником русского посольства в Вену — 8, 166, 167, 178, 180, 196, 199.
Кантакузен-Сперанский — 69.
Капнист, Дмитрий Александрович — граф, сост. в ведомстве мин. иностр. дел — 358, 359.
Капнист, Петр Алексеевич — граф, русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах — 345, 355.
Каприви, Георг-Лео (1831—1899) — граф, после отставки Бисмарка, в 1890 г. занял пост имперского канцлера и прусского министра-президента — 296, 300, 302, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 342, 343.
Карагеоргиевич, Арсений Александрович — сын отрекшегося сербского князя Александра Карагеоргиевича, офицер русской службы — 275, 276, 285.
Каратыгин, Петр Андреевич (1805—1879) — артист петерб. драматическ. труппы, водевилист, автор «Воспоминаний», охватывающих 40—50 лет русской театральной жизни — 34.
Карл I — король Румынии, род. в 1839 г. — 175, 205.
Карл XII (1682—1718) — король шведский — 163.
Карл XV, Людвиг-Евгений (1826—1872), — сын Оскара I, с 1859 г. король шведский — 162.
Карл-Людвиг — эрцгерц. австрийский (1833—1896), младший брат имп. Франца-Иосифа — 120, 165.
Карлова, графиня — см. Вонлярская.
Кассини, Артур Павлович — граф, русский поверенный в делах при сенатах вольных городов Гамбурга, Любека и Бремена, гене

ральный консул в Гамбурге, в звании камергера — 93, 120, 170, 302.

Катакази, Константин Гаврилович (1830—1890)—русский дипломат. В 1848 г. поступил на службу в азиатский департамент минист. иностр. дел. Через три года был послан в Бразилию младш. секретарем русской миссии, затем был перевед. в Вашингтон. С 1856 по 1859 г. исп. обяз. старш. секрет. русской миссии в Ганновере, затем в Лиссабоне. В 1863 г.—чиновник особых поручений при вице-канцлере князе Горчакове. В 1869 г.—посланник в Соединенных Штатах, откуда был отозван по требованию американского посла в Петербурге. В 1872 г. уволен от службы. В 1884 г. был вновь зачислен по мин. иностр. дел, но не принимая официального участия в делах, проживал в Париже — 43, 47, 53, 66, 71, 76, 77, 78, 83, 99, 100, 101, 104.

Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист-консерватор. С 1851 г. редактор «Московских Ведомостей», с 1856 г. издатель «Русского Вестника» — 8, 9, 10, 11, 14, 16, 18, 28, 34, 36, 41, 42, 45, 47, 49, 50, 51, 52, 54, 63, 64, 65, 71, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 114, 227, 263, 267, 302.

Каульбарс, Александр Васильевич (род. 1844 г.)—барон, ген.-лейт., помощн. командующего войсками одесск. военн. округа. Был делегатом в разграничительн. комиссии Сербии, Болгарии и Албании. В 1882 г. был военн. министр. в Болгарии. В 1885 г. вернулся в Россию, или Каульбарс, Николай Васильевич—барон, ген.-лейт., член военно-учебного комитета главн. штаба, род. в 1842 г. Был членом комиссии по проведению границы Черногории, с 1881 г. военным агентом в Австрии, в 1886 г. ездил с дипломатическими поручениями в Болгарию — 6, 9, 10, 13, 14, 18, 25, 42, 62, 208, 357.

Кауниц, Венцель-Антон, кн. Кауниц, граф Ритберг (1711—1794)—австрийский госуд. деятель. В течение 40 лет управлял внутренними и внешними делами Австрии, особенным влиянием пользовался при Марии-Терезии—266.

Келлер, Федор Эдуардович — граф, командир л.-гв. 4-го стрелкового батальона, полковник, флиг.-адъют — 299.

Кемаль-паша — турецкий дипломат — 215.

Киреев — сподвижник Ашинова — 132.

Клейнмихель, графиня — 227.

Клемансо, Жорж (род. в 1841 г. — французский политик. Был сторонником радикальной партии, в 1876 г. был избран в члены палаты депутатов, где примкнул к крайней левой — 7, 11, 47, 263.

Клементина — дочь короля французов Людовика-Филиппа, мать Фердинанда кобургского — 357.

Кобургский — см. Фердинанд I.

Козлянинова, Екатерина Николаевна — фрейлина вел. кн. Елизаветы Федоровны — 141.

Колумб, Христофор — 122, 143, 146.

Комаров, Александр Виссарионович (род. в 1830 г.) — ген.-от-инф., победитель афганцев в сражении при Кушке, в 1885 г.— 188.

Комаров, Виссарион Виссарионович (род. в 1838 г.) — публицист-консерватор. С 1877 по 1883 г. был арендатором и редактором «С.-Петербургских Ведомостей». Кроме того, издавал ежедневную небольшую газету «Свет», еженед. иллюстрирован. журнал «Звезда» (1886—1891) и ежемес. журнал «Славянские Известия» (1886—1891) — 117, 172, 191.

Комаровская, Анна Егоровна — графиня, и. д. гофмейстерины при вел. кн. Александре Иосифовне — кавалерственная дама—21.
Комаровский, Николай — граф — 268.
Конн, Анатолий Федорович (род. в 1844 г.)—известный судебный деятель и судебный оратор, писатель, был сенатором — 122, 136.
Константин—герцог Спартский, насл. принц Греции (род. в 1868 г.)—3, 253, 346.
Константин Константинович — вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича и велик. кн. Александры Иосифовны (род. в 1858 г.) — 223.
Константин Николаевич — вел. кн., дядя имп. Александра III, (род. в 1830 г.) — 164.
Константин Николаевич Ламздорф — ген.-майор лейб.-гвард. конно-гренадерского полка—40, 210.
Корнани, граф — 301.
Корф — 103, 140, 209, 221, 224, 240, 255.
Костанда, Апостол Спиридонович — ген.-адъют., ген.-от-артиллерии. Помощник главнокомандующего войск гвардии и петербургского военн. округа — 345, 346.
Кох, Роберт (род. в 1843 г.) — врач, знаменитый бактериолог — 345.
Коцебу, Эрнест Карлович — советник (в звании камергера) русского посольства в Париже — 104, 105, 106, 108, 123, 126, 147, 148, 166, 167, 195, 229, 231, 243, 340, 343.
Кочубей, Елена Павловна — кн., обер-гофмейстерина при имп. Марии Федоровне — статс-дама, кавалерственная дама — 21, 56, 59, 64, 66, 70, 74.
Кояндер, Александр Иванович — русский дипломатический агент и генер. консул в Египте — 134, 168, 188.
Крейтцер — 40.
Крисни, Франческо (1819—1901 — итальянский госуд. деятель. В 1859 г. организовал с Гарибальди экспедицию в Сицилию. Будучи избран в итальянский парламент, сделался вождем монархич. левой. В 1876 г. был избран президентом палаты, в 1877 г. был назначен министром внутр. дел. После временной отставки вновь был избран министром внутренних дел, а после смерти министра-президента Депретиса занял этот пост; одновременно оставался министр. внутр. дел и сделался министр. иностр. дел. Был сторонником сближения между Германией и Австрией, прервал переговоры с Францией по поводу торгового договора. Вышел в отставку в 1891 г., после чего занялся адвокатурой в Риме, продолжая оказывать влияние на политику — 143, 165, 196, 301, 342.
Крупенский, Анатолий Николаевич — в звании камер-юнкера, второй секретарь русского посольства в Лондоне — 254, 263.
Ксения Александровна — вел. княжна, дочь Александра III, род. в 1875 г. — 116.
Куманин, Алексей Михайлович — в звании камергера, русский чрезвыч. посланник и полномочн. министр в Пекине — 116.
Курода Киотака — граф, японский госуд. деятель, играл крупную роль вместе с Окубо в 1868 г. во время реставрации. В 1887 г. по возвращении на родину после путешествия в Европу был назначен премьер-министром — 159.
Кутузов, граф — 256.
Кутузов — генер., сост. при особе германского императора — 224, 330.
Кутузовы — 21, 96.

Лабуле, Антуан-Рене-Поль Лефевр (род. в 1833 г.)—сын французского политич. деятеля—публициста; с 1886 по 1891 г. был французским послом в Петербурге—7, 14, 31, 41, 43, 53, 63, 128, 131, 138, 139, 233.

Лабунская—артистка кордебалета Мариинского театра—241.

Лавалет, Шарль-Жан-Мари-Феликс (1806—1881)—маркиз, французский дипломат—152.

Ламздорф, Владимир Николаевич (1837—1907)—образование получил в Александровском лицее, старший советник министерства иностранных дел, гофмейстер имп. двора. Позднее, в бытность министром гр. Муравьева, назначен товарищем министра, а в 1900 г., после смерти Муравьева—министр иностранн. дел—10, 126.

Ласкар-Катаржиу—румынск. госуд. деятель. Был главой консервативной боярской партии; с 1886 г. член временн. правительства. Несколько раз занимал пост министра-президента—205.

Лев XIII (род. в 1810 г.)—(Джоакино Печчи) с 1878 г.—римский папа—56.

Левицкий, Дмитрий Григорьевич (1735—1822)—известный художник-портретист—78.

Лейден—доктор—233, 234.

Лейзингер—актриса, вышедшая замуж за кн. Александра Баттенбергского—149.

Лейхтенбергский, герц. Евгений—князь Романовский—193.

Лещинская, Мария (1703—1768)—дочь короля польского Станислава Лещинского, супруга Людовика XV—королева Франции—266.

Линдерс, фон—гофмаршал, бывш. воспитатель принца Константина Спартского—253.

Линден, граф—виртембергский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Петербурге—206, 207, 208, 233, 303.

Ли-Хун-Чанг (1823—1901)—китайский госуд. деятель. С 1872 г. был канцлером империи—181, 182.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович (1824—1896)—князь, русский дипломат. В начале 50-х годов был секретарем русской миссии в Берлине. В 1856 г. был тайным послом в Париже, в 1859 г. посланником в Константинополе, в 1866 г. орловским губернатором, в 1867 г. тов. министра внутрен. дел, в 1878 г. чрезвыч. и полномочн. послом в Турции, в 1879 г.—в Англии, с 1882 по 1895 г.—в Австрии; в 1895 г. послом в Берлине и в том же году по смерти Гирса министром иностр. дел.—3, 6, 7, 9, 18, 27, 29, 31, 32, 37, 42, 57, 72, 90, 91, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 119, 123, 127, 148, 149, 164, 166, 170, 178, 179, 206, 209, 212, 219, 229, 231, 242, 243, 261, 274, 276, 284, 285, 296, 301, 328, 330, 342, 355.

Лодэ, фон, Эдуард Егорович—член ученого комитета при мин. госуд. имуществ—150.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович—граф, ген.-адъют. С 6 авг. 1880 г. по 7 мая 1881 г. министр внутренних дел—111.

Людовик XV (1710—1774)—французский король—266.

Людовик-Наполеон—второй сын принца Наполеона Жерома. В 1889 г. вступил на службу в русский нижегородский драгунский полк—221, 224.

Люксембургский, вел. герцог—граф Нассауский, наследовавший в 1890 г. по боковой линии Вильгельму III оранско-нассаускому, королю нидерландскому, велик. герцогу люксембургскому—355, 360.

Лядов—дирижер-композитор—139.

Маврокордато — 209.
Маглиани — бывш. итальянск. министр финансов — 261.
Максимов, Виктор Александрович — русский консул в Иерусалиме — 123.
Мальцев — 83.
Манассеин, Николай Аксентьевич — министр юстиции, сенатор — 65, 68, 121, 122, 249.
Мансуров, Борис Павлович (род. 1828 г.) — статс-секретарь, сенатор. В 60-х годах был управл. делами палест. комитета. Предпринял две поездки в Палестину, работал по археологии — 197, 200, 202.
Маргарита — принц. прусская, род. в 1872 г. — Маргарита-Беатриса-Феодора, сестра Вильгельма II — 87, 225, 226, 231.
Мария Александровна (1824—1880) — дочь вел. герцога гессенского Людвига II, жена имп. Александра II — 131, 207, 313.
Мария-Валерия (род. в 1868 г.) — дочь австрийского имп. Франца-Иосифа — 179.
Мария Павловна (род. в 1854 г.) — вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александровича — 19, 20, 29, 93, 116, 139, 141, 145, 162, 203, 207.
Мария-Терезия (1717—1780) — римско-германская императрица, королева Венгрии и Богемии, эрцгерцогиня австрийская, дочь имп. Карла VI, мать Иосифа II и Марии-Антуанеты — 266.
Мария Федоровна (род. в 1847 г.) — дочь датского короля Христиана IX, жена Александра III — 211.
Мария Федоровна — жена имп. Павла I — 77, 305.
Марокетти — барон, итальянский посол при русск. дворе в Петербурге — 258.
Мартенс, Федор Федорович (род. в 1845 г.) — профессор-юрист. С 1869 по 1901 г. занимал кафедру международного права при петерб. университете. С 1881 по 1909 г. непременный член совета министерства иностр. дел — 50, 65, 66, 67, 71, 112, 163.
Мартынов, Валериан Дмитриевич — в должности шталмейстера, ген.-майор, управляющ. придворной конюшенной частью, или Мартынов, Александр Любимович — вдолжности шталмейстера двора вел. кн. Сергея Александровича — 20, 21.
Маршаль, фон, Биберштейн — барон, баденский пред. в Берлине, позднее назначен на пост госуд. секр. по иностр. делам — 296, 302, 308.
Масседо — бразильский посланник в Петербурге — 215.
Машков — лейтенант — 256.
Мезенцев, Петр Иванович — ген.-лейт., член военно-учебн. комитета — 340.
Мекленбург-Стрелицкий, Георгий — герцог, сын вел. княг. Екатерины Михайловны и вел. герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого — 265.
Менелик (род. в 1844 г.) — провозгласил себя негусом Абиссинии в 1889 г. В 1890 г. заключил в Учалли договор с итальянцами, по которому обязался вести все переговоры с европейскими державами только через посредство итальянцев, но с 1896 г. занял независимое положение, после неудачной попытки итальянцев занять Тигрэ. С этого года Россия, Англия и Франция стали посылать к нему посольства — 228, 229, 233, 243, 256, 275, 301, 307.
Меньшиков — князь — 49.
Мещерский, Владимир Петрович (род. в 1845 г.) — князь, сотрудник Каткова, редактор-издатель консервативной газеты «Гражданин» — 36, 44, 64, 168.
Милан I Обренович (1854—1901) — король Сербии, австрофил,

в 1889 г. отрекся от престола в пользу своего сына Александра — 15, 30, 150, 151, 152, 161, 167, 189, 214.

Милютин, Дмитрий Алексеевич (1861—1881) — граф, военный министр, ген.-адъют., ген.-от-инф., чл. Госуд. Совета — 154, 244.

Мингрельский, Николай Давидович Дадиани (1846—1903) — сын последнего владетельного князя Мингрельского — 4, 5, 7, 13, 33, 39, 42, 44, 45, 64, 80, 98.

Мис (Meath), лорд — английский делегат — 366.

Михаил Александрович (1878—1918) — третий сын Александра III — 96, 142, 249.

Михаил Иованович (род. в 1826 г.) — сербский митрополит. Сан митрополита принял в 1859 г. В 1888 г., вследствие отказа расторгнуть брак короля Милана с королевой Наталией, был лишен сана и до отречения Милана жил в России. В 1889 г. вновь был назначен митрополитом сербским — 118, 152.

Михаил Михаилович (род. в 1861 г.) — вел. кн., сын вел. князя Михаила Николаевича и вел. княг. Ольги Федоровны — 21, 97, 98, 109.

Михаил Николаевич (род. в 1832 г.) — вел. кн., четвертый сын Николая I, фельдмаршал. С 1881 г. председатель Государств. Совета — 5, 17, 21, 65, 68, 70, 71, 102, 106, 121, 122, 136, 177, 241, 246, 290, 291.

Молчанов — 76.

Мольтке, Гельмут Карл-Бернгард (1800—1891) — граф, ген.-фельдм., один из главных сподвижников Вильгельма I по созданию объединенной Германской империи, крайний консерватор-милитарист. В противоположность Бисмарку считал необходимой войну с Россией — 174.

Моренгейм, Артемий (или Артур) Павлович — барон, русский чрезвычайн. и полномочн. посол во Франции — 13, 31, 39, 40, 43, 45, 46, 49, 50, 53, 54, 56, 59, 63, 70, 71, 75, 78, 79, 83, 84, 86, 102, 103, 160, 163, 178, 207, 243, 261, 262, 263, 264, 272, 301, 303, 321, 323, 336, 338, 340, 343.

Морнер, Роберт, сэр — великобританский посол при русском дворе в Петербурге — 4, 63, 91, 104, 112, 113, 115, 125, 129, 188, 210, 233, 306, 337, 339.

Моттер — 161.

Мулэн, Людвиг Эдмундович — артиллер. капитан, французский военный агент в Петербурге — 63.

Муравьев, Михаил Николаевич — граф, советник русского посольства в Берлине — 53, 54, 56, 88, 131, 172, 173, 174, 175, 181, 195, 268, 269, 271, 272, 299, 307, 308, 331, 332, 334, 335.

Мусс — 254.

Мюних — 216.

Мюнстер — 7, 11, 63, 71.

Набоков, Дмитрий Николаевич (род. в 1827 г.) — с 1878 по 1885 г. министр юстиции — 47, 65, 250.

Наполеон I Бонапарт (1768—1821) — 160, 245, 337.

Наполеон III (1808—1873) — (Людовик-Наполеон) третий сын Людовика Бонапарта. Император — 337.

Направник, Эдуард Францевич (род. в 1839 г.), дирижер-композитор. С 1863 г. капельмейстер и органист в русской опере — 360.

Нарышкина, урожд. Чичерина, возможно, Елизавета Алексеевна — гофмейстерина при дворе вел. кн. Михаила Николаевича — 141, 145, 146, 153, 163.

Нассауский, Николай (1832—1905) — принц, брат велик. герц. Люксембургского — 360, 362.

Насср-Эддин (1831—1896) — шах персидский — 185, 347.
Наталья — жена короля Милана, род. в 1859 г., урожд. Кешко, дочь русск. помещ. — 152, 164, 196, 214.
Неаполитанский, принц, Виктор-Эммануил, Фердинанд-Марна-Январий (род. в 1869 г.) — сын короля Гумберта I, впоследствии король Италии Виктор-Эммануил III — 258, 261, 301.
Нелидов, Александр Иванович — русский чрезвыч. и полномочный посол в Константинополе — 11, 32, 33, 34, 40, 42, 43, 44, 45, 52, 54, 62, 69, 72, 93, 96, 108, 193, 196, 199, 200, 202, 220, 226, 232, 235, 236, 237, 243, 252, 254, 256, 275, 276, 348, 349, 352, 362.
Нелидова-Анненкова — 57.
Нессельроде, Дмитрий Карлович — граф, обергофмейстер, сост. в ведомстве министерства иностр. дел — 45, 76, 217.
Нечаев — 29, 83.
Нечаевы-Мальцовы — 193, 246.
Николаев — 32, 73.
Николаи, Александр Павлович (1821—1899) — барон, писатель, государственный деятель; был попечителем кавказского учебного округа. С 1875 г. член Госуд. Совета. В 1881—1882 г. — министр народного просвещения — 119.
Николай (1843—1865) — цесаревич, сын Александра II — 236.
Николай I (1796—1855) — третий сын имп. Павла I, император — 8, 35, 94, 99, 236, 305, 341.
Николай Александрович (Никс) (1868—1919) — наследник-цесаревич, старший сын имп. Александра III, впоследствии имп. Николай II — 87, 88.
Николай Насауский, принц — 360, 362.
Николай Николаевич, вел. кн. (1831—1891) — третий сын имп. Николая I, фельдмаршал — 55, 77.
Николай I Петрович Негош — князь Черногорский — 15, 338, 357.
Никонов, Михаил Николаевич — директор департамента личного состава и хозяйственных дел министерства иностранных дел — 38, 40, 86, 99, 131, 135, 191, 211, 239, 254, 272, 335, 344, 347, 350, 352, 353, 354, 355, 356.

Оболенская, кн. — урожд. Апраксина — 21, 166.
Оболенский, Александр — князь, двоюр. брат В. С. Оболенского — 109, 110, 140, 155.
Оболенский, Валериан Сергеевич — князь, член совета министерства иностранных дел, вице-директор, затем с 1886 г. директор канцелярии министерства иностранных дел — 7, 10, 11, 16, 19, 20, 22, 25, 36, 38, 42, 46, 49, 55, 61, 63, 65, 69, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 82, 83, 86, 88, 89, 92, 95, 101, 102, 103, 106, 108, 109, 110, 112, 116, 124, 125, 129, 131, 136, 139, 146, 147, 151, 155, 158, 161, 162, 164, 174, 175, 183, 197, 206, 227, 240, 241, 245, 246, 254, 256, 257, 258, 274, 286, 290, 302, 305, 315, 324, 331, 342, 344, 345, 346, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 358, 362.
Оболенский, Владимир Сергеевич — полковник, флигель-адъютант, в должности гофмаршала при дворе Александра III — 19, 55, 74, 75, 116, 146, 241, 246.
Оболенский, Платон Сергеевич — князь, ротмистр кавалергардского полка, адъют. вел. кн. Владимира Александровича — 93, 116.
Обручев, Николай Николаевич — ген.-лейт., начальник главн. штаба, председ. военн. уч. комитета и комитета мобилизации и передв. войск — 8, 28, 57, 217, 222, 223.
Окума Шигенобу, граф (род. в 1837 г.) — японский государственн. деятель. В 1873—1882 гг. был министром финансов. В 1882 г. вы-

шел из кабинета и основал партию реформы, стремившуюся к сближению с чужеземцами и пользовавшуюся большим влиянием. В 1888 г. принял портфель министра иностр. дел. Предполагавшимся им привлечением иностранных судей в туземные судебные палаты сроком на 12 лет навлек на себя неудовольствие страны. В 1889 г. на него было совершено покушение, при котором он лишился ноги и которое послужило поводом для оставления министр. поста—181, 182.

Ола — см. Оболенский Валериан.

Олсуфьев, Александр Васильевич — граф, флиг.-адъют., начальник канцелярии имп. главн. квартиры.

Ольга Федоровна (1839—1891) вел. княг., жена вел. кн. Михаила Николаевича, дочь вел. герцога баденского Леопольда—77, 291.

Ольденбургский, Александр Петрович (род. в 1844 г.)—с 1885 по 1889 г. — командир гвардейского корпуса — 27, 33, 74, 177.

Ольденбургский, Петр — 345.

Ольденбургский, принц, Петр Александрович (род. в 1868 г.)—сын принца Алекс. Петр. Ольденбургского и Евгении Максимилиановны — 97, 98, 109.

Ольри (Olry)—адмирал — 129, 174, 193.

Омальский, герцог Анри-Филипп-Луи д'Орлеан, дюк д'Омаль (1822—1897)—четвертый сын короля Людовика-Филиппа. Был депутатом франц. национ. собрания. В 1886 г., в силу закона о претендентах, уехал в Брюссель. В 1889 г. возвратился во Францию — 198.

Ону, Михаил Константинович — советник русского посольства в Константинополе — 27, 29, 30, 86, 90, 92, 95, 96, 97, 105, 108, 122, 157, 167, 174, 220, 235, 256.

Оом, Федор Адольфович — секретарь собственной канцелярии имп. Марии Федоровны — 21.

Оржевский, Петр Васильевич — начальн. отдельн. корпуса жандармов — 21, 83, 142, 208.

Оскар II, Фридрих (род. в 1829 г.)— король Швеции и Норвегии — 88, 159. 162.

Остен-Сакен, Николай Дмитриевич, граф — русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мюнхене — 342.

Остен-Сакен, Федор Романович, барон—директор департамента внутренних сношений министерства иностранных дел — 6, 71, 203. 344. 352.

Островский, Михаил Николаевич (1827—1900 или 1901) — госуд. деятель, брат драматурга, с 1878 г. член Госуд. Совета, в 1881—1893 г. министр госуд. имуществ— 14, 36, 38, 92, 100, 122, 227, 230, 336, 350.

Павел — слуга Ламздорфа — 85.

Павел — вел. кн., сын Александра II, младший брат Александра III — 70, 116, 185, 195.

Павел I Петрович (1754—1801) — 77. 184, 213.

Паисий, архимандр. (род. в 1834 г.)— с 1865 г. схимонах в братстве Пантелеймоновского Афонского монастыря (русского). В 1868 г. управлял Афонским подворьем в Константинополе, в 1887 г. переехал в Петербург и был принят в братство Александро-Невской лавры, где вскоре же получил сан архимандрита. В конце 1888 г. отправился с экспедицией Аянова в Абиссинию, напечатав в Одессе воззвание о пожертвованиях на постройку православного храма с обителью и школою на берегу Таджурского залива в станице «Москва»,— в марте 1889 г. возвратился на

экспедиции, в апреле того же года был назначен в распоряжение экзарха Грузии в Тифлисе, в 1893—1900 г. был настоятелем Сафарского Саввинского монастыря в Грузии. В 1900 г. уволен в число братии Флорищевой пустыни Владимирской епархии — 105, 108, 134, 135, 137, 142, 144, 145, 146, 157, 168, 174, 175, 193.

Пален, Константин Иванович (род. в 1833 г.) — граф, член Госуд. Совета, статс-секретарь. В 1867 г. был назначен тов. министра юстиции и через несколько месяцев министр. юстиции; занимал этот пост до 1878 г.; с 1878 г. член Государств. Совета; в 1883 г. был председателем комиссии по пересмотру действующих в империи законов о евреях, с 1884 г. — членом особой комиссии для составления проектов местного управления — 65, 248, 249, 250.

Панитдо — 52.

Паскевич, Иван Степанович — чиновн. особ. поруч. м-ва иностр. дел при варшавском ген.-губернаторе для иностран. переписки, в звании камергера — 359.

Педжет (Paget) — 64.

Персиани, Александр Иванович — русский министр-резидент в Белграде — 15, 16, 151.

Петерсон, Иван — состоял секретарем в Яссах, с 1887 г. назначен вторым секретарем в Брюсселе — 11.

Петр I — 266.

Петров, Николай Степанович — заведывающий кабинетом Александра III, главный контролер, статс-секрет. Александра III — 259, 260, 339.

Пиз — английский делегат — 366.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907) — член Госуд. Совета, с 1880 г. обер-прокурор святейшего синода — 26, 36, 66, 122, 123, 137, 142, 144, 146, 157, 168, 199, 202, 203, 227, 248, 249, 348, 349.

Поггенпост — журналист — 84.

Поджио — русский поверенный в делах в Тегеране — 107.

Половцев, Александр Александрович (род. в 1834 г.) — русский госуд. деятель. С 1873 г. сенатор, с 1883 г. статс-секретарь, с 1892 г. член Госуд. Совета, почетный член имп. акад. художеств и наук, член-учредитель имп. русского историч. общества, с 1878 г. секретарь этого общества — 17, 290.

Поляков, Самуил Соломонович (1837—1888) — известный железнодорожный деятель — 110.

Понятовский, Станислав Август (1723—1798) — последний польский король, двоюродный брат кн. Адама Чарторийского. В ранней молодости состоял в звании литовского стольника и занимал должность секретаря английского посольства в Петербурге, где близко сошелся с вел. кн. Екатериной Алексеевной. Приобрел особое влияние по восшествии на трон Екатерины. С помощью петербургского двора и партии Чарторийского в 1784 г. взошел на польск. престол. Немедленно после коронования отношения Понятовского с Россией и в частности с партией Чарторийского обострились и перешли в открытую борьбу, которую с русской стороны энергично поддерживал русский посланник в Варшаве кн. Репнин. После неудачного восстания Костюшки и взятия Варшавы, Понятовский по требованию России переехал в Гродно, где 15 ноября 1795 г. вынужден был подписать отречение от престола — 266, 267, 290, 300, 307, 346.

Попов — 32, 345.

Попогоглу — 73.

Посьет, Константин Николаевич (1819—1899)—ген.-адъют., адмирал. С 1874—1888 г. министр путей сообщения, с 1888 г. член Госуд. Совета — 22, 122, 136, 248.
Приселков — 3-й секретарь канцелярии минист. иностранн. дел — 86.
Пташинский, капитан.—124, 128.
Пурталес — граф, герм. повер. в делах — 334.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799 — 1837) — известный поэт — 70, 138.

Радовиц — герм. посол в Константинополе — 235, 260.
Рангабэ — греческий посланник в Петербурге — 340.
Рейс, принц Генрих — посол германского императора при австро-венгерском дворе — 242.
Рейтерн — полковник — 19.
Рейтерн, Михаил Христофорович (1820—1890)—граф, с 1862 по 1878 г. министр финансов, с 1881 по 1886 г. председатель комитета министров — 26, 27.
Рихтер, Оттон Борисович — командующий императ. главною квартирою, член Госуд. Сов., ген.-адъют., ген.-от-инф. — 59, 91, 106, 122, 123, 135, 141, 221, 276, 304, 344.
Робилан — 4, 30, 31, 39, 73.
Рожнов — полковник — 106.
Розенбах, Николай Оттонович — ген.-губ. и командующий войсками туркестанского военного округа, ген.-адъют. — 57, 140, 144.
Роон, Христофор Христофорович — временный одесский ген.-губернатор, ген.-от-инф.—144.
Рости — австро-венгерск. дипломатическ. агент, советник посольства, камергер — 189.
Ротшильды — крупнейший банкирский дом, основанный Майером Ансельмом Ротшильдом (1743—1812). Развитие его дела продолжали пять его сыновей, из которых четверо получили от австрийского императора титул барона и которыми были основаны банкирские дома в Вене, Манчестере, Лондоне, Неаполе и Париже. Джемс Ротшильд, ставший во главе парижского дома, получил за финансовые услуги от правительства Луи-Филиппа звание офицера почетного легиона. Ведение его дела принял на себя его сын Альфонс (род. в 1827 г.) — 137, 238, 244, 338, 345, 346.
Рошеро, Энфер — 165.
Рошешуар, граф — 234, 238.
Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор, пианист — 96, 97, 223.
Рибо — 340.
Рибо, Александр-Феликс-Жозеф (род. в 1842 г.) — франц. политич. деятель, с 1890 г. министр иностр. дел в кабинете Фрейсине. Сторонник сближения с Россией — 301.
Рудольф, Франц-Карл-Иосиф (1858—1889) — эрцгерцог и наследный принц австрийский, единственный сын имп. Франца-Иосифа I и имп. Елизаветы. В 1881 г. женился на дочери бельгийского короля герцогине Стефании. Его увлечение артисткой Марией Вечерой закончилось трагической смертью обоих в 1889 г.—101, 102, 103, 105, 106, 109, 120, 165, 178, 180, 198, 199.

Сабуров — 47, 56, 111, 192.
Сазонов, Сергей Дмитриевич — будущий министр иностр. дел, в 1887 г. третий секретарь канцелярии мин. иностр. дел—344.
Сакен, барон — см. Остен-Сакен.
Саксен-Веймарский, Эрнест (1859—1909) — принц по младшей линии саксен-веймарского дома, жил в Вюртемберге — 98, 109, 206, 233, 303.

Сан-Мигюэль — жена португальского посланника — 264.
Сафьязов — 9.
Сегени — советник министерства иностранных дел в Австро-Венгрии — 178, 179, 180, 199.
Семенов — 74.
Сен-Вальe — французский посол в Берлине — 160, 186.
Сергей (1864—1905) — вел. кн., третий брат Александра III — 49, 86, 90, 116, 123, 126, 127, 129, 130, 135, 141, 142, 196, 199, 220, 226, 342, 345, 349, 350, 361.
Сильверстов, генерал — 340, 343, 363.
Сольсбери (Салисбюри), Роберт-Артур-Тальбот-Гаскон-Сесиль (1830—1903) — маркиз, был консервативным членом нижней палаты, в 1874 г. статс-секретарем Индии, в 1876 г. английск. послом в Константинополе, в 1878—1880 гг. министр. иностр. дел; после падения Гладстона с 1886 по 1892 г. занимал пост премьера и снова министра иностр. дел — 32, 64, 151, 168, 172, 175, 188, 214, 254, 255, 259, 260, 339.
Сольский, Дмитрий Мартынович — министр государствен. контроля — 26, 112, 250.
Сомов, Александр — сверхшт. чиновник азиатского департамента; в 1887 г. был назначен вторым секретарем русской миссии в Белграде — 4, 7.
Спартский, герцог — см. Константин, герц. Спартский.
Спюллер, Эжен (1835—1896) — франц. политич. деятель, адвокат. Был близок с Гамбеттой, в период его диктаторства состоял его личным секретарем. В 1876 г. был избран в палату депутатов. В министерстве Гамбетты в 1881—1882 г. был помощником статс-секретаря по иностранным делам; в 1887 г. был министром просвещения и культов в кабинете Рувье; в 1889—1890 г. — министр иностран. дел во втором кабинете Тирара — 229, 262, 263.
Стааль, Амалия Карловна — фрейл. имп. Марии Федоровны — 21.
Стааль, Егор Егорович — русский чрезвыч. и полномочн. посол в Лондоне — 19, 91, 92, 102, 103, 104, 196, 201, 206, 207, 258, 259, 261, 301, 345, 346, 355, 366.
Сталевский, Александр Станиславович — секретарь русского генерального консульства в Будапеште — 30, 200.
Стамбулов, Стефан (1885—1895) — болгарский госуд. деятель, приверженец кн. Александра Баттенбергского. После переворота 8 авг. 1886 г. образовал с Муткуровым и Каравеловым новое правительство, которое после отречения Баттенбергского приняло на себя регентство. По избрании в 1887 г. кн. Фердинанда Саксен-Кобургского, Стамбулов занял пост министра - президента — 89, 92, 227, 252, 275, 276, 358, 363.
Стенбок, Герман Германович — граф, управляющий двором вел. кн. Сергея Александровича, адъют. вел. кн., полк. л.-гв. Преображенского полка — 19, 90, 95, 103, 125, 126, 129, 350.
Степанов, Михаил Петрович — полковник ген. штаба, состоящий при дворе вел. кн. Сергея Александровича — 90, 123, 199, 200, 202, 350.
Столыпин, Николай — чиновн. мин. иностр. дел, причисленный ко 2-й экспедиции при канцелярии министерства — 240.
Строганова, Анна Дмитриевна — графиня, статс-дама, гофмейстерина при дворе Марии Федоровны — 93.
Строгановы — 241.

Стюрлер, Александр Николаевич — ген.-адъют., ген.-от-кав., л.-гв. уланского полка — 20, 258.

Суворин, Алексей Сергеевич (род. в 1834 г.) — журналист. Сотрудничал в «Русской Речи», «Современнике», «Отечеств. Записках»; с 1863 г. секретарь редакции и постоянный сотрудник «СПБ. Ведомостей». В своих фельетонах боролся с реакционными журналистами Катковым, Скарятиным, кн. В. П. Мещерским. С 1876 г. издатель газеты «Новое Время», с 1881 г. ежем. журн. «Историч. Вестник» — 191.

Суворов, Александр Васильевич (1729—1800) — граф С.-Рымникский, князь Италийский, фельдмаршал — 177.

Сумароков - Эльстон - Юсупов — 19.

Таафе, Эдуард (1883—1895) — граф, австрийский госуд. деятель. В 1868 г. был министром-президентом, в 1871 г. наместником Тироля, с 1879 г. министром внутренних дел. Проводя политику «примирения национальностей», опирался на ультрамонтанов, поляков и чехов, чем восстановил против себя немецкую либеральную партию—242.

Татищев, Сергей Спиридонович (род. в 1846 г.) — публицист. В 1864 г. начал службу по азиатскому департаменту мин. иностранных дел. Позднее был секретарем рагузского консульства, миссии в Греции, посольства в Вене. С 1881 по 1883 г. чиновником особых поручений при министрах внутр. дел Игнатьеве и Толстом. В 80-х и 90-х годах печатал много статей о русск. и иностр. политике в «Nouvelle Revue», «Новом Времени» и «Русск. Вестнике», где вел политическое обозрение — 60, 76, 78, 80, 92, 95, 267.

Таубе, Константин Фердинандович — барон, управляющ. экспедициями при канц. министерства иностр. дел — 209.

Тернер, Федор Густавович — товарищ министра финансов — 30.

Тзенг — маркиз, член китайской коллегии иностранных дел — 181.

Тизенгаузен, Екатерина Федоровна — камер-фрейлина имп. Марии Федоровны, кавалерственная дама — 36.

Токарев — член Славянского комитета — 150.

Толстая, графиня, Софья Дмитриевна — статс-дама при имп. Марии Федоровне, кавалерственная дама — 21. 83.

Толстой — член Слав. ком. — 150.

Толстой, Алексей Константинович (1817 — 1875) — граф, поэт, драматург — 70, 138.

Толстой, Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф. С 1865 г. обер-прокурор синода, с 1866 по 1880 г. министр народного просвещения — сторонник классич. системы. С 1882 г. министр. внутренн. дел — 99, 111, 112, 119, 121, 122, 190, 191, 192, 195, 227.

Толстой - Голенищев - Кутузов, Павел — граф — 230.

Толстые - Щербатовы — 46.

Толь, Карл Карлович — русск. чрезвыч. посланник и полномочн. министр в Копенгагене — 117, 118.

Третьяков — 221, 224, 240.

Трикупис - Спиридон - Харилай (1832 — 1896) — греч. госуд. деятель. В годы с 1882 — 1885, 1886—1890 и 1892—1895 был министром-президентом — 342.

Трубецкая — княгиня, урожденн. Долгорукая — 230.

Трубецкая, Елизавета — кн. — 237, 244, 304.

Трубецкой — князь — 19, 20.

Уильямн — великобританск. посол в Петербурге, в конце XVIII в., друг Понятовского — 266.

Урусов, Лев Павлович — кн., русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Брюсселе — 198, 199, 275.

Уэльская, принцесса, **Мод** — дочь принца уэльского Альберта-Эдуарда и принцессы Александры, дочери датского короля Христиана IX — 225.

Уэльский, принц, **Альберт-Эдуард** (род. в 1841 г.)—будущий Эдуард VII, сын королевы Виктории и Альберта-Авг.-Карла-Эммануила принца саксен-кобург-готского в последствии английский король (Эдуард VII) — 103, 260, 301.

Федоров — курьер — 331.

Феоктистов, Евгений Михайлович — начальник главного управления по делам печати — 50, 129, 190, 191.

Фердинанд I (род. в 1861 г.) — кн. болгарский, принц саксен-кобургский. В 1887 г. был избран на княжеский болгарский престол. До 1895 г. не был признаваем державами — 9, 89, 92, 96, 97, 98, 109, 127, 209, 226, 227, 235, 252, 275, 276, 301, 341, 357.

Ферри, Жюль (1832—1893)—французский политик, адвокат, сотрудник газеты «Temps». С 1876 г. примкнул в палате к вождям республик. левой. В 1879 г. был министром нар. просвещения, после отставки Фрейсинэ стал во главе министерства, уступил этот пост в 1881 г. Гамбетте, затем снова дважды был министром народн. просвещения, после чего занял пост министра иностр. дел. Был ярым противником Буланже. В 1889 г. не был избран в депутаты благодаря происками буланжистов; в 1891 г. был избран в сенаторы и принимал деятельное участие в политической жизни страны — 71.

Фигнер, Николай Николаевич (род. в 1856 г.) — артист русской оперы — 360.

Филиппов, Тертий Иванович — государственный контролер — 222. 230.

Философов — возможно, Владимир Дмитриевич — член Госуд. Совета по департаменту гражданск. и духовных дел — 19, 22.

Философов, Николай Николаевич — секретарь при королеве эллинов Ольге Константиновне, причислен к мин. имп. двора — 55.

Флокэ, Шарль-Тома (1828—1897) — франц. политич. деятель. В 1885 г. сделался предс. палаты, с 1888 г. стал во главе министерства, боровшегося против буланжизма. Вышел в отставку в 1889 г., но снова был избран депутатом и стал президентом палаты—47, 101.

Флуренс — 63, 76, 160.

Флуренс-Эмиль (1841—1893) — франц. политич. деятель. С 1886 по 1888 г. министр иностр. дел — 31, 43, 45, 52, 70, 79, 84.

Фойгт, Николай Карлович — младший советник министерства иностр. дел — 86.

Франц-Иосиф (1830—1916) — император австрийский — 64, 101, 120, 178, 180, 184, 198, 199.

Франц-Фердинанд, Эсте (род. в 1863 г.) — старший сын эрцгерцога Карла-Людвига, брата имп. Франца Иосифа — 342.

Фредерика, имп. **Виктория** — английская принцесса, жена императора-короля Фридриха III—174, 211, 224.

Фредерикс, Владимир Александрович — барон, русский чрезвычайн. посланник и полномочный министр при виртембергском дворе и при вел. герцогстве баденском — 303.

Фрейсинэ — 340.

Фрейсинэ, Шарль-Луи де Соль (род. в 1828 г.) — франц. госуд. деятель. С 1879 по 1881 г. был министром иностр. дел и министром-президентом. Возглавлял некоторое время министерство после падения Гамбетты в 1882 г. Затем в 1886 г. вновь стал во главе кабинета, но был свергнут радикалами и монархистами. В 1890 г. министр-президент и военный министр — 7, 10, 262.

Фридрих III (1831—1888) — король прусский, имп. германский, сын импер.-короля Вильгельма I. Был женат на английской принцессе Виктории. Вступил на престол 9 марта 1888 г., царствовал только 99 дней — 87, 161, 162, 174, 279, 281.

Фридрих Великий (1712 — 1786) — король прусский — 266.

Хис (Heath), Карл Осипович — английский художник и педагог, гувернер вел. кн. Николая Александровича — 19, 22, 250, 305.

Хитрово, Михаил Александрович — в звап. камергера, русский чрезвыч. посланник и полномоч. министр в Бухаресте — 32, 54, 92, 93, 241.

Хитрово — чл. палестинск. о-ва — 221.

Хомяков — 221, 224, 240.

Христиан IX — король Дании, сын герц. Фридриха-Вильгельма шлезвиг-голштейн-зондербург-глюксбургского, род. в 1818 г. Царствовал с 1863 г. Отец принц. Дагмары, русской имп. Марии Федоровны — 162.

Цанков, Драган (род. в 1828 г.) — болгарский госуд. деятель, выдвинулся в свое время энергичной борьбой против греческого духовенства. При содействии русского посла Н. Б. Игнатьева, он добился эмансипации болгарской церкви, получившей самостоятельную организацию, в виде болг. экзархии. После освобождения Болгарии Цанков несколько раз был премьер-министром — 33, 43, 45, 54, 92, 97, 99, 109, 110, 116, 117, 118, 127, 128, 148, 169, 196, 227, 232.

Цион, Илья Фаддеевич — физиолог, д-р медицины, в 1870 г. был профессором в медико-хирургической академии. Будучи уволен в 1875 г., оставил научную деятельность, переехал в Париж, где с 1880 г. был агентом русского министерства финансов. В 1891 г. напечатал и разослал свою статью с резкими нападками на Вышеградского, позднее выступил также и против министерства Витте, был вызван в Петербург, но не явился, вследствие чего был приговорен к изгнанию — 78, 80, 82, 303, 305.

Чайковский, Петр Ильич (1840—1893) — композитор — 223.

Чарыков, Николай Валерианович — политический агент в Бухаре — 86.

Червинский — 85.

Черевин — 20, 56, 113, 124, 136, 155, 193, 241, 246, 275, 276, 305.

Черногорский — см. Николай I, князь черногорский.

Черчиль, Рандольф-Генри, лорд (1849 — 1895), сын герцога Мальборо, англ. госуд. деятель, крайний консерватор, был председателем национального союза консервативных обществ. В 1885 г. состоял статс-секретарем Индии. В 1886 г. сделался канцлером казначейства и председателем нижней палаты — 37.

Шакир-паша — турецкий посол при русском дворе в Петербурге — 39, 40, 44, 45, 142, 215.

Шарко, Жан-Мартин (1825—1893)—знам. франц. врач. С 1882 г. занимал в Париже специально для него учрежд. кафедру первых болезней — 96.
Шарм — 148.
Шварц — 61, 109, 116, 127, 129, 130, 131. 170, 203, 239, 347.
Шварц, Бертольд — францисканский монах из Фрейбурга, занимался химией и изобрел будто бы порох. Порох однако был известен уже раньше. Шварц скорее является изобретателем огнестрельного оружия — 216.
Шварц, Мария — 124, 135.
Швейниц, Ганс Лотар (род. в 1822 г.) — нем. дипломат. В 1869 г. был посланником и в 1871 г. послом в Вене. С 1876 г. был чрезвычайным и полномочным послом в России, вышел в отставку в 1893 г. — 5, 7, 10, 31, 32, 36, 41, 44, 46, 51, 52, 56, 60, 63, 69, 76, 78, 81, 95, 96, 98, 99, 114, 128, 160, 225, 226, 231, 234, 237, 239, 241, 247, 259, 262, 274, 285, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 306, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 323, 328, 347, 363.
Шебеко, Николай Игнатьевич — ген.-лейт., тов. министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жанд., завед. полицией — 83, 171, 199, 346, 348, 351.
Шевич, Дмитрий Егорович — в зв. камергера, русский чрезвыч. и полномочн. министр в Японии — 181, 182, 236.
Шелкинг — 209.
Шереметев, Александр — 138.
Шереметева, Елена Григорьевна (урожд. Строганова) — 57, 187, 346, 348, 361.
Шереметев, Владимир Алексеевич — полковник л.-гв. гусарского полка — 346.
Шернваль, Канут Генрихович — барон, член совета мин. путей сообщения — 122.
Шестаков, Иван Алексеевич (1820—1888) — госуд. деятель и писатель. В 1856 г. командировался в Сев.-Амер. Соед. Штаты по делу постройки фрегата «Генерал-Адмирал», позднее был командиром этого фрегата. В 1863 г. принимал участие в работах по вооружению Кронштадта, был членом учетного и кораблестроит. комитетов в Петербурге. В 1866 г. был градоначальником в Таганроге, затем два года губернатором в Вильне; после непродолжительной отставки поступил на службу военно-морским агентом в Австрию и Италию. После поездки в порты Франции и Англии был вызван в Петербург для председательствования в корабельностроительном отделении морского комитета. В 1882 г. назначен управляющим морским министерством. Работал по восстановлению черноморского и усилению балтийского флотов. В 1888 г. произведен в адмиралы. Автор ряда ученых и литер. работ — 3, 54, 59, 122, 123, 132, 135, 144.
Шишкин, Николай Павлович — русский чрезвыч. посланник и полномочный министр в Стокгольме — 72, 86, 158, 159, 160, 161, 163, 196, 205.
Шлецер — 56.
Шмидт — моряк — 306.
Шодорди, Жан-Батист-Александр-Дамаз (1826—1899) — граф, французск. политич. деятель-дипломат. Был посланником в разных странах, директором кабинета в мин. иностр. дел. После падения империи был членом делегационного правительства в Туре. В 1881 г. был посланником в Петербурге, в 1882 г. вышел в отставку — 79, 152, 160, 186.
Штакельберг — 139.
Шувалова, графиня — см. Елена Шувалова.

Шувалов, Павел Андреевич (род. в 1830 г.) — граф, ген.-адъют. член Госуд. Совета, с 1885 по 1894 г. полномочный посол в Берлине — 4, 9, 11, 12, 24, 25, 31, 32, 33, 34, 35, 41, 43, 46, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 87, 91, 98, 104, 106, 109, 120, 138, 149, 161, 164, 173, 184, 185, 186 192, 205, 206, 213, 214, 219, 226, 247, 267, 272, 274, 276, 281, 282, 284, 285 286, 287, 289, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 302, 306, 308, 310, 312, 313, 314, 315, 318, 321, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332.

Шувалов, Петр Андреевич (1827—1889) — граф, администрат. деятель и дипломат. С 1866 г. член Госуд. Совета, с 1874 по 1879 г. посол в Великобритании — 19, 20, 22, 23, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 54, 55, 160, 161, 166, 167, 171, 175, 176, 189, 190, 191, 192, 194, 255.

Щеглов, Андрей Николаевич — секретарь и драгоман, в звании камер-юнкера, в русском генеральн. консульстве в Египте — 188, 189.

Эдинбургская, Мария Александровна (род. в 1853 г.) — сестра Александра III, жена герцога Альфреда Эдинбургского — 153, 259, 263, 264.

Эмма-Адельгейда-Вильгельмина-Тереза — королева - регентша Нидерландов (род. в 1858 г.) — 343.

Эпден, возможно, Николай Николаевич — тов. обер-прокурора кассационного департамента правит. сената — 140.

Эрнрот — 208.

Эрнест саксен-веймарский, принц — 206, 208, 244, 255.

Эссен, Отто Антонович — чиновник особых поручений при мин. иностр. дел.

Юрьевская, Екатерина Михайловна — светл. княг., урожд. княжна Долгорукова, морганатическая супруга Александра II — 14, 154.

Юрьевский, Георгий Александрович — князь, внебрачн. сын Александра II и княгини Екатерины Михайловны Юрьевской, урожд. Долгоруковой — 208, 209.

Якоби, Вал. Ив. — проф. живописи имп. академии художеств — 245, 246, 259, 260.

Яковлев — 25.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие *Ф. А. Ротштейна*	III — X
От редакции	XI
Дневник В. Н. Ламздорфа за 1886 г.	3— 28
» » » 1887 »	29— 84
» » » 1889 »	85—256
» » » 1890 »	257—367
Именной указатель	369—395